Институт Права

ПРАВО
в эпоху ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 35-летию института права

18–22 мая 2026 года

ЧАСТЬ 1

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»
Институт права
Челябинское региональное отделение общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»
Челябинская областная коллегия адвокатов «Академическая»

ПРАВО В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Сборник научных статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 35-летию института права
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

18–22 мая 2026 года
Челябинск

В двух частях
Часть 1

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2026

УДК 34
ББК Х
П685

Редакционная коллегия:
А. А. Великий, директор института права Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;
В. В. Гришмановский, исполнительный директор, руководитель аппарата Челябинского регионального отделения Ассоциации юристов России;
И. В. Казаков, президент Адвокатской палаты Челябинской области;
М. Г. Янин, председатель Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая», старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета;
Е. Н. Кузнецов, заведующий учебно-научной лабораторией правовых исследований кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
К. М. Коваль, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета

Право в эпоху трансформации общества : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 35-летию ин-та права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (18–22 мая 2026 г., Челябинск) : в 2 ч. Ч. 1 / под общ ред. К. М. Коваль. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. — 239 с.
П685
ISBN 978-5-7271-2165-8 (ч. 1)
ISBN 978-5-7271-2164-1
DOI 10.47475/9785727121658

Представлены результаты исследований по актуальным направлениям юридической науки и практики: от теории права и международного права до уголовного, гражданского и трудового права. Особое внимание уделено правовым последствиям масштабных общественных трансформаций — прежде всего цифровизации, геополитических изменений и новых социальных вызовов. Авторы рассматривают вопросы регулирования цифровой экономики и цифровых доказательств, правового статуса новых объектов (интернет-аккаунтов, цифрового рубля), трансформации уголовного процесса и криминалистики под влиянием технологий, а также проблемы защиты трудовых, имущественных и личных неимущественных прав в современных условиях.

Отдельные блоки посвящены историко-теоретическим и сравнительно-правовым исследованиям, включая эволюцию правовых институтов, анализ зарубежного опыта и развитие доктринальных подходов. Практико-ориентированные работы содержат анализ судебной практики, выявление пробелов законодательства и предложения по его совершенствованию.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических направлений, а также практикующим юристам и государственным служащим.

УДК 34(082)
ББК Х.я43

Издание включено в наукометрическую базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия и организационный комитет благодарят директора института права ЧелГУ, кандидата юридических наук, доцента ***Андрея Анатольевича Великого****; исполнительного директора, руководителя аппарата Челябинского регионального отделения Ассоциации юристов России* ***Валерия Владимировича Гришмановского****; президента Адвокатской палаты Челябинской области* ***Ивана Захаровича Казакова*** *за организационную поддержку конференции, содействие в подготовке сборника и создание условий для продуктивной научной дискуссии.*

Редакционная коллегия и организационный комитет конференции могут не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы публикаций.

ISBN 978-5-7271-2165-8 (ч. 1)
ISBN 978-5-7271-2164-1

© Челябинский государственный университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Агаян В. А., Пантюшенко Ю. И.
Международно-правовое сотрудничество в сфере предупреждения и пресечения биологических угроз антропогенного характера 8

Винникова Р. В.
Российская и зарубежная доктрина о кризисе международного права: причины, проблемы и перспективы 10

Иванников И. А., Захаров А. Ю.
Политико-правовые основы национальной безопасности России в условиях современных глобальных вызовов 13

Кадырова Н. Н.
Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: вопросы права и практики 17

Кузнецов Е. Н.
Тенденция к национализации активов субъектов предпринимательской деятельности как фактор стабилизации правовых основ российской государственности 19

Макашова Т. П.
Особенности реализации своих функций адвокатом свидетеля при осуществлении дознания 25

Пильников С. Г., Захарова А. Ю.
Уголовно-правовое регулирование ответственности и предупреждения фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности со стороны оперативных сотрудников ФСИН Российской Федерации 30

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕКЦИЯ «ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Акбашев И. Р., Зарипова К. М.
Дисциплинарные взыскания и порядок их применения 37

Алтынбекова Г. И., Халитова А. Т.
Проблема защиты трудовых прав работников: защита с помощью профсоюзного контроля 39

Алькова П. М., Кухарь Н. М.
Развитие единой системы государственной регистрации права на недвижимость 42

Апанович А. А., Молодцова Я. Д.
Особенности увольнения несовершеннолетних работников по инициативе работодателя . . 46

Асташкина Е. Д.
Геномная информация как вид персональных данных 49

Афанасьева Д. А., Шуйтасова Л. Е.
Специальные права потребителей при исполнении договора розничной купли-продажи . . . 52

Ахатова А. Р., Ситдикова А. А.
Проблемы кадастровой оценки земель 54

Бельская В. П.
Правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации 58

Биган А. С.
О некоторых аспектах гражданско-правового положения интернет-аккаунта в условиях цифровизации 60

Бичурина Э. Р., Смирнова П. В.
Цифровой рубль: правовые проблемы регулирования в условиях цифровизации финансовой системы Российской Федерации 63

Бралиев И. И., Ибрагимова Л. М.
Цифровые доказательства в административном судопроизводстве: критерии допустимости и оценки 66

Вагидов А. Н.
К вопросу о соотношении процентов за пользование коммерческим кредитом, законных процентов и неустойки в договоре 69

Григоренко А. А., Камолова Р. Ш.
Актуальные вопросы регулирования труда в условиях цифровой экономики. 72

Лохман Е. В., Деньгоф А. В.
Правовые основы регулирования дистанционной работы по трудовому праву 76

Джлавян К. Н., Шмакова Д. Р.
Подделка доказательств в рамках гражданского судопроизводства и механизмы ее разрешения в условиях развития электронного документооборота 79

Кольцова Е. В.
К вопросу о порядке удостоверения доверенностей осужденных начальниками учреждений уголовно-исполнительной системы 81

Кораблева А. Е.
Эрозия публичности: ограничение общественного участия в сфере землепользования и градостроительства 84

Кустов М. А.
Встречные и обусловленные исполнения обязательств как элементы правового механизма обязательственных отношений 87

Лежникова Д. В.
Проблемы заключения и реализации договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет» 91

Мальковский Т. А., Орлов Н. Г.
О некоторых вопросах реализации контрафактной продукции на Wildberries и ответственности за такую деятельность 94

Мальковский Т. А., Фролов Д. А.
Вопрос участия прокурора по делам о признании безвестно отсутствующим, объявления умершим при проведении боевых действий 97

Мелешин Д. С., Чайковский А. Ю.
Роль прокурора в административном судопроизводстве: российская модель, статистика и судебная практика 99

Никулина А. М.
Проблемы и пути совершенствования законодательства в области защиты вещных прав на недвижимое имущество 102

Носкова А. С., Фомина К. И.
К вопросу о проблеме квалификации неудовлетворительного эстетического результата медицинской услуги: объективные критерии некачественности и субъективное мнение пациента как основания для юридической оценки 105

Шамилян А. А., Нуриахметова Р. Р.
Способы защиты социально-трудовых прав работников 108

Павлова В. А., Распопова В. О.
Об особенностях сверхурочной работы 111

Пискунова А. Д.
О некоторых вопросах первоначальной и последующей невозможности исполнения обязательств 113

Свиридонова В. С., Сейфудинова Э. И.
Производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным: особенности участия прокурора 116

Соколова В. А., Гаджиева Р. Б.
Дискриминация работников при премировании 119

Соколова Е. С., Пикалов Я. И.
Судейская дискреция в гражданском процессе 121

Соколова Е. С., Пикалов Я. И.
Правовое регулирование трансграничной перевозки тела умершего для научных, медицинских и учебных целей: гражданско-правовой аспект 123

Султанова Л. С., Щенникова А. С.
Сравнительный анализ предварительного судебного заседания и судебной беседы в рамках подготовки гражданского дела к судебному разбирательству 128

Тингаева Ж. А.
Проблемы идентификации личности участника судебного процесса при использовании видео-конференц-связи в гражданском судопроизводстве 130

Толмачева А. И.
Право собственности некоммерческих организаций: актуальные аспекты и векторы развития. 133

Урдабаева В. В.
К вопросу о добросовестности сторон при дистанционном заключении кредитного договора. 135

Филатов М. И., Хайков А. С.
Ограничения абсолютного права собственности в отношении земли в Российской Федерации и США. 139

Худяков Д. Д.
Институт недействительности сделок: современные тенденции и проблемы применения 145

Юлдашбаев Д. Р.
О вопросе изменения подходов к договору страхования в Гражданском кодексе Российской Федерации. 147

СЕКЦИЯ «ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Блинов Д. Р.
Правовой механизм защиты и сохранения морской среды при возникновении морских аварий 151

Боос Л. Г.
Типичные нарушения, выявляемые в ходе прокурорского надзора за соблюдением законодательства о защите конкуренции 154

Борисенко А. И.
Международно-правовые аспекты неприкосновенности частной жизни и прав человека при проведении морских спасательных операций 157

Ботева П. М.
Антикоррупционное правосознание: теория и практика. 159

Будаков Р. М.
Концептуально-правовые основы единства многонационального народа современной России 162

Вакин Д. Е.
Эволюция института вины в условиях цифровизации. 164

Володченкова Д. Д.
Отдельные вопросы взаимодействия прокуратуры с органами жилищного надзора и с органами муниципального жилищного контроля 167

Гутин К. Л.
Проблемы применения компенсаторных механизмов Конституционного Суда Российской Федерации в сфере избирательных прав граждан 170

Данилов Р. В.
Правовые особенности цифровой экономики Китая 173

Дресвянникова В. А.
Регулирование деятельности IT-платформ как элемент цифрового конституционализма: публично-правовое измерение. 176

Злобина Д. С.
К вопросу о рисках при реализации стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в условиях трансформации общества: правовой аспект 179

Исаев А. З.
Конституция Российской Федерации как фундаментальная основа принципа законности 181

Исаев А. З.
Правовые доктрины социального обеспечения: гарантированное право на комплексную реабилитацию и социальную реадаптацию действующих и бывших участников специальной военной операции (СВО). 184

Гордеева Е. С., Казадаева А. А.
Отдельные вопросы реализации национальных проектов в защиту Волги 186

Ковалева Н. А.
Налогообложение на присоединенных территориях РФ: сравнительно-правовой анализ . . 189

Шамоян И. А., Кораблева А. Е.
О проблеме нарушения принципа неотвратимости административного наказания 191

Корнющенкова А. Г.
Особенности реализации конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в условиях современных вооруженных конфликтов 194

Коробчук А. И.
Конституционные гарантии права на охрану здоровья и медицинскую помощь: сущностные черты и сложности практической реализации 197

Красносельская С. Е., Изместьева М. Е.
О некоторых проблемах регулирования цифровых технологий и криптовалюты 200

Кужахметова А. А., Рузаева Е. М.
Защита прав и интересов участников государственных закупок в судебных инстанциях . . 203

Кунгурова Е. Е.
Правовые последствия нарушения права на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни при компрометации информации в ГАС «Правосудие» 205

Лазукова А. Д.
Современная монархия: сохранение или кризис 208

Погосян А. А., Лапко В. В.
Компенсация морального вреда в условиях цифровизации: новые основания и критерии 211

Литвинов А. П.
Актуальные направления развития теории объектов правоотношений в современной юридической науке 213

Малахов И. С.
Влияние цифровой трансформации на принцип независимости прокурора 216

Медведева М. А.
Воспитательная функция государства в современном российском обществе 219

Панарина И. В.
О проблеме обеспечения конституционной легитимности и сохранения тайны волеизъявления при дистанционном электронном голосовании в Российской Федерации 221

Пархоменко А. Р.
Конституционно-правовые аспекты ограничения прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций 224
Пермякова К. А.
Право и справедливость 227
Пискунова А. Д.
Сравнительный анализ Конституции РФ 1993 года и Основного закона ФРГ 1949 года 230
Пичугина В. Э., Савинкова А. Е.
Проблемы доказывания в экологических спорах: процессуальные вызовы административного судопроизводства 233
Черных Я. П., Попова О. В.
Информационное пространство и его значение в условиях геополитической борьбы 236

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Международно-правовое сотрудничество в сфере предупреждения и пресечения биологических угроз антропогенного характера

В. А. Агаян, Ю. И. Пантюшенко

Ростовский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону

Аннотация. Проводится комплексный анализ современного состояния международно-правового сотрудничества в сфере предупреждения и пресечения биологических угроз антропогенного характера. Исследуются пробелы и коллизии в действующем международном праве, обусловленные стремительным развитием биотехнологий, двойственным характером научных исследований и недостаточной эффективностью существующих контрольных механизмов.

Ключевые слова: *международное право, биобезопасность, биологические угрозы, антропогенный характер, Конвенция о биологическом оружии, двойные технологии, международное сотрудничество, правовой режим.*

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным прогрессом в области биологических наук и технологий. Однако параллельно с открывающимися возможностями для улучшения здоровья человека и состояния окружающей среды растут и риски, связанные с непреднамеренным или умышленным причинением вреда с использованием биологических агентов. Биологические угрозы антропогенного характера, под которыми понимаются риски, возникающие в результате человеческой деятельности, включая случайное высвобождение патогенов из лабораторий, умышленное создание и применение биологического оружия, а также использование достижений синтетической биологии в преступных или террористических целях, становятся одним из наиболее серьезных вызовов международной безопасности[1].

Актуальность темы обусловлена нарушением режима биобезопасности в научных учреждениях, а также гипотетической возможностью создания патогенов с заданными свойствами методами генного редактирования (например, CRISPR-Cas9), что демонстрирует недостаточную эффективность существующих международно-правовых механизмов. Сложившаяся после принятия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее — КБТО) в 1972 г. правовая архитектура не в полной мере отвечает современным реалиям[2].

Ядром международно-правового режима противодействия биологическим угрозам остается КБТО. Несмотря на свою универсальность (на 2025 г. — 189 государств-участников)[3], конвенция обладает рядом фундаментальных недостатков. Во-первых, в ней отсутствует механизм проверки соблюдения

[1] Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 5 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-ugrozy-i-biologicheskaya-bezopasnost (дата обращения: 01.09.2026).

[2] Edwards B., Novossiolova T., Crowley M., Whitby S., Dando M., Shang L. Meeting the Challenges of Chemical and Biological Weapons: Strengthening the Chemical and Biological Disarmament and Non-proliferation Regimes // Edited by: Luca Corazzini, Ca' Foscari University of Venice, Italy. April 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/360222834_Meeting_the_Challenges_of_Chemical_and_Biological_Weapons_Strengthening_the_Chemical_and_Biological_Disarmament_and_Non-proliferation_Regimes (дата обращения: 01.09.2026).

[3] Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction: Adopted at: London, Moscow and Washington Date of adoption: 10 April 1972 Depositaries: Government of the United Kingdom, Government of the Russian Federation, Government of the United States of America. URL: https://treaties-unodaorg.translate.goog/t/bwc?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=rq&_x_tr_hist=true (дата обращения: 01.09.2026).

ее положений. Попытка создания такого механизма в виде Протокола по проверке была заблокирована в 2001 г. Это создает правовой вакуум, позволяющий государствам-участникам осуществлять деятельность, вызывающую озабоченность у международного сообщества, без возможности действенного контроля.

Во-вторых, КБТО не содержит прямого запрета на исследования двойного назначения, что является ключевой проблемой в эпоху стремительного развития биотехнологий. Понятие «двойных технологий» (Dual-Use Research of Concern — DURC) подразумевает научные изыскания, изначально направленные на благие цели (например, разработка вакцин или методы генной терапии), результаты которых могут быть использованы для создания биологического оружия. Современные методы синтетической биологии позволяют не только реконструировать вирусы-возбудители опасных заболеваний (как в случае с вирусом оспы лошадей в 2017 г.), но и целенаправленно усиливать их патогенность, трансмиссивность или устойчивость к лечению[1]. Действующее международное право не содержит четких критериев для разграничения законных исследований от потенциально опасных, что порождает правовую неопределенность и подрывает доверие между государствами.

В-третьих, наблюдается фрагментарность правового регулирования. Помимо КБТО, отдельные аспекты биобезопасности затрагиваются в Международных медико-санитарных правилах (2005 г.), регулирующих вопросы реагирования на вспышки заболеваний, а также в ряде региональных соглашений и мягкого права (soft law), таких как кодексы поведения ученых-биологов[2]. Однако отсутствие единого координирующего центра и синхронизации между этими режимами снижает общую эффективность противодействия угрозам[3].

Проблема усугубляется тем, что национальные законодательства в сфере биобезопасности существенно различаются по своей строгости и охвату. В то время как одни государства внедряют сложные системы лицензирования и контроля за работами с патогенами, в других странах нормативная база может практически отсутствовать, создавая «убежища» для потенциально опасной деятельности. Эта правовая асимметрия используется в качестве одного из основных аргументов противниками создания более жесткого международного режима, которые указывают на возможность переноса соответствующих исследований в юрисдикции с более мягким регулированием.

Еще одной значимой проблемой является растущий негосударственный акторский потенциал. Угроза биологического терроризма сегодня выглядит более реальной, чем когда-либо, в связи с относительной доступностью научного оборудования и информации. Декларации, подобные «Глобальной декларации по усилению мер по нераспространению в связи с пандемией COVID-19», принятой в рамках ООН, носят рамочный характер и не создают конкретных правовых обязательств для государств по пресечению деятельности негосударственных актов[4].

Таким образом, действующий международно-правовой режим характеризуется реактивным, а не превентивным подходом; отсутствием действенных механизмов верификации и контроля; неспособностью адекватно реагировать на вызовы, порождаемые двойными технологиями и научным прогрессом; а также фрагментарностью и асимметричностью регулирования на национальном уровне.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующая система международно-правового сотрудничества в сфере предупреждения биологических угроз антропогенного характера не в полной мере соответствует масштабу и характеру современных вызовов. Преодоление выявленных системных проблем требует не косметических изменений, а качественно нового подхода к правовому регулированию.

Исходя из этого, сформулированы следующие предложения по укреплению международно-правового режима биобезопасности:

1. Усиление мер доверия в рамках КБТО. В качестве промежуточной меры необходимо активизировать работу по расширению и детализации существующих форм доверия (Confidence-Building Measures — CBMs). Государства-участники должны предоставлять более подробную информацию не только о своих оборонных программах, но и о гражданских исследовательских центрах, работающих с патогенами повышенной опасности, а также о случаях серьезных инцидентов с нарушением режима биобезопасности.

[1] Sun T., Song J., Wang M., Zhao C., Zhang W. Next Generation Biothreats: Engineering and Governance Challenges // Journal of Biosafety and Biosecurity. 2022. Vol. 4, Is. 1, p. 59–67. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2588933822000036 (дата обращения: 01.09.2026).

[2] Международные медико-санитарные правила (2005 г.) // Всемирная организация здравоохранения. — URL: https://www.who.int/ru/publications/b/31508 (дата обращения: 01.09.2026).

[3] Захаров Т. В. Предпосылки и условия сотрудничества государств в сфере биологической безопасности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. № 2.

[4] Global Declaration on Strengthening Non-Proliferation Measures in the Context of the COVID-19 Pandemic: принята на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Резолюция A/RES/76/25 от 15.12.2022. URL: https://undocs.org/Home/Mobile? FinalSymbol = A%2FRES%2F76 %2F25&Language = E&DeviceType = Desktop&LangRequested = False (дата обращения: 01.09.2026).

2. Создание Международного научно-консультативного комитета по биобезопасности. При будущей Конвенции или в рамках структур ВОЗ/ООН целесообразно учредить независимый орган, состоящий из ведущих ученых, юристов и экспертов по этике. Его задачей будет оперативная оценка новых технологических достижений с точки зрения возникающих рисков и подготовка рекомендаций для государств по актуализации нормативной базы.

3. Развитие международного сотрудничества в области подготовки кадров и обмена лучшими практиками. Необходимо укреплять потенциал развивающихся стран в области биобезопасности и бионадзора через программы технической помощи, совместные учения и образовательные инициативы. Это позволит снизить риски, связанные с правовой асимметрией, и создать более равные условия для всех участников международного сотрудничества.

Внедрение данных мер позволит перейти от реактивной к проактивной модели международно-правового регулирования, способной не только адекватно реагировать на уже возникшие инциденты, но и эффективно предупреждать возникновение биологических катастроф антропогенного характера. Укрепление правовых основ глобальной биобезопасности является не просто технической задачей, но императивом обеспечения выживания и устойчивого развития человечества в XXI в.

Сведения об авторах

Агаян Виолетта Арсеновна — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону.

Пантюшенко Юлия Ивановна — Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону.

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN PREVENTING AND SUPPRESSING ANTHROPOGENIC BIOLOGICAL THREATS

V. A. AGAYAN, Y. I. PANTYUSHENKO

The Rostov Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the current state of international legal cooperation regarding the prevention and suppression of anthropogenic biological threats. It examines gaps and conflicts in existing international law arising from the rapid development of biotechnology, the dual-use nature of scientific research, and the insufficient effectiveness of existing control mechanisms.

Keywords: *international law, biosafety, biological threats, anthropogenic nature, Biological Weapons Convention, dual-use technologies, international cooperation, legal regime.*

Российская и зарубежная доктрина о кризисе международного права: причины, проблемы и перспективы

Р. В. Винникова

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Тема кризиса международного права не нова и имеет длительную историю. Последнее десятилетие российские юристы-международники отмечают такие кризисные явления, как фрагментация международного права (создание узких отраслевых режимов, которые мало связаны или противоречат друг другу), национализация международного права (результат имплементации международных норм в национальное законодательство у государств может сильно разниться), деформализация международного права (договоры государств подменяются декларациями и «мягким правом»). Зарубежные академические исследования кризиса международного права сфокусированы на вопросах фрагментации, ограничения механизмов принуждения и в целом на неспособности Вестфальской системы реагировать на вызовы современности. Мнения большинства ученых сходятся в том, что современное международное право переживает кризис, но есть различия

в констатации проявлений кризиса и, отсюда, характера его последствий. Различия в подходах ведут к разнице в оценках легитимности текущих процессов. В первом случае ученые говорят о нарушениях международного права, во втором — о его разрушении. Одновременно часть юристов-международников отрицают кризис международного права, считая, что в свете происходящих событий оно стало еще более актуальным. Наша страна для защиты и продвижения своих интересов использует международные институты гораздо менее эффективно, чем другие государства.

Ключевые слова: *кризис международного права, доктрина, международно-правовой дискурс, фрагментация.*

Тема кризиса международного права не нова и имеет длительную историю. Дискуссия оживляется в определенные исторические периоды, часто связанные с вооруженными конфликтами. Достаточно вспомнить статью «Мертво ли международное право?», опубликованную New York Times во время Первой мировой войны в 1915 г.[1]

Появление в 1917 г. на политической карте мира Советского государства, отрицавшего правопреемство после Российской империи и выдвинувшего новые принципы международного общения (мир без аннексий и контрибуций, мирное сосуществование государств с различными социально-экономическими системами и др.), также вызвало волну заявлений о крахе международного права.

В этот период выходит знаменитая статья «Кризис международного права»[2] профессора С. А. Котляревского, опубликованная в первом номере журнала «Право и жизнь» за 1922 г., в которой анализируются причины крушения классической международно-правовой системы начала XX в. (отсутствие сильного аппарата принуждения и всеобщих гарантий, бессилие доктрины европейского равновесия, глубокий кризис правосознания). Работа остается актуальной и в последнее время всё чаще используется в области правовых исследований.

О кризисе международного права писали весь двадцатый век и продолжают писать в двадцать первом как в России, так и за рубежом.

Последнее десятилетие российские юристы-международники долго и много говорят о таких кризисных явлениях, как фрагментация международного права (создание узких отраслевых режимов, которые мало связаны или противоречат друг другу), национализация международного права (результат имплементации международных норм в национальное законодательство у государств может сильно разниться), деформализация международного права (договоры государств подменяются декларациями и «мягким правом»), замена универсального международного права региональными правопорядками.

Зарубежные академические исследования кризиса международного права сфокусированы на вопросах фрагментации, ограничения механизмов принуждения и в целом на неспособности Вестфальской системы реагировать на вызовы современности.

Широкую дискуссию в академических кругах вызвала статья видного немецкого юриста-международника Анны Петерс «International Law and its Scholarship in the Time of Monsters» (Международное право и его наука в эпоху монстров)[3]. По мнению А. Петерс, международное право отступает под натиском геополитики, приобретая авторитарные черты, где сильные государства устанавливают свои правила. Она призывает ученых отстаивать и сохранять международное право как сдерживающий фактор имперских амбиций.

Работа испанского профессора права Рафаэля Доминго «The Crisis of International Law» (Кризис международного права)[4] — пример анализа дефектов международно-правовой системы в конкретной отрасли права человека.

Большинство ученых сходятся на том, что современное международное право переживает кризис, и здесь мы наблюдаем общий консенсус. Но есть различия в констатации проявлений кризиса и, отсюда, характера его последствий.

Чаще всего в международно-правовой литературе под кризисом понимается состояние, когда прежде работающие международные механизмы теперь «буксуют»: «регулирование международных (межгосударственных) отношений устарело, либо не учитывает возникающие проблемы, либо в международно-правовых нормах отсутствует подходящий механизм обеспечения их соблюдения»[5]. Эти «недостатки» можно и нужно устранить, предприняв определенные меры и приложив усилия,

[1] Is international law dead? URL: https://www.nytimes.com/1915/05/16/archives/is-international-law-dead-a-prominent-lawyer-analyzes-the.html (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Котляревский С. А. Кризис международного права // Право и Жизнь. М., 1922. Книга 1 (Июнь).

[3] Peters A. International Law in the Time of Monsters. URL: https://mpil100.de/2026/01/international-law-in-the-time-of-monsters/ (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Domingo R. The Crisis of International Law // Vanderbilt Law Review. 2021. Vol. 42. Art. 1543. URL: https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vjtl/vol42/iss5/4 (дата обращения: 15.03.2026).

[5] Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисы международно-правовой системы и их роль в развитии принципов и норм международного права: ретроспективный анализ // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2024. № 3. С. 835–846. https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.318(дата обращения: 15.03.2026).

и главный вопрос состоит в реализации и соблюдении международно-правовых принципов и норм[1].

Есть понимание кризиса как некой точки бифуркации: «кризисы можно рассматривать как катализатор продвижения международного права к новому этапу развития с целью обеспечения устойчивого и прогрессивного будущего для человечества»[2].

Вторая позиция заключается в том, что «международное право достигло критической (завершающей) стадии развития, <…> нормы международного права, выработанные на предшествующем этапе, не могут быть использованы для ответа на новые вызовы, а базовые идеи, являющиеся отправной точкой для формирования новых норм, полностью исчерпали свой креативный потенциал»[3].

Различия в подходах ведут к разнице в оценках легитимности текущих процессов. В первом случае ученые говорят о нарушениях международного права, во втором — о его разрушении.

Ведущие российские юристы-международники А. Я. Капустин, А. С. Исполинов[4], А. Х. Абашидзе, В. Н. Русинова, М. Л. Энтин[5] отрицают кризис международного права. А. Я. Капустин определяет кризис международного права как проявление кризиса миропорядка. Международный правопорядок каждый раз устанавливался в истории человечества после крупных войн. Если взять, например, международный правопорядок, установленный после Второй мировой войны, закрепленный в Уставе ООН и принятый государствами антигитлеровской коалиции, то сегодня былого единства государств антигитлеровской коалиции не наблюдается, нужны новые опоры для укрепления международного правопорядка. Международное право реально работает, когда решаются конкретные вопросы взаимного сотрудничества государства, и в значительной степени бездействует при решении ключевых, фундаментальных вопросов из-за политики западных стран. Западные страны пытаются внедрить концепцию мирового порядка, основанного на «правилах» («the rules-based international order»), а не на международных договорах.

Сторонниками нового подхода было провозглашено, что порядок, основанный на Уставе ООН, устарел. Государства разделились на два больших лагеря — принимающих или не принимающих новую концепцию международного права.

В. Н. Русинова отметила, что другие государства используют международное право более эффективно, чем Россия. Во многих правовых документах существуют нормы, к которым Россия не обращалась очень долгое время. В. Н. Русинова призывает активно работать во всех организациях и на всех тех площадках, где обеспечивается соблюдение международного права и где это общее международное право сегодня реально формируется. Сегодня России нужна обдуманная долгосрочная стратегия, связанная с развитием инициатив универсального характера. Имеется огромное количество тем, по которым Россия может выступить с такими инициативами. Также следует учитывать возрастающие возможности регионализма.

Сведения об авторе

Винникова Рушания Василовна — доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[1] См., например, Сайфуллин Э. Международное право умерло, да здравствует международное право! URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnoe-pravo-umerlo-da-zdravstvuet-mezhdunarodnoe-pravo/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Дорская А. А., Дорский А. Ю. Способы преодоления кризисных явлений в международном праве: анализ исторического опыта // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2 (54). С. 49–59.

В. Путин: «Кризис международного права, о котором сейчас говорят, это в некотором смысле кризис роста, подъем народов и культур, которые раньше по тем или иным причинам оставались на политической периферии, означает что их собственные, самобытные представления о праве и справедливости играют все более весомую роль» (См.: Путин: кризис международного права — это кризис роста выступление на заседании «Валдая» 07.11.2024 г. в Сочи. URL: https://tass.ru/politika/22345003 (дата обращения: 15.03.2026))

[3] Толстых В. Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 123.

[4] Исаков В. Б. Кризис международного права и будущее мироустройство: обзор аналитической сессии юристов-международников (часть первая) // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 2. С. 379–389. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(2).379-389. EDN VBVLCC

[5] Исаков В. Б. Кризис международного права и будущее мироустройство: обзор аналитической сессии юристов-международников (часть вторая) // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 3. С. 560–571. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(3).560-571. EDN EXHORQ

RUSSIAN AND FOREIGN DOCTRINE ON THE CRISIS OF INTERNATIONAL LAW: CAUSES, PROBLEMS, AND PROSPECTS

R. V. VINNIKOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The topic of the crisis in international law is not new and has a long history. Over the past decade, Russian international lawyers have highlighted such crisis-related phenomena as the fragmentation of international law (the creation of narrow sectoral regimes that are loosely connected or even contradictory), the nationalization of international law (where the implementation of international norms into domestic legislation varies significantly among states), and the de-formalization of international law (where state treaties are being supplanted by declarations and "soft law"). Foreign academic studies on the crisis of international law focus on issues of fragmentation, the limitations of enforcement mechanisms, and the general inability of the Westphalian system to respond to modern challenges. Most scholars agree that contemporary international law is undergoing a crisis, yet there are differing views regarding the manifestations of this crisis and, consequently, the nature of its consequences. These divergent approaches lead to differing assessments of the legitimacy of current processes: some scholars speak of violations of international law, while others speak of its destruction. At the same time, some international lawyers deny the existence of a crisis, arguing that, in light of unfolding events, international law has become even more relevant. Our country utilizes international institutions far less effectively than other states to protect and advance its interests.

Keywords: *crisis of international law, doctrine, international legal discourse, fragmentation.*

Политико-правовые основы национальной безопасности России в условиях современных глобальных вызовов

И. А. Иванников, А. Ю. Захаров
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Министерства юстиции России), Сочи

Аннотация. В современном мире национальная безопасность является ключевым аспектом устойчивого развития государства. Россия, как крупная мировая держава, сталкивается с разнообразными глобальными вызовами, которые требуют тщательного анализа и разработки эффективных политико-правовых механизмов их нейтрализации. Цель данной статьи — исследовать политико-правовые основы обеспечения национальной безопасности России и оценить их эффективность в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: *национальная безопасность, государство, Россия, глобальные вызовы, политико-правовые механизмы.*

Национальная безопасность — это состояние защищённости национальных интересов страны от внутренних и внешних угроз. Она включает в себя: защиту суверенитета и территориальной целостности; обеспечение политической стабильности; защиту экономических интересов; охрану прав и свобод граждан; противодействие терроризму и экстремизму; решение проблем кибербезопасности и др. Значение национальной безопасности для России заключается в обеспечении устойчивого развития страны, защите её интересов на международной арене и создании условий для благополучия граждан.

Политико-правовые основы национальной безопасности включают: Конституцию РФ, которая закрепляет основные принципы государственного устройства, права и свободы граждан, а также механизмы защиты суверенитета; федеральные законы, такие как Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, который определяет основные принципы и направления государственной политики в области безопасности; Стратегию национальной безопасности РФ, утвержденную Президентом РФ, которая определяет приоритеты и цели государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности; другие нормативные правовые акты, регулирующие отдельные аспекты национальной безопасности (законы о противодействии терроризму, экстремизму, о защите информации

и т. д.)[1]. Конституция Российской Федерации образует не только формально-юридический, но и ценностно-нормативный фундамент обеспечения национальной безопасности. Поправки 2020 г. и последующие изменения 2022 г. существенно уточнили конституционную модель защиты суверенитета, территориальной целостности и государственного единства[2]. В частности, конституционное закрепление принципов исторической преемственности, защиты памяти предков, недопустимости умаления значения подвига народа при защите Отечества формирует идеологически нейтральную, но ценностно определённую основу национальной идентичности. Это важно потому, что национальная безопасность не сводится к силовому или административному реагированию: она предполагает устойчивое воспроизводство правовых, культурных и социальных основ государства. Конституционные нормы о суверенитете и территориальной целостности находятся в системной связи с положениями о недопустимости исполнения решений межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ. Данный механизм имеет принципиальное значение в условиях геополитического давления и санкционных ограничений. Он позволяет сохранять верховенство национальной конституции при сохранении открытости к международному сотрудничеству, основанному на взаимном уважении и учёте интересов. Тем самым создаётся правовой баланс между участием России в международных институтах и защитой её национального суверенитета[3]. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, конкретизирует конституционные начала применительно к современным угрозам. В ней национальная безопасность рассматривается как система взаимосвязанных элементов: обороноспособность, государственная и общественная безопасность, экономическая, информационная, экологическая, демографическая и культурная безопасность. Такой подход требует согласованного действия всех ветвей власти, а не только силовых структур. Правовое обеспечение безопасности становится комплексной задачей, охватывающей законодательство, правоприменение, научное прогнозирование и просвещение. Особое значение приобретает иерархия нормативных актов. Конституция РФ, федеральные конституционные законы, Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, отраслевые законы, указы Президента, постановления Правительства и стратегические документы должны образовывать непротиворечивую систему. Политико-правовые основы национальной безопасности реализуются через разветвлённую институциональную систему. Президент РФ как гарант Конституции, прав и свобод человека обеспечивает согласованное функционирование органов государственной власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики, руководит Советом Безопасности. Совет Безопасности выступает ключевым коллегиальным органом стратегического планирования и координации. Федеральное Собрание осуществляет законодательное обеспечение безопасности, Правительство организует исполнение законов и стратегических решений, а судебная система обеспечивает правовую защиту интересов личности, общества и государства. Наряду с этим значительную роль играют правоохранительные органы, органы безопасности, органы внешней разведки, войска национальной гвардии, МЧС, Банк России, а также органы государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления. В условиях федеративного устройства важно, чтобы федеральные, региональные и муниципальные уровни действовали по единым стандартам оценки угроз. Однако на практике сохраняются ведомственная разобщённость, дублирование функций и недостаточная оперативность обмена данными. Это особенно заметно в сфере информационного противодействия, кибербезопасности и противодействия экстремизму[4]. Для повышения эффективности институционального механизма целесообразно: закрепить в нормативных актах единые критерии оценки рисков и угроз, обязательные для всех уровней власти; создать межведомственные ситуационно-аналитические центры с общим защищённым контуром передачи данных; внедрить систему «паспортов безопасности» для критически важных объектов и территорий; развивать государственно-частное партнёрство в сфере безопасности, особенно в области киберзащиты и защиты инфраструктуры; усилить научно-экспертное сопровождение решений Совета Безопасности и профильных комитетов Федерального Собрания. Отдельного внимания требует кадровое обеспечение. Безопасность всё чаще становится междисциплинарной сферой, где требуются юристы, экономисты, инженеры, аналитики данных, специалисты по информационной безопасности и международным отношениям. Экономическая безопасность является материальной основой суверенитета. Санкционное давление, разрывы логистических цепочек, ограничения доступа к технологиям и финансовым рынкам требуют укрепления внутренней устойчивости. Это

[1] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.
[2] Конституция Российской Федерации (с изменениями от 04.10.2022).
[3] Петров П. П. Правовые механизмы защиты суверенитета. СПб. : Питер, 2024. 198 с.
[4] Иванов И. И. Национальная безопасность в условиях глобализации. М. : Юнити, 2023. 256 с.

предполагает развитие промышленности, энергетики, сельского хозяйства, транспортной инфраструктуры, финансовой системы и рынка труда. Правовыми инструментами здесь выступают антимонопольное регулирование, поддержка стратегических отраслей, защита инвестиций, контроль за иностранным участием в чувствительных секторах, а также меры по обеспечению технологической независимости. Технологический суверенитет не означает изоляцию. Речь идёт о способности государства и общества критически зависеть от внешних поставщиков в тех сферах, где это создаёт угрозу безопасности. Поэтому необходимы долгосрочные программы в области микроэлектроники, искусственного интеллекта, квантовых технологий, биотехнологий и энергетики. Правовая поддержка таких программ должна включать защиту интеллектуальной собственности, стимулирование исследований, государственно-частное партнёрство и подготовку инженерных кадров. Миграционные и демографические вызовы также требуют политико-правового ответа. Необходимо различать законную миграцию, трудовую мобильность и незаконное пересечение границы. Правовое регулирование должно обеспечивать безопасность границ, противодействие торговле людьми, адаптацию и интеграцию законных мигрантов, сохранение социальной стабильности. Важны языковые, культурные и правовые механизмы адаптации, а также контроль за соблюдением миграционного законодательства. Не менее значима демографическая политика, поддержка семьи, здоровья и образования, поскольку демографическая устойчивость является стратегическим ресурсом национальной безопасности. Экологические угрозы и изменение климата всё чаще рассматриваются как факторы безопасности. Для России особое значение имеют Арктика, зоны вечной мерзлоты, лесные пожары, паводки, промышленные аварии. Правовое обеспечение должно включать экологический мониторинг, ответственность за нарушение природоохранного законодательства, страхование рисков, защиту критической инфраструктуры от климатических воздействий. На международной арене Россия продолжает участвовать в универсальных и региональных форматах: ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и двусторонних механизмах. Международно-правовое сотрудничество необходимо для противодействия терроризму, экстремизму, киберпреступности, незаконному обороту оружия и наркотиков. Однако эффективность таких форматов зависит от взаимного уважения суверенитета и отказа от двойных стандартов. В условиях геополитических противоречий России важно развивать новые партнёрские связи и предлагать собственные правовые инициативы, направленные на равноправное обеспечение безопасности. Таким образом, дополнительный анализ показывает, что политико-правовые основы национальной безопасности России должны развиваться комплексно: через обновление законодательства, укрепление институциональной координации, обеспечение цифрового и технологического суверенитета, устойчивое экономическое развитие, продуманную миграционную и демографическую политику, экологическую ответственность и многовекторное международное сотрудничество. Только в единстве этих элементов национальная безопасность может быть не декларативной, а реально действующей гарантией устойчивого развития государства, защиты прав граждан и сохранения суверенитета России в условиях современных глобальных вызовов. Поэтому необходимо развивать магистерские программы, курсы повышения квалификации и межведомственные стажировки. Правовая осведомлённость государственных служащих и граждан также является фактором безопасности: чем выше уровень правовой культуры, тем меньше возможностей для манипулирования обществом и дестабилизации ситуации. Институциональная эффективность не может измеряться только числом принятых актов. Она должна оцениваться по способности системы предупреждать угрозы, быстро реагировать на них, минимизировать ущерб и восстанавливать нормальное функционирование государства и общества. В этом смысле необходима система непрерывного мониторинга, включающая количественные и качественные показатели: время реакции, полноту межведомственного обмена, долю отечественных технологий, уровень защищённости инфраструктуры, динамику правонарушений в информационной сфере и др. Однако практика показывает, что новые угрозы нередко опережают законодательную реакцию. Поэтому необходим механизм постоянного правового мониторинга, позволяющий выявлять пробелы и коллизии до того, как они становятся факторами уязвимости. В этом смысле конституционные новеллы 2020 г. и изменения 2022 г. следует рассматривать не как разовое изменение, а как отправную точку для дальнейшего развития законодательства о безопасности. Среди основных глобальных вызовов можно выделить[1]: геополитические конфликты и санкции; угрозы кибербезопасности и информационные войны; международный терроризм и экстремизм; экономические риски, связанные с зависимостью от внешних рынков; миграционные проблемы и культурные вызовы; экологические угрозы и изменение климата. Анализ показывает, что политико-правовые основы обеспечивают: чёткое определение угроз и приоритетов в области национальной безопасности;

[1] Сидоров А. А. Современные угрозы национальной безопасности России // Право и безопасность. 2024. № 2. С. 45–56.

создание институциональных механизмов для противодействия угрозам (спецслужбы, правоохранительные органы, системы киберзащиты); координацию действий различных ветвей власти и общества в целях обеспечения безопасности; правовую базу для международного сотрудничества в сфере безопасности. Тем не менее существуют и проблемы: необходимость постоянного обновления законодательства в ответ на новые угрозы; сложности в реализации международных соглашений из-за геополитических противоречий; потребность в повышении эффективности межведомственного взаимодействия. Для повышения эффективности политико-правовых основ необходимо: регулярно пересматривать и обновлять нормативно-правовую базу с учётом новых угроз и вызовов; укреплять международное сотрудничество в сфере безопасности, искать новые партнёрские отношения; повышать уровень кибербезопасности, разрабатывать новые технологии защиты информации; совершенствовать механизмы межведомственного взаимодействия и координации усилий в области обеспечения безопасности; проводить просветительскую работу среди населения, повышать правовую осведомлённость граждан.

Действующая система политико-правовых механизмов обеспечения национальной безопасности России демонстрирует высокую эффективность в следующих аспектах:

1. Оперативность реагирования на возникающие угрозы благодаря четкой вертикали власти и системе быстрого принятия решений.

2. Комплексный подход к обеспечению безопасности, охватывающий все сферы государственной жизни. Международное сотрудничество в рамках существующих форматов взаимодействия.

Однако существуют определенные проблемы и вызовы[1]:

1. Технологическое отставание в некоторых сферах кибербезопасности. Недостаточная координация между различными ведомствами в вопросах информационного противодействия.

2. Необходимость модернизации законодательной базы в соответствии с новыми угрозами.

Для повышения эффективности политико-правовых механизмов необходимо:

1. Укрепление суверенитета в цифровой сфере через развитие отечественных технологий[2].

2. Совершенствование системы прогнозирования угроз и оперативного реагирования на них.

3. Развитие международного сотрудничества в области безопасности с дружественными странами.

4. Повышение эффективности межведомственного взаимодействия через создание единых информационных платформ.

5. Усиление правовой защиты критически важной инфраструктуры.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие практические шаги[3]:

1. Разработка и внедрение новых нормативных правовых актов, учитывающих современные угрозы.

2. Создание системы непрерывного мониторинга эффективности действующих механизмов безопасности.

3. Усиление подготовки специалистов в области кибербезопасности.

4. Развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией об угрозах.

Таким образом, политико-правовые основы, прежде всего сама Конституция Российской Федерации в редакции 2020 г. с учётом конституционных изменений октября 2022 г., закрепляющих в статье 65 новые субъекты Федерации, являются фундаментом обеспечения национальной безопасности России. В условиях современных глобальных вызовов её роль становится ещё более значимой. Для эффективного противодействия угрозам необходимо комплексное решение, сочетающее обновление законодательства, укрепление международных позиций и повышение внутренней консолидации общества.

Сведения об авторах

Иванников Иван Андреевич — доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), Сочи.

Захаров Александр Юрьевич — магистрант 2-го курса факультета высшего образования Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), Сочи.

[1] Васильев Д. В. Институциональные механизмы обеспечения национальной безопасности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 34–45.

[2] Новикова Е. С. Кибербезопасность как приоритет государственной политики // Юридический мир. 2024. № 4. С. 78–89.

[3] Михайлов В. Н. Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности государства // Государство и право. 2024. № 3. С. 12–23.

THE POLITICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CHALLENGES

I. A. IVANNIKOV, A. Yu. ZAKHAROV
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Sochi

Abstract. In the modern world, national security is a key aspect of a state's sustainable development. Russia, as a major global power, faces a variety of global challenges that require careful analysis and the development of effective political and legal mechanisms to neutralize them. The aim of this article is to examine the political and legal foundations of ensuring Russia's national security and to assess their effectiveness in the context of modern challenges.

Keywords: *national security, state, Russia, global challenges, political and legal mechanisms.*

Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: вопросы права и практики

Н. Н. Кадырова
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. В настоящее время вопросы совершенствования отечественного уголовного законодательства, безусловно, отражают потребности государства и общества, но при этом отдельные формулировки Уголовного кодекса Российской Федерации не всегда в достаточной степени конкретны и однозначны, что следует из анализа как самих норм, так и практики их применения. Такая ситуация не остается без внимания ни со стороны ученых, ни со стороны правоприменителей, но ее решение в любом случае должно быть реализовано в сфере уточнения или изменения конкретных положений самого источника права, т. е. Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанные аспекты имеют прямое отношение к судебному штрафу, которому и посвящена данная научная статья.

Ключевые слова: *судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера.*

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации содержит достаточное количество нововведений как в рамках общей части, так и в рамках особенной, некоторые из которых до сих пор являются проблемными с точки зрения толкования и применения. К одной из таких новелл относится судебный штраф, выступающий с 2016 г. одновременно и мерой уголовно-правового характера, и самостоятельным основанием освобождения от уголовной ответственности, отдельные вопросы применения которого нашли свое разрешение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[1] и в опубликованном «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019)[2].

При этом значение судебного штрафа выходит за рамки уголовного права. Так, судебный штраф, относящийся к иным мерам уголовно-правового характера, выступает одним из самостоятельных оснований реализации комплекса мероприятий, направленных на ресоциализацию лиц, в отношении которых и был назначен судом судебный штраф, в объеме и целях, обозначенных в общем в ст. 25 Федерального закона «Об основах системы

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 21.04.2026).

[2] «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089/?ysclid=lwjjpr5w (дата обращения: 22.04.2026).

профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1]. Это, в свою очередь, требует более детального анализа соответствующих положений отечественного уголовного закона и совершенствования его положений в соответствии с потребностями практики.

В первую очередь, следует указать на диспозитивность нормы. Так, исходя из формулировки ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), законодатель не дает гарантий ее безусловного применения даже в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести впервые, но обращение к ней судами очень распространено в сравнении с другими механизмами освобождения субъекта от уголовной ответственности.

Кроме этого, объективной проблемой выступает конкуренция норм, включенных в главу 11 УК РФ: ст. 76 и 76.2. Анализ судебной практики позволяет признать приоритетность применения судебного штрафа независимо от фактического примирения с потерпевшим и наличия юридических оснований применения в таких случаях ст. 76 УК РФ. При этом «объем» юридических последствий для лица, совершившего преступление, существенно отличается: субъект должен предпринять действия по обеспечению восстановления ущерба, причиненного преступлением, независимо от характера этого ущерба, либо или иным образом загладить причиненный преступлением вред, а также произвести уплату назначенного судебного штрафа. Если последнее требование не будет выполнено, субъект однозначно подлежит привлечению к уголовной ответственности. Таким образом, очевидно, что данное основание освобождения от уголовной ответственности не является безусловным, в отличие от остальных, предусмотренных главой 11 УК РФ.

Следует отметить также то обстоятельство, что возможна ситуация назначения судебного штрафа в сумме большей, чем сумма штрафа как вида уголовного наказания с учетом ограничений, установленных ст. 46, 88 УК РФ. Очевидно, что вопрос справедливой уголовно-правовой оценки в этом случае может быть решен не так однозначно, особенно в случае с несовершеннолетним, когда по решению суда назначенный несовершеннолетнему штраф может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Такой механизм уплаты судебного штрафа отечественный законодатель справедливо не предусмотрел.

Очевидным достоинством судебного штрафа выступает отсутствие правового последствия в виде судимости лица, совершившего преступление, так как судебный штраф не относится к видам уголовным наказаний и не включен в ст. 44 УК РФ.

В качестве недостатков современной конструкции судебного штрафа в отечественном уголовном праве следует указать на законодательную неопределенность сроков уплаты судебного штрафа и его относительную неопределенность в связи с отсутствием нижней границы и существенной вариативности определения его размеров правоприменителем в лице суда.

Проведение отдельными учеными исследований данного вопроса с обращением к нормам зарубежного уголовного законодательства позволило выявить особенности рассматриваемого механизма освобождения от уголовной ответственности и определить перспективы его совершенствования в отечественном уголовном праве, к числу которых можно отнести следующие:

1) его применение должно быть предусмотрено только в отношении физических лиц, достигших совершеннолетия, что позволит обеспечить его фактическую реализацию субъектом самостоятельно;

2) определение единой нижней границы размера судебного штрафа;

3) определение порядка использования определенной части судебного штрафа в рамках специального Фонда помощи жертвам преступлений;

4) дополнительное определение круга преступлений с учетом объектов уголовно-правовой охраны, совершение которых исключает возможность применения к лицу судебного штрафа из числа, например, преступлений против личности, против общественного порядка и общественной безопасности и других[2].

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что включение в УК РФ норм о судебном штрафе, безусловно, отражает концепцию гуманизации уголовного законодательства, но не следует при этом и забывать также о характере того вреда общественным отношениям, который причинен преступлением либо угроза причинения которого была создана. Расширение применения таких принципов уголовного права, как принцип гуманизма и принцип справедливости, не должны снижать эффективность уголовного закона как одной из основ обеспечения охраны разнообразных общественных отношений, что прежде всего предполагает реализацию неотвратимости уголовной ответственности лица в случае совершения им общественно опасного деяния.

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 8 августа 2024). URL: https://base.garant.ru/71428030/ (дата обращения: 30.04.2026).

[2] Луценко Н. С. Уголовно-правовой институт судебного штрафа по законодательству ряда зарубежных стран // Юридические исследования. 2019. № 4.

Сведения об авторе

Кадырова Надежда Николаевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

A COURT FINE AS ANOTHER MEASURE OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE: ISSUES OF LAW AND PRACTICE

N. N. KADYROVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Currently, the issues related to improving domestic criminal legislation undoubtedly reflect the needs of the state and society, but at the same time, certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation are not always sufficiently specific and unambiguous, which is evident from an analysis of both the norms themselves and the practice of their application. This situation does not go unnoticed either by scholars or by law enforcement practitioners, but its resolution must, in any case, be implemented in the sphere of clarifying or amending specific provisions of the source of law itself — i. e., the Criminal Code of the Russian Federation. The aforementioned aspects are directly related to the court fine, which is the subject of this scientific article.

Keywords: *court fine, exemption from criminal liability, measures of a criminal-legal nature.*

Тенденция к национализации активов субъектов предпринимательской деятельности как фактор стабилизации правовых основ российской государственности

Е. Н. Кузнецов

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируются происходящие тенденции национализации активов субъектов предпринимательской деятельности. Выявляются возможные причины активизации национализации в последние годы. Изучаются подходы представителей правовой доктрины в контексте исследования. Формулируются выводы о правомерности национализации, реализуемой в установленном порядке.

Ключевые слова: *защита прав, национализация, предпринимательство.*

В последние годы средства массовой информации пестрят сообщениями об усилившихся тенденциях национализации бизнес-активов. В данной связи представляется интересным задаться вопросом: а как эти процессы воздействуют на правовую систему, способствуют ли они укреплению российской государственности или, напротив, усиливают государственное воздействие на бизнес (в том числе, возможно, неправовое), дестабилизируя тем самым экономические устои государства?

Процесс активной национализации начался в России, по мнению ряда аналитиков, с дела «Башкирской содовой компании» 2021 г. Он уже «перестал восприниматься как исключительное явление и стал обыденностью, порождающей всевозможные споры, как среди бизнесменов, так и среди юридических экспертов»[1]. Не входя в дискуссию о том, как обыденность может порождать всевозможные споры, отметим, тем не менее, что очередная новость о национализации той или иной компании, действительно, уже не приводит читателя или слушателя в ужас от современных тенденций «закошмаривания» бизнеса.

По другим источникам, началом процесса активной национализации можно признать переход к государству 92,4 % акций ПАО «ДВМП», которое, в свою очередь, владеет подавляющим большинством акций ПАО «Владивостокский морской

[1] Забрать в доход: как государство изымает активы у бизнеса в России. URL://https://finobzor.ru/136661-zabrat-v-dohod-kak-gosudarstvo-izymaet-aktivy-u-biznesa-v-rossii.html // (дата обращения: 04.06.2026 г.).

торговый порт» («ВМТП»), при этом управление акциями передается государственным компаниям (хотя бы и непрофильным)[1].

Третьи авторы указывают на иные временные периоды: 2000–2001 гг. — передача акций ОРТ (аббревиатура ОАО «Общественное российское телевидение») Б. Березовским государству за 175 млн долл. (по заявлению Б. Березовского, сделанному в ходе лондонского суда); 2001 г. — захват медиагруппы «Медиамост» «Газпромом»; 2004 г. — приобретение «Роснефтью» 76,79 % акций (100 % голосующих акций) «Юганскнефтегаза» за 9,3 млрд долл. через посредство подставной фирмы ООО «Байкалфинансгрупп»; 2005 г. — формальная национализация «Газпрома»: «Роснефтегаз» за счет кредита зарубежных банков (в сумме 7,6 млрд долл.) купил у дочерних компаний «Газпрома» 10,74 % акций концерна. С национализацией «Газпрома» оказались национализированы НК «Славнефть», «Газпромбанк»; октябрь 2005 г. — 72,6 % акций «Сибирской нефтяной компании» («Сибнефть») было приобретено группой «Газпром» у «Millhouse Capital» (структура, принадлежащая Роману Абрамовичу) за 13,1 млрд долл.; 2008 г. — выкуп государственным ВЭБом 98 % акций «Связь-Банка» за 5 тыс. руб. с последующим размещением в ВЭБе 2,5 млрд долл. депозита ЦБРФ и получением от государства 142 млрд руб. на его санацию; 2011 г. — приобретение ВТБ миноритарных пакетов «Банка Москвы». Общая стоимость: 258 млрд руб. минус пакет г. Москвы; 2011 г. — покупка «Сбербанком» «Тройки Диалога» примерно за 1 млрд долл. Косвенным результатом сделки стала национализация «АвтоВАЗа» — восстановление более 50 % собственности государством и др.[2]

Некоторые интернет-ресурсы уже систематизируют по годам факты национализации, создавая ненужный ажиотаж и неоправданную социальную напряжённость относительно управления государством важнейшей экономической составляющей жизни современного общества — предпринимательской деятельностью[3].

Примеров национализации действительно много. Из последних — это споры, связанные с компаниями «ДМЕ холдинг», автодилером «Рольф» и Челябинским электрометаллургическим комбинатом, аэропортом «Домодедово», ГК «Южуралзолото» и другими. При этом, по данным адвокатского бюро NSP, за три года общий объем изымаемых активов у частных предпринимателей составил внушительные 3,9 трлн руб., а 2025 год уже выделяется на фоне предыдущих, устанавливая новые рекорды по количеству национализированных компаний. Так, в ходе национализации аэропорта «Домодедово» под государственное управление попало 25 компаний на общую сумму более 1 трлн руб., а совсем недавно была национализирована ГК «Южуралзолото», ранее находившаяся во владении Константина Струкова, состояние которого, по данным издания Forbes, оценивалось в 1,9 млрд долл.[4]

Пример последней компании показателен в том плане, что Советскому районному суду Челябинска потребовалось 9 дней для принятия решения в пользу государства по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации (с 2 июля 2025 г. по 11 июля 2025 г.). Ведомство просило изъять в доход государства 67,85 % акций компании «Южуралзолото», принадлежащую Струкову компанию УК «ЮГК», а также доли связанных с ним лиц в компаниях «Хоум», «Уралвент», «Арбат-Сити», «Агрокомплекс „Экомодуль“», «Сады Предгорья», «Коркинский экскаваторо-вагоноремонтный завод». Предприятие входит в топ-10 золотодобывающих компаний России, третье в стране по разведанным запасам золота. Активы включают месторождения в Челябинской области (Светлинское, Кочкарское, Березняковское, Западный Курасан, Наилинский, Осейский, Алтын-Таш, Зайцевское), Хакасии (ОАО «Коммунаровский рудник») и Красноярском крае (ООО АС «Прииск Дражный», ООО «Соврудник»). Президент АО «ЮГК» — бизнесмен и депутат Заксобрания Челябинской области Константин Струков, проигнорировавший запрет совмещать госслужбу с занятием бизнесом[5].

Масштабы поражают. Однако каковы реальные причины, побудившие органы государственной власти присмотреться к субъектам предпринимательской деятельности, зарабатывающим неимоверное количество денежных знаков? Может ли идти здесь речь о том, что государство решило отобрать бизнес у неугодных ему бизнесменов?

«Государство прибегает к национализации активов по разным причинам, включая обвинения в коррупции, несоблюдение условий приватизации и иностранный контроль над стратегически важными предприятиями. Юристы отмечают, что такие случаи участились в 2022 году, именно тогда начало нарастать количество исков против владельцев бизнеса. <…> изначально иски

[1] Чумакова К. Н. Перспективы национализации и правового регулирования национализации в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 36.

[2] Мазаев В. Д. Национализация как конституционный фантом // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 99.

[3] Национализация в России (По данным аналитического портала TAdviser). URL: https://clck.ru/3Wp3Ky (дата обращения: 04.06.2026 г.)

[4] Забрать в доход: как государство изымает активы у бизнеса в России.

[5] Группа компаний «Южуралзолото» Константина Струкова обращена в доход государства. На это понадобилось 9 дней. URL://https://www.fontanka.ru/2025/07/11/75714395/ (дата обращения 04.06.2026 г.)

прокуратуры относились лишь к стратегическим объектам, но со временем под этот тренд попали и многие частные компании, что иногда ставит их в крайне затруднительное положение»[1].

В данной связи представляется крайне интересным позиция К. Н. Чумаковой, согласно которой объективный процесс роста удельного веса государственной собственности в экономике России был усилен внешнеэкономическими факторами — зарубежными торговыми санкциями, что сделало необходимым вмешательство в экономические процессы федеральной власти; в серьезной поддержке нуждаются целые отрасли: авиаперевозок (полностью оказался зависим от государственных средств ПАО «Аэрофлот»), автомобилестроения, газо- и нефтедобычи. Наряду с производством и распределением газа, число госпредприятий по производству и распределению газа, электричества и воды… выросло на 27 %. При этом обращает на себя внимание, что рост доли участия в экономике приходится не на муниципальные образования или субъекты Российской Федерации, а именно на Российскую Федерацию как единого субъекта гражданско-правовых отношений. Расширение федерального участия в экономических процессах вызвано также полуторакратным ростом объема оборонного заказа (однако, судя по многим иным источникам, данная официальная цифра выглядит заниженной), в том числе — ростом объектов капитального строительства (что предопределит рост доли государственного участия не только в производственных отраслях, но и в строительстве).

С 2022 по октябрь 2024 г. в России было национализировано более 200 значимых для общероссийского рынка хозяйствующих субъектов, а причинами называются две. Первая — это вывод иностранными владельцами доходов от бизнеса в России с целью поддержки ВСУ. Вторая — коррупционные основания. Однако даже при первом приближении такие суждения выглядят сомнительно, поскольку доказательств того, что около двухсот достаточно крупных российских предприятий на третьем году Специальной военной операции каким-либо образом поддерживают Вооруженные силы Украины, российскому обществу никогда ранее не представлялись. Анализ складывающейся в России государственно-правовой ситуации приводит к выводу, что подлинным и решающим фактором национализации стали не риски вывода активов (которые и ранее нередко реализовывались в России), не почти всегда существовавшие «коррупционные основания», а мобилизация.

Законодательство о мобилизации затрагивает прежде всего перевод национальной экономики на организацию военного времени. Не в последнюю очередь это происходит и посредством перевода наиболее значимых для экономики (а не только для военной промышленности) производственных, строительных и транспортных мощностей в федеральную собственность — чем и объясняется, например, переход под государственный контроль морских пароходств и портов. Таким образом, перспективы национализации в России прямым образом связаны не с «деприватизационными» исками прокуратуры последних лет, не с самим по себе ростом объемов государственного оборонного заказа, не с зарубежными торговыми санкциями, не с рисками коррупции или вывода капитала, а с носящим общий характер процессом мобилизации всего российского общества: именно от скорости этого (во многом пока — объективного) процесса будут зависеть и темпы и объемы национализации…[2]

Хотя национализация рассматривается в гражданском праве как правовой акт, который завершается регистрацией права собственности на национализированное имущество за федеральным собственником, вопрос о дальнейшей судьбе этого имущества для оценки перспектив национализации не менее значим. По убеждению министра финансов А. Силуанова, Правительство РФ будет продавать активы, изъятые в доход государства… власти не собираются держать или управлять национализированными компаниями. Однако такой подход вызывает возражения с точки зрения мобилизационных целей национализации. Проблема, как представляется, состоит очевидно не в том, чтобы передать национализированное имущество из одних частных рук — в другие, а в том, чтобы наладить управление необходимым для обеспечения военных действий производством. Данная сфера управленческих отношений должна быть урегулирована особым нормативным комплексом.

Действующие проекты законодательства рассматривают национализацию не в комплексе, как часть структурной перестройки определенной отрасли производства, а лишь как отдельный и самостоятельный акт перераспределения собственности, при этом никак не регулируя вопросы последующей эффективности использования национализированного имущества. С таким подходом согласиться нельзя. Представляется, что национализация — средство повышения эффективности производства, в котором существует национальный интерес (или публичный интерес Российской Федерации), а не средство отъема и передачи собственности — без какого-либо нормативного обеспечения его смысла и значения[3].

[1] Забрать в доход: как государство изымает активы у бизнеса в России.
[2] Чумакова К. Н. Указ. соч. С. 36–37.
[3] Чумакова К. Н. Указ. соч. С. 37–38.

В Российской Федерации национализация закреплена в п. 4 ст. 235 Гражданского кодекса РФ, согласно которой обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков. По мнению О. Л. Алтенговой, к сожалению, федеральный закон, который бы специально регулировал процесс осуществления национализации, так и не принят. При отсутствии рамочного закона о национализации возникает острая необходимость в выработке концепции данного правового института. Одним из элементов концепции развития гражданского законодательства о национализации является ее определение национализации, сформулированное на основе квалифицирующих признаков: 1) проведение национализации осуществляется исключительно в случаях и порядке, определенных в законе; 2) основанием национализации является принятие акта уполномоченным исполнительным органом государственной власти (Правительством РФ); 3) целями национализации являются публичные интересы, удовлетворение которых невозможно иначе, как путем национализации, их перечень должен быть четко определен в законе; 4) юридическим результатом национализации является возникновение права собственности у государства; 5) национализация должна сопровождаться решением вопроса о предварительной и равноценной компенсации бывшим собственникам; 6) объектом национализации является имущество, способное удовлетворить государственные нужды[1].

Н. В. Макарчук считает, что цели и основания национализации должны быть связаны с принципом, установленным в зарубежном законодательстве, согласно которому не допускается развитие частной экономической инициативы в ущерб свободе и человеческому достоинству или во вред национальной экономике. Поэтому основанием для национализации может стать потребность государства в предприятиях, которые осуществляют монополистическую деятельность, либо играют большую роль в развитии источников национальной экономики, либо имеют своей главной задачей предоставление услуг всему обществу[2].

Е. П. Губин указывает на важность понимания цели национализации, являющейся средством государственного регулирования, направленного на обеспечение эффективного развития рыночной экономики, при этом национализация не может преследовать цели наказания за совершение тех или иных действий[3].

Ю. А. Дорофеева определяет цель национализации как удовлетворение потребности общегосударственной значимости[4].

По мнению О. Л. Алтенговой, национализация должна применяться как исключительное средство экономической политики — в отношении, например, объектов частной собственности, имеющих стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства, и объектов, абсолютно необходимых обществу для достижения социально значимых целей, удовлетворение которых невозможно без прекращения права частной собственности[5].

Согласно позиции В. Д. Мазаева, в национализации сочетаются публичные и частные аспекты. К публичным аспектам можно отнести свойства национализации, во-первых, как инструмента экономической политики, в том числе поддержания перспективных отраслей национального производства, стабилизации экономического развития в условиях кризиса; во-вторых, как способа решения задач социальной политики, экономической безопасности и обороны страны. Чаще всего национализация используется как способ решения текущих государственных задач, связанных с общими интересами населения и государственными потребностями. Национализация также может быть использована как инструмент эффективного политического моделирования в рамках существующего конституционного строя.

В национализации находит сочетание действенный инструмент достижения публичного интереса в сфере экономики и одновременно форма защиты права частной собственности. По сути, в национализации заложена конституционная коллизия базовых конституционных ценностей — экономической свободы человека и суверенной воли государства, что предполагает конституционно-правовой уровень закрепления природы и места национализации, её основных принципов[6].

В отсутствие адекватного правового решения задач национализации, по мнению ряда экспертов, государство использует набор различных методов государственного присвоения частных активов (национализации), включая не совсем правовые, не вполне справедливые и не вполне открытые

[1] Алтенгова О. Л. Квалифицирующие признаки национализации // Общество и право. 2011. № 5.

[2] Макарчук Н. В. Формы принудительного отчуждения имущества для государственных нужд и их место в системе оснований принудительного прекращения права собственности // Право и жизнь. 2007. № 115 (10). С. 20.

[3] Губин Е. П. Национализация как инструмент государственного регулирования рыночной экономики // Российский судья. 2005. № 2. С. 43.

[4] Дорофеева Ю. А. Национализация: вопросы международного частного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 6

[5] Алтенгова О. Л. Указ. соч.

[6] Мазаев В. Д. Указ. соч. С. 96.

для общества, такие как: давление правоохранительных органов — возбуждение уголовного дела, арест руководителей (дело ОРТ, «Медиамоста», «Связь-Банка»); предъявление налоговых претензий (дело «Медиамоста», ЮКОСа, «Банка Москвы»); использование кризисов и покупка по символической цене с последующей господдержкой либо установлением госконтроля («Кит-финанс», «Связь-Банк», «Глобэкс»); организация финансовых ловушек и покупка по символической цене («Гута-Банк», «Донстрой»); косвенная национализация — дело «Газпрома» (косвенная национализация «Славнефти», «Газпромбанка» и др.); финансовое усиление госкомпаний (народные IPO, массированная поддержка во время последнего кризиса) и т. д.

Формально юридически подобные экономические методы в полной мере нельзя назвать национализацией. Но их совокупность отражает существующую государственную потребность в национализации как инструменте социально-экономического развития и проблемы существующей административной практики в этой области. В ряду данных проблем стоит отметить выход за конституционные барьеры, защищающие сферу частной собственности как основу экономической конституции страны, а также использование способов, подменяющих конституционную суть правовых конструкций изъятия имущества для общественных целей[1].

Как указывает Л. В. Щенникова, национализация называлась дореволюционными цивилистами «жизненным» институтом, который призван быть «постоянно действующим», чтобы определять наперед все условия и способы применения для каждого отдельного случая. Важность института национализации связывалась учеными со значением идеи общественного интереса. Самостоятельность частного лица, развитие частной собственности утверждает индивидуализм, позволяющий частному лицу «творить произвол» по отношению к обществу. Идея индивидуализма в этом случае побеждает идею общественного интереса, приводит к забвению последней. Чтобы примирить интересы общества с интересами собственников, оказывается чрезвычайно важной национализация как понятие, изученное наукой и закрепленное гражданским законом. Национализация выступает эффективным средством примирения господствующей системы права с вновь возникающими условиями народной жизни. Гражданско-правовые нормы о национализации, с одной стороны, «стесняют произвол собственника», с другой — охраняют неприкосновенность его интересов. В этой двуединой связи состоит частноправовое значение национализации как правового явления[2].

Возможно, поиск целей современной национализации в России — затея бесперспективная, учитывая широчайший спектр мнений относительно причин и сущности данного правового института. Свой «вклад» вносит путаница бытового представления о национализации (начиная с рассмотрения ее как средства неправомерного воздействия государства на бизнес-процессы и заканчивая ее превращением в страшную сказку о бесперспективности занятия бизнесом в современной России, навеянную истерически-пугающей риторикой соответствующих публикаций в СМИ) с реальным положением дел, отсутствие адекватного учета политической ситуации, экономического положения дел в стране и правового регулирования возникающих в связи с этим общественных отношений.

Типичным примером такой упрощенной оценки национализации является статья, опубликованная в одном из интернет-СМИ в апреле 2025 г.: «нынешняя “реприватизация” имеет целью создание новых правил игры. Нельзя больше выводить всю прибыль за границу. Если здесь зарабатываешь — здесь и инвестируй. А если государство захочет включить тебя в хозяйственную цепочку для производства какой-нибудь важной для себя продукции — значит, нужно просто взять под козырек. Ну и естественно, никакой политической нелояльности в условиях активного импортозамещения, санкций и политического давления на страну. Общий тренд в том, что государство стремится установить контроль над компаниями, играющими существенную роль в системообразующих отраслях, напрямую влияющих на обороноспособность страны: нефтехимия, строительство, транспорт, оборонка. И у него это успешно получается. Однако в начале 2025 г. глава Минфина Антон Силуанов заговорил, как ни странно, о приватизации. Это значит, что у государства неважно с деньгами, и крупные лоты госсобственности могут быть предложены частникам по рыночным ценам через аукцион. Но любая инвестиция означает гарантию государства, что ее не заберут впоследствии по любому поводу. И будет сложно усидеть на двух стульях»[3].

Подобное упрощение не способствует адекватной оценке одного из важнейших в современных условиях правовых институтов. Право, по убеждению автора настоящей статьи, всегда обеспечивало, обеспечивает и будет обеспечивать экономические, социальные и политические интересы,

[1] Мазаев В. Д. Указ. соч. С. 99–100.

[2] Щенникова Л. В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 179–180.

[3] Как происходит национализация в России. URL: https://argumenti.ru/economics/2025/04/944909 (дата обращения: 04.06.2026 г.).

транслируемые высшими органами власти, поэтому обесценивать важность национализации как инструмента управления, в том числе и бизнес-процессами на территории страны не следует.

Кроме того, национализация проводится в строгом порядке отправления правосудия. Соответствующие решения принимаются судами в установленном порядке, на основе собранной правоохранительными органами доказательной базы. Вряд ли правомерной является попытка одного из фигурантов процедуры национализации покинуть территорию страны, несмотря на судебный запрет[1]. Возникает логичный вопрос, законным ли образом такой гражданин осуществлял предпринимательскую деятельность, войдя в итоге в список Forbes… А собранные доказательства оцениваются судом на основе внутреннего убеждения, основанного на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Если представленной суду доказательной базы достаточно для принятия решения о национализации в связи, например, с нарушениями процедуры приватизации (проведенной еще в 1990-х или 2000-х гг., что также не требует комментариев относительно субъектов и оснований таких процедур), вряд ли стоит сомневаться в правильности такого решения. А возможные судебные ошибки, безусловно, будут исправлены вышестоящими судами. Все возможности для этого имеются. И когда решение суда «устоит», сомневаться в справедливости правосудия вряд ли есть смысл. Как и вряд ли есть смысл истерично оценивать процесс национализации в качестве негативного фактора, якобы дестабилизирующего осуществление предпринимательской деятельности в стране. Представляется, что произведенная на основании закона и в контексте сложившейся судебной практики национализация способствует укреплению российской государственности, стабилизирует правовые основы регулирования общественных отношений, зафиксированные в Конституции России, позволяя констатировать наличие справедливости применительно к должной оценке органами судебной власти незаконно произведенных в свое время процедур приватизации, способствовавших неправомерному усилению экономической базы отдельных субъектов предпринимательской деятельности.

Сведения об авторе

Кузнецов Евгений Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, заведующий учебно-научной лабораторией правовых исследований института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

THE TREND TOWARDS THE NATIONALIZATION OF ASSETS OF BUSINESS ENTITIES AS A FACTOR IN STABILIZING THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN STATE

E. N. KUZNETSOV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article analyzes the current trends in the nationalization of assets of business entities. Possible reasons for the intensification of nationalization in recent years are identified. The approaches of representatives of the legal doctrine in the context of the study are studied. Conclusions about the legality of nationalization, implemented in accordance with the established procedure, are formulated.

Keywords: *protection of rights, nationalization, entrepreneurship.*

[1] Депутат попался на вылете. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7870385 (дата обращения: 04.06.2026 г.); СМИ: главу «Южуралзолота» Струкова задержали при попытке покинуть страну. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2919702 дата обращения: 04.06.2026 г.); Золотые рудники и усадьба в бору. Что известно о миллиардере из списка Forbes, которому не дали улететь на личном самолете. URL: https://www.e1.ru/text/business/2025/07/07/75687743/ дата обращения: 04.06.2026 г.).

Особенности реализации своих функций адвокатом свидетеля при осуществлении дознания

Т. П. Макашова

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Предварительное расследование представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, посредством которой решаются определенные задачи, установленные законодательством. Дознание является формой осуществления предварительного расследования. Вопрос относительно функции адвоката — представителя свидетеля является неоднозначным, так как функции адвоката в дознании носят не только консультативный характер, а также представительский и несет элементы защиты.

Ключевые слова: *дознание, уголовный процесс, адвокат, представительство, свидетель.*

Дознание является одной из форм предварительного расследования, Уголовно-процессуальное законодательство в п. 3 ст. 150 УПК РФ прямо предусматривает составы преступлений, по которым предварительное расследование может быть проведено в форме дознания. Дознание представляет собой форму предварительного расследования, а не ее этап, так как законодательством определены и начало и окончание данной формы как самостоятельной. Начинается предварительное расследование с возбуждения уголовного дела, о чем дознавателем выносится постановление. Дознание в основном осуществляется по преступлениям небольшой или средней тяжести. К отличительным особенностям дознания от предварительного следствия относятся органы, осуществляющие дознание, объем и сроки процессуальной деятельности дознания. Дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, при необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток (п. 3 ст. 223 УПК РФ).

По мнению М. А. Макова, дознание является «самой первой и очень важной стадией, фундаментом института расследования»[1], с чем нельзя не согласиться. Однако мы считаем необходимым дополнить данное высказывание. Дознание — не является стадией института расследования, а является формой реализации предварительного расследования по делам определенной категории, указанной в положении ст. 150 УПК РФ.

И если немного коснуться истории данной формы предварительного расследования, то становится очевидным его историческая значимость. Понятие дознания было сформировано еще в «Наказе полиции о производстве дознания по производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступки» (утвержден постановлением об отделении следственной части от полиции), которое заключалось «в собрании сведений, необходимых для удостоверения в том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком»[1]. Однако упоминание о такой форме содержалось в Русской Правде и свидетельствует, что в те времена уже применялись определенные процессуальные формы: свод и гонение следа. В Древнерусском государстве функции охраны правопорядка и борьбы с преступностью выполняли князь и специально на то уполномоченные им органы и лица: княжеская дружина, посадники, наместники, волостели, а также вирники, метельники, тиуны и т. п. Сам термин «дознание» наиболее широко начинает употребляться с петровских времен с производными от него глаголами «дознать», «дознавать», «дознаться», «дознаваться». В начале XVIII в. в ходе проводившихся Петром I реформ была предпринята попытка создания системы судебных органов. «По сравнению с состязательным процессом резко возросла роль розыска, появились первые специализированные органы предварительного расследования, в юридической лексике всплыло слово «дознание», было положено начало становлению регулярной полиции»[2]. Однако, ни один нормативный правовой документ вплоть до Свода законов Российской империи не проводил дифференциации форм расследования. 31 января 1833 г. император Николай I Манифестом объявил о введении в действие с 1 января 1835 г. Свода законов, который являлся официальным собранием действующих законодательных актов Российской империи. В данном документе расследование впервые было разделено на формальное и предварительное. «Устав

[1] Маков, М. А. История дознания полиции : монография. М. : Инфра-М, 2016. С. 4, 337.

[2] Панфилец А. В., Фёдоров А. Б. Дознание … до дознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 16.

уголовного судопроизводства», принятый 20 ноября 1864 г., возлагал на полицию ряд самостоятельных процессуальных задач. Чины полиции проводили дознания по целому ряду составов преступлений, дела о которых были подсудны городским и мировым судьям. Таким образом, дознание представляло собой самостоятельную процессуальную форму с присущими ей особенностями. Кроме того, чины полиции при строго определенных обстоятельствах и основаниях производили формальное дознание в трех режимах: предварительного дознания, с подменой судебного следователя, выполнения отдельных следственных действий по поручению судебного следователя и лица прокурорского надзора. Они же поддерживали обвинение в судах по делам, отнесенным к компетенции мировых судей»[1]. Большую самостоятельность дознание приобрело позднее, уже в период советского государства: в 1923 г. Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР дознанию была придана роль самостоятельной формы расследования, так как впервые предусмотрено, что «деятельность органов дознания различается в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или же по делам, по которым акты их могут послужить основанием к преданию обвиняемых суду без производства предварительного следствия»[2]. При производстве дознания могли опрашиваться подозреваемые лица и свидетели, иные процессуальные действия производились в тех случаях, когда имелись достаточные основания полагать, что следы преступления и вещественные доказательства могут быть уничтожены или сокрыты.

В контексте заявленной темы представляется важным рассмотреть роль адвоката-представителя при проведении дознания. Адвокат-представитель как участник уголовного судопроизводства отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве 1923 г. Необходимо отметить, что вообще понятие «адвокат» было исключено. В качестве представителей потерпевших допускаются члены коллегии защитников, близкие родственники потерпевшего или его законные представители, а также уполномоченные профессиональных союзов и инспектора труда, однако полномочия ограничены лишь случаями, когда предоставлено право поддержания уголовного обвинения. Статус защитников, являющихся членами коллегии защитников, по общему смыслу близок к статусу адвоката в современном понимании. Обращает на себя внимание, что представителями интересов гражданского истца могли быть члены коллегии защитников, близкие родственники или законные представители гражданского истца, а также и другие лица по особому разрешению суда, а также особо командированные лица, соответственным образом на то уполномоченные при признании гражданскими истцами учреждений или организаций. Круг полномочий крайне узок.

Развитие законодательства в данной сфере изменялось соответственно развитию общества, и уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 г. было установлено, что деятельность органов дознания различается в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, или же по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно[3]. В первом случае дознание заключалось в осуществлении неотложных следственных действий с последующей передачей дела следователю для производства предварительного следствия. Во втором случае дознание являлось основанием рассмотрения дела в суде. Дознание в указанной форме продолжало существовать до введения протокольной формы досудебной подготовки материалов, введенной Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР», которая не была отнесена к дознанию, однако, по мнению М. Бекетова: «его рассмотрение непосредственно связано с перспективами дознания»[4].

УПК РСФСР 1960 г. уже содержит понятие «адвокат», предусматривает возможность потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику привлекать в дело представителей, в число которых входят и адвокаты. В соответствии с положениями УПК РСФСР 1960 г. в качестве представителей могли быть адвокаты, близкие родственники и иные лица, управомоченные в силу закона представлять при производстве по уголовному делу законные интересы. Круг полномочий адвоката-представителя был очерчен полномочиями представляемого лица. Так, в частности, адвокат — представитель потерпевшего имел право: представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться со всеми материалами дела с момента окончания предварительного следствия, участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следовате-

[1] Ментюкова М. А., Шарова Е. А. Исторический анализ становления института дознания в России // SCIENCE TIME. 2016. № 10 (34). С. 211.

[2] Ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утверждённого Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 // https://ru.wikisource.org/wiki

[3] Ст. 118 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Бекетов М. Дознание: история и перспективы // Уголовный процесс. 2008. № 4. С. 70.

ля, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления народного судьи. Адвокат — представитель гражданского истца и гражданского ответчика дополнительно к указанному перечню полномочий имел право просить орган дознания, следователя и суд о принятии мер обеспечения заявленного ими иска, поддерживать гражданский иск и знакомиться с материалами дела в части, относящейся к гражданскому иску, с момента окончания предварительного следствия. В данный исторический период институт представительства при осуществлении дознания реализовывался достаточно обширным объемом полномочий.

В последующем ряд изменений перетерпело дознание в связи с принятием ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, введенным в действие Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ с 1 июля 2002 г. Реформирование дознания получило свое развитие в 2007 г.[1] — принципиальные различия между дознанием и предварительным следствием почти исчезли, срок дознания был увеличен до 30 суток с возможностью его продления прокурором, появился в качестве процессуальной фигуры давно существовавший начальник подразделения дознания с широким перечнем полномочий, созвучный со статусом руководителя следственного органа. Появилась процедура уведомления о подозрении в совершении преступления, которая давала возможность наделить заподозренное лицо статусом подозреваемого, не прибегая к применению мер процессуального принуждения. Однако процессуальные изменения процесса расследования в форме дознания продолжали подвергаться постоянным изменениям. Причины такого состояния и в удовлетворении современных потребностей общества, и в изменении политического, экономического строя, изменении международной обстановки и т. д.

Дознание само по себе является сокращенной формой предварительного расследования. И как таковая обладает рядом признаков, отличающих дознание от предварительного следствия: 1) подследственность — составы преступлений, по которым производится дознание, — четко определена законом; 2) субъектный состав — дознание проводит дознаватель, лишь в некоторых случаях может быть привлечен следователь, а предварительное следствие — в компетенции следователя; 3) сроки производства дознания меньше сроков предварительного следствия; 4) возможность наделения лица статусом подозреваемого путем направления уведомления о подозрении в совершении преступления; 5) в качестве обвиняемого лицо привлекается после окончания дознания путем составления обвинительного акта; 6) ознакомление с материалами уголовного дела происходит после составления обвинительного акта. Данные признаки характеризуют дознание как самостоятельную форму, целью которой является облегчение предварительного расследования, экономия временных и человеческих ресурсов. Введением сокращенной формы дознания указанные цели не достигнуты.

Полномочия адвоката-представителя при проведении дознания, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, соотносятся с правами представляемого лица. Адвокат-представитель имеет право: поддерживать гражданский иск; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; пользоваться помощью переводчика бесплатно; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием его доверителя; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству; знакомиться по окончании расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску, и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме; знать о принятых решениях, затрагивающих интересы доверителя, и получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному им гражданскому иску; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания; знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения. Самое распространенное следственное действие, на которое привлекается адвокат-представитель, по нашему мнению, является допрос. Возможно, еще и в связи с тем, что допрос — самое распространенное следственное действие по любой категории уголовных дел, так как при его производстве высока вероятность получения максимального количества информации при вербальном общении. Невозможно обнаружить уголовное дело, в материалах которого отсутствовал бы протокол данного следственного действия. На допрос может быть вызвано любое лицо — и потерпевший, и свидетель, которые имеют право пригласить адвоката-представителя в соответствии с положениями УПК РФ. Чаще всего и потерпевший, и свидетель не знают и не догадываются, что имеют право приглашать адвоката-представителя для участия в любом следственном действии. Так, например, гражданин Н. был вызван на допрос дознавателем в качестве свидетеля по факту хищения металлических объектов (ст. 158 УК РФ). Перед тем, как идти на допрос, Н. проконсультировался с адвокатом. Адвокат в ходе юридической консультации разъяснила возможные риски положения Н. в данном

[1] Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

деле, исходя из представленной Н. ситуации. Было принято решение, что Н. идет на допрос (исполняя свою обязанность) в сопровождении адвоката. В самом начале следственного действия дознаватель, после выяснения паспортных данных Н., начинает разъяснять свидетелю, что он не имеет права приглашать адвоката на допрос. В присутствии адвоката скрытые мотивы дознавателя становились явью, и было принято решение об отказе от дачи показаний в соответствии с положениями ст. 51 Конституции РФ[1]. Дознаватель не только нарушал тактику проведения допроса, но и неверно разъяснил допрашиваемому лицу его права, чем грубо нарушил положения закона.

Свидетели, как и иные участники, оказываются часто не защищены на допросе. Не защищены не только в правовом поле, но и от противоправного воздействия. Свидетели неохотно сотрудничают с правоохранительными органами, под любым предлогом стараются уклониться от участия в судопроизводстве. Опасаясь за свою жизнь, здоровье, безопасность своих близких, свидетели либо отказываются от дачи показаний, либо изменяют показания. Лжесвидетельства также не редкость, хотя последствия очевидны: затягиваются сроки расследования преступлений, виновные уходят от ответственности, ставится под угрозу вопрос о достижении истины, нередки случаи осуждения невиновных, законные интересы и права потерпевших от преступления лиц нарушены и, в конечном итоге, подрываются основы правосудия.

Необходимо отметить, что такое положение вещей зависит от отсутствия реального механизма обеспечения безопасности свидетелей и от определенной репутации сотрудников правоохранительных органов, оказывающих давление на допрашиваемых лиц. Адвокат-представитель может быть именно таким «элементом» защиты прав свидетеля. Свидетель легко может превратиться из свидетеля в подозреваемого или обвиняемого путем фиксации его показаний в нужном для дознавателя (следователя) контексте. Так, например, зафиксированные в протоколе показания, подписанные свидетелем, уже становятся доказательством. И доказательство может быть использовано как для целей справедливого судопроизводства, так и для иных целей, преследуемых дознавателем. Показания могут быть зафиксированы неточно, в пользу обвинения либо разрабатываемой версии. Показания могут быть получены с использованием давления на свидетеля либо введением в заблуждение, угрозами, преувеличенными последствиями и т. д. Как справедливо пишет М. В. Кучугура: «К сожалению, в деятельности органов предварительного расследования существует практика первоначального допроса в качестве свидетелей лиц, в отношении которых имеется подозрение в совершении преступления … на такого свидетеля в ходе допроса часто оказывается давление, подталкивающее к сообщению уличающих сведений, в том числе касающихся непосредственно допрашиваемого»[2]. Одной из форм защиты свидетелем своих прав является обращение к адвокату-представителю. Однако далеко не все свидетели осведомлены о такой возможности и обращаются к адвокату еще до производства в отношении него следственных действий. Интерес представляет исследование — анализ опроса 500 адвокатов г. Самары, проведенный Е. Ю. Саповым и представленный в его работе: «Согласно результатам опроса, свидетели обращались за помощью к 50 адвокатам, т. е. к 10 % от общего числа допрошенных. При этом вид обращения носил различный характер. К 25 адвокатам из 51, согласившегося оказать свидетелю юридическую помощь (49 %), свидетели обращались за разъяснением своего правового положения как участника процесса. За консультацией по поводу возможности быть привлеченным к уголовной ответственности свидетели обращались к 2 адвокатам (47 %). Из 51 адвоката 31 человек (60,7 %) был приглашен свидетелями для участия в предстоящем следственном действии»[3]. Результаты данного исследования лишь подтверждают предположение, что свидетели не осведомлены о том, что имеют право на привлечение адвоката при производстве следственных действий. Можно предположить, что для многих свидетелей обращение к адвокату не было вызвано конфликтными отношениями с сотрудниками, но являлось потенциальной угрозой. Такая ситуация может возникнуть, например, при невнесении информации, указанной свидетелем при допросе, в протокол допроса. Лишь в ходе получения юридической консультации свидетелям доносится информация о том, что в соответствии с положениями подп. 6 п. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель имеет право являться на допрос с адвокатом. Адвокату-представителю предоставлено право в ходе проведения допроса давать свидетелю краткие консультации, с разрешения допрашивающего лица (дознавателя, следователя) задавать вопросы свидетелю, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе, делать подлежащие внесению в протокол замечания о нарушении прав и законных интересов свидетеля. Уже данных полномочий достаточно для обеспечения прав

[1] Адвокатское производство адвоката Макашовой Т. П.

[2] Кучугура М. В. К вопросу об адвокате свидетеля // Вестник Томского Государственного университета. 2003. № 4. С. 41–43.

[3] Сапов Е. Ю. Участие адвоката — представителя свидетеля при производстве допроса и других следственных действиях, направленных на получение показаний // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5 (79). С. 263.

свидетеля в ходе проведения допроса. Адвокат может в присутствии допрашивающего лица дать консультацию, например не подписывать протокол допроса, если показания были занесены в искаженном виде, либо отказаться от ответа на вопрос, руководствуясь положениями ст. 51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». Это позволит впоследствии скорректировать тактику поведения свидетеля в данном процессе и избежать провокаций со стороны обвинения — использовать показания против самого свидетеля. Данные действия будут в полном объеме соответствовать законодательству.

Отношения адвоката-представителя с дознавателем зачастую носят противоречивый характер — это может быть деловое сотрудничество, соперничество, открытый либо скрытый конфликт. Преимущественно отношения носят конфликтный характер. Дознаватели часто изначально негативно относятся к свидетелю, пришедшему на допрос с адвокатом. Обусловлено такое отношение далеко не всегда личными отношениями и закономерным противоборством сторон в состязательном процессе. Основная обязанность адвоката — представителя свидетеля, в соответствии с положениями законодательства, оказание квалифицированной юридической помощи. Вопрос относительно функции адвоката — представителя свидетеля является неоднозначным.

Возможно, указанного круга полномочий адвоката — представителя свидетеля достаточно для его участия лишь в одном следственном действии, но для осуществления представления интересов на протяжении всего процесса расследования — однозначно нет. Адвокат-представитель имеет право подавать ходатайства дознавателю (следователю) в ходе расследования, однако ходатайства, как правило, носят природу просьбы. Дознаватель вполне может отказать в удовлетворении ходатайства, например при истребовании доказательств либо допроса дополнительных лиц.

Думается, что дознание представляет собой самостоятельную форму предварительного расследования. Целью дознания является быстрое расследование преступлений небольшой тяжести, установленных в ст. 150 УПК РФ. Само по себе дознание уже представляет сокращенную форму расследования с целью экономии временных и экономических ресурсов, поэтому введение дополнительной «сокращенной формы дознания» считаем нецелесообразным, так как перегружает УПК РФ различными «особыми формами». Необходимо дополнить дознание элементами «сокращенной формы», исключив ее как самостоятельную. Адвокат-представитель в дознании — активный субъект, наделенный рядом полномочий, осуществление которых является гарантией защиты прав участников уголовного судопроизводства. Адвокат-представитель обеспечивает соблюдение прав доверителей при производстве следственных действий путем непосредственного участия. Функции адвоката в дознании носят не только консультативный характер, но также представительский и несут элементы защиты. Адвокат-представитель является также защитником прав свидетеля при противоправном или некорректном поведении дознавателя при проведении следственных действий.

Свидетели имеют право привлекать адвоката-представителя при производстве не только допроса, но и иных следственных действий. Данное право должно быть разъяснено свидетелю. Полномочия адвоката-представителя должны быть расширены путем прямого указания в законе на иные следственные действия, в которых может участвовать адвокат — представитель свидетеля.

Сведения об авторе

Макашова Татьяна Павловна — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF FUNCTIONS BY A WITNESS'S ADVOCATE DURING AN INVESTIGATION

T. P. MAKASHOVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Preliminary investigation is an independent stage of criminal proceedings through which certain tasks established by law are resolved. An inquiry is a form of conducting preliminary investigation. The issue regarding the function of a lawyer representing a witness is ambiguous, as the lawyer's functions in an inquiry are not only advisory in nature but also representational and include elements of protection.

Keywords: *inquiry, criminal procedure, lawyer, representation, witness.*

Уголовно-правовое регулирование ответственности и предупреждения фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности со стороны оперативных сотрудников ФСИН Российской Федерации

С. Г. Пильников, А. Ю. Захарова
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Министерства Юстиции России), Сочи

Аннотация. Затрагиваются вопросы, связанные с существующим подходом уголовно-правовой доктрины к регламентации фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), осуществляемой сотрудниками оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в отношении содержащихся в изолированных условиях лиц. На основе изучения статистических данных, современных источников юридической литературы, анализа опыта зарубежного законодателя подчеркивается повышенная общественная опасность подобных противоправных деяний и делается вывод о необходимости ужесточения санкции по ч. 4 ст. 303 УК РФ за счет повышения максимального срока наказания в виде лишения свободы и с одновременным переводом наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в разряд дополнительного вида наказания. Резюмируется, что соблюдение прав и законных интересов человека должно быть прерогативой в деятельности лиц, наделенных полномочиями по осуществлению ОРД, в особенности тех, кто призван обеспечивать достижение одной из ключевых целей уголовного наказания — исправление осужденных.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, Федеральная служба исполнения наказаний России (ФСИН РФ), фальсификация результатов ОРД, условия изоляции от общества, осужденные лица.*

В Российской Федерации уголовно-исполнительная система играет достаточно важную роль в реализации института уголовного наказания. Согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) целями наказания в нашей стране являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденных лиц и предупреждение новых преступлений[1]. В целях исправления осужденных свою деятельность осуществляет Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН РФ). Весь функционал, возложенный на сотрудников уголовно-исполнительной системы, предусмотрен в Указе Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»[2].

В рамках настоящей работы мы остановимся на нескольких аспектах, включающих в себя обеспечение правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы, соблюдение прав и законных интересов осужденных лиц и лиц, находящихся под стражей в следственных изоляторах, на факторах, детерминирующих противоправные действия со стороны должностных лиц, наделенных правом осуществления оперативно-разыскных мероприятий в условиях изоляции, рассмотрим отечественную и зарубежную практику правового регулирования действий фальсификационного характера, исходящих от представителей оперативных структур.

Сотрудники ФСИН РФ организовывают порядок деятельности мест лишения свободы, среди которых колонии-поселения, колонии общего режима, колонии строгого режима, колонии особого режима, тюрьмы и следственные изоляторы. Для устройства работы данных исправительных учреждений сотрудники службы исполнения наказаний должны обеспечивать устойчивое осуществление непосредственной деятельности этих учреждений, не нарушая при этом права и свободы лиц, находя-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.09.2026)

[2] Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12137239/ (дата обращения: 15.09.2026)

щихся под следствием, и лиц, осужденных по приговору суда к лишению свободы. Законодательной основой, регламентирующей механизм защиты прав и законных интересов названных категорий граждан, а также обеспечивающей достижимость целей наказания является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ), устанавливающий порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, как связанных с изоляцией от общества, так и не связанных с ним, средства исправления осужденных, формы и методы контроля и надзора за последними, меры помощи в социальной адаптации тем, кто отбыл или был освобожден от отбывания наказания, и многое другое[1].

Для поддержания правопорядка на территориях и в местах исправительных учреждений, а также в целях профилактики возможных преступлений или раскрытия уже совершенных в уголовно-исполнительной системе функционируют оперативные подразделения, наделенные большим арсеналом оперативно-разыскных возможностей.

Оперативные сотрудники ФСИН РФ при выполнении своих служебных обязанностей руководствуются Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее — ФЗ № 144)[2], а также внутренними инструкциями и правилами, устанавливаемыми приказами ФСИН России. Для раскрытия готовящихся преступлений в среде изолированных от общества лиц сотрудникам ФСИН РФ необходимо в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий устанавливать факт наличия или отсутствия доказательств, свидетельствующих о действительном намерении заключенных совершить противоправные деяния. Чтобы получить достоверную информацию, сотрудники ФСИН РФ проводят разрешенные ФЗ № 144 оперативно-разыскные мероприятия. К числу наиболее используемых в рассматриваемом аспекте следует отнести опрос, наблюдение и оперативное внедрение. В ходе опроса оперативные сотрудники опрашивают других заключенных о сведениях, позволяющих уличить конкретное лицо в подготовке к совершению преступления. Однако тут возникают различные трудности. В своем комментарии газете «Московский комсомолец» один из действующих оперативных работников ФСИН РФ указал, что зачастую заключенные обманывают оперативных сотрудников, указывая вместо правдивой информацию ложную[3].

Наиболее сложным, но вместе с тем крайне эффективным видом ОРМ является оперативное внедрение. В ФЗ № 144 не содержится разъяснений относительно сущности данного вида ОРМ. В одном из специальных исследований было дано следующее определение указанному мероприятию: «Оперативное внедрение — это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендированном вводе и продвижении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминогенную среду и объекты для разведывательно-поискового сбора информации, необходимой для оптимального решения задач борьбы с преступлениями в конкретных условиях сложившейся оперативной обстановки, когда решение этих задач с использованием других оперативно-розыскных мероприятий невозможно»[4].

К сожалению, в открытых источниках найти содержательную информацию об оперативном внедрении в рамках деятельности оперативных сотрудников учреждений ФСИН РФ не представляется возможным, что вполне обоснованно. Однако, если исходить из дефиниции, приведенной выше, а также из специфики, усматривающейся в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, можно предположить, что оперативное внедрение в условиях УИС происходит путем внедрения агента в криминальную среду заключенных. При этом очевидно и то, что механизм внедрения агента в данной среде предполагает соблюдение правил «тюремной иерархии» и учет внутренних «криминальных законов». После внедрения агент должен вступить в доверительные отношения с объектом ОРМ и начать собирать необходимую информацию. Специфика оперативного внедрения в совокупности с объективными условиями, в которых оно реализуется, не позволяют исключать случаи фальсификации результатов данного оперативно-разыскного мероприятия, потому как нет реальной возможности удостовериться в действительности и правдивости той информации, которую предоставляет агент.

В рамках рассуждения на данную тему нельзя пройти мимо резонансного события 2021 г., когда в сеть Интернет попали видеозаписи с пытками заключенных со стороны сотрудников ФСИН в Сара-

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/1306500/ (дата обращения: 15.08.2026)

[2] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. от 01.04.2025 г.) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10104229/ (дата обращения: 16.08.2026)

[3] Невидимый фронт за колючей проволокой: работа оперативных служб УФСИН глазами сотрудника // МК в Барнауле. 2025. 16 мая. URL: https://brl.mk.ru/social/2025/05/16/nevidimyy-front-za-kolyuchey-provolokoy-rabota-operativnykh-sluzhb-ufsin-glazami-sotrudnika.html?ysclid=ml48issamb987081060 (дата обращения: 17.08.2026)

[4] Абдуллаева Н. Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 213 с.

товском ОТБ-1 УФСИН России. Так, стало известно, что сотрудники ФСИН в 2019 г. создали организованную группу для систематического совершения тяжких и особо тяжких преступлений в отношении заключенных. Целью преступных действий было оказание устрашающего воздействия для обеспечения соблюдения режима отбывания наказания, получения информации и вымогательства денежных средств. Исходя из материалов дела журналистам стало известно, что сотрудники ФСИН для поддержания созданной схемы привлекали осужденных-активистов, оказывающих им содействие в совершении различных преступных действий в отношении других заключенных. По итогу проведенного судебного разбирательства Московский областной суд в конце 2025 г. вынес приговор в отношении семи человек, двое из которых являлись руководителями ОТБ-1 УФСИН по Саратовской области, признав их виновными в ряде преступлений, в том числе по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ[1].

Какие же факторы обусловливают противоправные действия со стороны сотрудников ФСИН, преследующих цель привлечь к уголовной ответственности лиц, заведомо невиновных в инкриминируемых им преступлениях?

Во главе деятельности оперативных подразделений в системе ФСИН находятся выявление, пресечение и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными и лицами, находящимися под стражей. Обоснованно полагать, что отчетность по выявлению преступлений в условиях изоляции является как раз показателем эффективной работы оперативных сотрудников. Необходимо заметить, что в настоящее время уголовно-исполнительная система России претерпевает острую нехватку сотрудников, что отмечает и директор ФСИН РФ Аркадий Гостев, оценивая дефицит кадров в 30 %, а в некоторых местах и в 50 %[2]. Такой значительный показатель дефицита кадров с большой вероятностью оказывает негативное воздействие на условия работы непосредственных служащих пенитенциарной системы, поскольку объем работы, рассчитанный на полный штат служащих, перекладывается на плечи тех, кто остается на службе, и достигает колоссального размера, который, как отмечает сам Аркадий Гостев, становится причиной выгорания большинства сотрудников, увольняющихся из органов принудительной системы за счет раннего выхода на пенсию. Заметим, что острая нехватка сотрудников не является причиной снижения требований к показателям работы подразделений ФСИН, к которым в том числе относятся и оперативные подразделения. Сотрудники последних, также испытывая нехватку в кадровом составе, должны выполнять огромный объем работы, что не может не отразиться на своевременном и качественном выполнении поставленных задач. Возросший уровень усталости в сочетании с объемом и характером ставящихся задач, а также желанием продвинуться по карьерной лестнице, избавляющей во многих случаях от рутинной работы, по нашему мнению, являются благоприятной почвой для развития должностной преступности, среди которой, конечно же, имеет место и фальсификация результатов ОРД.

При раскрытии особенностей уголовно-правового регулирования ответственности сотрудников оперативных подразделений ФСИН РФ за фальсификацию результатов ОРД, конечно же, нельзя обойти стороной анализ официальной судебной статистики, пусть и предстающей исключительно в количественном выражении без указания на принадлежность виновных к конкретным ведомствам, тем не менее позволяющей сделать определенные выводы. Сведения за последние несколько лет выглядят следующим образом: в 2024 г. по ст. 303 УК РФ всего было осуждено 134 человека, 2 из которых было осуждено по ч. 4 ст. 303; в 2023 г. по ст. 303 УК РФ было осуждено 135 человек, а по ч. 4 ст. 303 — 7 человек; в 2022 г. общее количество осужденных по ст. 303 УК РФ составило 133 человека, из которых лишь один был признан виновным по ч. 4 ст. 303 УК РФ[3]. Таким образом, за трехлетний период судебными органами РФ по ч. 4 ст. 303 УК РФ, состав в которой, напомним, имеет субъекта в виде лица, уполномоченного на проведение ОРМ, было осуждено всего 10 человек, что не может не вызвать удивление с учетом того, насколько популяризирована и востребована оперативно-разыскная деятельность в правоохранительной системе России.

В связи с тем, что организация и тактика проведения оперативно-разыскных мероприятий зачастую направлены на негласное получение информации, достаточно сложно найти судебные прецеденты, в которых отражались бы конкретные случаи фальсификации результатов ОРД со стороны сотрудников ФСИН РФ. В своей научной работе А. Ю. Епихин, ссылаясь на работы других авторов, указывает, что наиболее распространенным способом совершения деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, является «подбрасывание»

[1] Московский областной суд. Приговор по уголовному делу в отношении Гаценко П. А., Мальцева С. В., Ананьева С. А., Крайнова А. С., Линкевича С. И., Мухаметзянова И. Д., Янина В. Н. // Официальный сайт Московского областного суда. 2025. 30 декабря. URL: https://oblsud.mo.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=156 (дата обращения: 19.08.2026).

[2] Некомплект сотрудников во ФСИН превысил 30 % // РБК / Политика. 12.03.2026. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/03/2026/69b2b3df9a79478f1159bfcb (дата обращения: 19.08.2026)

[3] Судебная статистика РФ: официальный сайт // АПИ-Пресс. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 20.08.2026)

сотрудниками оперативных подразделений запрещенных предметов или веществ гражданам с целью дальнейшего уголовного преследования этих лиц[1]. В свою очередь, Н. Г. Шурухнов, обратившись в своем исследовании к статистическим данным ФСИН России, сделал вывод, что большая часть совершенных в 2021 и 2022 гг. сотрудниками уголовно-исполнительной системы преступлений относилась к группе деяний против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ)[2]. Это позволяет нам предположить, отталкиваясь и от данных, приводимых Н. Ю. Скрипченко[3], что определенная, а вероятнее всего, значительная часть имевших место случаев фальсификации результатов ОРД просто скрыта за общими составами в виде тех же злоупотребления или превышения должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ), а также служебного подлога (ст. 292 УК РФ).

Следует отметить и то обстоятельство, что выявление фальсификации доказательств и результатов ОРД — процесс достаточно сложный, находящий свое отражение в повышенной латентности этого преступления. Если говорить о причинах этого в деятельности оперативных подразделений ФСИН, то они обусловлены тем, что фальсификация носит завуалированный характер из-за наличия предварительных договоренностей и соглашений с лицами, отбывающими наказание С учетом упомянутого ранее в работе громкого случая, имевшего место в Саратовской ОТБ-1 УФСИН России и ставшего общественным достоянием в силу случайных обстоятельств, где сотрудники проводили пытки заключенных, в том числе для получения конкретной информации от них, можно последовательно резюмировать, что главной причиной сокрытия фальсификации результатов ОРД от государева ока в виде официальной статистики является страх осужденных лиц за свое благополучие при отбывании наказания в изолированных местах, тем более, если речь идет о многолетнем пребывании в них.

Крайне интересным с этой позиции видится исследование, проведенное в рамках диссертационной работы А. Ю. Сафроновым, который, раскрывая криминалистическую характеристику ст. 303 УК РФ с опорой на анализ эмпирических данных, указал, что в 45 % случаев совершения фальсификации доказательств либо результатов ОРД имеет место «достижение договоренности с лицом, чьи показания (заключения, исследования, справки, акты) будут сфальсифицированы о будущем умолчании факта фальсификации»[4]. Полагаем, что подобная предварительная согласованность между сотрудниками оперативных подразделений ФСИН и заключенными о фальсификации результатов ОРД строится исключительно на тех посулах, которые могут быть предложены администрацией исправительного учреждения вверенной ей под ответственность категории лиц.

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее — ППВС № 20) под фальсификацией результатов оперативно-разыскных мероприятий понимается умышленное внесение уполномоченным должностным лицом в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, заведомо недостоверных сведений о результатах оперативно-разыскной деятельности, в том числе о проведении или непроведении того или иного оперативно-разыскного мероприятия, его участниках, сроке и порядке осуществления, выявленных признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, представление указанным органам в качестве объектов, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, поддельных носителей информации или иных предметов, при условии, что такие действия осуществлены в целях незаконного уголовного преследования лица, которое заведомо не причастно к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации данного или другого лица[5].

Вышеназванное ППВС № 20 в п. 17 потерпевшим по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 303 УК РФ, признает физическое или юридическое лицо, которому в результате вынесения постановления по делу об административном правонарушении или судебного решения

[1] Епихин А. Ю. Межотраслевые проблемы фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4.

[2] Шурухнов Н. Г. Противоправные деяния сотрудников уголовно-исполнительной системы: статистика, квалификация, вид наказания // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4.

[3] Скрипченко Н. Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1. С. 41–51.

[4] Сафронов А. Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2020. 226 с.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия” // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404824067/ (дата обращения: 22.08.2026)

по уголовному делу, принятых на основании сфальсифицированных доказательств, причинен физический, имущественный, моральный вред. Когда мы говорим о фальсификации результатов оперативно-разыскных мероприятий со стороны сотрудников ФСИН РФ по отношению к осужденным лицам, то возникает некоторый правовой пробел в уголовном законодательстве. Согласно ч. 4 ст. 303 УК РФ ответственность для лиц, уполномоченных производить оперативно-разыскные мероприятия, возникает в случае совершения общественно опасного деяния в виде фальсификации результатов оперативно-разыскных мероприятий — при этом не требуется наступления каких-либо последствий. Вместе с тем в ч. 3 ст. 303 УК РФ содержатся квалифицирующие признаки состава, указанного в ч. 2, а именно: фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а равно фальсификация, повлекшая наступление тяжких последствий. Таковыми ППВС № 20, например, считает привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу, причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам. Таким образом, уголовный закон отводит фальсификации результатов ОРД роль самостоятельного состава, без выделения его квалифицированных видов, поэтому и в случае, если использование таких результатов повлекло для гражданина наступление тяжких последствий, действия виновного подлежат квалификации по ч. 4 ст. 303 УК РФ. Однако отметим, что санкция ч. 4 ст. 303 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет, тогда как по части третьей максимальное наказание в виде лишения свободы может достигать семи лет, что, наш взгляд, не отвечает принципу справедливости. Более того, данное законодательное решение способствовало не только разночтению мнений, складывающихся в юридической литературе, но и полярности принимаемых судами решений, на что в своей недавней работе обратила внимание д-р юрид. наук Н. Ю. Скрипченко.

Примечательно отметить зарубежную практику в вопросе регулирования ответственности за фальсификацию результатов ОРМ. Например, в Республике Казахстан в ст. 416 Уголовного кодекса (далее — УК РК) устанавливается ответственность за фальсификацию оперативно-разыскных, контрразведывательных материалов или протоколов негласных следственных действий или приложений к ним сотрудником органа, осуществляющего оперативно-разыскную, контрразведывательную деятельность[1]. Особого внимания заслуживает ч. 5 ст. 416 УК РК, ужесточающая наказание за наступление последствий в виде вынесения неправомерного приговора, решения или иного судебного акта в результате фальсификации результатов ОРМ, переводя такое преступление в категорию тяжких. Такой подход со стороны законодателя Республики Казахстан свидетельствует о признании повышенной общественной опасности деяния, приводящего к определенным негативным последствиям.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь, напротив, отсутствует какое-либо упоминание о фальсификации результатов ОРМ. Статья 395 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность только за фальсификацию доказательства, осуществленную следователем, дознавателем, прокурором, судьей и защитником[2], оставляя за пределами уголовной ответственности аналогичные действия сотрудников оперативных подразделений, что, конечно же, является недопустимым.

Выйдя за границы постсоветского пространства, можно встретить, куда более расширительные подходы к определению субъектов фальсификации. Так, ст. 243 Уголовного кодекса КНР устанавливает ответственность за фальсификацию фактов, оговор и клевету в отношении третьих лиц, совершенные с целью подвергнуть этих лиц уголовному преследованию, при отягчающих обстоятельствах[3]. Существует и квалифицированный состав данного деяния, включающий в себя наступление «серьезных последствий». Стоит отметить, что в уголовном законе Китая нет упоминания о содержании серьезных последствий, что, в свою очередь, позволяет судам расширительно толковать смысл таких последствий. Допускаем, что под наступлением серьезных последствий законодатель имел в виду незаконное уголовное преследование или привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица. Таким образом, под юрисдикцию данной статьи подпадают все лица, которые могут своими действиями

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2026 г.) // ИС «Параграф». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252&pos=5;156&pos2=6869;120 (дата обращения: 23.08.2026)

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // ИС «Параграф». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984&pos=514;151&pos2=3915;101 (дата обращения: 23.08.2026)

[3] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm?ysclid=mt0gxgkimx945335531 (дата обращения: 23.08.2026)

совершить любую фальсификацию, отводя первостепенное значение в криминализирующих деяние признаках ее цели.

В Уголовном уложении Федеративной Республики Германии нет упоминаний о фальсификации результатов ОРМ, однако предусмотрен институт «лжеобвинения», отображенный в § 164 уложения[1], который звучит так: «Тот, кто в государственном органе или перед должностным лицом, к компетенции которого относится принятие заявлений 2), или военачальником или публично заведомо ложно обвиняет другое лицо 3) в том, что оно совершило противоправное деяние или нарушило служебные обязанности, с намерением содействовать тому, чтобы против этого лица было возбуждено или продолжено служебное расследование или применение других официальных мер, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом». Немецкий законодатель также использует расширительное толкование и не предусматривает фальсификацию результатов ОРМ как самостоятельное преступление.

Анализируя зарубежный подход к регулированию фальсификации результатов ОРМ, можно заключить, что в большинстве случаев законом не предусмотрена подобная фальсификация в качестве отдельного состава и данное деяние охватывается общей фальсификацией доказательств. Вместе с тем подход к наказанию отличен от российского: в большинстве стран максимальный предел наказания за фальсификацию доказательств выше, чем в нашей стране.

В отечественном уголовном законодательстве фальсификация результатов ОРМ является квалифицированным составом преступления и относится к категории средней тяжести, что, на наш взгляд, не совсем правильно.

Полагаем, что фальсификация результатов оперативно-разыскных мероприятий со стороны сотрудников ФСИН РФ по отношению к лицам, осужденным по приговору суда, является деянием с повышенной общественной опасностью. Это обусловлено тем, что неправомерное ограничение прав и законных интересов лиц, осужденных к лишению свободы по приговору суда, может создать почву для развития правового нигилизма и негативного отношения к правосудию в стране со стороны оступившихся лиц, однажды нарушивших закон. Подобные случаи негативно влияют и на исправление осужденных и препятствуют достижению целей наказания, установленных ст. 43 УК РФ.

В рамках комплексного подхода к разрешению данной проблемы предлагается усиление ответственности по ч. 4 ст. 303 УК РФ за счет отнесения содержащегося в ней состава до категории тяжких преступлений, с дополнительным указанием в санкции на применение с лишением свободы на определенный срок дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также исключения последнего вида наказания из числа основных. Данное предложение выглядит обоснованным по тем причинам, что незаконное привлечение заведомо невиновного лица, а, как уже отмечалось, именно эта цель поставлена во главу угла при фальсификации результатов оперативно-разыскных мероприятий, причиняет вред не только законным интересам личности, но и подрывает сущность института уголовного судопроизводства, а также доверие граждан к государственной власти в целом.

Говоря о возможности фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности сотрудниками ФСИН, нельзя забывать и о том, что исправительные учреждения, в которых осуществляют свои функции сотрудники оперативных подразделений, изолированы от общества и имеют свою особую внутреннюю структуру, не позволяющую последним становиться объектом пристального внимания со стороны различных органов общественного контроля. Важно помнить и то, что у лиц, подвергнутых принудительной изоляции, нет возможности фиксировать процесс взаимодействия и общения с сотрудниками ФСИН, что создает благоприятную почву для применения по отношению к заключенным избирательных методов негативного воздействия.

Освещая проблему совершения преступлений сотрудниками органов и учреждений УИС РФ, Н. Г. Шурухнов предложил ввести новый вид дисциплинарного наказания для указанной категории — вычет льготного стажа, исчисляемого за годы прохождения службы, полагая его приемлемым и для уголовных наказаний[2]. Как представляется, данная мера в совокупности с предлагаемым нами повышением сроков лишения свободы по ч. 4 ст. 303 УК РФ вкупе с введением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью способны стать катализатором, противодействующим совершению противоправных деяний в условиях изоляции от общества со стороны лиц, наделенных правом осуществления оперативно-разыскной деятельности.

Подчеркнем при этом, что в силу особенности состава, отнесенного к ч. 4 ст. 303 УК РФ,

[1] Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам : Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с. (Schriften zum deutschen und russischen Strafrecht; т. 4). URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 18.09.2026)

[2] Шурухнов Н. Г. Указ. соч.

охватывающего фальсификацию результатов ОРД всеми лицами, уполномоченными на проведение оперативно-разыскных мероприятий, которыми, согласно ФЗ № 144 являются представители многочисленных подразделений, а не только ФСИН РФ, применение такой меры взыскания, как вычет льготного стажа по службе, следует оставить только в пределах компетенции ФСИН РФ, выделив тем самым особые условия реализации ОРМ в ограниченных и крайне специфических условиях и требований, предъявляемых к их проведению, не допускающих беззакония.

Защита прав и законных интересов лиц, отбывающих уголовные наказания, в особенности те, что связаны с изоляцией от общества, а также подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, является важной задачей, обеспечиваемой сотрудниками ФСИН России. Любое искажение данных, послуживших основой для вынесения итоговых процессуальных документов, будь то обвинительный приговор или постановление о привлечении в качестве обвиняемого, лишающих или ограничивающих свободу человека, несет в себе повышенную общественную опасность, подрывая не только уважительное отношение общества к системе правосудия, но и, безусловно, наносит урон авторитету государственной власти, не способной найти эффективные решения противодействия подобным деяниям.

Важно помнить, что соблюдение прав и законных интересов человека в нашем государстве занимает особую роль в правоприменительной сфере, что возлагает обязанность его осуществления в независимости от статуса и положения лица, именно поэтому в нашей работе мы сделали акцент на особом значении деятельности сотрудников ФСИН России, наделенных правом проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Сведения об авторах

Пильников Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Министерства юстиции России), кандидат юридических наук, доцент.

Захарова Анастасия Юрьевна — магистрант 1-го курса Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Министерства юстиции России), направление подготовки — 40.02.01. «Правотворчество и правоприменение»**.**

CRIMINAL LAW REGULATION OF LIABILITY AND PREVENTION OF FALSIFICATION OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY RESULTS BY OPERATIONAL STAFF OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. G. PILNIKOV, A. Yu. ZAKHAROVA

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi

Abstract. In their work, the authors address issues related to the existing approach of criminal law doctrine to the regulation of the falsification of the results of operational investigative activities (hereinafter referred to as OIA) carried out by employees of the operational units of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in relation to persons held in isolated conditions. Based on an analysis of statistical data, modern legal literature, and the experience of foreign legislators, the increased social danger of such unlawful acts is emphasized. It is concluded that the sanction under Part 4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation should be toughened by increasing the maximum term of imprisonment and simultaneously classifying the punishment involving deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities as an additional type of punishment. It is concluded that the observance of human rights and legitimate interests should be a priority.

Keywords: *the penal system, the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia), falsification of operational investigative data, conditions of isolation from society, convicted persons.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕКЦИЯ «ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Дисциплинарные взыскания и порядок их применения

И. Р. Акбашев, К. М. Зарипова[1]
Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы применения дисциплинарной ответственности работников в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации. Анализируются виды дисциплинарных взысканий (замечание, выговор, увольнение), основания их наложения, а также строгий процессуальный порядок, предусмотренный ст. 192, 193 ТК РФ. Особое внимание уделяется судебной практике 2024–2026 гг. по спорам о дисциплинарных взысканиях, типичным ошибкам работодателей и основаниям признания взысканий незаконными. Раскрываются требования к доказыванию вины работника, необходимости соблюдения процедуры (затребование объяснений, сроки применения, соразмерность взыскания), а также особенности применения дисциплинарных взысканий при дистанционной работе и в случае грубых нарушений.

Ключевые слова: *дисциплинарное взыскание, дисциплинарная ответственность, ТК РФ, порядок применения, судебная практика, замечание, выговор, увольнение, вина работника, трудовая дисциплина.*

Дисциплинарная ответственность остается одним из ключевых инструментов поддержания «трудовой дисциплины» в организации. Работодатель вправе применить к работнику меры воздействия за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей. Однако судебная практика показывает, что большинство споров возникает именно из-за нарушений процедуры или отсутствия доказанной вины. Правильное применение дисциплинарных взысканий помогает минимизировать риски восстановления работника на работе, выплаты среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда.

Согласно ст. 192 ТК РФ, работодатель может применить только три вида дисциплинарных взысканий:

– замечание;

– выговор;

– увольнение по соответствующим основаниям (в том числе п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ — неоднократное неисполнение трудовых обязанностей без уважительных причин).

Федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине для отдельных категорий работников могут предусматриваться иные взыскания (например, строгий выговор). Применение взысканий, не предусмотренных законодательством, запрещено. За каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно взыскание (ч. 5 ст. 192 ТК РФ).

Раскрывая понятие дисциплинарного проступка, можем сказать, что это виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей. Обязательными элементами которого являются:

– наличие конкретной трудовой обязанности (закрепленной в трудовом договоре, должностной инструкции или локальном нормативном акте);

– вина работника (умысел или неосторожность);

– причинная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями.

Работодатель обязан учитывать тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее поведение работника и его отношение к труду (ч. 5 ст. 192 ТК РФ). Несоразмерность взыскания тяжести проступка часто становится основанием для его отмены в суде.

Порядок применения дисциплинарных взысканий (ст. 193 ТК РФ):

[1] Научный руководитель — Сайфутдинова Венера Максутовна, старший преподаватель кафедры экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий.

Строгое соблюдение процедуры — главное условие законности взыскания. Порядок включает следующие этапы:

1. Обнаружение проступка — днем обнаружения считается день, когда непосредственному руководителю стало известно о нарушении.

2. Затребование письменного объяснения от работника. Работодатель обязан направить требование в письменной форме. На дачу объяснений предоставляется два рабочих дня. Отказ от объяснений фиксируется актом.

3. Составление акта или служебной записки, сбор иных доказательств (при необходимости — проведение служебной проверки).

4. Издание приказа о применении дисциплинарного взыскания. В приказе обязательно указывается конкретный проступок с описанием даты, времени, обстоятельств и ссылкой на нарушенные нормы.

5. Ознакомление работника с приказом под роспись в течение трех рабочих дней. При отказе составляется соответствующий акт.

Сроки применения взыскания:

– не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка (в этот срок не включается время болезни или отпуска работника);

– не позднее шести месяцев со дня совершения проступка (а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности — не позднее двух лет).

Служебная проверка не приостанавливает и не продлевает месячный срок.

При дистанционной работе (гл. 49.1 ТК РФ) особое значение приобретает четкое закрепление порядка взаимодействия в трудовом договоре или локальном нормативном акте (ст. 312.3 ТК РФ). Отсутствие таких положений часто приводит к отмене взысканий. В. М. Сайфутдинова в своем исследовании формулирует следующую позицию: «законодательство содержит достаточно норм, но работодатели часто игнорируют как специальные требования к дистанционным работникам, так и общие правила трудового права (например, сроки уведомления, истребование объяснений, предложение вакансий). Сторонам необходимо тщательно прописывать все условия в договоре и контролировать их выполнение».

Яркий пример — дело Семенюк Л. Д. против ООО «ЛУЗАЛЕС-ТИХВИН». Работница на дистанционной работе получила замечание, выговор и была уволена за непредставление еженедельных отчетов. Второй кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 27 марта 2025 г. (дело № 88-3166/2026, УИД 77RS0023-02-2024-009157-20)[1] признал все взыскания незаконными. Суд указал, что обязанность сдавать отчеты не была закреплена ни в трудовом договоре, ни в локальных актах. Работницу восстановили, взыскали более 869 тыс. руб. среднего заработка за вынужденный прогул и 50 тыс. руб. компенсации морального вреда.

Суды последовательно отменяют дисциплинарные взыскания при следующих нарушениях:

– отсутствие доказанной вины работника;

– неконкретное описание проступка в приказе (простой ссылки на акт расследования недостаточно);

– нарушение процедуры затребования объяснений или сроков применения взыскания;

– несоразмерность взыскания тяжести проступка;

– применение нескольких взысканий за один проступок.

В практике Верховного Суда РФ и кассационных судов подчеркивается, что работодатель несет бремя доказывания наличия дисциплинарного проступка и соблюдения порядка привлечения к ответственности.

Пример по делу № 1: Водитель Башарин С. Н. грубо разговаривал с диспетчером и сорвал рейс. Работодатель применил замечание. Работник признал конфликт, но заявил, что диспетчер его спровоцировала. Вывод по делу: Работодатель выиграл, потому что:

– четко описал проступок в приказе (ссылка на конкретный пункт инструкции + обстоятельства);

– доказал вину и соблюдение процедуры. Салаватский городской суд Республики Башкортостан (решение от 16 апреля 2025 г.), Верховный Суд РБ (апелляция от 9 июля 2025 г.) и Шестой кассационный суд общей юрисдикции (Определение от 2025–2026 гг., дело № 2-1210/2025) оставили взыскание в силе. Суды отметили, что проступок доказан, процедура соблюдена, а ссылка на провокацию диспетчера не подтверждена[2].

Пример по делу № 2 (общероссийская практика): Работодатель уволил сотрудника за прогул. Третий кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 04.03.2026 № 88-3863/2026[3] отказал работнику во всех требованиях, потому что работодатель полностью соблюл процедуру: затребовал объяснения, составил акты и учел тяжесть проступка. Увольнение признано законным.

Проведенный анализ показывает, что институт дисциплинарной ответственности работников в российском трудовом праве представляет

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2025 г. по делу № 88-3166/2026

[2] Решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 16 апреля 2025 г. по делу № 2-1210/2025 (оставлено без изменения апелляционным определением Верховного Суда РБ от 9 июля 2025 г. и кассационным определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции).

[3] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2026 № 88-3863/2026 (УИД 39RS0011-01-2025-000414-62)

собой строго формализованный механизм, несоблюдение которого работодателем влечет признание взыскания незаконным. Основные проблемы в практике связаны с неправильным сбором и учетом объяснений работника, пропуском сроков для наложения взысканий, установленных в ст. 193 ТК РФ, а также с несоответствием меры наказания серьезности проступка. Изучение судебной практики 2024–2026 гг. выявило типичные ошибки работодателей, например отсутствие достаточных доказательств вины или неучет особенностей дистанционной работы, таких как сложности при фиксировании отказа от объяснений. Важным остается вопрос правильной квалификации серьезных нарушений, где суды требуют четкой документации каждого факта проступка. Всё это указывает на то, что работодателям нужно строго соблюдать процедуру наложения взысканий, а практика применения закона должна дальше вырабатывать единые подходы к оценке меры наказания и виновности.

Сведения об авторах

Акбашев Имиль Русланович — студент 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

Зарипова Кристина Махматмуратовна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

DISCIPLINARY SANCTIONS AND THEIR APPLICATION PROCEDURE

I. R. AKBASHEV, K. M. ZARIPOVA

Ufa University of Science and Technology, Ufa

Abstract. This article examines current issues of employee disciplinary action in accordance with Russian labor legislation. It analyzes the types of disciplinary sanctions (reprimands, reprimands, dismissals), the grounds for their imposition, and the strict procedural procedure stipulated by Articles 192–193 of the Labor Code of the Russian Federation. Particular attention is given to judicial practice from 2024–2026 on disputes over disciplinary sanctions, typical employer errors, and grounds for recognizing sanctions as unlawful. The article discusses the requirements for proving employee guilt, the need to comply with the procedure (requesting an explanation, application deadlines, and the proportionality of the sanction), as well as the specifics of applying disciplinary sanctions during remote work and in cases of serious violations.

Keywords: *disciplinary action, disciplinary liability, Russian Labor Code, application procedure, judicial practice, reprimand, warning, dismissal, employee guilt, labor discipline.*

Проблема защиты трудовых прав работников: защита с помощью профсоюзного контроля

Г. И. Алтынбекова, А. Т. Халитова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. Раскрывается понятие защиты трудовых прав работников, а именно защита с помощью профсоюзного контроля. Также выясняется причина возникновения нарушенных прав и способы их предотвращения. Авторы подмечают важность института профсоюзного контроля, так как он выступает главным элементом в защите трудовых прав работников. На основе анализа данной темы была приведена судебная практика.

Ключевые слова: *Трудовой кодекс, профсоюзы, работодатель, работник, права работника, нарушение прав работника, профсоюзный контроль.*

Права работников в наше время часто подвергаются нарушению со стороны работодателей. Если мы обратимся к статистике электронного сервиса «Онлайнинспекция.рф», за последние полгода количество обращений составило 36 694[1]. Из всех этих обращений больше всего было по поводу

[1] URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1571707/

заработной платы — 13 591 и увольнений — 11 507. Государственная инспекция труда (ГИТ) обнаружила систематические ошибки, которые допускают руководители. Чаще всего встречаются нарушения режима труда и отдыха, просчеты в оформлении и расторжении трудовых договоров, незаконный наем иностранных работников, задержки выплаты зарплаты и отказ от предоставления компенсаций при увольнении сотрудников. Работодатели нередко ущемляют права своих сотрудников, а последние, в свою очередь, не всегда пытаются их защитить. Это объясняется страхом увольнения, нежеланием конфликтов с руководством и нехваткой знаний о своих правах. Кроме того, многие работники даже не осознают, что их права были нарушены. Мы полагаем, что основная причина этого заключается в недостаточной правовой осведомленности граждан и неполном контроле за соблюдением прав работников.

Поэтому в современных условиях социально-трудовых отношений, развития новых форм занятости особую актуальность приобретает вопрос эффективной защиты трудовых прав работников и одним из традиционных, постоянно развивающихся институтов такой защиты выступает профсоюзный контроль. Профсоюзы — это добровольные общественные объединения граждан, связанных общими профессиональными, производственными интересами по роду их деятельности, создаваемые с целью представительства и защиты социально-трудовых прав и интересов. Профессиональные союзы как субъекты трудового права наделены широкими полномочиями по осуществлению контроля над соблюдением трудового законодательства со стороны работодателей. Статья 370 ТК РФ закрепляет право профессиональных союзов на осуществление контроля за соблюдением работодателями и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнением ими условий коллективных договоров и соглашений[1]. Аналогичные положения содержатся в ст. 10 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»[2], которая посвящена праву профсоюзов на осуществление профсоюзного контроля. В. Л. Михайликов выделяет четыре организационно-правовые формы профсоюза:

– участие в отношениях социального партнерства;

– участие в применении установленных условий труда;

– участие в разрешении трудовых споров;

– осуществление профсоюзного контроля над соблюдением законодательства о труде и об охране труда.

По времени осуществления согласно российскому профсоюзу работников промышленности РОСПРОФПРОМ профсоюзный контроль подразделяется на три вида:

1. Предварительный контроль осуществляется на этапе планирования работодателем изменений условий труда. Профсоюз оценивает законность и целесообразность проектов локальных актов. Данный вид контроля приобретает ведущее значение, так как позволяет предотвратить нарушения еще до их возникновения.

2. Текущий контроль сочетает элементы предварительного и последующего. Он позволяет одновременно предотвращать потенциальные нарушения и выявлять уже допущенные. Наиболее актуален при контроле производственных процессов через изучение документации, а также при решении вопросов об увольнении определенных категорий работников, где требуется предварительное согласие вышестоящего профсоюзного органа.

3. Последующий контроль направлен на выявление уже совершенных нарушений и восстановление прав работника. При поступлении информации о нарушении профсоюз проводит проверку, запрашивает документы и при подтверждении нарушений направляет работодателю требование об их устранении. Работодатель обязан в недельный срок рассмотреть такое требование и сообщить о принятых мерах.

Профсоюз следит за соблюдением работодателями и должностными лицами законодательства о труде — в том числе по вопросам трудового договора (контракта), рабочего времени и времени отдыха, оплаты труда, гарантий и компенсаций, льгот и преимуществ, а также по другим социально-трудовым вопросам — в организациях, где работают члены данного профсоюза. Профсоюз вправе требовать устранения выявленных нарушений. Работодатели, должностные лица обязаны в недельный срок с момента получения требования об устранении выявленных нарушений сообщить профсоюзу о результатах его рассмотрения и принятых мерах.

Как указывает В. И. Миронов в своем учебном пособии, возникновение у профсоюза права представлять социально-трудовые интересы и права лица обусловлено реализацией этим лицом конституционной возможности на объединение в профсоюзы. Согласно ч. 1 ст. 30 Конституции

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/aa6ecb84073a90effcb17d8072f725020eb3a7ee/ (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 13.05.2026).

РФ, каждому гарантируется свобода объединений, в том числе право формировать профсоюзы для отстаивания собственных интересов[1]. Статья 2 Конвенции МОТ № 87, посвященной свободе ассоциации и защите права на организацию, закрепляет за трудящимися право основывать профсоюзы по собственному усмотрению без необходимости получения предварительного разрешения, а также вступать в них при соблюдении лишь одного требования — следования уставу данной организации. Работодатели, в свою очередь, обладают правом создавать аналогичным образом собственные ассоциации для защиты своих прав[2]. Тем не менее участниками таких объединений чаще всего становятся либо юридические лица, либо граждане, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность. Следовательно, действующее законодательство ставит членство лица в профсоюзе в прямую зависимость исключительно от его добровольного волеизъявления.

Для осуществления профсоюзного контроля профсоюзы вправе создавать собственные инспекции труда — правовые и технические, наделенные соответствующими полномочиями согласно положениям, утверждаемым профсоюзами.

Осуществление профсоюзом защиты социально-трудовых прав и законных интересов граждан ведется по различным направлениям. В частности, профсоюз уполномочен заниматься защитой трудовых прав индивидуально определенных работников. При реализации защиты прав и интересов конкретных трудящихся деятельность профсоюза ограничивается действием принципа диспозитивности, который нашел свое закрепление в ст. 3 и 39 ГПК РФ[3]. Сущность принципа диспозитивности заключается в невозможности реализации прав и свобод гражданина помимо его собственного волеизъявления. Исходя из этого, обращение в инстанции, наделенные компетенцией по охране прав и свобод личности, допустимо лишь при наличии явно выраженной воли каждого конкретного работника, чьи интересы представляет профсоюз. Таким образом, при отстаивании прав индивидуальных субъектов профсоюз, согласно предписаниям ст. 39, ч. 4 ст. 131 и ст. 132 ГПК РФ, наделяется только общей правоспособностью. Закрепление же в уставе профсоюзной организации нормы, согласно которой сам факт членства автоматически порождает у профсоюза специальные полномочия на представительство интересов работников, прямо противоречит вышеуказанным законодательным положениям. Ввиду этого подобное уставное условие не подлежит применению.

Лицо вправе подать непосредственно в судебный орган письменное заявление, в котором должны быть указаны специальные полномочия, делегируемые профсоюзной организации. Заверить подпись гражданина на таком заявлении уполномочены жилищные организации либо органы местного самоуправления по месту фактического проживания или работы заявителя. В аналогичном порядке может быть заверена и доверенность, которую гражданин оформляет на имя профсоюза, наделяя его перечисленными в ней специальными полномочиями. Следовательно, при представительстве интересов отдельных лиц профсоюз способен приобрести специальные полномочия двумя способами: посредством выдачи гражданином доверенности либо через подачу этим гражданином специального заявления непосредственно в суд.

Таким образом, институт профсоюзного контроля сохраняет свое значение как эффективный механизм защиты трудовых прав работников. Его дальнейшее развитие должно учитывать как необходимость совершенствования законодательной базы, так и потребность в укреплении профсоюзных структур и активизации их работы непосредственно на местах применения труда.

Сведения об авторах

Алтынбекова Гузель Ильгизовна — студентка института права Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа.

Халитова Алина Тимуровна — студентка института права Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа.

[1] Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г.: с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

[2] Конвенция Международной организации труда № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» : принята 9 июля 1948 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121088/

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/

THE PROBLEM OF PROTECTING WORKERS' LABOR RIGHTS: PROTECTION THROUGH TRADE UNION CONTROL

G. I. ALTYNBEKOVA, A. T. KHALITOVA
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Abstract. In this article, the authors explore the concept of protecting workers' labor rights, specifically focusing on the use of trade union control to protect these rights. The article also examines the causes of violated rights and the methods used to prevent them. The authors emphasize the importance of the trade union control institution as a key element in protecting workers' labor rights. The article provides examples of court cases that support this analysis.

Keywords. *Labor Code, trade unions, employer, employee, employee rights, violation of employee rights, trade union control.*

Развитие единой системы государственной регистрации права на недвижимость

П. М. Алькова, Н. М. Кухарь[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Рассматривается появление и становление одного из важнейших элементов института недвижимого имущества — единой системы государственной регистрации права на недвижимость, а также дальнейшие перспективы развития.

Ключевые слова: *государственная регистрация прав, недвижимое имущество, государственная программа, искусственный интеллект.*

Развитие единой системы государственной регистрации права на недвижимость как единой информационной унифицированной учетно-регистрационной системы претерпевало большое количество изменений в истории своего становления. На современном этапе развития общества государственную регистрацию выделяют как отдельный институт российского гражданского права.

Развитие сферы прав на недвижимость граждан по своей природе порождает необходимость надежной системы государственной регистрации и учета информации о недвижимом имуществе, позволяя обеспечить государственные гарантии прав граждан и юридических лиц на недвижимое имущество. Помимо того, данная система позволяет повысить эффективность работы с данным видом имущества, помогает в улучшении процедуры оформления прав, а также существенно сокращает затрачиваемые ресурсы.

Целью статьи является анализ становления единой системы государственной регистрации права на недвижимость, ее развитие и особенности деятельности.

До принятия единого кодифицированного нормативного правового акта, регулирующего регистрацию недвижимости, регистрацией занимались различные организации. Ими выступали органы технической инвентаризации, органы местного самоуправления: земельные комитеты, исполнительные комитеты районного, городского Совета депутатов и другие.

Система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним появилась в Российской Федерации 31 января 1998 г., с введением в действие Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

С появлением данного Федерального закона стало возможным создание первого и единого реестра, который мог бы позволить вести качественный учет прав граждан. При этом права граждан на объекты недвижимости, возникшие до дня появления единой системы, не остались упущенными, они признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН).

В процессе реформирования в 2013 г. Правительство Российской Федерации вынесло Постановление № 903 «О федеральной целевой программе "Развитие единой государственной системы

[1] Научный руководитель — Жуматова Гульжан Орбековна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета.

регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2020 годы)"».

Целью программы являлась гармонизация сферы земельно-имущественных отношений, базирующаяся на соблюдении баланса интересов, взаимной ответственности и скоординированности усилий государства, бизнеса и общества, что обеспечивает переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития Российской Федерации.

Задачами программы являлись: объединение Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним и государственного кадастра недвижимости в единый государственный информационный ресурс; обеспечение организации предоставления услуг по принципу «одного окна» и переход к оценке гражданами качества предоставления услуг; повышение качества указанных информационных ресурсов для обеспечения инвестиционной привлекательности и повышения эффективности налогообложения недвижимости.

Как конечный результат ожидалось, в том числе:

1. Увеличение в 2020 г. доли объектов недвижимости, сведения о которых содержатся в Едином государственном реестре недвижимости и документы по которым переведены в электронный вид, в общем количестве сформированных дел Единого государственного реестра недвижимости до 45 %.

2. Увеличение в 2016 г. количества субъектов Российской Федерации, на территории которых внедрен Единый государственный реестр недвижимости, а также обеспечен переход от местных систем координат к государственной системе координат, принятых для ведения государственного кадастра недвижимости, до 85 единиц.

3. Увеличение в 2018 г. доли услуг по государственной регистрации прав и кадастровому учету, оказываемых через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в общем количестве государственных услуг по государственной регистрации прав и кадастровому учету до 70 %.

Как продолжение проекта Правительства в настоящее время выступает Государственная программа «Национальная система пространственных данных». К 2030 г. планируется создать единую цифровую платформу пространственных данных и единую электронную картографическую основу, которые будут включать в себя сведения об объектах недвижимости, зарегистрированных правах на недвижимое имущество и государственной кадастровой оценке.

Внедрение новых механизмов существенно улучшит качество госуслуг в сфере кадастрового учета недвижимости и регистрации прав на нее. Особую роль сыграет возможность получения этих услуг в цифровом формате. Постановление от 1 декабря 2021 г. № 2148 об утверждении соответствующей государственной программы и входящих в ее состав мероприятий подписал Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин.

В Челябинской области в целях развития системы цифрового формата происходит обучение электронным услугам Росреестра для формирования открытой, удобной и комфортной среды взаимодействия между Управлением Росреестра по Челябинской области и заявителями в электронном виде. С 2018 г. успешно функционируют курсы электронных услуг, на которых обучаются как физические, так и юридические лица.

Так, например, по опубликованным в официальном сообществе Управления Росреестра по Челябинской области в сети «ВКонтакте» сведениям, 16 апреля 2025 г. состоялось обучающее занятие для представителей юридических лиц. Главный специалист продемонстрировал работу с личным кабинетом правообладателя на сайте Росреестра, подробно рассказав, как подавать заявления о государственной регистрации прав и перехода права на объекты недвижимости, а также регистрации договора аренды и дополнительных соглашений к нему. Важно отметить, что многие организации после прохождения обучения переходят на полностью электронный формат взаимодействия с Росреестром, оценив его удобство и оперативность. Именно поэтому с 1 марта 2025 г. юридические лица должны подавать заявления на кадастровый учет и регистрацию прав с прилагаемыми к ним документами только в электронной форме.

В рамках цифровизации государственных услуг Росреестр активно развивает систему электронных сервисов. Ключевой целью ведомства является оптимизация временных затрат граждан при получении государственных услуг. Одним из успешных примеров такой трансформации стал запущенный четыре года назад проект по ускоренной регистрации ипотечных договоров. Благодаря этой инициативе процесс оформления документации теперь занимает всего 24 часа, что значительно упрощает процедуру кредитования и стимулирует участников рынка к использованию электронного формата регистрации ипотечных сделок.

Необходимость продолжения данной программы объясняется завершением реализации предыдущей программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости на 2014–2020 годы», но при этом сохранением проблемы интенсивности наполнения ЕГРН сведениями о пространственных данных. Помимо этого, сохраняется отсутствие сведений о правообладателях 48,3 млн объектов недвижимости, а также наличие в ЕГРН реестровых ошибок, которые могут повлечь за собой риски снижения темпов территориального развития.

Таким образом, запуск государственной программы «Национальная система простран-

ственных данных» знаменует собой важный шаг в цифровизации сферы недвижимости в России. К 2030 г. будет создана современная инфраструктура, включающая единую цифровую платформу и электронную картографическую основу, что позволит не только устранить существующие недостатки в системе учета недвижимости, но и значительно улучшить качество госуслуг в этой сфере.

В Челябинской области с внедрением данной системы происходят кардинальные изменения. Так, по состоянию на 1 апреля 2025 г. оцифровано более 3,512 млн дел, или 81,7 % от общего количества. Что касается плана на 2025 г., перед региональным филиалом Роскадастра стоит задача оцифровать более 209 тыс. документов. На 16 апреля отсканировано уже более 53 тыс. дел, или 25,4 %[1].

Помимо этого, на территории Челябинской области по состоянию на 1 марта 2025 г. из 422 800 объектов недвижимости, о которых в ЕГРН отсутствуют сведения об их правообладателях, проведены работы по 392 411 ранее учтенным объектам. В результате в регионе осуществлена регистрация ранее возникших прав на 86 639 ранее учтенных объектов недвижимости

Параллельно с развитием данной системы происходит внедрение искусственного интеллекта и нейронных сетей в деятельность института недвижимого имущества. Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490[2] искусственным интеллектом является комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Примером такой работы является внедрение программы «Цифровой помощник регистратора ЕВА» — этот цифровой помощник специализируется на поддержке одной из наиболее популярных государственных услуг — регистрации прав собственности на недвижимость по договорам купли-продажи, включая сделки с ипотечным кредитованием. «ЕВА» проводит предварительную проверку пакета документов за 15 секунд, предзаполняет электронные формы заявлений и дает моментальную обратную связь заявителю, если в документах что-то не так.

Помимо этого, также был представлен сервис «Умный кадастр», на основе предобученных нейросетей и алгоритмов пространственного анализа помогающий защищать имущественные интересы граждан и вовлекать в оборот неиспользуемые объекты недвижимости[3]. В целях создания системы развития искусственного интеллекта, в том числе для их внедрения и применения, происходит формирование нормативно-правовой базы, позволяющей фактически привести в исполнение задуманные планы.

«Что же представляют собой технологии искусственного интеллекта в контексте создания Национальной системы пространственных данных? Понятие «искусственный интеллект» довольно широкое и разными специалистами интерпретируется по-разному. В Указе Президента Российской Федерации дано следующее определение понятия «искусственный интеллект»: «это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[4].

Искусственный интеллект представляет собой функциональную модель, которая устанавливает регрессионную взаимосвязь между зависимыми и независимыми переменными. Ключевым элементом его работы является процесс обучения, во время которого происходит настройка параметров модели.

Интеграция цифровых технологий и искусственного интеллекта открывает широкие возможности для совершенствования методики определения кадастровой стоимости объектов недвижимости. Это направление развития оценочной деятельности приобретает особую актуальность в связи с планируемыми изменениями в законодательстве.

В настоящее время разрабатывается законопроект, предусматривающий использование федеральной геоинформационной системы при проведении государственной кадастровой оценки. Данная система станет ключевым элементом национальной инфраструктуры пространственных данных.

В контексте государственной кадастровой оценки, а также регистрации прав граждан искусствен-

[1] Роскадастр по Челябинской области // Открытое сообщество ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-57237007_6050.

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 09.09.2026).

[3] Росреестр: сайт. Москва. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-predstavil-servis-umnyy-kadastr-dlya-napolneniya-egrn-aktualnymi-dannymi-i-zashchity-imushch

[4] Пылаева А. В., Акинин М. В. Искусственный интеллект и нейронные сети — инструменты кадастровой оценки недвижимости в составе Национальной системы пространственных данных // Имущественные отношения в РФ. 2024. № 4 (271). С. 27.

ный интеллект может быть эффективно применен для решения следующих задач:

1) выявления и количественной оценки факторов, влияющих на стоимость объектов недвижимости;

2) разработки моделей в рамках сравнительного подхода к оценке;

3) сокращения затрачиваемых ресурсов;

4) оптимизации деятельности единого реестра учета прав на недвижимое имущество.

Это позволит повысить точность и объективность результатов кадастровой оценки, а также оптимизировать процесс обработки больших массивов данных при определении стоимости объектов недвижимости.

Национальная система пространственных данных позволяет добиваться таких результатов не только при помощи искусственного интеллекта, но и с помощью космических спутников и современной техники. Создание специально разработанных систем позволяет открывать новые возможности для работы реестра. Например, космическая технология дистанционного зондирования земли позволяет за короткое время получить данные о нашей планете, ее ресурсах с больших площадей. При помощи космических снимков появляется больше шансов узнать актуальную пространственную информацию, определить перспективные площади для использования, в том числе для жилищного строительства[1].

Помимо этого, на данный момент происходит развитие Единой электронной картографической основы, которая является систематизированной совокупностью пространственных данных о всей территории Российской Федерации, создается в виде цифровых топографических карт (планов) и цифровых ортофотопланов различных масштабов[2]. Также Росреестр совместно с Федеральной кадастровой палатой запустили обновленную версию онлайн-платформы «Публичная кадастровая карта». Данный интерактивный ресурс позволяет пользователям беспрепятственно получать доступ к информации из Единого государственного реестра недвижимости.

Одной из ключевых инноваций обновленного сервиса стала внедренная система обучающего модуля, которая помогает новичкам освоиться с функционалом карты. Этот модуль представляет собой детальное руководство, последовательно демонстрирующее все доступные инструменты и возможности платформы.

Дополнительно разработчики обогатили пользовательское меню новыми опциями, существенно расширяющими функционал работы с картографическим материалом. Эти изменения направлены на повышение удобства использования сервиса и расширение его практических возможностей для конечных пользователей.

Таким образом, на основе всестороннего анализа изученных данных, включающих нормативную правовую базу и практику применения соответствующих норм в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество, можно констатировать, что на современном этапе развития общественных отношений наблюдается тенденция к активному внедрению инновационных технологий в процесс регистрации прав граждан на объекты недвижимости.

Государственная регистрация, являясь основополагающим институтом вещного права, играет системообразующую роль в правовом регулировании имущественных отношений и обеспечении правовой определенности в сфере оборота недвижимого имущества.

Несмотря на определенные сложности, которые могут возникнуть в процессе осуществления новой системы регистрации, объективно подтверждается, что внедрение современных технологических решений будет способствовать существенной оптимизации деятельности государственных органов, повышению эффективности регистрационных процедур и обеспечению более высокого уровня защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Исходя из вышесказанного, происходящие трансформации в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество следует рассматривать как закономерный этап развития правовой системы, направленный на совершенствование механизмов правового регулирования имущественных отношений и обеспечение баланса частных и публичных интересов.

Сведения об авторах

Алькова Полина Михайловна — студентка 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Кухарь Никита Максимович — студент 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[1] Управление Росреестра по Челябинской области // Открытое сообщество ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-31227950_8901.

[2] Росреестр: сайт. Москва. URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/geodeziya-i-kartografiya/edinaya-elektronnaya-kartograficheskaya-osnova

DEVELOPMENT OF A UNIFIED SYSTEM OF STATE REGISTRATION OF REAL ESTATE RIGHTS

P. M. ALKOVA, N. M. KUKHAR
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article examines the emergence and development of one of the most important elements of the real estate institution — the unified system of state registration of real estate rights, as well as further development prospects.

Keywords: *state registration of rights, real estate, state program, artificial intelligence.*

Особенности увольнения несовершеннолетних работников по инициативе работодателя

А. А. Апанович, Я. Д. Молодцова[1]
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург

Аннотация. Рассматриваются правовые проблемы увольнения несовершеннолетних работников по инициативе работодателя. Анализируется механизм двойного согласования (ст. 269 ТК РФ), типичные ошибки и судебная практика. Сделан вывод о необходимости исключительного применения данной меры в силу повышенной правовой защиты подростков.

Ключевые слова: *несовершеннолетние работники, увольнение, инициатива работодателя, защита трудовых прав, охрана детства.*

Трудовая деятельность несовершеннолетних граждан представляет собой особый институт российского права, базирующийся на конституционном принципе охраны детства и повышенной защиты наиболее уязвимой категории работников. С одной стороны, современный рынок труда способствует ранней экономической социализации подростков. С другой стороны, государство вводит строгие правила для работодателей, направленные на минимизацию рисков причинения вреда физическому и моральному здоровью несовершеннолетних. Эта двойственность особенно ярко проявляется в вопросах, касающихся расторжения трудового договора по инициативе работодателя.

Вопрос увольнения несовершеннолетних сотрудников по инициативе работодателя приобретает особую остроту на фоне усиливающегося диссонанса: с одной стороны, экономика испытывает потребность в гибком использовании труда лиц юного возраста, с другой — законодатель устанавливает крайне жесткие процедурные рамки расторжения договора, предусмотренные ст. 269 ТК РФ. В современном мире недобросовестные работодатели пользуются тем, что с неугодным молодым специалистом, в частности несовершеннолетним работником, не обладающим опытом в трудовой сфере, не знающим в достаточной мере свои права и полномочия работодателя, весьма просто прекратить трудовые правоотношения[2]. Однако традиционные методы увольнения, такие как расторжение договора за прогулы или несоответствие должности, не могут быть применены, поскольку требуют обязательного согласования с инспекцией труда и комиссией по делам несовершеннолетних. Игнорирование этой процедуры, а также частые ошибки при увольнении сотрудников за прогулы во время учебы или несоответствие должности неизбежно приводят к восстановлению работника на прежнем месте и значительным штрафам для работодателя, которые усиливают контроль. В связи с этим исследование данного вопроса приобретает особую значимость для минимизации правовых рисков в сфере управления персоналом.

[1] Научный руководитель — Боброва Юлия Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции.

[2] Миронова Е. К. Проблемы расторжения трудового договора с несовершеннолетними работниками // Скиф. 2019. № 9 (37). С. 226.

По общему правилу, увольнение несовершеннолетнего сотрудника по основаниям, предусмотренным ст. 81 ТК РФ, допускается только при условии получения предварительного согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав[1]. Данное требование представляет собой дополнительный механизм правовой защиты, который не заменяет, а функционирует параллельно с общим порядком применения дисциплинарных санкций и фиксации нарушений трудовой дисциплины. Работодатель обязан не только соблюдать процедурные нормы, установленные для взрослых работников, включая требование о предоставлении письменного объяснения и соблюдение установленных сроков, но и инициировать процесс согласования своего решения с соответствующими компетентными органами.

Особого внимания заслуживает вопрос о сроках направления обращения в уполномоченные органы. Работодателю рекомендуется направлять запрос с таким расчетом, чтобы он поступил в государственную инспекцию труда и комиссию по делам несовершеннолетних не позднее чем за месяц до планируемой даты увольнения. Это обусловлено тем, что обращение по общему правилу рассматривается до 30 дней со дня регистрации, при этом еще три дня отводится на саму процедуру регистрации[2]. Кроме того, нормативными правовыми актами субъектов РФ могут устанавливаться собственные сроки рассмотрения подобных обращений комиссией по делам несовершеннолетних, что работодателю также необходимо принимать во внимание. Несоблюдение временных рамок способно повлечь крайне негативные последствия: например, чтобы уволить сотрудника за прогул, у работодателя есть, как правило, один месяц со дня обнаружения проступка[3]. Если согласие будет получено уже после истечения этого срока, увольнение может быть признано незаконным.

В случае увольнения несовершеннолетнего сотрудника по причине сокращения численности или штата организации, важно установить, действительно ли имело место сокращение и какими мотивами руководствовался работодатель при принятии решения об увольнении. Необходимо также выяснить, не было ли увольнение попыткой избавиться от сотрудника, которому в соответствии с законодательством о труде должны быть созданы особые условия и предоставлены льготы из-за его возраста или совмещения работы с учебой. Дополнительно следует проверить, было ли выполнено требование ст. 180 ТК РФ о предложении увольняемому других доступных вакансий[4]. Кроме того, в случае увольнения по сокращению необходимо проверить, не обладает ли несовершеннолетний преимущественным правом на оставление на работе, например в соответствии с условиями коллективного договора.

Законодатель предусматривает единственное исключение, когда получение согласий компетентных органов не требуется, — это ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуальным предпринимателем. Данная норма основана на объективной невозможности сохранения трудовых отношений ввиду прекращения существования одной из сторон договора. Во всех остальных случаях, независимо от вины работника, работодатель обязан пройти процедуру одобрения в двух инстанциях. При этом важно учитывать, что если увольняемый в связи с ликвидацией или сокращением относится к категории детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, работодатель обязан обеспечить и оплатить такому работнику необходимое профессиональное обучение с последующим трудоустройством к себе или к другому работодателю[5].

Как отмечается в научной литературе, реализация положений статьи ТК РФ о дополнительных гарантиях работникам в возрасте до восемнадцати лет при расторжении трудового договора сопряжена с рядом серьезных трудностей. В частности, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1, увольнение несовершеннолетнего признается незаконным при отсутствии согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних. Помимо этого, закон наделяет родителей (попечителей) и органы опеки правом инициировать прекращение трудовых отношений с работником младше 15 лет, если выполняемая работа наносит вред его здоровью[6].

Наконец, осуществляя окончательный расчет при увольнении, работодатель обязан выплатить несовершеннолетнему заработную плату, компенсацию за неиспользованный отпуск и иные при-

[1] Ст. 269 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Ст. 8, ст. 12 О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ: текст с изм. и доп. на 28.12.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Ст. 193 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Буянова А. В. Основания увольнения несовершеннолетнего работника // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 98.

[5] Ст. 9 О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ: текст с изм. и доп. на 15.12.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] П. 23 О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда от 28.01.2014 № 1 // СПС«КонсультантПлюс».

читающиеся суммы. При расчете компенсации за неиспользованный отпуск следует учитывать, что работнику в возрасте до 18 лет полагается удлиненный ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью 31 календарный день. Также необходимо проверить, не предусмотрены ли коллективным договором дополнительные выплаты при увольнении, например выходное пособие[1].

Проанализировав правовые обзоры, можно заметить, что прямых примеров споров об увольнении именно несовершеннолетних работников за последнее время практически нет, но это не означает отсутствия проблемы. Скорее, это указывает на то, что судебная практика по делам увольнения несовершеннолетних по инициативе работодателя не включает множество уникальных прецедентов, поскольку в целом направлена на защиту уязвимых категорий граждан. Она опирается на три основных критерия: защита подлинной воли, при которой суды тщательно проверяют, насколько добровольно было подписано соглашение о расторжении трудового договора, особенно если оно заключено на явно невыгодных для молодого специалиста условиях без компенсаций; строжайшее соблюдение формальных процедур и соразмерность наказания, при которых суды признают увольнение чрезмерной мерой, если работодатель не учел отсутствие у несовершеннолетнего длительного стажа безупречного поведения и не исчерпал иные, более мягкие меры дисциплинарного воздействия; и особая специфика доказывания, возлагающая на работодателя обязанность продемонстрировать максимальную осмотрительность — не только доказать факт нарушения, но и подтвердить, что сотруднику были детально разъяснены юридические последствия его действий, а также в обязательном порядке получено согласие уполномоченных органов, отсутствие которого является безусловным основанием для восстановления на работе, что в совокупности формирует презумпцию повышенной защиты, вынуждающую работодателя действовать гуманнее, чем предписывает закон.

Проведенное исследование показывает, что действующая процедура увольнения несовершеннолетних работников создает для работодателей настолько жесткие правовые рамки и риски восстановления сотрудника в должности, что мотивация к найму лиц моложе 18 лет объективно снижается. Риск судебного оспаривания увольнения, высокие издержки доказывания и репутационные потери приводят к тому, что работодатель отказывается от приема подростков, предпочитая более «удобные» категории персонала. Парадоксальным образом защита несовершеннолетних при расторжении трудового договора оборачивается дискриминацией при трудоустройстве, лишая их доступа к ранней экономической социализации.

В этой связи представляется необходимым введение обязательного квотирования рабочих мест для несовершеннолетних. Позитивным примером может служить программа ваучеров на трудоустройство молодежи, проект которой рассматривается в Финляндии. В ее рамках компании, нанимающие молодых людей до 30 лет (включая лиц с неполным образованием и без опыта), получают государственную субсидию, покрывающую 50 % заработной платы в течение шести месяцев. Данный подход демонстрирует, как государство может взять на себя часть рисков и издержек работодателя, делая наем уязвимых категорий молодежи экономически привлекательным, а не обременительным. Аналогичные механизмы — через квоты с финансовой поддержкой или налоговые преференции — могли бы компенсировать российским работодателям процедурные ограничения, заложенные в ст. 269 ТК РФ, и восстановить баланс между защитой прав несовершеннолетних и их доступом к рынку труда.

Сведения об авторах

Апанович Анастасия Алексеевна — студентка 2-го курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Молодцова Янина Денисовна — студентка 2-го курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

FEATURES OF DISMISSAL OF MINOR EMPLOYEES AT THE INITIATIVE OF THE EMPLOYER

A. A. APANOVICH, Y. D. MOLODTSOVA
Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Saint Petersburg

Abstract. The article examines the legal problems of dismissal of minor employees at the initiative of the employer. The mechanism of double approval (Article 269 of the Labour Code of the Russian Federation), typical mistakes,

[1] Ст. 178 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

and judicial practice are analyzed. The conclusion is drawn that this measure must be applied exclusively due to the enhanced legal protection of adolescents.

Keywords: *minor employees, dismissal, employer›s initiative, protection of labour rights, protection of childhood.*

Геномная информация как вид персональных данных

Е. Д. Асташкина[1]

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Самара

Аннотация. Статья посвящена правовому режиму геномной информации в российском законодательстве. Автор рассматривает геномную информацию как разновидность персональных данных, анализирует ее соотношение с биометрическими персональными данными, а также выявляет особенности ее обработки в рамках государственной геномной регистрации. Обосновывается вывод о высокочувствительном характере геномной информации, требующем повышенных стандартов охраны в связи с ее способностью идентифицировать не только само лицо, но и его родственников, а также предсказывать состояние здоровья.

Ключевые слова: *геномная информация, персональные данные, биометрические данные, геномная регистрация, генетические данные, тайна частной жизни, трансграничная передача.*

В современном мире одной из остро стоящих проблем является проблема идентификации личности. Цифровой мир дистанцирует участников правоотношений, делая вопрос удостоверения личности одним из центральных. Для цивилистики зоной, требующей повышенного внимания, является вопрос определения надлежащего лица в сделках, поскольку цифровые способы взаимодействия контрагентов не всегда являются достоверными. Вопросы идентификации личности помимо прочего важны в криминалистической науке, судебной медицине и других областях знаний.

В связи с вышеизложенным представителями научного сообщества, бизнесом, правоохранительными органами в своей отрасли решаются вопросы идентификации личности, в связи с чем мы можем встретить различные виды персональных данных, призванные усовершенствовать достоверность идентификации: это могут быть паспортные данные, контактная информация, в последнее время широко распространено использование биометрических данных. Однако с развитием науки и техники ставится под вопрос надежность даже использования биометрии, например с появлением дипфейк-технологий и нейросетей.

В связи с этим полагаем, что геномная информация в этой части является видом данных, сложнее всего поддающихся подделке, но, по нашему мнению, менее законодательно урегулированным видом данных с точки зрения современного российского права. Вместе с этим использование геномной информации усиливает риски вмешательства в частную жизнь человека. В отличие от обычных персональных данных геномная информация позволяет не только идентифицировать конкретное лицо, но и косвенно затрагивает его родственников, происхождение, предрасположенность к заболеваниям и иные чувствительные аспекты личности.

Что же такое геномная информация и чем она отличается от «обычных» персональных данных?

Нормативную основу рассматриваемого вопроса составляют прежде всего Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее — Закон № 242-ФЗ). Цель закона о персональных данных прямо связана с обеспечением защиты прав и свобод человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. При этом сам закон определяет персональные данные широко — как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу.

Само понятие геномной информации содержится в указанном ранее Законе № 242-ФЗ, которое прямо определяет геномную информацию как персональные данные, включающие кодированную

[1] Научный руководитель — Устюжанина Виктория Олеговна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

информацию об определенных фрагментах ДНК физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности. Следовательно, в российском праве геномная информация не просто соприкасается с институтом персональных данных, а прямо включена в него на уровне законодательного определения. Это позволяет сделать важный вывод о применении к геномной информации как общих принципов обработки персональных данных, так и специальных норм.

Возникает вопрос: можно ли считать геномную информацию биометрическими персональными данными? Статья 11 Закона № 152-ФЗ относит к биометрическим персональным данным сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, позволяют установить его личность и используются оператором именно для установления личности субъекта. С этой точки зрения ДНК и иные генетические маркеры способны выступать биометрическим идентификатором, если оператор использует их для идентификации конкретного лица. Однако законодательство не содержит абсолютно однозначной и развернутой конструкции, которая бы прямо и системно описывала геномную информацию как самостоятельную разновидность биометрических данных во всех сферах ее применения, из-за чего в доктрине продолжаются дискуссии о ее точном правовом режиме. Так, Е. С. Болтанова и М. П. Имекова предлагают принципиальное разграничение: генетические сведения — это персонифицированная информация о конкретном лице, которая входит в состав нематериального блага «тайна частной жизни» и не может собираться и использоваться без его согласия. Напротив, генетические данные — это неперсонифицированная, анонимизированная и систематизированная информация, которая может выступать элементом такого объекта, как база данных[1].

На практике правовой режим геномной информации в России имеет ярко выраженный специальный характер. Закон № 242-ФЗ устанавливает, что государственная геномная регистрация бывает добровольной и обязательной. Обязательной регистрации подлежат, в частности, неопознанные трупы, лица, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и неустановленные лица, биологический материал которых изъят с мест происшествий. Одновременно предусматривается создание федеральной базы данных геномной информации, а доступ к использованию такой информации предоставлен судам, органам предварительного следствия, дознания и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

С точки зрения защиты прав личности это означает, что законодатель допускает обработку геномной информации без индивидуального согласия в случаях, когда такая обработка прямо предусмотрена федеральным законом и служит публично значимым целям, прежде всего идентификации и расследованию преступлений. Такой подход в целом соответствует ст. 6 закона № 152-ФЗ, допускающей обработку персональных данных не только на основании согласия, но и в случаях, когда это необходимо для исполнения обязанностей, установленных законом, либо в связи с осуществлением судопроизводства и исполнением публичных полномочий. Вместе с тем здесь особенно остро встает вопрос о соразмерности вмешательства в частную жизнь и достаточности гарантий от злоупотреблений.

Еще одна важная особенность геномной информации состоит в длительности и глубине ее правового значения. В отличие от номера телефона или адреса электронной почты, геном практически не меняется на протяжении жизни, а его компрометация создает риски, которые невозможно полностью устранить путем простой замены идентификатора. Более того, генетические сведения потенциально затрагивают не только самого субъекта данных, но и его биологических родственников, поскольку отражают наследственные связи. По этой причине многие авторы обоснованно считают геномную информацию особым, высокочувствительным массивом персональных данных, требующим повышенных стандартов охраны.

Российское законодательство уже содержит отдельные защитные механизмы. Закон № 152-ФЗ закрепляет принципы законности, целевой обусловленности обработки, недопустимости избыточности данных и ограничения сроков хранения целями обработки. Закон № 242-ФЗ, в свою очередь, устанавливает специальные сроки хранения геномной информации: например, в ряде случаев она хранится до установления факта смерти лица, а при отсутствии таких сведений — до даты, когда ему исполнилось бы 100 лет; для отдельных категорий материалов предусмотрен срок хранения до 70 лет. Для лиц, прошедших добровольную геномную регистрацию, предусмотрена возможность уничтожения геномной информации до истечения срока хранения по их желанию.

При этом нельзя не отметить, что современное регулирование остается фрагментарным. В научной литературе указывается на недостаточную определенность правового статуса генетической информации, неполную разработанность правил хранения, доступа, государственного контроля и юридической ответственности за неправомерное использование таких данных. Иными словами,

[1] Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica. 2019. № 6 (151). С. 110–120.

закон уже признает особую ценность геномной информации, но еще не выстроил в полной мере завершенный и единообразный режим ее оборота во всех сферах — от медицины и науки до коммерческих генетических сервисов.

Как отмечает Д. В. Мурзин, сведение правового регулирования генетических отношений исключительно к публично-правовым запретам является слишком узким подходом. Исследователь предлагает разграничивать генетический материал как вещь и генетическую информацию как нематериальное содержание. До момента профессионального извлечения генетическая информация юридически не признается существующей, а право на нее после извлечения должно принадлежать собственнику генетического материала, если иное не установлено договором. Такая модель позволяет обеспечить баланс интересов собственника биоматериала и исследователя, что особенно важно для сферы биобанков и коммерческих генетических сервисов[1].

Дополнительную актуальность теме придают новейшие законодательные изменения. В феврале 2026 г. был принят закон, направленный на обеспечение сохранности и защиты генетических данных человека; он предусматривает, в частности, запрет передачи за рубеж генетических данных человека, полученных в результате популяционных генетических и иммунологических исследований, за исключением специально установленных случаев. Это свидетельствует о том, что государство начинает рассматривать генетические данные не только как объект частноправовой охраны, но и как ресурс, связанный с национальной безопасностью, технологическим суверенитетом и биологической защитой страны[2].

На наш взгляд, дальнейшее развитие законодательства должно идти по нескольким направлениям. Во-первых, целесообразно прямо закрепить в законе особый правовой режим геномной информации как высокочувствительного вида персональных данных, обладающего одновременно признаками биометрической и семейно значимой информации. Во-вторых, необходимо более детально урегулировать порядок доступа к таким данным, их обезличивания, уничтожения, трансграничной передачи и использования в научных исследованиях. В-третьих, следует усилить ответственность за незаконный сбор, утечку и дискриминационное использование генетической информации, поскольку вред от таких нарушений может быть долгосрочным и затрагивать широкий круг лиц.

Таким образом, геномная информация в российском праве уже признана персональными данными и подлежит охране как с позиции общего законодательства о персональных данных, так и с позиции специальных норм о геномной регистрации. Однако ее уникальная природа требует дальнейшего совершенствования законодательства, поскольку обычных механизмов защиты персональных данных здесь недостаточно. Именно поэтому правовое регулирование геномной информации должно развиваться по пути более точной классификации, усиления гарантий конфиденциальности и установления баланса между интересами личности, общества и государства.

Сведение об авторе

Асташкина Елизавета Дмитриевна — курсант 3-го курса юридического факультета Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Самара.

GENOMIC INFORMATION AS A TYPE OF PERSONAL DATA

E. D. ASTASHKINA

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Samara

Abstract. The article is devoted to the legal regime of genomic information in Russian legislation. The author examines genomic information as a type of personal data, analyzes its relationship with biometric personal data, and identifies the features of its processing within the framework of state genomic registration. The author substantiates the conclusion about the highly sensitive nature of genomic information, which requires enhanced protection standards due to its ability to identify not only the individual themselves, but also their relatives, as well as to predict health status.

Keywords: *genomic information, personal data, biometric data, genomic registration, genetic data, privacy, cross-border transfer.*

[1] Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 11–18.

[2] Федеральный закон от 20.02.2026 № 43-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности“ и статью 2 Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности“» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602200064 (дата обращения: 06.05.2026).

Специальные права потребителей при исполнении договора розничной купли-продажи

Д. А. Афанасьева, Л. Е. Шуйтасова[1]
Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Казань

Аннотация. С ростом объемов розничной торговли и увеличением числа потребителей, защищающих свои права, возникает необходимость в четком применении норм, регулирующих отношения продавцов и покупателей. Потребители часто сталкиваются с проблемами качества товаров, недостатком информации и нарушением условий договоров, что подчеркивает важность изучения их прав и механизмов защиты.

Ключевые слова: *потребитель, договор купли-продажи, возврат, товар, дистанционная продажа.*

Итак, по общему правилу, потребитель вправе обменять непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный товар у продавца, у которого этот товар был приобретен, если указанный товар не подошел по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации. Ряд исключений из круга товаров, подлежащих обмену по данной статье, установлен подзаконным актом[2].

Условие такого возврата — товар не должен иметь признаки эксплуатации (носки). При наличии диспутов относительно наличия таковых может быть назначена экспертиза. Ее результаты будут решающими для суда. К примеру, по одному из дел было установлено: «При этом экспертизой установлено, что изделие находилось в эксплуатации, на это указывает: деформация подкладки рукавов в области локтевого сгиба в виде незначительных заломов, деформация подкладки изделия в нижней части спинки в виде незначительных заломов»[3]. В таком случае обмен товара недопустим.

Ст. 25 Закона о ЗПП[4] также предусматривает возврат денежных средств при отсутствии иного подходящего потребителю товара.

Впрочем, реализация этого права фактически связана с установленной за потребителем обязанностью — предоставить товар в надлежащей и целой упаковке. В противном случае потребитель фактически теряет обозначенное право. Смысл этого весьма метко был отражен в одном из судебных решений: «По сути, данное требование означает тождественность приобретенного товара его новому аналогу, не имеющему внешних повреждений. Указанная норма права направлена на защиту прав и законных интересов как покупателя, так и продавца, заинтересованного в последующей реализации возвращенного ему товара»[5].

Учитывая относительную легкость реализации данного права, потребители достаточно часто им пользуются в корыстных целях, фактически злоупотребляя им. Например, приобретая товар и аккуратно его используя, гражданин может вернуть его в магазин, и формально его право должно соблюдаться.

Интересен следующий правоприменительный пример. Истец принял условия акции (при покупке товаров № 1 и № 2 — товар № 3 за 1 руб.), а на следующий день отказался от условий, требуя возврата денег за один товар по полной цене. Суд установил, что истец мог вернуть комплект товаров и тут же забрать их, поменяв неугодный товар на другой, но не сделал этого. Суд подтвердил злоупотребление правом[6].

Особого внимания заслуживают права потребителя при дистанционной продаже. Отношения регулируются ст. 26.1 Закона о ЗПП и Правилами продажи товаров дистанционным способом[7]. Специфика данного способа (отсутствие возмож-

[1] Научный руководитель — Закиров Радик Юрьевич, доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент Казанского филиала Всероссийского университета юстиции.

[2] Об утверждении перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 2. Ст. 428.

[3] Решение мирового судьи судебного участка № 3 по Советскому району г. Казани по делу № 2-1234/2021 от 15.06.2021.

[4] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[5] Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан по делу № 33-5678/2020 от 20.08.2020.

[6] Решение Советского районного суда г. Казани по делу № 2-987/2022 от 12.04.2022.

[7] Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом: Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 16.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.

ности непосредственного ознакомления с товаром) требует предоставления дополнительных гарантий.

Ключевое право — отказ от товара в любое время до его передачи, а после передачи — в течение семи дней. Если потребителю не была предоставлена в письменной форме информация о порядке и сроках возврата, он вправе отказаться от товара в течение трех месяцев. Это правило стимулирует продавца к добросовестному исполнению обязанности по информированию. Вернуть товар надлежащего качества, приобретенный дистанционно, возможно лишь при условии сохранения его товарного вида, потребительских свойств, а также документов, подтверждающих факт и условия покупки. Важно отметить, что при отказе потребителя от товара продавец обязан возвратить уплаченную за него сумму, за исключением расходов продавца на доставку возвращенного товара, не позднее чем через десять дней со дня предъявления требования.

Однако, как и в общем порядке, из данного правила есть исключения. Потребитель не вправе отказаться от товара надлежащего качества, имеющего индивидуально-определенные свойства, если указанный товар может быть использован исключительно приобретающим его потребителем. На практике это относится, например, к товарам, изготовленным по индивидуальному заказу или с определенной гравировкой.

Таким образом, дистанционная продажа предоставляет потребителю расширенные возможности для отказа от товара по сравнению с обычной розницей (ст. 25 Закона о ЗПП). Законодатель устанавливает более длительные сроки для принятия решения (до 3 месяцев) и упрощает процедуру возврата, что компенсирует информационный дисбаланс между продавцом и покупателем.

Наиболее востребованной является группа прав потребителя при обнаружении недостатков товара. Недостаток не должен быть оговорен продавцом. Как указано в Постановлении № 17, условие о том, что некоторые свойства товара не являются браком, не противоречит закону[1].

Потребитель по своему выбору вправе: 1) потребовать замены на товар той же марки; 2) замены на товар другой марки с перерасчетом цены; 3) потребовать соразмерного уменьшения цены; 4) потребовать безвозмездного устранения недостатков; 5) отказаться от договора и потребовать возврата суммы.

В целом Закон о ЗПП четко прописывает правила реализации каждого из указанных полномочий потребителя. Рассмотрим на основе анализа судебной практики некоторые специфические правила осуществления таковых.

Так, основной акт в этой сфере, как это ни парадоксально, не предусматривает запрет на предъявление сразу нескольких требований. Однако в одном из дел ВС РФ прямо подчеркнул, что потребитель вправе избрать только один из перечисленных в ст. 18 способов[2]. Но фактически на этом усмотрение потребителя заканчивается. Далее вступает в силу практически свободное действие контрагента. К примеру, Закон о ЗПП не содержит предписаний относительно того, каким образом должен быть устранен недостаток — путем использования запасных частей или замены товара, а сам способ устранения не определяет существенность недостатка[3].

В случае спора о причинах возникновения недостатков продавец (изготовитель) обязан провести экспертизу товара за свой счет. Экспертиза проводится в сроки, установленные Законом о ЗПП, для удовлетворения соответствующих требований. Потребитель обязан передать товар для проведения экспертизы, в противном случае он теряет право на выбор варианта поведения согласно ст. 18 Закона о ЗПП.

Если в результате экспертизы установлено, что недостатки возникли вследствие обстоятельств, за которые не отвечает продавец (изготовитель), потребитель обязан возместить расходы на экспертизу, а также связанные с ней расходы на хранение и транспортировку товара. Так, по одному из дел причиной поломки двигателя стало «масляное голодание» из-за несвоевременного выполнения обязательного обслуживания автомобиля[4]. Сторона, не согласная с результатами экспертизы, вправе обжаловать заключение эксперта в судебном порядке.

Особенностью гражданско-правовой ответственности в потребительских отношениях является их тесная связь со сроками. Законодатель, устанавливая наиболее благоприятные условия для потребителя, в структуру потребительских отношений включил сроки регламентации отдельных процедур. Законодательное ограничение сроков совершения действий участниками гражданских правоотношений несвойственно гражданско-правовым отношениям. В этом проявляется охранительный потенциал потребительских правоотношений.

Между тем значение сроков фактически может нивелироваться судом. Так, истец обратился

[1] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 (ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.05.2019 № 5-КГ19-51 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Решение Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 2-1456/2020 от 10.09.2020.

к ответчику с предложением о замене товара на девятый день после передачи ответчиком товара, что суд посчитал незначительным пропуском семидневного срока[1].

Следует отметить, что понятия «срок годности», «гарантийный срок», а также «срок службы» в Законе о ЗПП имеют различное правовое значение, с ними четко связываются определенные требования к выполнению тех или иных обязательств. Потребитель вправе предъявить предусмотренные ст. 18 Закона о ЗПП требования к продавцу (изготовителю) в отношении недостатков товара, если они обнаружены в течение гарантийного срока или срока годности.

При предъявлении требования об устранении недостатка товара в пределах гарантийного срока бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, лежит на продавце (изготовителе)[2].

Если существенный недостаток выявлен по истечении двух лет и гарантийный срок истек, требование о расторжении договора может быть заявлено только к изготовителю. Потребитель обязан доказать, что недостаток возник до передачи товара. В отдельных случаях договор розничной купли-продажи может быть сопряжен с дополнительными услугами, например доставкой[2].

Таким образом, специальными правами потребителя являются права на замену товара надлежащего качества и требования при наличии недостатков. Дистанционный способ продажи предоставляет расширенные возможности для отказа от товара, компенсируя невозможность предварительного осмотра. Исследование этих прав необходимо для формирования эффективной правовой среды, способствующей защите прав граждан и созданию справедливых условий для участников торговых отношений.

Сведения об авторах

Афанасьева Дарья Алексеевна — обучающаяся 3-го курса Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань.

Шуйтасова Лия Едилкановна — обучающаяся 3-го курса Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань.

SPECIAL RIGHTS OF CONSUMERS IN THE PERFORMANCE OF A RETAIL SALE AND PURCHASE AGREEMENT

D. A. AFANASYEVA, L. E. SHUYTASOVA

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan

Abstract. With the growth of retail trade and the increase in the number of consumers defending their rights, there is a need for a clear application of the rules governing the relationship between sellers and buyers. Consumers often face problems with product quality, lack of information and violation of contract terms, which emphasizes the importance of studying their rights and protection mechanisms.

Keywords: *consumer, sale and purchase agreement, return, goods, remote sale.*

Проблемы кадастровой оценки земель

А. Р. Ахатова, А. А. Ситдикова[3]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Рассматриваются ключевые аспекты применения кадастровой оценки земельных участков, сопряженные с ней налоговые вопросы и процедурные сложности обжалования. Отдельное внимание уделяется ситуации в Челябинской области. Актуальность темы обусловлена прямым воздействием устанавливаемой кадастровой стоимости на социально-экономические отношения в стране и благосостояние населения.

[1] Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-45678/2021 от 25.11.2021.

[2] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[3] Научный руководитель — Талевлин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, институт права Челябинского государственного университета.

Ключевые слова: *кадастровая оценка, кадастровая стоимость, государственная кадастровая оценка, проблемы кадастровой оценки земель, налогообложение.*

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной ролью кадастровой стоимости в системе земельных и имущественных правоотношений Российской Федерации. В соответствии с Налоговым кодексом РФ (гл. 30 и 31) и Земельным кодексом РФ (ст. 65) кадастровая стоимость служит базой для исчисления земельного налога и налога на имущество организаций, определения размера арендной платы за государственные и муниципальные земли, а также выкупной цены при приватизации. Таким образом, ее величина напрямую влияет на финансовое состояние граждан, бизнеса и доходы бюджетов всех уровней.

Кадастровая оценка земель представляет собой комплекс мероприятий в техническом и административном секторе, проводимый для вычисления точной цены земельного участка на определенный момент времени.

Согласно Федеральному закону от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке», кадастровая оценка состоит из следующих действий:

– принятие решения о проведении государственной кадастровой оценки;

– определение кадастровой стоимости и составление отчета об итогах государственной кадастровой оценки;

– утверждение результатов определения кадастровой стоимости[1].

Одной из ключевых проблем кадастровой оценки земель является ее прямая связь с налогообложением недвижимости. Завышенная кадастровая стоимость приводит к необоснованному увеличению налоговой нагрузки, что вынуждает собственников обращаться в суд. Всё чаще как физические, так и юридические лица оспаривают результаты кадастровой оценки, указывая на ее искажение и недостоверность, хотя по замыслу законодателя такая оценка должна объективно отражать рыночную ценность земельного участка.

Правовой механизм оспаривания государственной кадастровой оценки основывается на системном взаимодействии двух ключевых законов. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» является специальным актом, непосредственно устанавливающим порядок проведения и оспаривания ГКО. Именно он определяет этапы кадастровой оценки, основания для пересмотра ее результатов, а также досудебный и судебный порядок обжалования. В свою очередь, Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» задает общие правовые рамки: требования к оценочной деятельности, статусу оценщика и содержанию отчета об оценке. Такой отчет, подготовленный независимым оценщиком, служит основным доказательством при оспаривании кадастровой стоимости. Таким образом, механизм оспаривания основан на системном взаимодействии специальных (№ 237-ФЗ) и общих (№ 135-ФЗ) норм. Дополнительно применяются положения Земельного и Налогового кодексов РФ, а также нормы процессуального законодательства в зависимости от категории спора.

На региональном уровне, например в Челябинской области, комиссия по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости действует при Министерстве имущества Челябинской области, что является реализацией досудебного порядка, установленного федеральным законом. Однако на практике эта процедура остается финансово затратной и длительной, что создает дополнительные барьеры для защиты прав собственников.

С 1 января 2026 г. вступил в силу обязательный досудебный порядок обжалования результатов кадастровой оценки, предусмотренный ст. 22.1 Федерального закона № 237-ФЗ. Пересмотр кадастровой стоимости возможен исключительно путем подачи обращения в уполномоченное бюджетное учреждение. Судебное обжалование допустимо только в случае, если предварительно получено решение этого учреждения. Срок подачи заявления — не позднее шести месяцев с момента внесения сведений в ЕГРН[1].

Введение с 2026 г. обязательного досудебного порядка оспаривания не решает проблему обременительности процедуры для собственников и может ее усугубить. Основное изменение — обязательный досудебный фильтр в виде обращения в уполномоченное бюджетное учреждение — решает задачи государства по разгрузке судов и унификации практики, но усложняет положение граждан. Процедура удлиняется за счет обязательного этапа, финансовые расходы на оценщика и юриста сохраняются и становятся неизбежными на досудебной стадии, а сокращение срока подачи заявления до 6 месяцев резко повышает процессуальные риски.

Например, в 2024 г. комиссией и судами было рассмотрено значительное количество заявлений, что подтверждается рядом издаваемых распорядительных документов. Так, приказ Министерства имущества Челябинской области от 22.07.2024 № 113-П констатировал необходимость пересчета кадастровой стоимости для группы земель-

[1] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 04.07.2016 г. № 27 (часть I) ст. 4170.

ных участков[1]. Успешное оспаривание приносит существенный экономический эффект. В одном из случаев по Челябинской области кадастровая стоимость участка в результате пересмотра была снижена с 106 245 906 до 91 868 000 руб. Учитывая ставку земельного налога, данная корректировка позволила собственнику сократить ежегодные налоговые платежи примерно на 216 000 руб., наглядно демонстрируя финансовую значимость точной и справедливой кадастровой оценки.

Суть следующей проблемы заключается в системном недостатке процедуры, при которой уполномоченный орган — в нашем случае Министерство имущества Челябинской области — утверждает кадастровую стоимость, опираясь на расчеты, уже искаженные из-за ошибочных исходных сведений из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

Проблема возникает по следующему механизму. Первоисточником ошибок служит сама база ЕГРН, которая может содержать неверные данные о площади, границах или характеристиках объектов. Масштаб таких технических неточностей значителен — например, только в Челябинской области в 2024 г. было выявлено и исправлено свыше 15 тысяч реестровых ошибок, таких как пересечение границ и некорректные площади. Именно эти искаженные исходные данные автоматически используются оценочной моделью, что напрямую приводит к формированию необоснованной расчетной стоимости — ее завышению или занижению.

Утверждающий орган, фокусируясь преимущественно на проверке соблюдения методики, а не на достоверности первичных данных, юридически закрепляет результат, не соответствующий реальности. Таким образом, ошибочная стоимость вносится обратно в ЕГРН, что придает изначально неверным данным статус достоверных и усугубляет проблему.

Главное противоречие состоит в том, что орган, утверждающий итоговую стоимость, не обладает полномочиями, возможностями или ресурсами для исправления технических ошибок в первичных записях реестра. В результате его административное решение базируется на изначально дефектной информации.

Для системного решения этих задач и повышения управляемости процессом в Челябинской области было создано специализированное учреждение — государственное бюджетное учреждение «Челябинский центр кадастровой оценки». На него возложены функции организатора и методического центра проведения ГКО на территории региона, что призвано обеспечить большую прозрачность, контроль и, как следствие, достоверность определяемой стоимости.

Федеральным законодательством установлена периодичность проведения государственной кадастровой оценки — через четыре года с года проведения последней государственной кадастровой оценки соответствующих видов объектов недвижимости, а в городах федерального значения — через два года[2]. Основанием для ее проведения служит решение регионального органа власти, за исключением случаев внеочередной оценки.

Однако на практике соблюдение данной периодичности и, главное, обеспечение качества результатов являются нетривиальной задачей. Опыт Челябинской области наглядно демонстрирует системные проблемы в процессе. После проведения массовой кадастровой оценки объекты недвижимости, как и в других регионах, столкнулись с волной оспаривания.

Судебная статистика свидетельствует о значительном объеме корректировок: по состоянию на 2023 г. в области насчитывалось более 700 вступивших в силу судебных актов об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере их рыночной стоимости. Совокупный экономический эффект от снижения стоимости по этим делам превысил 3,5 млрд руб., что указывает на масштаб первоначальных ошибок и существенные фискальные потери для бюджета региона.

Анализ результатов кадастровых оценок выявляет устойчивую тенденцию к росту кадастровой стоимости объектов недвижимости. В ряде случаев это приводит к тому, что кадастровая стоимость начинает превышать рыночную.

Возникающая при этом разница напрямую влияет на размер налоговой нагрузки. Для предприятий уплата налогов, рассчитанных по завышенной кадастровой стоимости, означает необоснованные финансовые потери. Эти средства могли бы быть направлены на развитие бизнеса или операционные нужды. Аналогичным образом от неточной кадастровой оценки страдают и физические лица, чьи налоговые обязательства необоснованно увеличиваются.

С учетом вышеизложенного, в результате государственной оценки земель сельскохозяйственного значения выявлены следующие проблемы[3]:

– отсутствие в необходимом объеме и соответствующего качества картографического поч-

[1] О необходимости пересчета кадастровой стоимости земельного участка в связи с наличием ошибки, допущенной при определении кадастровой стоимости : приказ Министерства имущества Челябинской области от 22.07.2024 № 113-П // Южноуральская панорама. 2024. № 61 (4605).

[2] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 04.07.2016 г. № 27 (часть I), ст. 4170.

[3] Попова О. О., Жорова В. И. Проблемы кадастровой оценки как основы налогообложения недвижимости // Московский экономический журнал. 2019. № 5. С. 13. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-15012

венного материала. Эта проблема является существенной и не позволяет проводить качественную кадастровую оценку сельскохозяйственных угодий;

– анализ работ по ГКОЗ сельскохозяйственного назначения, проведенных в субъектах Российской Федерации, показал, что ни в одном отчете не было разделения в пределах земельного участка по видам разрешенного использования;

– также методической проблемой является невозможность составления экспликации площадей земельных участков по типам почв по причине отсутствия в государственном кадастре недвижимости сведений о местоположении границ земельных участков;

– важнейшей проблемой является определение минимальных показателей кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий.

С учетом вышеназванного целесообразно выделить еще одну весомую проблему кадастровой оценки земель — это оспаривание результатов кадастровой оценки[1].

Согласно ФЗ «Об оценочной деятельности», возможность оспорить кадастровую стоимость недвижимого имущества имеет право физическое или юридическое лицо в судебном или досудебном порядке. Заявление должно быть рассмотрено комиссией в течение месяца с момента подачи, если срок вышел или заявление отклонили, то заявитель обращается в суд.

Основой для оспаривания кадастровой стоимости служит отчет об оценке рыночной стоимости, подготовленный независимым оценщиком, состоящим в саморегулируемой организации (СРО). Обязательным условием является также получение положительного заключения от этой СРО, которое удостоверяет соответствие отчета всем законодательным нормам.

Крайне важно, чтобы рыночная стоимость в отчете была определена на ту же дату, на которую установлена оспариваемая кадастровая стоимость. Несоблюдение этого требования приведет к отказу как комиссии, так и суда.

Если государственная комиссия по спорам сочтет представленный отчет не соответствующим закону, следующим шагом станет ходатайство о назначении судебной экспертизы для определения рыночной стоимости. В случае положительного решения по спору кадастровая палата обязана внести изменения в ЕГРН, а обновленные сведения будут направлены в налоговые органы для корректировки налоговых начислений.

Таким образом, оценка земли — это сложный процесс, требующий точной идентификации объекта, прав на него, тщательного подбора данных для расчетов и минимизации субъективных допущений.

Учитывая тот факт, что земельный фонд России разнообразный и специфический, то для увеличения достоверности и повышения качества земельно-оценочных работ нужно усовершенствовать методики оценки кадастровой стоимости земли, привлекать к оценке только квалифицированных лиц, желательно входящих в систему власти органов местного самоуправления[2].

Проблемы, препятствующие выполнению установленных требований, нарушают права и свободы граждан. Поэтому для обеспечения нормального функционирования рынка земельных отношений важно обеспечить постоянный мониторинг использования законодательства об оценке земельных участков. Система государственной кадастровой оценки нуждается не только в изменениях, но и в модернизации, под которой понимают коренную перестройку системы для достижения качественно нового результата. Фундаментом этой трансформации должны стать современные технологии, безупречные данные и научные методики, а все процессы — проектироваться с учетом интересов собственника. Такой подход обеспечит системе необходимые справедливость, эффективность и соответствие рыночным требованиям, повысив общее доверие к ней. Это происходит потому, что кадастровая оценка имеет важное экономическое значение и поэтому должна быть «адаптирована» к условиям, диктуемым рынком. Это также позволит избежать произвола властей, что, несомненно, сократит количество судебных исков по оспариванию кадастровой стоимости земельного участка.

Сведения об авторах

Ахатова Аделина Руслановна — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Ситдикова Ангелина Азатовна — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[1] Шевченко О. Ю., Мамчиц А. Е., Тимофеева М. Ю. Оспаривание кадастровой оценки: факты, проблемы и решения // Экономика и экология территориальных образований. 2017. № 3. С. 45–48.

[2] Чукарина А. А., Морозов Ю. И. Проблемы кадастровой оценки земель // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 337–339.

PROBLEMS OF CADASTRAL LAND ASSESSMENT

A. R. AKHATOVA, A. A. SITDIKOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The study examines the key aspects of applying cadastral valuation to land plots, the tax-related issues associated with it, and the procedural difficulties of appealing the valuation. Special attention is paid to the situation in the Chelyabinsk Region. The relevance of the topic is due to the direct impact of the established cadastral value on socio-economic relations in the country and the well-being of the population.

Keywords: *cadastral valuation, cadastral value, state cadastral valuation, problems of land cadastral valuation, taxation.*

Правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации

В. П. Бельская[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Рассматриваются гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации. Раскрываются условия применения статьи 152 ГК РФ, анализируются опровержение, право на ответ, удаление информации из сети Интернет, запрет дальнейшего распространения сведений и взыскание убытков. Отдельное внимание уделяется разграничению фактических утверждений и оценочных суждений, а также проблемам доказывания репутационного вреда.

Ключевые слова: *деловая репутация, юридическое лицо, опровержение, порочащие сведения, репутационный вред.*

Деловая репутация юридического лица является значимым нематериальным благом и одновременно фактором экономической устойчивости организации. Для контрагентов, потребителей, банков и инвесторов сведения о надежности компании нередко имеют не меньшее значение, чем ее имущество или формальные регистрационные данные. Распространение ложной негативной информации способно повлечь отказ от договоров, снижение продаж, утрату доверия и дополнительные расходы на восстановление делового имиджа. Поэтому защита деловой репутации выступает не только личным неимущественным, но и практически значимым имущественным интересом юридического лица.

Актуальность темы усиливается цифровизацией информационного оборота. Негативные сведения могут быть опубликованы на сайте, размещены в социальной сети, направлены контрагентам, сохранены в поисковой выдаче и многократно воспроизведены третьими лицами. При этом в российском праве отсутствует легальное определение деловой репутации, а ее содержание раскрывается через нормы ГК РФ, разъяснения Верховного Суда РФ и судебную практику.

Деловая репутация обычно понимается как сложившееся мнение о деловых качествах лица, основанное на оценке его профессиональной, коммерческой, производственной или иной общественно значимой деятельности. Для юридического лица такая оценка складывается из представлений о качестве товаров и услуг, договорной дисциплине, финансовой устойчивости, добросовестности поведения и соблюдении закона. Следовательно, репутация организации существует не абстрактно, а в связи с ее реальным участием в гражданском обороте[2].

По своей природе деловая репутация относится к нематериальным благам, однако имеет выраженное экономическое содержание. Она не обладает вещной формой и не может быть передана отдельно от субъекта, но влияет на стоимость бизнеса, устойчивость договорных связей, конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность.

[1] Научный руководитель — Ветров Денис Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета.

[2] Гражданское право : учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 396.

Именно это сочетание неимущественной природы и экономического значения объясняет, почему защита репутации юридического лица требует специальных гражданско-правовых средств[1].

Основным нормативным основанием защиты является ст. 152 ГК РФ[1]. Для удовлетворения иска, как правило, необходима совокупность трех условий: сведения должны быть распространены, иметь порочащий характер и не соответствовать действительности. Истец доказывает факт распространения сведений ответчиком и их порочащий характер, а ответчик должен подтвердить достоверность распространенной информации. Такая модель направлена на баланс между защитой репутации и свободой распространения сведений[2].

Распространением признается доведение информации хотя бы до одного третьего лица. Форма сообщения может быть любой: публикация в СМИ, интернет-пост, отзыв, видеозапись, электронная рассылка, письмо контрагенту, сообщение на собрании или размещение информации на публичной площадке. Масштаб распространения влияет прежде всего на способ восстановления права и на размер возможных имущественных требований[2].

Порочащими являются сведения, способные отрицательно повлиять на оценку организации в деловой среде. К ним относятся утверждения о нарушении закона, неисполнении обязательств, обмане клиентов, изготовлении некачественной продукции, финансовой несостоятельности, участии в незаконных схемах или ином недобросовестном поведении. Однако сама по себе негативность высказывания еще не означает его противоправности: суд учитывает общий смысл текста, контекст, форму выражения и восприятие адресатом.

Принципиальное значение имеет разграничение фактических утверждений и оценочных суждений. Факт можно проверить на соответствие действительности, например утверждение о совершении организацией правонарушения или о неисполнении конкретного договора. Оценочное суждение выражает мнение или субъективное впечатление и обычно не опровергается в порядке ст. 152 ГК РФ. Юридическое лицо вправе защищаться от ложных фактических обвинений, но не от любой критики[2].

Классическим способом защиты является опровержение. Его смысл состоит в доведении до соответствующей аудитории информации о ложности ранее распространенных порочащих сведений. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения, либо иным аналогичным способом. Если спорный материал опубликован в средстве массовой информации, опровержение размещается в этом же СМИ; если сведения распространены в интернете, оно должно быть доведено до пользователей соответствующей информационной среды[1].

С опровержением связано право на ответ. Оно позволяет организации изложить собственную позицию, уточнить обстоятельства, представить факты и восстановить информационный баланс. Такой способ особенно важен, когда публикация содержит одностороннюю подачу событий или сочетает фактические утверждения с оценочными элементами. В отношении СМИ порядок опровержения и требования к его содержанию конкретизируются Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации».

В условиях цифровой среды самостоятельное значение имеет требование об удалении информации. Статья 152 ГК РФ предусматривает возможность удаления сведений, ставших доступными в сети Интернет, а также опровержения способом, обеспечивающим доведение его до пользователей сети. Эта мера необходима потому, что интернет-публикация может сохраняться длительное время, индексироваться поисковыми системами, копироваться и продолжать причинять вред после первоначального размещения[3].

Еще одним способом является пресечение или запрещение дальнейшего распространения порочащих сведений. Такая мера направлена на будущее и применяется, когда ответчик продолжает размещать те же сведения, рассылает их контрагентам либо сохраняет возможность повторной публикации. В отдельных случаях закон допускает изъятие и уничтожение материальных носителей, если удалить сведения иначе невозможно.

Юридическое лицо может требовать и признания сведений не соответствующими действительности. Этот способ имеет самостоятельное значение, поскольку судебная констатация недостоверности может использоваться в отношениях с контрагентами, банками, государственными органами и иными лицами. Особенно он важен, когда распространитель неизвестен либо когда необходимо официально подтвердить ложность информации независимо от последующего опровержения.

Денежные способы защиты имеют специальный режим. Пункт 11 ст. 152 ГК РФ исключает компенсацию морального вреда юридическому

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 года) // Собрание законодательства РФ. 1994.

[2] О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (в ред. от 09.12.2025).

[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

лицу. Вместе с тем организация вправе требовать возмещения убытков, если докажет неблагоприятные последствия, их размер и причинную связь с распространением ложных порочащих сведений. Такими последствиями могут быть отказ от договора, снижение выручки, потеря клиентов, расходы на восстановление репутации и иные имущественные потери[1].

Действующий механизм защиты в целом предоставляет юридическим лицам широкий набор средств, но сохраняет ряд проблем. Во-первых, отсутствие легального определения деловой репутации оставляет пространство для судебного усмотрения. Во-вторых, сложно доказывать размер репутационного вреда, поскольку ухудшение доверия не всегда немедленно выражается в конкретной денежной сумме. В-третьих, цифровая среда затрудняет установление автора публикации, определение надлежащего ответчика и фактическое удаление копий материала с разных площадок[1].

Перспективным направлением является дальнейшее уточнение правил защиты репутации в интернете, развитие механизмов фиксации электронных доказательств и формирование более ясных критериев оценки имущественных последствий репутационного вреда. При этом защита деловой репутации не должна превращаться в инструмент давления на журналистику, потребительские отзывы и добросовестную критику.

Сведения об авторе

Бельская Вероника Павловна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

LEGAL METHODS OF PROTECTING THE BUSINESS REPUTATION OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. P. BELSKAYA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article discusses civil law methods of protecting the business reputation of legal entities in the Russian Federation. The conditions for applying Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation are revealed, and the following methods are analyzed: refutation, the right to respond, removal of information from the Internet, prohibition of further dissemination of information, and recovery of damages. Special attention is paid to distinguishing between factual statements and value judgments, as well as to the problems of proving reputational damage.

Keywords: *business reputation, legal entity, refutation, defamatory information, reputational damage.*

О некоторых аспектах гражданско-правового положения интернет-аккаунта в условиях цифровизации

А. С. Биган[2]
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь

Аннотация. Рассматривается гражданско-правовой статус интернет-аккаунта как сложного объекта, включающего персональные данные, интеллектуальную собственность и цифровые активы. Особое внимание уделяется вопросам наследования аккаунтов. Анализируются существующие практики цифровых платформ по передаче интернет-аккаунтов умерших пользователей и подчеркивается недостаточная урегулированность этих вопросов в российском законодательстве.

[1] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016.

[2] Научный руководитель — Потапова Лариса Витальевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: *интернет-аккаунт, гражданское законодательство, наследственные правоотношения, объект гражданского права, информационные технологии, цифровизация.*

В настоящее время в связи с быстро развивающимся информационным обществом, цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, а также увеличением количества различных Интернет-площадок, онлайн-серверов в правовой сфере начинает появляться всё больше неурегулированных вопросов в сфере информационных технологий. Одним из таких вопросов является гражданско-правовое положение интернет-аккаунта, который сейчас есть практически у каждого и является частью жизни человека, представляя собой не только средство общения, обмена информацией и доступа к онлайн-платформе, но и особо ценный объект, включающий в себя элементы личных неимущественных прав, персональные данные и объекты интеллектуальной собственности (текст, фото, видео).

Актуальность данного направления обусловлена тем, что российским законодательством до сих пор не определен статус интернет-аккаунта, не урегулированы вопросы заключения сделок с ним (например, покупка или продажа), наследования, а также защиты прав и законных интересов владельца, что создает тем самым правовую неопределенность. В связи с этим существует необходимость признания и закрепления интернет-аккаунта как самостоятельного объекта гражданского права.

Интернет-аккаунты существуют не только в социальных сетях, но и на игровых платформах и иных онлайн-площадках, вследствие чего можно сделать вывод, что они могут в себе содержать и цифровые активы, например достижения и покупки внутри игры, а также деловую репутацию и клиентскую базу, в рамках рассмотрения коммерческих аккаунтов (бизнес-аккаунты). В зависимости от вида интернет-аккаунта, его нахождения на какой-либо площадке и целей владения им выделяются такие формы использования: для коммуникации, ведения бизнеса, получения услуг, хранения данных и реализации иных юридически значимых действий.

Ученые выделяют множество подходов к определению понятия «интернет-аккаунт». В научной литературе интернет-аккаунт чаще всего определяется как учетная запись пользователя в информационной системе, содержащая совокупность данных для его аутентификации, доступа к личным данным, настройкам и функционалу сервиса. Например, И. С. Шихамиров рассматривает аккаунт как комплекс информации, позволяющий идентифицировать пользователя в цифровой среде[1]. К. С. Артамкин подчеркивает, что это не просто логин и пароль, а сложный информационный объект, обладающий потенциальной имущественной ценностью[2]. Таким образом, правовая природа «интернет-аккаунта» в условиях цифровизации общества довольно разносторонняя, что требует своего законодательного урегулирования.

В рамках рассмотрения вопроса включения интернет-аккаунта в наследственную массу и дальнейшего его использования наследниками, в юридической практике некоторыми из правоведов отмечается, что наследнику переходят не логин и пароль, а право требовать доступ к информации и управлять профилем умершего. Отмечается, что ключевыми правовыми категориями в данном случае являются: цифровая информация (фотографии, тексты, переписка), право на личную тайну и охрану изображения наследодателя, а также интеллектуальная собственность (авторские права на посты, фотографии, видеозаписи). Таким образом, наследуется не сам аккаунт, а комплекс прав и обязанностей, связанных с ним.

При этом, в рамках рассмотрения интернет-аккаунта как одного из объектов наследственных правоотношений, необходимо учитывать собственные правила платформ в отношении аккаунтов умерших пользователей. Например, Apple позволяет добавить цифровых наследников для Apple ID, выбрать период, после которого учетную запись признают неактивной, и определить данные, которые следует передать по наследству. Google имеет функцию «Менеджер неактивных аккаунтов», которая позволяет указать, кому и какие данные передать в случае смерти владельца страницы. В социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» аккаунт обычно блокируется и доступ к нему не предоставляется, в случае же разрешения вопроса о передаче аккаунта наследникам необходимо обращаться в техническую поддержку с предоставлением свидетельства о смерти. Другие же платформы, например Facebook и Instagram (деятельность данных организаций запрещена на территории Российской Федерации), предоставляют возможность превратить аккаунт умершего человека в «памятный»[3]. Такой особый статус аккаунта закрывает для всех доступ к управлению им, личным перепискам, а также публикациям новых записей. В таких случаях наследодатель

[1] Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учётная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6–2. С. 74.

[2] Артамкин К. С. Интернет-аккаунт как объект наследственной массы // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, № 1. С. 112. 109–115.

[3] Наследование аккаунтов в социальных сетях: цифровое имущество в юридическом поле. URL: https://gppart66.ru/articles/nasledovanie-akkauntov-v-sotsialnyh-setyah-tsifrovoe-imushhestvo-v-yuridicheskom-pole/

при жизни может назначить «хранителя», который сможет сохранить ваши личную информацию в сети Интернет и управлять профилем в ограниченном формате. Данные возможности наследников в отношении интернет-аккаунта смогут быть реализованы, только если это не будет противоречить настройкам конфиденциальности покойного и правилам платформы.

Считаем, что с учетом гражданско-правовой неурегулированности положения интернет-аккаунта в системе юридических норм необходимо внести соответствующие корректировки в действующее российское законодательство. Так, предлагаем:

– уточнить ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а именно указать, что в состав наследства входят и цифровые активы, в т. ч. интернет-аккаунты;

– закрепить в ГК РФ следующие аспекты наследования цифровых активов: определение цифрового наследства; правила перехода прав на интернет-аккаунты; специфику оформления наследства для данного вида объектов; возможность признания за наследниками авторских прав на контент умершего, размещенного в сети Интернет (интернет-аккаунте) и т. п.;

– внести изменения в ст. 128 ГК РФ, а именно дополнить перечень объектов гражданских прав «интернет-аккаунтами», «учетными записями», объединив их под общим понятием «цифровая собственность». Помимо этого, следует закрепить конкретный объем правомочий собственника в отношении данных объектов цифровой собственности;

– закрепить в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ понятие «интернет-аккаунта». Примечательно, что в 2015 г. в Совете Федерации рассматривалось данное предложение и предлагалось дополнить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятиями «социальная сеть», «интернет-аккаунт» и др. Под «аккаунтом» планировалось понимать «персональную страницу пользователя социальной сети, являющуюся представительством этого пользователя в ней, зарегистрированную в соответствии с правилами данной социальной сети, содержательное наполнение которой осуществляется пользователем добровольно»[1]. В прошлом году фракция «Новые люди» внесла инициативу о введении понятия «цифровое наследство», которая пока находится на стадии рассмотрения, что подчеркивает важность и актуальность правового закрепления данного определения[2];

– обязать владельцев интернет-платформ, социальных сетей и иных площадок, где находятся интернет-аккаунты, разработать и внедрить процедуру передачи аккаунта наследникам или его мемориализации по их выбору; дать пользователям возможность заранее определить судьбу своего профиля после смерти; обеспечить наследникам доступ к контенту умершего (фото, видео, тексты);

– внести изменения в «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. Верховным судом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1), которые будут обязывать нотариусов включать цифровые активы в опись наследства и выдавать свидетельства о праве на интернет-аккаунты. Вместе с тем для унификации подобных действий необходимо разработать стандарты и методические рекомендации для нотариусов по оформлению наследственных прав на цифровые активы.

Помимо вышеуказанных предложений, касающихся изменений в законодательстве на внутригосударственном уровне, необходимо также инициировать разработку международных соглашений по вопросам наследования цифровых активов, что позволит защитить права граждан Российской Федерации при наследовании интернет-аккаунтов, находящихся на зарубежных сервисах.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время правовое положение интернет-аккаунта в гражданском законодательстве остается неурегулированным, что тем самым порождает пробелы и противоречия в судебной практике. Закон, в условия цифровизации общества, должен в первую очередь защищать не только материальные ценности прошлого, но и цифровое наследие настоящего и будущего. Только благодаря системному и комплексному подходу будет обеспечена полноценная защита интересов как владельцев интернет-аккаунтов, так и их правопреемников.

Сведения об авторе

Биган Анна Сергеевна — студент 4-го курса Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь.

[1] Косова М. Д., Косова М. Д. Гражданско-правовая оборотоспособность аккаунтов в социальных сетях: проблемы и тенденции развития // Интернет-конференции Сибирского юридического университета. URL: https://conf.siblu.ru/grazhdansko-pravovaya-oborotosposobnost-akkauantov-v-socialnyh-setyah-problemy-i-tendencii-razvitiya

[2] В Госдуме предложили разрешить наследовать аккаунты // URL: https://rg.ru/2025/08/06/v-gosdume-predlozhili-razreshit-nasledovat-akkaunty.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

ABOUT SOME ASPECTS OF THE CIVIL STATUS OF AN INTERNET ACCOUNT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

A. S. BIGAN
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Simferopol

Abstract. The article examines the civil status of an Internet account as a complex object that includes personal data, intellectual property, and digital assets. Special attention is paid to account inheritance issues. The article analyzes the existing practices of digital platforms for transferring Internet accounts of deceased users and highlights the insufficient regulation of these issues in Russian legislation.

Keywords: *Internet account, civil legislation, hereditary legal relations, object of civil law, information technology, digitalization.*

Цифровой рубль: правовые проблемы регулирования в условиях цифровизации финансовой системы Российской Федерации

Э. Р. Бичурина, П. В. Смирнова[1]
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы правового регулирования цифрового рубля как третьей формы национальной валюты Российской Федерации. Анализируется действующая нормативно-правовая база, выявляются пробелы в законодательстве, рассматриваются вопросы защиты прав пользователей, противодействия незаконным финансовым операциям, а также правовой природы смарт-контрактов на платформе цифрового рубля.

Ключевые слова: *цифровой рубль, ЦВЦБ, платформа цифрового рубля, Банк России, смарт-контракт, цифровые финансовые активы.*

Глобальная тенденция к цифровизации денежного обращения затронула и Российскую Федерацию. Разработка и поэтапное внедрение цифрового рубля как цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ, в международной классификации — CBDC, Central Bank Digital Currency) ставит перед правовой наукой и практикой ряд вопросов: каков правовой статус нового инструмента, как соотносится его регулирование с действующим законодательством, достаточны ли существующие нормы для защиты участников оборота? По данным Банка России, к середине 2025 г. к пилотному проекту подключились все ведущие кредитные организации страны; с октября 2025 г. цифровой рубль начал применяться в отдельных бюджетных расходах[2]. Принятый Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ установил обязательные сроки подключения банков и торговых точек к платформе цифрового рубля[3]. Таким образом, из фазы эксперимента цифровой рубль переходит в сферу массового применения, что усиливает значимость правового регулирования.

Между тем, несмотря на принятое законодательство, исследователи фиксируют существенные пробелы и коллизии: отсутствует комплексное законодательное закрепление всех аспектов обращения цифрового рубля[4], недостаточно урегулированы смарт-контракты[5], не в полной мере

[1] Научный руководитель — Саттарова Зульфия Зульфатовна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

[2] Банк России. Цифровой рубль как следующий этап эволюции денег: текущий статус проекта. URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля». URL: http://government.ru/docs/all/160192/ (дата обращения: 27.03.2026).

[4] Якушева Е. Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 4. С. 254–277. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.254.277.

[5] Голубев А. С. Правовые вызовы внедрения цифрового рубля и смарт-контрактов в сферу гражданско-правовых отношений и судопроизводства // Вестник науки. 2026. № 2 (95). Т. 1. С. 225–232.

разрешены вопросы защиты персональных данных пользователей и механизмов досудебного урегулирования споров.

Цифровой рубль является третьей формой российской национальной валюты — наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Согласно Федеральному закону от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ), Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования, а также устанавливает правила платформы (ст. 82.10)[1]. Формирование остатка цифровых рублей осуществляется оператором платформы в соответствии с законодательством о национальной платежной системе (ст. 82.11); переводы цифровых рублей осуществляются исключительно в рамках платформы (ст. 82.11).

Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» дополнен развернутым понятийным аппаратом: определены «платформа цифрового рубля» (п. 38 ст. 3), «правила платформы цифрового рубля» (п. 39 ст. 3), «пользователь платформы цифрового рубля» (п. 40 ст. 3), «участник платформы цифрового рубля» (п. 41 ст. 3)[2].

Принципиальная особенность цифрового рубля состоит в том, что его эмитентом выступает исключительно Банк России, а хранение осуществляется на цифровых кошельках, открытых на платформе ЦБ, — в отличие от безналичных денег, которые размещаются на счетах коммерческих банков. В цифровых рублях не может быть открыт вклад и не может быть предоставлен кредит; на остатки не начисляются проценты[3]. Это принципиально отличает данный инструмент как от банковских вкладов, так и от криптовалюты, цена которой определяется рыночным спросом и предложением.

Модель функционирования платформы носит розничный двухуровневый характер: взаимодействие пользователей с платформой осуществляется через инфраструктуру участников рынка (банков), а не напрямую с оператором. Для физических лиц все операции с цифровым рублем бесплатны. Для юридических лиц комиссии установлены ниже, чем при использовании Системы быстрых платежей (СБП) или эквайринга.

Дискуссионным остается вопрос о правовой природе цифрового рубля. Часть исследователей квалифицирует его как безналичное денежное средство в цифровой форме, выступающее имущественным (обязательственным) правом[4]. Иная позиция рассматривает цифровой рубль как самостоятельный объект гражданских прав sui generis[5]. Действующее законодательство не содержит четкого ответа: цифровой рубль по общему правилу включен в объем понятия «средства на банковских счетах и в банковских вкладах», что создает терминологическую коллизию с его фактическим хранением на платформе ЦБ, а не в коммерческом банке.

Практическое значение данного вопроса велико: от квалификации правовой природы зависит применимость норм о взыскании, аресте, наследовании, банкротстве и иных правовых режимов. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П разрешило часть коллизий, однако полноценный ответ должен быть закреплен на уровне специального закона.

До 1 июля 2025 г. платформа цифрового рубля оставалась вне прямого действия Федерального закона № 115-ФЗ. Это создавало потенциальные риски использования нового инструмента в схемах легализации преступных доходов. С принятием Федерального закона от 23.05.2025 № 105-ФЗ, вступившего в силу 1 июля 2025 г., цифровой рубль приравнен к другим финансовым активам в части финансового контроля[6]. Контроль за операциями с цифровыми рублями осуществляют как коммерческие банки — участники платформы, так и непосредственно Банк России как оператор платформы[7].

Согласно ст. 7.9 Федерального закона № 161-ФЗ (в актуальной редакции) оператор платформы обя-

[1] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Гл. XII.2 «Организация и обеспечение функционирования платформы цифрового рубля» (введена Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ). Ст. 82.10–82.12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/420824613391207203f66492c1848684a99d9ad0/ (дата обращения: 16.04.2026).

[2] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ). Ст. 3, п. 38–41. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/46b4b351a6eb6bf3c553d41eb663011c2cb38810/ (дата обращения:16.04.2026).

[3] Банк России. Принят закон о цифровом рубле. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=16896 (дата обращения: 16.04.2026).

[4] Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica. Т. 76, № 1. С. 9–19. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2817 (дата обращения: 16.04.2026).

[5] Судакова А. С., Черных П. Л. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2023. № 9. С. 37–41.

[6] Федеральный закон от 23.05.2025 № 105-ФЗ о включении цифрового рубля в систему противодействия отмыванию доходов // Цифровой рубль под контролем по 115-ФЗ с 1 июля 2025 года. URL: http://pvk-online.ru/company/news/tsifrovoy-rubl-pod-kontrolem-po-115-fz-s-1-iyulya-2025-goda-chto-menyaetsya-dlya-biznesa/ (дата обращения: 17.04.2026).

[7] О реализации антиотмывочных требований на платформе цифрового рубля // Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: https://www.fedsfm.ru/releases/8793 (дата обращения: 20.04.2026).

зан на постоянной основе осуществлять процедуры, предусмотренные политикой платформы цифрового рубля, включая меры по противодействию совершению операций без добровольного согласия клиента[1]. Однако разграничение надзорных функций между Банком России (как регулятором) и Банком России (как оператором платформы) порождает конфликт интересов, не устраненный в действующем законодательстве.

Платформа цифрового рубля предусматривает использование смарт-контрактов — алгоритмов, автоматически исполняющих переводы денежных средств при наступлении заранее определенных условий[2]. Несмотря на закрепление в ст. 309.2 Гражданского кодекса РФ понятия «исполнение обязательства с использованием информационных технологий», правовой режим смарт-контрактов в контексте цифрового рубля остается недостаточно определенным. Открытыми остаются вопросы распределения ответственности при технических сбоях в исполнении смарт-контракта; о порядке оспаривания автоматически исполненных транзакций; квалификации смарт-контракта как договора (или его части) в контексте требований о форме сделки; правовых последствий ошибок в коде смарт-контракта.

Следовательно, правовая неопределенность является одним из существенных вызовов при внедрении цифрового рубля и смарт-контрактов в гражданский оборот.

Операции с цифровым рублем ведут к накоплению массивов данных о транзакционном поведении физических лиц и организаций. Это порождает повышенные требования к защите персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Вместе с тем специальных норм, регулирующих обработку персональных данных именно на платформе цифрового рубля, действующее законодательство не содержит.

Федеральный закон № 161-ФЗ (ст. 7.9, введена Федеральным законом от 23.05.2025 № 105-ФЗ) устанавливает лишь общие права и обязанности оператора платформы цифрового рубля. Механизм досудебного урегулирования споров между пользователями (система диспутов) находится в стадии разработки, что оставляет граждан без эффективного средства правовой защиты при технических ошибках или несанкционированных операциях.

Двухуровневая модель платформы предполагает обязательное подключение кредитных организаций в качестве участников. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ установил поэтапные сроки: с 1 сентября 2026 г. крупнейшие банки и торговые точки с выручкой свыше 120 млн руб. обязаны обеспечить возможность оплаты цифровым рублем. При этом бесплатность операций для физических лиц лишает коммерческие банки традиционного источника комиссионного дохода и стимулирует отток клиентских средств с банковских счетов, что ставит вопрос о системных рисках банковского сектора, прямо не урегулированных в законодательстве.

К 2026 г. более 130 государств изучают или реализуют проекты ЦВЦБ. Среди запущенных систем: e-CNY (Китай), e-Naira (Нигерия), Sand Dollar (Багамы), JAM-DEX (Ямайка). МВФ и Банк международных расчетов разработали рамочные документы по правовым основам ЦВЦБ, указывая на необходимость четкого законодательного определения правового статуса цифровой валюты, надежного механизма защиты прав пользователей и эффективного финансового надзора[3].

Российский опыт отличается тем, что законодательное закрепление предшествовало широкому развертыванию платформы, — в отличие от ряда юрисдикций, где регулирование формировалось по факту. Однако это не устранило выявленных пробелов в части смарт-контрактов, персональных данных и механизмов защиты прав пользователей.

За период 2023–2026 гг. правовая база цифрового рубля в России расширена, однако регулирование остается фрагментарным: сохраняется неопределенность его правовой природы (что создает риски при взыскании, наследовании и банкротстве), не устранен конфликт интересов Банка России как регулятора и оператора платформы, отсутствует самостоятельное регулирование смарт-контрактов (разграничение ответственности при сбоях, порядок оспаривания), не разработаны специальные механизмы защиты персональных данных и досудебного урегулирования споров (система диспутов), а также не урегулированы системные риски для банковского сектора из-за оттока средств на платформу ЦБ.

Дальнейшее развитие требует принятия закона или кодификации разрозненных норм.

[1] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Ст. 7.9–7.11 (введены Федеральным законом от 23.05.2025 № 105-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 18.04.2026).

[2] Банк России. Смарт-контракты на платформе цифрового рубля. URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Санникова Л. В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 5. С. 27–44.

Сведения об авторах

Бичурина Элла Руслановна — студент 3-го курса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург.

Смирнова Полина Владимировна — студент 3-го курса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург.

THE DIGITAL RUBLE: LEGAL ISSUES OF REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. R. BICHURINA, P. V. SMIRNOVA
Orenburg Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines current issues of legal regulation of the digital ruble as the third form of the national currency of the Russian Federation. The existing regulatory framework is analyzed, legislative gaps are identified, and problems of protecting users' rights, countering illicit financial transactions, and the legal nature of smart contracts on the digital ruble platform are considered.

Keywords: *digital ruble, CBDC, digital ruble platform, Bank of Russia, smart contract, digital financial assets.*

Цифровые доказательства в административном судопроизводстве: критерии допустимости и оценки

И. И. Бралиев, Л. М. Ибрагимова
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматривается использование цифровых доказательств в административном судопроизводстве. Особое внимание уделяется условиям допустимости электронных документов, скриншотов, сведений из государственных информационных систем, аудио- и видеозаписей. Авторы анализируют положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, законодательства об электронной подписи и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Делается вывод о необходимости комплексной проверки цифрового доказательства: его источника, способа получения, целостности, достоверности и связи с обстоятельствами административного дела.

Ключевые слова: *цифровые доказательства, административное судопроизводство, допустимость доказательств, оценка доказательств, электронный документ, электронная подпись.*

Цифровизация публичного управления постепенно меняет не только порядок обращения граждан в органы власти, но и само содержание доказывания в административном судопроизводстве. Всё чаще юридически значимые обстоятельства подтверждаются не бумажным документом, а электронным сообщением, сведениями из личного кабинета, записью с камеры, скриншотом сайта или файлом, подписанным электронной подписью. Поэтому вопрос о допустимости и оценке таких материалов становится одним из наиболее практических для административного процесса[1].

Практическая значимость данной темы подтверждается актуальными данными судебной цифровизации. По отчету Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 г., в суды общей юрисдикции через модуль «Электронное правосудие» и ЕПГУ было подано более 12,5 млн обращений в электронной форме. Кроме того, в федеральные арбитражные суды через систему «Мой арбитр» за тот же период поступило более 17,5 млн электронных обращений, что подтверждает практическую значимость оценки цифровых материалов[2].

[1] Орлов А. В. Доказательства и цифровизация: приоритеты развития административного процессуального права // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 73–77.

[2] Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 г. М., 2026. С. 51–52.

Особенность административного судопроизводства состоит в том, что суд проверяет законность решений, действий и бездействия органов публичной власти. При этом значительная часть взаимодействия гражданина с органом власти сегодня происходит через цифровые сервисы. Например, спор может возникнуть из-за даты подачи электронного заявления, факта направления уведомления, содержания ответа ведомства или информации, размещенной на официальном сайте[1]. В подобных ситуациях без цифровых следов невозможно полно установить фактическую картину дела.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не закрепляет отдельного понятия «цифровое доказательство», однако такие материалы охватываются общими правилами доказывания. Согласно ст. 59 КАС РФ доказательствами признаются сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке, а ст. 70 КАС РФ относит к письменным доказательствам в том числе документы и материалы, выполненные в форме цифровой и графической записи, а также полученные посредством электронной связи и сети Интернет. Следовательно, электронные документы, распечатки интернет-страниц, электронные уведомления и сведения из информационных систем могут использоваться в административном деле, если они имеют значение для разрешения спора и могут быть проверены судом[2].

Цифровое происхождение информации само по себе не делает ее доказательством. Электронные документы, скриншоты, аудио- и видеозаписи, сведения из личных кабинетов и государственных информационных систем требуют проверки источника, способа получения, сохранности и связи с обстоятельствами административного дела[3].

Первым критерием допустимости цифрового доказательства является законность его получения. Часть 3 ст. 59 КАС РФ устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. Это правило особенно важно в цифровой среде, где информацию технически можно получить путем доступа к чужой учетной записи, перехвата переписки или незаконной обработки персональных данных. Подобные материалы не должны легализоваться только потому, что они содержат полезные для дела сведения.

Вторым критерием выступает относимость. Цифровой материал должен подтверждать обстоятельства, входящие в предмет доказывания по административному делу. Например, скриншот официального сайта имеет значение, если спор касается размещения информации, срока опубликования или содержания публичного сообщения.

Третьим критерием является идентифицируемость источника. Суду необходимо понимать, откуда получена информация, кем она сформирована, когда создана и можно ли проверить ее неизменность. Поэтому более убедительным будет не просто изображение экрана, а материал, содержащий URL-адрес, дату и время фиксации, сведения об электронном сервисе, реквизиты документа, данные сертификата электронной подписи или иные признаки происхождения. Чем прозрачнее источник цифровой информации, тем выше ее доказательственное значение.

Данный вывод подтверждается судебной практикой. Так, Ленинский районный суд г. Омска по административному делу № 2А-2628/2025 установил, что копия постановления о взыскании исполнительского сбора была направлена должнику через ЕПГУ, а данный факт подтверждался скриншотом из программы ПК ОСП АИС ФССП России. В этом случае значение имело происхождение материала из официальной информационной системы[4].

Отдельную роль играет электронная подпись: она помогает установить автора электронного документа и проверить, изменялся ли он после подписания. Однако отсутствие электронной подписи не всегда исключает доказательственное значение цифрового материала, поскольку скриншот, видеозапись или сведения с официального сайта могут подтверждаться иными способами[5].

Четвертым критерием следует считать сохранность и целостность цифрового доказательства. Электронный файл можно изменить, пересохранить, обрезать или представить без существенной части данных. Поэтому суду важно установить полноту материала, отсутствие признаков монтажа, возможность определить дату, место и участников события, а при сомнениях использовать

[1] Горбачева С. В. Статус электронного обращения в административном процессе: проблемы квалификации и правоприменения // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 55–60.

[2] Карепанов Н. А., Кропотина Е. А. Проблемы использования электронных доказательств и скриншотов в административном процессе // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 1. С. 109–115.

[3] Евсикова Е. В., Буц С. Б. Цифровая трансформация административного судопроизводства: современные реалии и перспективы // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 175–177.

[4] Решение Ленинского районного суда г. Омска от 10.07.2025 по делу № 2А-2628/2025.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 дек.

запросы, объяснения лиц, нотариальный осмотр страницы либо экспертизу[1].

Пятый критерий связан с процессуальной формой представления доказательства. По ст. 70 КАС РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии, а суд вправе потребовать подлинники документов. Для цифровых материалов это означает, что при необходимости может быть истребован не только бумажный вариант, но и сам электронный файл, сведения об электронной подписи, сертификате, времени создания или отправки документа[2].

О масштабах перехода судебной системы к электронному документообороту свидетельствует и статистика судебной корреспонденции. В 2025 г. судами было отправлено 107 055 817 почтовых отправлений, включая простые, заказные и электронные письма. При этом количество электронных писем составило 55 545 780, что на 80 % больше, чем в 2024 г. Поэтому электронные уведомления, сведения о доставке и иные цифровые подтверждения становятся значимыми не только для участников процесса, но и для самой судебной системы[3].

Оценка цифровых доказательств осуществляется по общим правилам ст. 84 КАС РФ. Суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению на основе всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования материалов дела. При этом никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Поэтому цифровой материал не должен автоматически считаться достоверным только из-за его электронной формы, но и не должен отвергаться лишь потому, что представлен не на бумаге.

Актуальность темы сохраняется и сегодня. Приказом Судебного департамента от 15.01.2026 № 7 были внесены изменения в порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Эти изменения касались уточнения требований при подаче кассационных жалоб и представлений, в том числе в рамках административного судопроизводства[4].

Наиболее спорным цифровым доказательством остается скриншот. Он удобен, поскольку быстро фиксирует содержание сайта, личного кабинета или электронного сообщения. Но одновременно он легко уязвим: изображение можно изменить, сделать неполным или представить без адреса страницы. Поэтому скриншот желательно сопровождать дополнительными сведениями: URL-адресом, датой и временем фиксации, распечаткой полной страницы, а при необходимости — нотариальным протоколом осмотра интернет-страницы. Сам по себе скриншот не должен отвергаться, но при споре о достоверности он нуждается в проверке.

Показательным является решение Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай по делу № 2А-1352/2025. По данному делу в ходе прокурорской проверки был произведен осмотр интернет-ресурсов, составлен акт осмотра сайтов от 30.05.2025, а также сделаны скриншоты осматриваемых интернет-страниц. Суд учел эти материалы и признал соответствующую информацию запрещенной к распространению. Такой пример показывает, что скриншот приобретает большую доказательственную ценность тогда, когда он не существует отдельно, а включен в оформленный осмотр интернет-страницы и позволяет установить содержание спорной информации[5].

Аудио- и видеозаписи также требуют осторожного подхода. Они могут подтверждать действия должностного лица, обстоятельства публичного мероприятия или факт общения с представителем органа власти, но должны оцениваться с учетом условий получения, полноты записи, отсутствия монтажа и возможности установить место, время и участников события[6].

Таким образом, цифровые доказательства стали важным элементом административного судопроизводства. Их допустимость зависит не от самой электронной формы, а от законности получения, относимости, идентифицируемости источника, сохранности и возможности проверки. Суду необходимо оценивать такие материалы не изолированно, а во взаимосвязи с другими доказательствами. Такой подход позволяет использовать цифровые технологии в процессе доказывания и одновременно сохранять гарантии законности, состязательности и справедливого судебного разбирательства.

[1] Карепанов Н. А., Кропотина Е. А. Указа. соч.

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2025 год. М., 2026. С. 39–40.

[4] Там же. С. 28–29.

[5] Решение Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17.07.2025 по делу № 2А-1352/2025.

[6] Куликова Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука и практика. 2024. № 1. С. 142–146.

Сведения об авторах

Бралиев Исатай Исхакович — студент 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Ибрагимова Лейла Мехмановна — студентка 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

DIGITAL EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: CRITERIA OF ADMISSIBILITY AND ASSESSMENT

I. I. BRALIEV, L. M. IBRAGIMOVA
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines the use of digital evidence in administrative proceedings. Special attention is paid to the admissibility criteria of electronic documents, screenshots, information from public information systems, audio and video recordings. The authors analyze the provisions of Russian procedural legislation, electronic signature rules and clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. It is concluded that digital evidence should be assessed with regard to its source, method of obtaining, integrity, reliability and connection with the circumstances of the administrative case.

Keywords: *digital evidence, administrative proceedings, admissibility of evidence, assessment of evidence, electronic document, electronic signature.*

К вопросу о соотношении процентов за пользование коммерческим кредитом, законных процентов и неустойки в договоре

А. Н. Вагидов[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты разграничения правовых механизмов по определению процентов за пользование коммерческим кредитом, законных процентов и неустойки в договоре в связи с большим числом гражданско-правовых споров. Анализируются действующее законодательство и судебная практика по разрешению настоящих споров, определяющая критерии разграничения данных механизмов. Автором предлагается несколько позиций по регулированию спорных ситуаций и внесению изменений в гражданский закон в целях снижения числа конфликтных ситуаций и эффективной защиты прав предпринимателей.

Ключевые слова: *коммерческий кредит, неустойка, соотношение, договор, проценты.*

Действующее гражданское законодательство имеет большое число правовых механизмов, позволяющих обеспечивать права субъектов договорных отношений в области предпринимательства. К подобным механизмам стоит отнести законные проценты, возможность взыскания которых предусмотрена законом, включение в договор условий о предоставлении коммерческого кредита и неустойки. В настоящее время неоднозначным остается вопрос о правовой природе рассматриваемых механизмов, поскольку от определения их сущности и особенностей зависит правильная квалификация условий соглашения и, как следствие, защита прав и интересов сторон в правоотношениях. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что перед правоприменителем и контрагентами возникает ряд сложностей по взысканию процентов за коммерческий кредит, законных процентов и неустойки, требующие правового регулирования.

В первую очередь представляется необходимым определить правовую природу каждого механизма

[1] Научный руководитель — Макаров Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии.

обеспечения прав сторон соглашения путем анализа норм гражданского законодательства в целях выявления особенностей их взыскания.

Согласно ст. 823 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) договором может предусматриваться условие о предоставлении коммерческого кредита, представленного в виде аванса, предварительной оплаты, рассрочки или отсрочки внесения оплаты по соглашению[1].

Основным отличием данного механизма от смежных правовых институтов (например, займа) является отсутствие в качества предмета договоренности факта передачи денежных средств или иных вещей, поскольку кредитор не передает денежные средства должнику. Е. А. Суханов указал, что несовпадение момента оплаты по коммерческому кредиту и встречного исполнения по договору является основным условием для возникновения коммерческого кредита[2]. При этом соглашение о коммерческом кредите не носит самостоятельный характер, оно всегда остается частью основного обязательства (купли-продажи, оказания услуг и др.).

Важно учитывать, что условие о коммерческом кредите действует для сторон обязательства в том случае, если основной договор заключен в письменном виде и подкреплен подписями сторон, так как от процентной ставки по данному кредиту будет зависеть итоговая цена товара или услуги[3]. Следовательно, договор будет считаться смешанным, в связи с чем, в случае возникновения спора, необходимо рассматривать данное условие договора в совокупности с иными.

Специфической особенностью рассматриваемой правовой конструкции также является субъектный состав — коммерческий кредит может предоставляться любыми субъектами предпринимательства (юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями), в то время как банковский кредит выдается кредитными и некредитными организациями на основании специальной лицензии.

Статья 330 ГК РФ дает легальное понятие неустойки, которой является денежная сумма, уплачиваемая должником в пользу кредитора в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) им взятых обязательств. Закон предусматривает две формы неустойки — пени (размер предусмотрен договором) и штраф (размер установлен нормативно-правовым актом).

Исходя из вышеназванного можно сделать вывод о том, что по своей правовой природе неустойка является акцессорным обязательством по отношению к основному, поскольку выплата денежных средств по данному соглашению не является основным предметом договоренностей между сторонами.

В силу ст. 317.1 ГК РФ законом или договором может быть предусмотрено условие о начислении процентов на сумму основного денежного обязательства, размер которых равен ставке рефинансирования Центрального банка РФ (то есть начисляется автоматически вне зависимости от положений договора) или установлен договором. При этом законные проценты не являются мерой гражданско-правовой ответственности и период их начисления составляет с момента возникновения обязательства и до его надлежащего исполнения[4].

Характерной чертой данного правила является его диспозитивность, которая заключается в возможности сторон указать в договоре положение о неприменении ст. 317.1 ГК РФ.

Говоря о соотношении процентов за пользование коммерческим кредитом и законных процентов, важно отметить, что эти конструкции имеют сходство в том, что не являются мерой ответственности, а представляют собой плату за пользование денежными средствами. В соответствии с п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» проценты по коммерческому кредиту и проценты, взыскиваемые в соответствии со ст. 317.1 ГК РФ, не являются тождественными механизмами обеспечения прав сторон обязательства, а также могут начисляться одновременно[5]. Вместе с тем различия составляют область их использования и размеры процентных ставок, так как коммерческий кредит используется в соглашениях, связанных с оказанием услуг или работ, передачей товаров в размере, определенном договором, в то время как законные проценты распространяют свое действие на любые денежные правоотношения, ставка которых исходит из ключевой ставки Банка России.

Существенным отличием от процентов за пользование коммерческим кредитом является невозможность наложения законных процентов на сум-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. 24.06.2025 г.) // Российская газета. 1996. № 23, 24, 25; 2025. № 139.

[2] Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 4 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. С. 294.

[3] Калинина И. А. Соотношение соглашения о коммерческом кредите и неустойке в договоре // ПРАВО: история и современность. 2023. Т. 7, № 3. С. 363.

[4] Полетаева А. Законные проценты: практика применения // Арсенал предпринимателя. 2016. № 6. С. 28.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс».

му аванса или депозит, согласованные сторонами, что подтверждается кассационным постановлением Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2022 г. по делу № А40-70930/2022[1].

Стоит учитывать, что в рамках одного соглашения не допускается начисление законных процентов и процентов за пользование коммерческим кредитом в связи с тем, что их сосуществование приведет к двойному взысканию платы за пользование денежными средствами в рамках одного обязательства. В случае, если договором предусмотрена иная процентная ставка по коммерческому кредиту, чем определена законом по данной категории дел, то в данном случае приоритет имеют договорные условия по начислению платы. Однако, исходя из толкования положений договора, в отдельных случаях возможно одновременное использования таких механизмов[2]. Тем не менее закон не содержит положений, устанавливающих запрет на одновременное взыскание процентов по коммерческому кредиту и процентов по ст. 317.1 ГК РФ, то есть конкуренция данных норм не урегулирована надлежащим образом, что безусловно вызывает ряд сложней у правоприменителей и отсутствие единообразной практики в регионах страны.

Так, согласно кассационному постановлению Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2023 г. по делу № А40-8100/2023 истцом было заявлено требование о взыскании неустойки и процентов по коммерческому кредиту на сумму аванса в связи с тем, что ответчиком не были исполнены обязательства по договору надлежащим образом[3]. Однако суд отказал во взыскании процентов за пользование коммерческим кредитом на основании того, что, исходя из сущности данных правоотношений, у ответчика не возникло обязанности по возврату коммерческого кредита. Следовательно, данные проценты являются мерой ответственности за неисполнение обязательства, то есть неустойкой, а как было указано ранее, одновременное применение этих механизмов приведет к двойной ответственности ответчика.

Сложности в квалификации вызывает также определение периодов начисления процентов, согласно ст. 317.1 ГК РФ, и неустойки, что является особенностью их соотношения: в случае истечения сроков внесения денежных средств законные проценты прекращают начисляться. С этого момента начисляется неустойка, предусмотренная условиями договора.

Третьим вариантом является соотношение процентов за пользование коммерческим кредитом и неустойки. Порядок их взыскания также будет разным ввиду того, что в отличие от неустойки проценты по коммерческому кредиту и законные проценты являются платой по отдельному обязательству и не могут быть уменьшены на основании ст. 333 ГК РФ, что также определено в п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[4].

Нередко в договорах используются смежные формулировки о взыскании процентов за коммерческий кредит и неустойки: «за каждый день просрочки платежа по основному обязательству». Согласно анализу судебной практики, такие формулировки в совокупности со свободно определяемой процентной ставкой суд определяет как злоупотребление истцом правом (ст. 10 ГК РФ), что приводит к переквалификации процентов в неустойку, что позволяет применять ст. 333 ГК РФ вопреки правовой природе данного условия.

Решением проблемных аспектов в правоприменительной практике является установление точной процедуры использования неустойки как меры ответственности и условий о коммерческом кредите в рамках одного договора, возможность установления ограничений при подаче искового заявления о взыскании денежных сумм при заявлении требований о параллельном взыскании процентов, начисленных за пользование денежными средствами в рамках коммерческого кредита, и процентов, предусмотренных ст. 317.1 ГК РФ.

Таким образом, важно отметить, что данные механизмы являются необходимыми средствами гражданского оборота в области предпринимательства, установленными для защиты прав субъектов такого оборота. Необходимо развивать действующее законодательство в данной области с упором на правоприменительную практику и особенности предпринимательской сферы.

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2022 г. по делу № А40-70930/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/04aca27d-83f2–4842–9195-f14408d69185 (дата обращения: 04.05.2026 г.).

[2] Семенов Г. В. Экономико-правовой анализ судебной практики о соотношении неустойки и процентах за пользование коммерческим кредитом // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019.№ 4. С. 82.

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2023 г. по делу № А40-8100/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/2fcfe13c-6d7b-48bb-b4bf-9176b0595cfe (дата обращения: 04.05.2026 г.).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе

Вагидов Али Низамудинович — студент 3-го курса института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

ON THE ISSUE OF THE RATIO OF INTEREST FOR THE USE OF COMMERCIAL LOANS, LEGAL INTEREST AND NON-COMPLIANCE IN THE CONTRACT

A. N. VAGIDOV

Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The paper examines some aspects of the differentiation of legal mechanisms for determining interest for the use of commercial loans, legal interest and contractual penalties due to a large number of civil law disputes. The current legislation and judicial practice on the resolution of these disputes are analyzed, which defines the criteria for distinguishing these mechanisms. The author suggests several positions on the regulation of controversial situations and amendments to the civil law in order to reduce the number of conflict situations and effectively protect the rights of entrepreneurs.

Keywords: *commercial loan, penalty, ratio, contract, interest.*

Актуальные вопросы регулирования труда в условиях цифровой экономики

А. А. Григоренко, Р. Ш. Камолова[1]

Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ актуальных проблем правового регулирования труда отдельных категорий работников в условиях цифровизации экономики. Задачи исследования включают: выявление особенностей трансформации трудовых отношений под влиянием цифровых технологий, анализ действующего законодательства о дифференциации условий труда, исследование проблем правового статуса платформенных и дистанционных работников, а также изучение зарубежного опыта регулирования данных отношений. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы исследования. Установлено, что действующее трудовое законодательство, детально регулируя традиционные формы занятости, не в полной мере охватывает цифровые форматы труда — платформенную занятость и дистанционную работу. Обосновывается необходимость введения в Трудовой кодекс РФ специальных норм, регулирующих труд работников цифровых платформ, а также совершенствования правоприменительной практики в отношении дистанционных работников.

Ключевые слова: *цифровизация, трудовое право, платформенная занятость, дистанционная работа, дифференциация труда, трудовой договор, работники.*

Цифровизация уже изменила труд. И это видно по формам занятости. Н. А. Рубанова прямо пишет, что XXI век связан с новой технологической революцией, меняющей саму структуру труда[2]. Но речь не только о технологиях. Проще говоря, трансформируется сама логика отношений между работником и работодателем. В частности, мобильная работа основывается на информационно-коммуникационных технологиях, когда у работника появляется возможность выполнять работу не на основном месте работы, а за его пределами[3].

Многие исследователи фиксируют этот сдвиг. Так, М. А. Собенина связывает цифровизацию с переходом к новым способам организации труда и бизнеса[4]. Она же уточняет определение дис-

[1] Научный руководитель — Сайфутдинова Венера Максутовна, старший преподаватель кафедры экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий.

[2] Рубанова Н. А. К вопросу об особенностях трудовых отношений и современной цифровизации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 86.

[3] Там же. С. 87.

[4] Собенина М. А. О влиянии цифровизации на трудовые правоотношения на современном этапе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47, № 3. С. 124.

танционной работы: выполнение трудовой функции вне места работодателя с использованием сетей связи. И это уже не редкость. По прогнозу, к 2030 г. появятся 186 новых профессий. Если упростить, рынок труда становится подвижным и неустойчивым. Н. А. Рубанова подчеркивает, что нестабильность занятости затрудняет разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений[1].

Однако же цифровизация не сводится к удаленке. Возникает гиг-экономика. М. И. Иванова определяет ее как систему краткосрочного обмена трудовыми услугами с оплатой за конкретные задачи. И это важная деталь. Платформенная занятость, по тому же автору, предполагает личное выполнение работы через цифровую платформу с соблюдением ее правил. «Платформенная занятость — это форма трудовой деятельности…» — автор закрепляет новый тип занятости, хотя его границы остаются размытыми[2].

Вместе с тем дистанционная работа, в отличие от платформенной занятости, уже получила законодательное закрепление в Трудовом кодексе РФ. Как отмечает В. М. Сайфутдинова, появление дистанционной работы обусловлено развитием систем управления человеческим капиталом, социального партнерства и гибких форм занятости. Дистанционная работа позволяет быть занятым тем, кто при определенных условиях не смог бы иметь работу, что делает ее важным элементом социального государства. Трудовой кодекс РФ выделяет два ключевых признака такой работы: выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя и использование для взаимодействия информационно-телекоммуникационных сетей. При этом дистанционная работа может быть как постоянной, так и временной, включая комбинированный режим чередования удаленной и очной работы[3]. Однако наличие правовых норм не снимает всех проблем: правоприменительная практика показывает, что работодатели нередко нарушают установленные правила.

Ряд исследований показывают, что эти формы не вписываются в классическую модель. С. В. Пушкарев говорит о «фрагментированных и крайне динамичных трудовых отношениях платформенного типа»[4]. То есть устойчивость исчезает. Но есть и другая позиция. Некоторые авторы считают, что новые формы — это лишь модификация старых отношений, хотя это не бесспорно. Впрочем, даже сторонники такой точки зрения признают рост нестандартной занятости.

И тут возникает противоречие. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности занятости. С другой — снижает определенность правового статуса работника. Упомянутая выше закономерность проявляется в том, что работник формально свободен, но фактически зависит от платформы. Это видно и в судебной практике, о которой позже пишет М. И. Иванова[5].

Правовое регулирование труда уже задано на конституционном уровне. Но его рамки оказываются шире, чем кажется. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993, с изм. от 01.07.2020) закрепляет, что труд свободен и каждый вправе распоряжаться своими способностями[6]. И здесь важна деталь. Документ прямо запрещает принудительный труд и гарантирует оплату не ниже минимального уровня. «Российская Федерация — социальное государство…» — это задает общий вектор регулирования.

Однако же сами нормы носят рамочный характер. Они не описывают конкретные механизмы защиты. Ряд исследований показывает, что именно Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ наполняет эти принципы содержанием[7]. Например, он вводит дифференциацию условий труда для отдельных категорий работников. Это видно уже в ст. 92 ТК РФ. Сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливается для работников до шестнадцати лет — не более 24 часов в неделю[8]; для лиц от шестнадцати до восемнадцати лет — не более 35 часов. Если упростить, государство снижает нагрузку для уязвимых групп.

И это касается не только возраста. Закон распространяет аналогичные ограничения на инвалидов I и II группы — также 35 часов в неделю. Для работников с вредными условиями труда устанавливается предел 36 часов. Как отмечает М. С. Сагандыков, подобная дифференциация отражает социальную направленность трудового права[9].

---

[1] Рубанова Н. А. Указ. соч. С. 88.

[2] Иванова М. И. Платформенная занятость — проблемы правового регулирования средствами трудового права // Уральский журнал правовых исследований. 2025. № 1 (30). С. 4.

[3] Сайфутдинова В. М. Трудовой договор с дистанционным работником // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 386.

[4] Пушкарев С. В., Ялялиева Т. В. Управление трудовыми отношениями в цифровой экономике // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 2 (65). С. 85.

[5] Иванова М. И. Указ. соч. С. 5.

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

[7] Сагандыков М. С. Государственная политика в сфере правового регулирования труда в условиях цифровизации экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 35.

[8] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Российская газета. 2001. 31 дек.

[9] Сагандыков М. С. Указ. соч. С. 35.

Но тут возникает вопрос. Насколько эти нормы применимы к новым формам занятости, о которых говорилось ранее.

Особое внимание уделяется сверхурочной работе. Сверхурочная работа — работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени. Закон ограничивает ее объем: не более 4 часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год. При этом беременные женщины и несовершеннолетние не могут привлекаться к такой работе[1]. И это жесткое правило. Хотя это не бесспорно, поскольку в цифровой занятости подобные ограничения часто обходятся.

М. И. Иванова косвенно подтверждает это, указывая на отсутствие механизмов защиты работников платформ. Иными словами, формальные гарантии существуют, однако их реализация в условиях цифровой занятости существенно затруднена. Кроме того, ТК РФ закрепляет особые гарантии для работников с семейными обязанностями, включая необходимость письменного согласия на сверхурочную работу. Это выглядит логично. Но платформенные формы труда, как показывает практика, не всегда подпадают под эти нормы[2].

И здесь проявляется противоречие. С одной стороны, законодательство детально регулирует традиционные трудовые отношения. С другой — оно не охватывает цифровые форматы. М. А. Собенина прямо указывает, что цифровизация изменяет сами институты трудового права, включая режим рабочего времени. Тот же автор в более поздней части исследования подчеркивает, что электронные формы взаимодействия требуют новых подходов к правовому регулированию[3].

Показательно, что проблемы возникают и в уже урегулированной сфере дистанционного труда. В. М. Сайфутдинова приводит ряд характерных примеров из судебной практики. Так, в одном из дел суд установил, что трудовой договор не содержал указания на дистанционный характер работы, вследствие чего увольнение по ст. 312.8 ТК РФ было признано незаконным, а работнику была выплачена компенсация за вынужденный прогул. В другом случае работодатель не обеспечил дистанционного сотрудника необходимым оборудованием, хотя это прямо предусмотрено законом, и работник был вынужден арендовать его за свой счет. Отдельную сложность представляет процедура возвращения работника из дистанционного в очный формат: суды неоднократно признавали незаконными увольнения за прогул дистанционных работников, не явившихся в офис, поскольку само определение дистанционной работы предполагает ее выполнение вне места, находящегося под контролем работодателя. Эти примеры свидетельствуют о том, что даже при наличии специальных норм работодатели допускают системные нарушения, касающиеся как специфики дистанционного труда, так и общих требований трудового законодательства[4].

Проблема уже очевидна — право не успевает. Причем отставание фиксируют разные авторы. Н. А. Рубанова отмечает, что нестабильный характер занятости усложняет разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений[5]. И это проявляется на практике. В частности, при платформенной работе отсутствуют классические признаки подчинения работодателю, что затрудняет признание таких отношений трудовыми.

Судебная практика подтверждает эту тенденцию. Например, в деле № 33-53437/2019 Московский городской суд отказался признать отношения с «Яндекс.Такси» трудовыми из-за отсутствия графика и подчинения правилам внутреннего распорядка. Если упростить, формальные критерии не срабатывают. При этом работник фактически выполняет трудовую функцию. М. И. Иванова подчеркивает, что неопределенность статуса работников приводит к отсутствию гарантий и компенсаций[6].

Но проблема глубже. Возникает вопрос о работодателе. Одни исследователи считают им владельца платформы, поскольку он устанавливает правила и применяет санкции. Другие — заказчика услуги. И здесь нет единства. Сложившаяся правовая конструкция оказывается несостоятельной. Платформы фактически контролируют работников через рейтинги и блокировки, заменяя дисциплинарную ответственность[7].

Экономический аспект тоже значим. С. В. Пушкарев указывает, что расходы на документооборот достигают 5–7 млрд руб. в год, а затраты работников на электронные подписи составляют 3–5 млрд руб.[8] Одновременно растет число занятых. По данным, количество самозанятых увеличилось с 1,3 до 2 млн к 2021 г.[9] При этом общее число фрилансеров варьируется от 19 до 71 млн человек. Хотя эти данные касаются разных категорий, масштаб всё равно впечатляет.

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026).
[2] Иванова М. И. Указ. соч. С. 6.
[3] Собенина М. А. Указ. соч С. 126.
[4] Сайфутдинова В. М. Указ. соч. С. 387.
[5] Рубанова Н. А. Указ. соч. С. 88.
[6] Иванова М. И. Указ. соч. С. 5.
[7] Пушкарев С. В., Ялялиева Т. В. Указ. соч. С. 86.
[8] Там же. С. 87.
[9] Сагандыков М. С. Указ. соч. С. 29.

И возникает противоречие. Закон регулирует традиционные формы труда, но цифровая занятость выходит за эти рамки. М. А. Собенина указывает, что цифровизация изменяет сами институты трудового права, включая режим труда и формы занятости[1]. Проще говоря, нормы остаются прежними, а отношения — уже другие.

Решение уже предлагается, но оно не едино. Исследователи сходятся в одном — нужны новые модели регулирования. М. С. Сагандыков прямо указывает на необходимость дифференциации и децентрализации правового регулирования[2]. Если упростить, речь идет о создании специальных норм под разные формы занятости. Это логично, учитывая упомянутую выше закономерность размывания трудовых отношений.

М. И. Иванова предлагает более конкретный шаг. Она считает необходимым введение отдельной главы в Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, регулирующей платформенную занятость. Такая глава должна закреплять права и обязанности работников и работодателей платформ. Целесообразным будет введение в ТК РФ отдельной главы, которая будет посвящена трудовым отношениям на платформах[3]. Это уже попытка системного решения.

Но российский подход не единственный. В зарубежной практике применяются иные механизмы. Во Франции, например, предусмотрены гарантии для работников платформ, включая страхование от несчастных случаев и право на профессиональное обучение. Кроме того, допускается создание профсоюзов. Как отмечает М. И. Иванова, такие меры направлены на защиту прав работников в условиях цифровой экономики. В Европейском союзе в 2021 г. предложена директива, где закреплены критерии определения трудовых отношений на платформе.

И здесь возникает интересный момент. Некоторые авторы предлагают признать работодателем платформу, другие — заказчика услуги. Противоречие сохраняется. Иными словами, даже при реформировании законодательства отсутствует единство в определении базовых понятий. Однако же Международная организация труда в 2024 г. указала на проблему неоплачиваемого труда на платформах, что усиливает аргументы в пользу расширения защиты работников.

Дополнительно обсуждаются новые критерии. Например, предлагается учитывать экономическую зависимость работника от платформы как основание для признания трудовых отношений[4]. Также выдвигается идея создания реестра цифровых платформ. Это позволит контролировать их деятельность. Но стоит оговориться, что чрезмерное регулирование может увеличить издержки и снизить конкурентоспособность платформ.

Развитие законодательства в этой сфере остается открытым процессом.

Сведения об авторах

Григоренко Арина Александровна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологии, Уфа.

Камолова Рухсора Шодмонкуловна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологии, Уфа.

CURRENT ISSUES IN LABOR REGULATION IN THE DIGITAL ECONOMY

A. A. GRIGORENKO, R. Sh. KAMOLOVA
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Abstract. The aim of this study is to analyse the current problems in the legal regulation of labour for certain categories of workers in the context of the digitalisation of the economy. The objectives of the study include: identifying the specific features of the transformation of labour relations under the influence of digital technologies, analysing the current legislation on the differentiation of working conditions, examining the problems related to the legal status of platform and remote workers, and studying foreign experience in regulating these relations. The methodological basis consists of formal-legal, comparative-legal and systemic research methods. It has been established that the current labour legislation, while regulating traditional forms of employment in detail, does not fully cover digital labour formats — platform employment and remote work. The necessity of introducing special provisions into the Labor Code of the Russian Federation to regulate the labor of workers on digital platforms, as well as improving law enforcement practice regarding remote workers, is substantiated.

Keywords: *digitalization, labor law, platform employment, remote work, labor differentiation, labor contract, workers.*

[1] Собенина М. А. Указ. соч. С. 124.
[2] Сагандыков М. С. Указ. соч. С. 35.
[3] Иванова М. И. Указ. соч. С. 8.
[4] Там же. С. 4.

Правовые основы регулирования дистанционной работы по трудовому праву

Е. В. Лохман, А. В. Деньгоф[1]
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж

Аннотация. Дистанционный труд превратился в одну из ключевых форм занятости в современной российской экономике, особенно после событий 2020 г., когда пандемия коронавируса вынудила работодателей массово переводить персонал на удаленный формат. Исследование посвящено анализу правовых основ регулирования дистанционной работы в российском трудовом праве, включая особенности заключения и исполнения трудовых договоров, проблемы правоприменительной практики. Анализируются положения гл. 49.1 Трудового кодекса РФ, исследуются вопросы режима рабочего времени, охраны труда, оснований прекращения трудовых отношений, проблемы баланса интересов работников и работодателей.

Ключевые слова: *дистанционная работа, удаленная работа, трудовой договор, Трудовой кодекс РФ, правовое регулирование, судебная практика, трудовые отношения.*

До 2013 г. российское трудовое законодательство не содержало специальных норм, регулирующих отношения с дистанционными работниками. Правоприменительная практика пыталась использовать для таких случаев нормы гл. 49 ТК РФ о надомниках, но различия между надомным и дистанционным трудом настолько существенны, что этот подход порождал многочисленные конфликты[2]. Часто работодатели оформляли отношения с удаленными работниками через гражданско-правовые договоры подряда или возмездного оказания услуг, что лишало работников социальных гарантий и защиты трудовым законодательством.

Первая попытка системного правового регулирования дистанционного труда была предпринята в 2013 г., когда Федеральным законом № 60-ФЗ от 5 апреля 2013 г. в Трудовой кодекс РФ была введена гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников»[3].

События 2020 г. кардинально изменили ситуацию. Введение режима самоизоляции в марте–апреле 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 вынудило работодателей массово переводить персонал на дистанционный формат. 8 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», который фактически полностью переработал гл. 49.1 ТК РФ[4]. Новая редакция вступила в силу с 1 января 2021 г. и действует по настоящее время, определяя правовой статус дистанционных работников и особенности их взаимодействия с работодателями.

Согласно ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ, дистанционной (удаленной) работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей связи общего пользования.

В российском законодательстве термины «дистанционная» и «удаленная» работа используются как синонимы, что подтверждается единообразным употреблением конструкции «дистанционная (удаленная) работа» в ст. 312.1 ТК РФ. Законодатель предусмотрел три основных вида дистанционной работы:

– постоянная дистанционная работа (в течение всего срока действия трудового договора);

[1] Научный руководитель — Филипцова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

[3] Федеральный закон от 05.04.2013 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

[4] Федеральный закон от 08.12.2020 N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Российская газета. 2020. № 280.

– временная непрерывная дистанционная работа (на срок не более шести месяцев);

– периодическая дистанционная работа (чередование периодов удаленной работы с периодами работы на стационарном рабочем месте).

Введение этой классификации стало важным шагом вперед по сравнению с редакцией 2013 г., которая рассматривала дистанционный труд как исключительно постоянный формат занятости. На практике смешанный (гибридный) режим работы оказался наиболее востребованным[1].

Верховный суд РФ в обзоре судебной практики 2022 г. специально указал, что фактом, подтверждающим дистанционный характер трудовых отношений, является не только формальное указание на это в договоре, но и реальное использование электронной переписки, предоставление удаленного доступа к служебному компьютеру, передача работодателем технических средств для работы вне офиса[2].

Так, в соответствии с определением Шестого кассационного суда работник занимал должность директора по цифровому развитию и работал дистанционно. Работодатель решил расторгнуть с ним контракт по ст. 312.8 ТК РФ (непредоставление объяснений за дисциплинарный проступок, если это предусмотрено договором). Работодатель направил работнику письмо с незнакомого адреса электронной почты. Не получив ответа, в тот же день издал приказ об увольнении. Работник пояснил, что получил письма с подозрительного адреса, следовал внутренним правилам информационной безопасности, не открывал их, а переслал в службу технической поддержки для проверки на фишинг или вредоносное ПО. К моменту получения от IT-специалистов заключения о безопасности писем приказ об увольнении был уже подписан. Суд проверил трудовой договор и не нашел в нем условия о том, что работник обязан взаимодействовать с работодателем через определенный канал связи или что отсутствие ответа на запрос в течение двух рабочих дней является основанием для увольнения, что сделало увольнение по ст. 312.8 ТК РФ изначально неправомерным. Увольнение признано незаконным. Работник восстановлен в должности[3].

Содержание трудового договора о дистанционной работе имеет существенную специфику. В него должны быть включены:

– условие о дистанционном характере работы (без этого условия работник не может считаться дистанционным);

– указание на вид дистанционной работы (постоянная, временная, периодическая);

– порядок взаимодействия работника и работодателя, включая способы связи, сроки ответа на запросы, порядок предоставления отчетов;

– режим рабочего времени и времени отдыха (если он отличается от установленного работником самостоятельно);

– условия об обеспечении работника оборудованием, программно-техническими средствами либо о компенсации за использование собственных средств работника.

Место работы дистанционного работника — один из дискуссионных вопросов. В письме Роструда от 9 апреля 2024 г. № ПГ/05642-6-1 разъяснено, что местом работы дистанционного работника является место его нахождения (место исполнения трудовых обязанностей), при этом достаточно конкретизировать место работы до населенного пункта[4].

Изменение условий трудового договора, связанное с переводом на дистанционную работу или возвращением к работе в офисе, оформляется дополнительным соглашением к трудовому договору, однако нередко работодатели пытаются в одностороннем порядке прекратить дистанционный режим работы, требуя выхода работника в офис. Отметим, что судами это квалифицируется как нарушение трудового законодательства. Изменение существенных условий труда возможно только по соглашению сторон, а в случае изменения организационных или технологических условий труда — с соблюдением процедуры, предусмотренной ст. 74 ТК РФ, включая уведомление работника не менее чем за два месяца[5].

Отметим проблему, связанную с отсутствием четкого определения понятия «уважительная причина» применительно к невыходу на связь дистанционного работника. Работодатели и суды вынуждены в каждом случае самостоятельно оценивать обстоятельства, что порождает правовую неопределенность. Требуется либо включение в ТК РФ примерного перечня уважительных причин, либо формирование единообразной судебной

[1] Купцова Е. С. Правовое регулирование дистанционной работы в РФ // Матрица научного познания. 2026. № 2–2. С. 60.

[2] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022) // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 6.

[3] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2025 № 88-19825/2025. URL: https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-shestogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiktsii-ot-30-10/ (дата обращения: 28.04.2026).

[4] Письмо Роструда от 09.04.2024 № ПГ/05642-6-1 «О месте работы дистанционного работника». URL: https://client.consultant.ru/doc/?requestId=1027929316 (дата обращения: 28.04.2026).

[5] Сафронова Ж. С., Бразевич Д. С., Бразевич С. С., Василенок В. Л. Социально-экономические детерминанты и риски дистанционной работы в условиях цифровой трансформации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2026. № 1. С. 116.

практики по этому вопросу через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Третья проблема касается отсутствия закрепления «права на отключение». В современных условиях, когда границы рабочего и личного времени размываются, работники оказываются фактически на круглосуточной связи с работодателем, что ведет к переработкам, профессиональному выгоранию, нарушению права на отдых. Требуется законодательное закрепление нормы о том, что работник не обязан отвечать на обращения работодателя за пределами согласованного в трудовом договоре или локальном акте времени взаимодействия, за исключением случаев, когда это связано с предотвращением или устранением катастрофы, аварии, несчастного случая или иных чрезвычайных обстоятельств.

Также, на наш взгляд, проблемой является отсутствие норм о цифровом контроле за дистанционными работниками. Некоторые работодатели устанавливают на компьютеры работников программы мониторинга, которые фиксируют время активности, посещенные сайты, делают периодические скриншоты экрана. Такие практики вступают в конфликт с правом работника на неприкосновенность частной жизни, гарантированным ст. 23 Конституции РФ. В европейских странах использование средств цифрового контроля регулируется специальными нормами, требующими согласия работника и соблюдения принципа пропорциональности. В России эта сфера остается законодательно неурегулированной.

Таким образом, требуется определение понятия «уважительная причина» для невыхода на связь, установления правил цифрового контроля за работниками, уточнения норм об охране труда и при дистанционной работе.

Сведения об авторах

Лохман Елизавета Владимировна — студентка 3-го курса Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж.

Деньгоф Аделина Викторовна — студентка 3-го курса Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж.

LEGAL FOUNDATIONS OF REMOTE WORK REGULATION IN LABOR LAW

E. V. LOCHMAN, A. V. DENGOF

Central branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, Voronezh

Abstract. Remote work has become one of the key forms of employment in the modern Russian economy, especially after the events of 2020, when the coronavirus pandemic forced employers to massively transfer their staff to a remote format. The study focuses on analyzing the legal framework for regulating remote work in Russian labor law, including the specifics of concluding and executing employment contracts, as well as the challenges of law enforcement practice. The study examines the provisions of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation, focusing on issues related to working hours, occupational safety, grounds for termination of employment contracts, and the balance of interests between employees and employers.

Keywords: *remote work, telecommuting, employment contract, Labor Code of the Russian Federation, legal regulation, judicial practice.*

Подделка доказательств в рамках гражданского судопроизводства и механизмы ее разрешения в условиях развития электронного документооборота

К. Н. Джлавян, Д. Р. Шмакова[1]

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Исследуется проблема подделки (фальсификации) доказательств в гражданском судопроизводстве в условиях цифровизации. Анализируются процессуальные механизмы проверки заявлений о подложности доказательств, а также особенности выявления фальсификации электронных документов. Рассматриваются технико-юридические методы обнаружения цифровых подделок и роль судебной экспертизы.

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, фальсификация доказательств, подложность доказательств, электронный документооборот, электронные доказательства, судебная экспертиза, цифровизация правосудия.*

Проблема подделки доказательств в гражданском судопроизводстве сохраняет остроту, а цифровизация придает ей новое измерение. Законодательство демонстрирует терминологический дуализм: ГПК РФ в ст. 186 оперирует понятием «подложность доказательства», АПК РФ в ст. 161 — «фальсификация». В доктрине отмечается, что это разные деяния с разными последствиями. Подложность — внесение ложных сведений или искажение фактов, фальсификация — шире (создание полностью поддельного доказательства). Представление подложного доказательства суду — не только нарушение принципа добросовестности (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ), но и деяние, при наличии состава преступления влекущее ответственность по ст. 303 УК РФ. Сложность представляет доказывание умысла: стороны могут искажать факты из-за отсутствия юридических познаний, что исключает ответственность.

Процессуальный механизм проверки заявления о подложности (фальсификации)

Согласно ст. 186 ГПК РФ, в случае заявления о подложности доказательства суд может назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства. Однако, как обоснованно указывают исследователи, данная норма носит диспозитивный характер, что порождает проблему судейского усмотрения и не гарантирует обязательной проверки каждого заявления.

Последствия выявления подложности доказательства могут быть различными: исключение такого доказательства из числа допустимых, пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ) и, как отмечалось ранее, возбуждение уголовного дела.

Электронные доказательства: новые вызовы достоверности

Верховный Суд РФ последовательно формирует практику признания электронных доказательств. В частности, в определении от 18.01.2018 г. № 305-ЭС17-13822[2] коллегия указала, что документы, подписанные электронной подписью, имеют равную юридическую силу с бумажными, а возложение на истца дополнительного бремени доказывания при голословных возражениях ответчика противоречит состязательному характеру судопроизводства.

Особую дискуссию вызывает доказательственная сила скриншотов. В определении от 7 февраля 2023 г. № 5-КГ22–144-К2[3] Верховный Суд указал, что скриншоты являются допустимыми доказательствами, если заявлений об их фальсификации не поступало. Однако, как справедливо критикуется в доктрине, такой подход устанавливает фактическую презумпцию достоверности скриншотов, что может стимулировать злоупотребления.

[1] Научный руководитель — Бахарева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 305-ЭС17-13822 по делу № А40-4350/2016 // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763844/

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 5-КГ22-144-К2 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749804#2E9ZuFViS2QDsdQ5

Технико-юридические методы выявления фальсификации электронных документов

Экспертиза подлинности электронных документов представляет собой комплексное исследование цифровых данных, ключевыми объектами исследования которых выступают:

– метаданные — информация о создателе документа, дате и времени создания, истории редактирования;

– хэш-суммы — уникальные цифровые «отпечатки», изменение которых свидетельствует о модификации файла;

– цифровые сертификаты и валидность электронной подписи;

– логи информационных систем, фиксирующие операции с документами.

Признаками фальсификации могут служить несоответствия между содержанием документа и его метаданными, некорректные временные метки, наличие скрытых слоев в графических файлах, использование различных шрифтов и кодировок, указывающих на монтаж.

Важнейшим процессуальным требованием является обеспечение сохранности исходного состояния электронного документа. Любое копирование или редактирование может уничтожить цифровые следы, поэтому эксперты настаивают на необходимости исследования оригинала или криминалистической копии носителя.

Проблемы правоприменения и направления совершенствования законодательства

Анализ судебной практики выявляет ряд системных проблем. Как отмечает А. М. Гребенцов, ст. 161 АПК РФ и 186 ГПК РФ не были дополнены нормами, учитывающими специфику электронных доказательств. Это создает риск применения традиционных методов проверки к качественно иным объектам[1].

Представляется, что направления совершенствования правового регулирования должны включать:

1) унификацию терминологии ГПК РФ в части подложности (фальсификации) доказательств;

2) закрепление обязанности суда проверять заявления о фальсификации, а не права на такую проверку;

3) разработку специальных правил оценки электронных доказательств с учетом их технической природы;

4) легализацию возможности проведения «цифровой экспертизы» как самостоятельного вида судебной экспертизы;

5) установление презумпции достоверности электронных документов, подписанных квалифицированной электронной подписью.

Для практического решения выявленных проблем и правовых пробелов целесообразно внести изменения в ст. 186, 71 ГПК РФ и дополнить ст. 1 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ.

Так, **ст. 186 ГПК РФ «Заявление о фальсификации доказательства»** изложить в новой редакции:

1. В случае заявления о фальсификации суд обязан проверить его обоснованность.

2. Проверка осуществляется: назначением экспертизы (в т. ч. цифровой), истребованием дополнительных доказательств, иными процессуальными действиями.

3. Суд не вправе отказать в проверке по мотивам отсутствия специальных познаний или невозможности экспертизы без ходатайства стороны.

4. Результаты проверки отражаются в протоколе или определении. При подтверждении фальсификации доказательство исключается.

5. Если фальсификация повлекла незаконный акт — пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам.

6. О признаках преступления по ст. 303 УК РФ суд направляет информацию в органы расследования.

Статья 71.1 ГПК РФ «Особенности оценки электронных доказательств»:

1. Электронные доказательства — документы из информационно-телекоммуникационных сетей и иные данные в электронной форме.

2. Документы с квалифицированной электронной подписью признаются достоверными, пока не доказано иное. Бремя опровержения — на оспаривающем.

3. Скриншоты, распечатки переписки принимаются при условии указания способа, времени, места получения и обеспечения возможности проверки (доступ к учетной записи, оригиналу, метаданным).

4. При заявлении о фальсификации суд обязан обеспечить сохранность исходного состояния доказательства. Копирование допускается только с гарантиями аутентичности (криминалистическая копия, фиксация хэш-суммы).

5. Для проверки суд вправе назначить цифровую экспертизу, постановка вопросов которой не требует специальных познаний от суда.

Изменения в ст. 1 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» дополнить пунктом 2:

«Судебная цифровая экспертиза — самостоятельный род (вид) судебной экспертизы, объектами которого являются электронные носители информации, цифровые устройства, файлы, электронные подписи, иные данные в цифровой форме. Задачами такой экспертизы являются уста-

[1] Гребенцов А. М. Проверка заявления о фальсификации (подложности) доказательств в свете цифровизации цивилистического процесса: недостатки правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 45–50.

новление подлинности, целостности, авторства, времени создания или модификации, наличия признаков фальсификации электронных документов и иных объектов».

Подделка доказательств в цифровую эпоху требует адекватных механизмов противодействия. Процессуальное законодательство фрагментарно учитывает специфику электронных доказательств, а ст. 186 ГПК РФ сохраняет черты «бумажного» правосудия. Необходимо системное обновление норм с учетом цифровых технологий. Только синтез процессуальных гарантий и технических методов верификации обеспечит защиту от фальсифицированных доказательств и эффективность правосудия.

Сведения об авторах

Джлавян Карина Норайровна — студентка 3-го курса Межрегионального юридического института Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Шмакова Диана Руслановна — студентка 3-го курса Межрегионального юридического института Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

FORGERY OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS AND MECHANISMS FOR RESOLVING IT IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

K. N. DZHLAVYAN, D. R. SHMAKOVA

Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines the problem of forgery (falsification) of evidence in civil proceedings in the context of digitalization. The article analyzes terminological discrepancies between the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the procedural mechanisms for verifying statements about the falsification of evidence, as well as the specifics of detecting falsification of electronic documents.

Keywords: *civil proceedings, falsification of evidence, false evidence, electronic document management, electronic evidence, forensic examination, and digitalization of justice.*

К вопросу о порядке удостоверения доверенностей осужденных начальниками учреждений уголовно-исполнительной системы

Е. В. Кольцова[1]

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара

Аннотация. Рассматриваются проблемы удостоверения доверенностей осужденных начальниками исправительных учреждений. Анализируются пробелы ст. 185.1 ГК РФ и ведомственных актов ФСИН. Выявлено отсутствие единой процедуры, порядка учета и оснований для отказа. Обосновывается необходимость принятия новой ведомственной инструкции для защиты прав осужденных.

Ключевые слова: *доверенность, осужденный, исправительное учреждение, начальник учреждения УИС, нотариальные действия, ФСИН, правовой пробел, инструкция.*

Осужденные к лишению свободы не утрачивают способности совершения гражданско-правовых сделок. Они вправе выдавать доверенности. Масштаб востребованности нотариальных действий среди данной категории граждан иллюстрирует статистика Минюста России, в 2025 г. нотариуса-

[1] Научный руководитель — Коновальчук Марина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, полковник внутренней службы.

ми выполнено 43 505 097 действий, из которых 401 542 — за пределами нотариальных контор[1]. Именно в эту группу попадают действия, совершенные по обращениям лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Их удельный вес составляет лишь 0,92 % от общего числа, что само по себе невелико, но для каждого конкретного осужденного возможность оформить доверенность является жизненно важной.

Из-за невозможности личного визита осужденного к нотариусу закон закрепил в п. 2 ст. 185.1 Гражданского кодекса РФ правило о том, что доверенности лиц, пребывающих в местах лишения свободы, приравниваются к нотариально удостоверенным, если их заверил начальник соответствующего исправительного учреждения. По ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, к исправительным учреждениям относятся исправительные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, а также следственные изоляторы в отношении отдельных категорий осужденных, а именно переведенные из одного места отбывания наказания в другое, ожидающие отправки в колонию или перемещаемые через СИЗО под конвоем, оставленные для работ по хозяйственному обслуживанию, для участия в суде и следствии, оставленные на срок до 6 месяцев. В этих учреждениях начальники имеют право заверять доверенность осужденных.

Сама процедура оформления доверенности не обременена дополнительными условиями. Все формальные требования сводятся к общим нормам ст. 185–188.1 ГК РФ. Доверенность надлежит составить в простой письменной форме и непременно указать дату ее совершения — отсутствие даты делает документ ничтожным в силу п. 1 ст. 186 ГК РФ. Срок действия доверенности определяет сам осужденный, а если срок не оговорен, применяется общее правило о его годичной продолжительности. Начальник учреждения приравнен к нотариусу и должен действовать по тем же правилам. Но законодатель не раскрывает механизма его реализации. Не зафиксирована нигде и обязанность начальника разъяснить заявителю правовые последствия выдаваемого документа.

Обращаясь к подзаконному регулированию, мы обнаруживаем, что п. 281 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, лишь подтверждает право осужденного на выдачу доверенности и право начальника либо лица, его замещающего, ее удостоверить[2]. Сам порядок совершения действия, требования к реквизитам, правила учета и выдачи документа на руки данным пунктом не устанавливаются. Вследствие этого каждое учреждение действует по собственному усмотрению. В одном начальник проверяет содержание доверенности на соответствие закону, в другом — ограничивается формальным заверением подписи. Как справедливо замечает Р. О. Калидова, «на протяжении многих лет актуальным остается вопрос о принятии ведомственного нормативного акта, о порядке удостоверения доверенностей, заявлений и других юридических документов»[3].

Из-за того, что нет детальной процедуры в вопросе удостоверения доверенностей, возникают некоторые сложности. Статья 185.1 ГК РФ приравнивает доверенность к нотариально удостоверенной, но ни сама эта статья, ни иные нормативные акты не содержат утвержденной формы удостоверительной надписи для начальника исправительного учреждения. Учреждения вынуждены применять собственные формулировки, которые могут не включать всех юридически значимых сведений, что впоследствии ставит под сомнение действительность документа.

В исправительных учреждениях также отсутствует единый порядок ведения книг учета удостоверенных доверенностей. Обязанность регистрировать удостоверенную доверенность вытекает из самого смысла приравнивания ее к нотариальному документу. Органы прокуратуры прямо разъясняют: «удостоверенная доверенность уполномоченным должностным лицом места лишения свободы должна быть занесена в специальную книгу для регистрации доверенностей»[4]. Однако сама форма ведения такой книги никак не регламентирована, что при возникновении спора или утрате оригинала делает поиск сведений о доверенности крайне затруднительным.

Удостоверяя доверенность, начальник получает доступ к информации о личных и деловых связях осужденного, составе и местонахождении его иму-

[1] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России) за 12 месяцев 2025 года // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2025-god/ (дата обращения: 04.05.2026).

[2] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 30.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). (дата обращения: 04.05.2026).

[3] Калидова Р. О. Порядок совершения нотариальных действий в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2024. С. 109.

[4] Оформление доверенности на представление интересов лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Прокуратура Магаданской области: офиц. сайт. 25.12.2023. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_49/activity/legal-education/explain?item=92310955 (дата обращения: 04.05.2026).

щества, планируемых юридических действиях. Одновременно он — должностное лицо, ответственное за безопасность и правопорядок в учреждении. Закон не отвечает, как надлежит поступить, если содержание доверенности обнаружит сведения, значимые для оперативной обстановки. Это порождает риск как необоснованного использования частной информации, так и бездействия в ситуации, требующей вмешательства. А. В. Аксенова обоснованно подчеркивает, что в отличие от нотариуса, чья ответственность за разглашение профессиональной тайны застрахована, к начальнику учреждения подобные механизмы неприменимы[1]. Порядок привлечения должностных лиц к ответственности за нарушение требований закона и разглашение тайны при совершении действий, приравненных к нотариальным, не установлен. А разглашение таких сведений способно нарушить права самого осужденного и третьих лиц.

Сохраняет актуальность вопрос о том, что начальники учреждений по причинам как объективного, так и субъективного характера нередко отказываются удостоверять доверенности, выдаваемые осужденными своим представителям, чем, безусловно, препятствуют реализации прав[2]. Нотариусу ст. 48 Основ законодательства о нотариате предписан конкретный перечень оснований для отказа. Начальник учреждения формально такими критериями не связан. Статья 185.1 ГК РФ не содержит ни перечня оснований для отказа, ни требований к форме его выражения. О. А. Владимирова, исследуя этот вопрос, приводит показательные данные: сами осужденные подтверждают, что доказать факт обращения к администрации за оформлением доверенности крайне тяжело. Даже передав должностным лицам готовый текст, на котором недоставало лишь подписи доверителя и удостоверительной надписи начальника, осужденный не мог быть уверен в завершении процедуры: регистрация документа и сообщение входящего номера остаются, по существу, актом доброй воли, поскольку проконтролировать их исполнение почти невозможно. Проведенный автором опрос в трех исправительных учреждениях, по 25 человек в каждом, выявил разницу между числом подавших доверенность и реально получивших ее в 4, 5 и 9 случаев соответственно[3]. Эти цифры подтверждают, что дефицит четкой процедуры и действенного контроля открывает дорогу произволу.

Подводя итог, можно сказать, что действующее регулирование удостоверения доверенностей в исправительных учреждениях явно недостаточно. Подзаконные акты ФСИН России содержат лишь минимальные организационные нормы. Выходом могла бы стать новая инструкция Минюста России, то есть единый документ, который пропишет весь порядок: от удостоверительной надписи до правил учета и оснований для отказа. Это по-настоящему защитило бы права как самих осужденных, так и их доверенных лиц.

Сведения об авторе

Кольцова Елизавета Валерьевна — курсант 3-го курса Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Самара.

ON THE PROCEDURE FOR CERTIFYING AUTHORITIES OF CONDEMNED PERSONS BY HEADS OF CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM INSTITUTIONS

E. V. KOLTSOVA

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Samara

Abstract. The article discusses the problems of certifying the powers of attorney of convicts by the heads of correctional institutions. The gaps of Article 185.1 of the Civil Code of the Russian Federation and departmental acts of the Federal Penitentiary Service are analyzed. The absence of a unified procedure, accounting procedure, and grounds for refusal is revealed. The necessity of adopting a new departmental instruction to protect the rights of convicts is substantiated.

Keywords: *power of attorney, convict, correctional institution, head of the correctional institution, notary actions, Federal Penitentiary Service, legal gap, instruction.*

[1] Аксенова А. В. Совершение нотариальных действий в местах лишения свободы: проблемы и пути решения // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 257.

[2] Брылева Е. А., Садилов Н. А. Актуальные вопросы удостоверения доверенностей начальниками исправительных учреждений // Неделя науки : сб. материалов. Пермь, 2023. С. 27.

[3] Владимирова О. А. Роль институтов представительства и доверенности в деятельности УИС // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5. С. 11.

Эрозия публичности: ограничение общественного участия в сфере землепользования и градостроительства

А. Е. Кораблева[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Представлено исследование реализации конституционного права граждан РФ на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Основное внимание уделяется такой форме реализации, как участие граждан в решении вопросов, касающихся их прав на землю. Рассматриваются основные формы участия граждан — общественные обсуждения и публичные слушания. На основе федеральных, региональных, местных нормативно-правовых актов выявляется тревожная тенденция ограничения основного конституционного права граждан на участие в управлении делами государства в сфере землепользования и градостроительства. Делается вывод о том, что под предлогом инвестиционного стимулирования происходит системное выхолащивание общественных обсуждений и публичных слушаний, что создает подмену общественных интересов коммерческими.

Ключевые слова: *земельное право, общественные обсуждения, публичные слушания, принцип, ограничение, управление.*

Согласно ч. 1 ст. 32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей[2]. Одной из форм реализации данного конституционного права является участие граждан, общественных организаций (объединений) и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю[3]. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ одним из принципов земельного законодательства является «участие граждан, общественных организаций (объединений) и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю, согласно которому граждане Российской Федерации, общественные организации (объединения) и религиозные организации имеют право принимать участие в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на состояние земель при их использовании и охране, а органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной и иной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и в формах, которые установлены законодательством»[4].

Градостроительное законодательство определяет градостроительные требования к использованию земельных участков в землях населенных пунктов. В соответствии с ч. 5 ст. 2 Градостроительного кодекса РФ одним из принципов градостроительного законодательства является «участие граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности, обеспечение свободы такого участия»[5].

Основными формами участия граждан, общественных организаций (объединений) в градостроительной деятельности являются общественные обсуждения и публичные слушания.

Основное отличие этих форм заключается в процедуре проведения, а именно в наличии или отсутствии обязательных общих собраний. Так, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 5.1 ГрК РФ одним из этапов проведения публичных слушаний является проведение собрания или собраний участников публичных слушаний[5].

Статья 7 Федерального закона от 14.03.2022 № 58-ФЗ (ред. от 03.02.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установила особенности осуществления градостроительной деятельно-

[1] Научный руководитель — Талевлин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11.

[3] Брусницина С. В. Институт информирования общественности при принятии управленческих решений как гарантия обеспечения права на благоприятную окружающую среду // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 11. С. 6–8.

[4] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 136 // Российская газета. 2001. 30 окт.

[5] Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190 // Российская газета. 2004. 30 дек.

сти в 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. Одной из таких особенностей является положение о том, что нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации наряду со случаями, предусмотренными законодательством о градостроительной деятельности, могут быть установлены случаи утверждения указанных проектов, внесения изменений в указанные проекты без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний[1]. В соответствии с этим НПА ряд субъектов РФ фактически отменил общественные обсуждения и публичные слушания.

Ярким примером является постановление Правительства МО от 07.04.2022 № 332/11 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях градостроительной деятельности в Московской области в 2022, 2023, 2024 и 2025 годах»[2], которое устанавливает, что в 2022–2025 гг. подготовка и утверждение практически всех основных градостроительных документов (генеральные планы, правила землепользования и застройки, проекты планировки территории) осуществляются без проведения публичных слушаний или общественных обсуждений. Следующий пример: постановление Правительства Ленинградской области от 05.04.2022 № 203 (ред. от 08.04.2025) «Об установлении случаев утверждения в Ленинградской области в 2022–2025 годах генеральных планов, правил землепользования и застройки, проектов планировки территории, проектов межевания территории, изменений в генеральные планы, правила землепользования и застройки, проекты планировки территории, проекты межевания территории без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний»[3], которое отличается подходом, а именно он строится на целевом характере исключений, а именно: инвестиционные приоритеты, решение социальных проблем, реализация государственных программ, социальная поддержка. Отходя от основных экономических центров нашей страны, можно привести следующий интересный пример: постановление Правительства Ярославской области «О реализации статьи 7 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ» от 22 мая 2023 г. № 485-п[4]. В нем основания для отмены общественных обсуждений сформулированы как технические или процедурные, однако среди них можно выделить перевод земель из производственных/инфраструктурных в жилые зоны. Такая формулировка маскирует существенное изменение целевого назначения территорий под видом бюрократического исправления, что лишает общественность права обсуждать ключевые решения по развитию города.

Положение о порядке организации и проведения публичных слушаний или общественных обсуждений по вопросам градостроительной деятельности в Перемышльском муниципальном округе Калужской области, утвержденное решением Думы Перемышльского муниципального района Калужской области 20 ноября 2025 г. № 118[5], является типичным примером муниципального акта, который в своем содержании не «отменяет» общественные обсуждения напрямую, а содержит в себе отсылки к нормам ГрК РФ, которые содержат исключения (п. 2.1, 2.2, 2.3, 3.1 Положения). Аналогично построены и многие другие положения в различных муниципальных образованиях.

13.07.2023 в Государственную Думу был внесен законопроект № 401118-8[6], который был направлен на решение проблемы фактической отмены регионами публичных слушаний и общественных обсуждений в сфере градостроительного регулирования, однако его отклонили.

Также в настоящее время в связи с принятием Федерального закона от 26.12.2024 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[7],

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2022 № 58 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. Ст. 1785.

[2] Об особенностях градостроительной деятельности в Московской области в 2022, 2023, 2024 и 2025 годах: Постановление Правительства МО от 07.04.2022 № 332/11 // Информационный вестник Правительства МО. 2022. 16 авг. (№ 15).

[3] Об установлении случаев утверждения в Ленинградской области в 2022–2025 годах генеральных планов, правил землепользования и застройки, проектов планировки территории, проектов межевания территории, изменений в генеральные планы, правила землепользования и застройки, проекты планировки территории, проекты межевания территории без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний: Постановление Правительства Ленинградской области от 05.04.2022 N 203. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=309348&cacheid=005D55BC856AE80FE742DE479DD55BA4&mode=splus&rnd=k4RHaA#ypw1O6VFVno6rQXW (дата обращения: 20.12.2025)

[4] О реализации статьи 7 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ: Постановление Правительства Ярославской области от 22.05.2023 № 485-п. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/7600202305240005 (дата обращения: 22.12.2025).

[5] Об утверждении Положения о порядке организации и проведения публичных слушаний или общественных обсуждений по вопросам градостроительной деятельности в Перемышльском муниципальном округе Калужской области: Решение Думы Перемышльского муниципального округа Калужской области от 20.11.2025 № 118. URL: https://peremyshl40.gosuslugi.ru/ofitsialno/dokumenty/dokumenty-all-2494_9407.html (дата обращения: 22.12.2025).

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 401118-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/401118–8 (дата обращения: 24.12.2025).

[7] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон

вышеуказанный принцип еще больше перестал реализовываться.

Нововведениями явились следующие положения:

— Случаи подготовки проектов правил землепользования и застройки, проектов, предусматривающих внесение изменений в правила землепользования и застройки, без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний могут быть установлены законодательством субъекта Российской Федерации о градостроительной деятельности (ч. 12.1 ст. 31 ГрК РФ).

— Случаи подготовки проектов генеральных планов поселений, генеральных планов муниципальных округов, генеральных планов городских округов, проектов, предусматривающих внесение изменений в генеральные планы поселений, генеральные планы муниципальных округов, генеральные планы городских округов, без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний могут быть установлены законодательством субъекта Российской Федерации о градостроительной деятельности (ч. 3.3 ст. 28 ГрК РФ).

— В целях внесения изменений в правила землепользования и застройки в случаях, предусмотренных п. 3–5 ч. 2 и частью 3.1 настоящей статьи, а также в случае однократного изменения видов разрешенного использования, установленных градостроительным регламентом для конкретной территориальной зоны, без изменения ранее установленных предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства и (или) в случае однократного изменения одного или нескольких предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, установленных градостроительным регламентом для конкретной территориальной зоны, не более чем на десять процентов проведение общественных обсуждений или публичных слушаний, опубликование сообщения о принятии решения о подготовке проекта о внесении изменений в правила землепользования и застройки и подготовка предусмотренного ч. 4 настоящей статьи заключения комиссии не требуются (ч. 3.3 ст. 33 ГрК РФ).

— Случаи, при которых проекты планировки территории и проекты межевания территории, решение об утверждении которых принимается в соответствии с настоящим Кодексом органами местного самоуправления, внесение изменений в такие проекты планировки территории и проекты межевания территории утверждаются без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний, могут быть установлены законодательством субъекта Российской Федерации о градостроительной деятельности (ч. 13.2 ст. 45 ГрК РФ).

В данный момент наше законодательство столкнулось с социально-правовым явлением, которое именуется «Регуляторная гильотина»[1] и представляет политику по масштабной отмене или «оптимизации» нормативно-правовых актов, для «расчистки» пути для бизнеса и инвестиций, зачастую в ущерб контролю и гарантиям, а конкретно в нашем случае в ущерб конституционному праву граждан на участие в управлении делами государства.

Прослеживается тенденция, при которой законодатель, начиная с масштабных поправок 2020 г., последовательно отходит от важнейшего принципа — принципа участия общественности[2]. Данный институт претерпевает сильное ослабление под предлогом снятия барьеров, упрощения инвестиций, что в последующем должно привести к ускорению реализации строительных проектов. Данные поправки являются легальным основанием ограничения конституционного права на участие в управлении делами государства. Представляется, что такая политика является неверной ввиду того, что земля является основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Сведения об авторе

Кораблева Александра Евгеньевна — студентка 5-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

от 26.12.2024 № 494 // Российская газета. 2024. 28 дек.

[1] Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чаплинский А. В. Регуляторная гильотина в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 7–9.

[2] Рыженков А. Я. Принцип участия граждан, общественных и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю, и современные проблемы его реализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 5–6.

EROSION OF PUBLICITY: LIMITING PUBLIC PARTICIPATION IN LAND USE AND URBAN PLANNING

A. E. KORABLEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article presents a study of the implementation of the constitutional right of Russian citizens to participate in the management of state affairs, both directly and through their representatives. The main focus is on the form of participation in resolving issues related to their land rights. The article examines the main forms of citizen participation, such as public discussions and public hearings. Based on federal, regional, and local regulations, the article identifies an alarming trend of restrictions on the fundamental constitutional right of citizens to participate in the management of state affairs in the field of land use and urban planning. It is concluded that, under the pretext of investment incentives, there is a systematic erosion of public discussions and public hearings, which creates a substitution of commercial interests for public interests.

Keywords: *land law, public consultation, public hearing, principle, limitation, management.*

Встречные и обусловленные исполнения обязательств как элементы правового механизма обязательственных отношений

М. А. Кустов[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Исследуются встречные и обусловленные исполнения обязательств как важные элементы механизма регулирования обязательственных отношений в гражданском праве РФ. Раскрываются их правовая природа, цели, функции и нормативное закрепление в действующем законодательстве, прежде всего в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ)[2].

Ключевые слова: *обусловленное исполнение, встречное исполнение, обязательства, гражданское право, договор.*

Современное гражданское право Российской Федерации характеризуется высоким уровнем развития института обязательств, призванного обеспечивать устойчивость и предсказуемость гражданского оборота. Одним из центральных вопросов договорного права выступают порядок и условия исполнения обязательств, включая такие его разновидности, как обусловленное и встречное исполнение. Указанные институты отражают фундаментальные начала гражданско-правового регулирования — свободу договора, добросовестность участников и эквивалентность встречных предоставлений.

В условиях рыночной экономики договорные отношения строятся на взаимозависимости интересов сторон: каждая из них стремится получить обусловленный результат при выполнении своих обязанностей.

Актуальность темы обусловлена тем, что взаимозависимые и условные обязательства получили широкое распространение в современной договорной практике: от коммерческих сделок и подрядных отношений до кредитных и инвестиционных договоров.

Цель настоящего доклада — исследовать и сопоставить институты обусловленного и встречного исполнения обязательств, выявить их общие черты, отличия, правовую природу и значение для гражданского оборота. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1. Раскрыть содержание понятий «обусловленное исполнение обязательства» и «встречное исполнение обязательства» в системе гражданско-правовых категорий.

2. Определить нормативную основу и показать роль ГК РФ в регулировании данных институтов.

3. Проанализировать их сходства и различия, включая экономико-правовые последствия применения.

Категория обусловленного исполнения обязательств, а также обусловленного возникновения,

[1] Научный руководитель — Жуматова Гульжан Орбековна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

изменения либо прекращения договорных прав и обязанностей не является новой для отечественного гражданского права. Еще до законодательного закрепления соответствующих норм в их современном виде в договорной практике широко применялись конструкции, при которых реализация одной стороной своих прав зависела от совершения определенных действий контрагентом либо от наступления иных юридически значимых обстоятельств[1].

При этом исполнение обязательства одной стороной, поставленное в зависимость от исполнения обязанностей другой стороной, считается встречным независимо от того, установили ли участники договора очередность исполнения (п. 1 ст. 328 ГК РФ)[2].

Пункт 2 ст. 328 ГК РФ закрепляет два способа защиты при нарушении встречного исполнения: право на приостановление собственного исполнения и право на отказ от него. Указанные меры отражают как превентивный, так и реактивный характер защиты в синаллагматических обязательствах.

Право на отказ от встречного исполнения по своей правовой природе представляет собой форму внесудебного отказа от договора, то есть его одностороннего расторжения. Данное правило применяется прежде всего к взаимным обязательствам, вытекающим из одного договора, а также может распространяться на взаимосвязанные договоры, направленные на достижение единой экономической цели.

Реализация данного права возможна при непредоставлении исполнения, включая случаи просрочки, ненадлежащего исполнения или нарушения негативных обязательств. При этом обязательным условием выступает существенность нарушения, которая служит универсальным критерием допустимости расторжения договора.

Несмотря на наличие общего правила о расторжении договора при существенном нарушении (п. 2 ст. 450 ГК РФ), значение п. 2 ст. 328 ГК РФ состоит в том, что он прямо допускает внесудебный отказ от договора, тем самым расширяя возможности оперативной защиты прав стороны и ограничивая необходимость обращения в суд[3].

Классическим примером встречного исполнения обязательства считается передача товара продавцом и оплата покупателем в договоре купли-продажи.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30.04.2025 № Ф05-5261/2025 по делу № А40-157724/2024 рассмотрен спор, связанный с ненадлежащим исполнением покупателем обязанности по внесению предварительной оплаты. Суть дела заключалась в том, что покупатель не оплатил товар в полном объеме, в связи с чем продавец приостановил исполнение своего обязательства по передаче товара.

Суд, анализируя положения ст. 328 и 487 ГК РФ, пришел к выводу, что неполное внесение предоплаты свидетельствует о неисполнении обязательства покупателем. В связи с этим продавец, на котором лежит встречное исполнение, вправе приостановить передачу товара до момента надлежащего исполнения обязательства контрагентом.

В научной литературе и судебной практике по данному вопросу также выделяется альтернативная позиция, согласно которой неполная предоплата не всегда может служить безусловным основанием для приостановления исполнения обязательства продавцом. Однако в рассматриваемом деле суд поддержал первую позицию, признав действия продавца правомерными.

Таким образом, приведенный пример наглядно демонстрирует сущность встречного исполнения обязательств: исполнение обязанности одной стороны (передача товара) поставлено в зависимость от исполнения встречной обязанности другой стороны (оплата товара).

Институт обусловленного исполнения, в свою очередь, получил нормативное закрепление в ст. 327.1 ГК РФ. Законодатель допускает возможность поставить исполнение договорных обязанностей, а равно реализацию, изменение либо прекращение отдельных прав в зависимость от совершения или несовершения определенных действий участниками обязательства либо от наступления иных предусмотренных соглашением обстоятельств. При этом такие обстоятельства могут полностью зависеть от усмотрения одной из сторон, что свидетельствует о расширении диспозитивных начал договорного регулирования.

По общему правилу условие, согласно которому срок исполнения обязанности по оплате встречного предоставления связывается с наступлением события, неизвестного по времени или факту наступления, признается допустимым. При этом такой момент считается наступившим по истечении разумного срока, в течение которого соответствующее обстоятельство должно было реализоваться, если иной срок не установлен законом, иным правовым актом либо договором.

Между обществом и администрацией было заключено мировое соглашение, по которому общество признало задолженность (основной

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 1: Общие положения : монография. М. : Изд-во «Статут», 2005. С. 620–621.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

[3] Карапетов А. Г. Исполнение и прекращение обязательства. М. : Логос, 2022. С. 976–979.

долг и неустойку) и обязалось приступить к ее погашению после издания администрацией постановления об окончании отопительного сезона 2017–2018 гг., предварительно согласовав график платежей. Содержание соглашения и позиции сторон свидетельствовали о том, что возможность взыскания неустойки при последующей просрочке исполнения обязательства ими не исключалась.

В связи с неисполнением условий мирового соглашения администрация обратилась в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности и неустойки. Суд первой инстанции, а также суды апелляционной и кассационной инстанций удовлетворили иск.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила судебные акты в части взыскания неустойки и направила дело на новое рассмотрение. Было указано, что срок исполнения обязательства может определяться календарной датой, истечением периода времени либо указанием на событие, которое неизбежно наступит (ст. 190 ГК РФ). В силу ст. 314 и 327.1 ГК РФ исполнение обязательства может быть обусловлено совершением действий другой стороной либо наступлением предусмотренных договором обстоятельств. Если кредитор не совершает необходимых действий в установленный или разумный срок, он считается просрочившим.

Следовательно, обществу была предоставлена отсрочка исполнения обязанности по уплате долга до момента вынесения администрацией постановления об окончании отопительного сезона и последующего согласования графика погашения задолженности[1].

В более широком смысле обусловленное исполнение представляет собой такую модель реализации договорных прав и обязанностей, при которой юридические последствия ставятся в зависимость от наступления предусмотренного соглашением условия. Данный институт стал предметом активного научного обсуждения после реформы обязательственного права середины 2010-х гг., направленной на повышение гибкости договорных конструкций и усиление механизмов балансирования интересов участников гражданского оборота.

Следует отметить, что сама возможность обусловливать исполнение обязательств договорными обстоятельствами всегда вытекала из принципа свободы договора, закрепленного в п. 4 ст. 421 ГК РФ. До введения специальной нормы пределы подобной свободы на практике нередко сужались вследствие применения правил об условных сделках, предусмотренных ст. 157 ГК РФ. В результате правоприменитель фактически переносил требования, предъявляемые к условиям сделок, на сферу исполнения обязательств, что не всегда соответствовало их функциональному назначению.

Историко-правовой анализ показывает, что категория условности юридических последствий получила развитие еще в дореволюционной цивилистике. Ученые того периода рассматривали условие как случайное определение сделки, ставящее ее последствия в зависимость от будущего неопределенного обстоятельства. При этом зависимость могла возникать как от внешних факторов, так и от поведения самих участников правоотношения[2].

К. Б. Кораев отмечает, что из буквального толкования норм ст. 327.1 и 328 ГК РФ следует вывод о том, что встречное исполнение может рассматриваться как частный случай обусловленного исполнения обязательств. Его специфика заключается в том, что зависимость исполнения одной обязанности от исполнения другой стороны носит не факультативный, а системный характер и обусловлена природой взаимных договорных связей. Иными словами, встречное исполнение представляет собой механизм синхронизации поведения сторон в рамках двустороннего обязательства.

Современное законодательное регулирование данных институтов связано с отходом от прежних ограничений, характерных для советского периода. В условиях плановой экономики односторонний отказ от исполнения обязательства допускался исключительно в случаях, прямо установленных законом, а прекращение обязательств по соглашению сторон было ограничено требованиями хозяйственного планирования. В доктрине того времени сформировалась концепция, согласно которой условие договора о праве одной стороны на одностороннее изменение или расторжение рассматривалось как разновидность заранее достигнутого соглашения сторон о возможном прекращении обязательства[3].

В настоящее время необходимость подобного расширительного толкования отпала, что обусловливает важность разграничения одностороннего отказа от исполнения и расторжения договора по взаимному соглашению. Оба механизма направлены на регулирование зависимости исполнения обязанностей от поведения контрагента и служат инструментами предотвращения имущественных потерь, возникающих при несбалансированном исполнении обязательств[4].

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020).

[2] Коваль В. Н. Проблемы правового регулирования встречного исполнения обязательств в отечественной цивилистике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2023. № 3. С. 47.

[3] Кораев К. Б. Целесообразность закрепления в ГК РФ обусловленного исполнения обязательства // Lex Russica. 2024. № 3 (208). С. 10–11.

[4] Цыбуленко З. И. Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации об исполнении обязательств // Вестник

Сравнительный анализ обусловленного и встречного исполнения позволяет выявить ряд существенных различий.

Во-первых, обусловленное исполнение представляет собой универсальную конструкцию, позволяющую ставить под условие как отдельные обязанности, так и субъективные права, тогда как встречное исполнение ориентировано на синхронизацию взаимных обязанностей сторон.

Во-вторых, при обусловленном исполнении момент возникновения обязанности может быть отложен до наступления предусмотренного обстоятельства, тогда как встречное исполнение предполагает последовательность либо одновременность исполнения, определяемую договором или законом.

В-третьих, обусловленное исполнение может зависеть исключительно от волеизъявления одной стороны, что порождает дискуссию о допустимых пределах подобных условий. Встречное же исполнение по своей правовой природе основано на взаимозависимости поведения участников и направлено на поддержание эквивалентности их имущественных интересов.

Наконец, юридические последствия нарушения различаются: при встречном исполнении применяются специальные способы защиты, включая право на встречное неисполнение, тогда как при обусловленном исполнении ключевое значение имеет факт наступления либо ненаступления условия[1].

Таким образом, несмотря на функциональную близость, обусловленное и встречное исполнение представляют собой самостоятельные элементы правового механизма обязательственных отношений. Первое основано на условной связи юридических последствий с будущими обстоятельствами, второе — на координации исполнения взаимных обязанностей сторон. Для эффективного применения указанных конструкций в договорной практике особое значение имеет точность формулирования условий, а также предварительное определение способов обеспечения исполнения обязательств, что приобретает особую актуальность в сфере коммерческих сделок[2].

Сведения об авторе

Кустов Матвей Андреевич — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

COUNTER AND CONDITIONAL PERFORMANCE OF OBLIGATIONS AS ELEMENTS OF THE LEGAL MECHANISM OF OBLIGATORY RELATIONS

M. A. KUSTOV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article examines counterperformance and conditional performance of obligations as important elements of the mechanism for regulating obligatory relations in the civil law of the Russian Federation. It reveals their legal nature, goals, functions, and normative consolidation in the current legislation, primarily in the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code).

Keywords: *conditional performance, counterperformance, obligations, civil law, contract.*

СГЮА. 2016. № 5 (112). С. 54–60.

[1] Захаркина А. В. Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности Российской правовой системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 40. С. 250–253.

[2] Маштаков И. В. Встречное неисполнение договорного обязательства // Вестник ВУиТ. 2023. № 4 (106). С. 38–40.

Проблемы заключения и реализации договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет»

Д. В. Лежникова[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы заключения и реализации договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет». Анализируется актуальная судебная практика в данной сфере. Рассматривается проблема определения момента фиксации цены по договору и проблема возврата товара потребителем продавцу.

Ключевые слова: *договор розничной купли-продажи, купля-продажа, сеть «Интернет».*

Стремительное развитие современных технологий привело к тому, что заключение договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет» стало обыденной практикой для многих из нас. Дистанционная торговля имеет существенное отличие от «обычной» офлайн-торговли: покупатель может судить о товаре только по описанию и (или) фотографии товара, ознакомиться с ним лично возможно только при получении товара, а момент заключения договора значительно отстает во времени от момента передачи товара покупателю[2]. Гражданское законодательство при этом не содержит специфических норм о таком договоре, хотя и включает в себя ст. 497 ГК РФ о продаже товара по образцам и дистанционном способе продажи товара, ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», предусматривающую дистанционный способ продажи товара, а также Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи, утвержденные Постановлением Правительства РФ[3]. Однако необходимо учесть в законодательстве некоторые особенности заключения и реализации договора розничной-купли продажи в условиях повышенного товарооборота в сети «Интернет», а также устранить пробелы, подвергнув данный аспект более детальной регламентации.

Исходя из положений цивилистической доктрины, предусмотренный гл. 30 ГК РФ, договор купли-продажи по общему правилу является консенсуальным, т. е. продавец лишь обязуется передать товар покупателю, а покупатель обязуется принять и оплатить его[4]. В связи с этим момент заключения рассматриваемого договора определяется моментом получения потребителем согласия продавца заключить договор, которое выражается в создании заказа с индивидуальным номером и в информационном уведомлении покупателя о сроках и порядке доставки товара. При этом нельзя отождествлять момент заключения договора с моментом его исполнения. Покупатель может оплатить товар сразу на цифровой платформе, а может исполнить свою обязанность непосредственно при вручении ему товара. Обязательство продавца в соответствии с п. 3 ст. 497 ГК РФ считается исполненным с момента доставки товара в место, указанное в договоре купли-продажи, а если оно не определено, с момента доставки товара по месту жительства покупателя-гражданина или месту нахождения покупателя-юридического лица.

Следует отметить, что договор розничной купли-продажи в цифровой среде по своей цивилистической природе в соответствии с п. 2 ст. 492 ГК РФ является публичным договором. Таким образом, одной стороной договора выступает продавец, осуществляющий деятельность по продаже товаров, а другой — потребитель. В силу п. 1 ст. 426 ГК РФ продавец обязан заключить договор с каждым, кто к нему обратится. Важно отметить, что отказ от его заключения при наличии возможности

[1] Научный руководитель — Ветров Денис Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Челябинского государственного университета.

[2] Васильева А. В. Проблема соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы // Вестник СИБИТа. 2024. № 1. С. 140.

[3] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 23.04.2026).

[4] Гаврилова Э. Д. Договор розничной купли-продажи в цифровой среде: проблемы законодательного регулирования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 10-2 (109). С. 258.

предоставить потребителю соответствующие товары или оказание предпочтения одному лицу перед другим в отношении его заключения со стороны продавца недопустимы.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» отмечается, что по смыслу п. 2 ст. 310, п. 3 ст. 426, ст. 450.1 ГК РФ не связанный с нарушением со стороны потребителя односторонний отказ лица, обязанного заключить публичный договор, от исполнения публичного договора также не допускается. Таким образом, односторонний отказ продавца от исполнения обязательства по доставке или выдаче товара недопустим, например, в случае отсутствия у продавца товара, предварительно оплаченного покупателем или в случае недостоверного указания на электронной платформе в публичной оферте продавца информации о стоимости товара.

Ряд проблем возникает уже на стадии заключения договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет». Одна из них — недостаточная определенность момента фиксации цены для покупателя. Согласно положениям абз. 2 п. 13 Правил продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи договор розничной купли-продажи считается заключенным с момента выдачи продавцом потребителю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом сообщения потребителя о намерении заключить договор розничной купли-продажи. Соответственно, исходя из этого, фиксация цены товара как условия договора происходит непосредственно в момент его заключения. Таким образом, изменить цену, объявленную потребителю на стадии заключения договора (например, в момент оформления заказа в интернет-магазине), в одностороннем порядке продавец не вправе. Однако в судебной практике встречаются случаи иной трактовки данных норм, приводящие к отсутствию должной защиты потребителя как «слабой» стороны по договору розничной купли-продажи. В определении от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4 Верховный Суд Российской Федерации отменил решения и определения судов всех предшествующих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение[1]. Установлено, что С. Н. Анохин обратился в суд с иском к ОАО «Торговый дом ЦУМ», указав, что между ним и ответчиком заключен договор купли-продажи одежды посредством интернет-заказа через мобильное приложение. В качестве подтверждения заключения договора на электронный адрес и номер телефона направлено сообщение от магазина, а также списаны со счета денежные средства. Впоследствии им получено уведомление о невозможности доставки заказанного товара, однако истец от выбранного товара не отказывался, претензия истца ответчиком добровольно не была удовлетворена.

ОАО «Торговый дом ЦУМ» ссылалось на техническую ошибку в работе мобильного приложения, из-за которой цены отображались некорректно. Суд первой инстанции признал договор недействительным, указав, что продавец не заключил бы данный договор на столь невыгодных для себя условиях. Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции согласились с такими выводами. Верховный суд РФ определил, что фиксация цены происходит в момент заключения договора между покупателем и интернет-магазином, который определяется моментом оформления заказа с присвоением ему номера, позволяющего получить информацию о заключенном договоре и его условиях. Такая трактовка правовых норм способствует должной защите прав потребителя. Для устранения неопределенности в правоприменительной практике необходимо предусмотреть в законодательстве порядок закрепления цены по договору розничной купли-продажи, заключаемого посредством сети «Интернет», указав, что цена фиксируется в момент оформления заказа с присвоением ему номера, который позволяет потребителю получить информацию о заключенном договоре розничной купли-продажи и его условиях. Кроме того, учеными, в частности Н. А. Аблятиповой и Я. А. Бандуриной, предлагается дополнить п. 13 Правил продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи абзацем следующего содержания: «По общему правилу, в случае если продавец не информировал покупателя об основаниях одностороннего отказа от исполнения договора, за исключением оснований, указанных в законе, договор считается заключенным и подлежит исполнению»[2]. Введение такого положения позволило бы обеспечить потребителя, заключающего договор посредством сети «Интернет», дополнительной защитой.

Особого внимания заслуживает и проблема возврата товара потребителем продавцу. Такое право покупателя предусмотрено п. 4 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей». Информацию о порядке и сроках возврата товара в соответствии

[1] Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=767556#6vVQFEVP8z2QryyC (дата обращения: 23.04.2026).

[2] Аблятипова Н. А., Бандурина Я. А. Анализ правового регулирования договора розничной купли-продажи дистанционным способом и проблемные вопросы при рассмотрении споров его расторжения // Бюллетень науки и практики. 2024. № 4. С. 514.

с п. 3 данной статьи предоставляет продавец. Рассматривая потребителя как экономически слабую сторону, следует прийти к заключению о том, что продавец обязан предложить покупателю удобные способы для возврата товара, проданного посредством сети «Интернет», минимизирующие расходы потребителя на совершение данного действия. Однако правоприменительная практика демонстрирует иной подход к проблеме определения места и способа передачи товара обратно продавцу.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17.02.2026 № 7-П решается вопрос о конституционности п. 3 и 4 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»[1]. Установлено, что продавец отказал потребителю в возможности возврата товара путем его отправки почтой за счет средств гражданина, сославшись на то, что возврат возможен только при личном визите покупателя или действующего в его интересах третьего лица в любой розничный магазин торговой сети. Гражданин обращался в территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека с заявлением о привлечении продавца к административной ответственности, в чем ему было отказано в связи с отсутствием составов правонарушений. Арбитражный суд Мурманской области не признал определения об отказе в возбуждении дел незаконными, с чем согласились Тринадцатый арбитражный апелляционный суд и Арбитражный суд Северо-Западного округа. При этом суды исходили из того, что возврат товаров покупателем посредством почтовой связи возможен только при условии согласования с продавцом, при том что такой способ возврата сопряжен с риском случайной гибели или повреждения товара.

Конституционный суд РФ указал на то, что нормы, закрепляющие права потребителя, в том числе его право на возврат товара, должны признаваться императивными, если они направлены на обеспечение его защиты как более слабой стороны договора. Также отмечено, что неполнота и неясность положений закона относительно места и способов возврата товара могут негативно повлиять на интересы потребителя, в особенности учитывая предоставление продавцу права выработки таких условий в договоре и ограниченность возможности покупателя по их корректировке.

Конституционный суд РФ постановил признать п. 3 и 4 ст. 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 34, 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3), поскольку они не устанавливают для потребителя возможность возврата приобретенного им дистанционно (в частности, через сеть «Интернет») товара надлежащего качества дистанционным способом, а также внести изменения в действующее правовое регулирование. Следует отметь, что законодателем до сих пор не предприняты меры по приведению Закона о защите прав потребителей в соответствие с Конституцией РФ.

Ввиду недостаточности правового регулирования в ходе заключения и реализации договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет» возникают специфические проблемы, влекущие споры между его сторонами и дальнейшие судебные разбирательства. Для предотвращения таких разногласий, а также в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики следует пересмотреть и дополнить законодательство, регулирующее вопросы заключения и реализации договора розничной купли-продажи посредством сети «Интернет». Большой шаг уже сделан законодателем в этом направлении — в июле 2025 г. был принят Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ», который вступит в силу с 1 октября 2026 г. и окажет благоприятное влияние на взаимодействие сторон по договору розничной купли-продажи в сети «Интернет» и правоприменительную практику. Новый федеральный закон в ст. 3 закрепляет принципы правового регулирования платформенной экономики в РФ, в том числе принципы прозрачности (открытости), запрета дискриминации и недопустимости ограничения свободного доступа лиц к цифровой платформе при ее использовании. Указанные положения соответствуют общим нормам о публичном договоре, содержащимся в ГК РФ и применяющимся по отношению к розничной купле-продажи в сети «Интернет».

Сведения об авторе

Лежникова Дарья Владимировна — студентка 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2026 № 7-П «По делу о проверке конституционности пунктов 3 и 4 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина Тишкина Петра Николаевича» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526704/

PROBLEMS OF CONCLUDING AND EXECUTING A RETAIL PURCHASE AND SALE AGREEMENT VIA THE INTERNET

D. V. LEZHNIKOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article examines key issues related to concluding and executing a retail purchase and sale agreement via the Internet. Current case law in this area is analyzed. The article also examines the issue of determining the moment of price fixing under a contract and the issue of consumer-to-seller returns.

Keywords: *purchase and sale agreement, purchase and sale, the Internet.*

О некоторых вопросах реализации контрафактной продукции на Wildberries и ответственности за такую деятельность

Т. А. Мальковский, Н. Г. Орлов[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы реализации контрафактной продукции на маркетплейсах на примере Wildberries. Анализируются действующие способы защиты потребителей и правообладателей, а также недостаточность внутренних механизмов площадки и государственного регулирования. Особое внимание уделяется необходимости превентивной проверки документов, подтверждающих оригинальность товара, и введения самостоятельной ответственности маркетплейса за допуск контрафактной продукции к продаже.

Ключевые слова: *маркетплейс, контрафакт, Wildberries, потребитель, правообладатель, ответственность.*

В настоящее время маркетплейсы стремительно развиваются и выходят за пределы обычной торговли. Электронная коммерция устойчиво наращивает объем: по словам главы объединенной компании «Wildberries & Russ» Татьяны Ким, оборот Wildberries за 2024 г. превысил 4,1 трлн руб. при чистой прибыли 104 млрд руб., тогда как в 2023 г. оборот составлял 2,5 трлн руб.[2] Такой рост свидетельствует об активной экспансии онлайн-торговли и вытеснении иных субъектов коммерции, работающих как офлайн, так и онлайн.

Очевидно, что маркетплейсы, как реактивно развивающаяся отрасль коммерции, не могли остаться без внимания государства. Изменения, внесенные в Закон РФ «О защите прав потребителей», придали маркетплейсам статус товарных агрегаторов[3]. Позднее был принят Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающий в силу с 1 октября 2026 г.[4] Однако даже новое регулирование не решает ряда актуальных проблем, среди которых особенно выделяется оборот контрафактной продукции.

Понятие контрафакта закреплено в ГК РФ. Статья 1252 ГК РФ относит к контрафактным материальные носители, изготовление, распространение или иное использование которых приводит к нарушению исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации[5]. Для отдельных категорий

[1] Научный руководитель — Строкова Ольга Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

[2] Объединенная компания Wildberries и Russ отчиталась о прибыли за 2024 год // Forbes. 29.03.2025. URL: https://www.forbes.ru/biznes/533847-ob-edinennaa-kompania-wildberries-i-russ-otcitalas-o-pribyli-za-2024-god (дата обращения: 14.05.2026).

[3] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[4] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020 (дата обращения: 14.05.2026).

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

интеллектуальной собственности предусмотрены специальные нормы, например ст. 1515 ГК РФ об ответственности за незаконное использование товарных знаков.

Проблема нелегальных товаров остро стоит на протяжении долгого времени. В исследовании А. В. Сальниковой и Ю. А. Кудимовой, посвященном контрафакту на Wildberries, указано, что до 70 % товаров, реализуемых на маркетплейсах, являются контрафактными[1]. По данным ФАС России, доля подделок в смартфонах составляет 31 %, в ноутбуках — 30 %, в смарт-часах — 63 %[2]. Эти показатели позволяют связать распространение контрафакта не только с недобросовестностью продавцов, но и с недостаточным контролем со стороны самой площадки.

При этом существуют технические средства, позволяющие своевременно выявлять нелегальную продукцию. К ним относится система «Честный знак», позволяющая проверять свойства и подлинность товара до приобретения. Перспективным является и применение нейросетей, способных анализировать изображения, описание товара, серийные номера и штрих-коды. Также Wildberries применяет программу «Цифровой арбитраж», через которую правообладатели сообщают о нарушениях. Следовательно, проблема заключается не в отсутствии инструментов выявления, а в длительности и неэффективности реакции.

В отсутствие четких правил и норм конфликты требуют обращения в специализированные органы. Обзор судебной практики за 2023 г., основанный на картотеке арбитражных дел[3], показывает, что только в Арбитражный суд Московской области поступило 2 577 исков в отношении ООО «Вайлдберриз», причем в 2 290 случаях товарный агрегатор выступал ответчиком; более 1 300 исков были удовлетворены полностью или частично[4]. К числу повторяющихся категорий споров относятся нарушения исключительных прав и реализация фальсифицированной или контрафактной продукции.

В соответствии с офертой Wildberries убытки, понесенные вследствие иска, продавец компенсирует площадке[5]. Поэтому маркетплейс, допустивший реализацию продукции ненадлежащего качества, сохраняет комиссионное вознаграждение и фактически перекладывает издержки на продавца.

В текущей ситуации можно выделить два способа защиты прав потребителей от приобретения контрафактной продукции. Первый способ — внутренняя защита маркетплейса: правила размещения карточек, линии поддержки, механизмы блокировки товаров и компенсация пострадавшему лицу. Такие механизмы действительно существуют: оферта запрещает размещать информацию, законных прав на которую продавец не имеет, а также продавать товар, произведенный, ввезенный или реализуемый с нарушением законодательства или прав третьих лиц. Однако статистика не демонстрирует снижения объема контрафактной продукции, что указывает на недостаточность внутреннего механизма.

Второй способ — государственное нормативное регулирование. Его основой должен стать закон о платформенной экономике, однако многие его положения фактически воспроизводят уже существующие правила оферты Wildberries: порядок размещения карточек, внесения изменений и продажи отдельных видов товаров. Закон не предлагает принципиально новых методов контроля и не решает вопрос о систематических плановых проверках, хотя статистика свидетельствует о потребности в усиленном контроле.

Следовательно, даже после вступления закона в силу онлайн-продажи во многом продолжат регулироваться нормами ГК РФ, Закона о защите прав потребителей и иными актами, не адаптированными под особенности электронной торговли. Для защиты потребителей и правообладателей необходимы специальные нормы, направленные именно на оборот контрафактной и фальсифицированной продукции на маркетплейсах.

Наше предложение заключается в смещении акцента с постделиктной ответственности на превентивные обязательства площадки. Маркетплейс как организатор торговли должен требовать документы об оригинальности товара: договор с правообладателем, таможенную декларацию или иной документ, подтверждающий легальность ввода товара в оборот. До представления таких документов карточка не должна допускаться к публичному размещению, а их отсутствие должно создавать презумпцию вины маркетплейса.

Кроме того, необходим административно-юрисдикционный контроль, связанный с ужесточением правил публикации карточек товаров. ФАС России и Роспотребнадзор должны иметь право проводить

[1] Сальникова А. В., Кудимова Ю. А. Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Вестник ГУУ. 2021. № 2.

[2] Правообладателям и маркетплейсам помогут в борьбе с контрафактом // ФАС России. 18.07.2023. URL: https://fas.gov.ru/publications/24082 (дата обращения: 14.05.2026).

[3] Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.05.2026).

[4] Обзор судебной практики споров с маркетплейсами за 2023 год от компании Fox Legal Consulting // Закон.ру. 28.12.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/12/28/obzor_sudebnoj_praktiki_sporov_s_marketplejsami_za_2023_god_ot_kompanii_fox_legal_consulting (дата обращения: 14.05.2026).

[5] Оферта продавца // WB Partners. URL: https://seller.wildberries.ru/terms (дата обращения: 14.05.2026).

систематические проверки легальности размещения карточек и сопровождающей документации. Перспективным является и надзор через рассмотрение обращений граждан, поскольку он позволит оперативно реагировать на случаи нарушений и предоставления подложных документов.

Не менее важным является привлечение онлайн-продавца к ответственности. Сейчас после выявления контрафакта продавец и карточка товара блокируются, но сам товар не всегда изымается из оборота и может вернуться в продажу. Поэтому необходимо нормативно закрепить положения, гарантирующие изъятие такого товара из оборота и ответственность в виде штрафа.

Модель, при которой маркетплейс компенсирует свои издержки за счет продавца, порочна, поскольку создает экономический стимул к бездействию. В КоАП РФ следует установить новый состав административного правонарушения, определяющий ответственность самого маркетплейса за допуск товаров без подтверждения их оригинальности. Одновременно необходимо запретить условия о возмещении маркетплейсу публично-правовых штрафов продавцом: площадка не должна перекладывать собственную ответственность на иное лицо.

Подводя итог, следует констатировать, что правовое регулирование защиты прав потребителей в онлайн-торговле остается фрагментарным и не учитывает специфику электронной коммерции. Проблема контрафакта, как демонстрируют статистика и судебная практика, связана не с объективной невозможностью контроля, а с отсутствием у маркетплейсов действенной обязанности проводить превентивную проверку оригинальности товаров и легальности их ввода в оборот.

В связи с изложенным наиболее перспективной представляется разработка и принятие Кодекса онлайн-торговли, который учитывал бы специфику электронной коммерции, устанавливал единые требования ко всем участникам оборота и содержал специальные санкции. Такой акт должен не дублировать оферты маркетплейсов, а закреплять публично значимые обязанности, невыполнение которых влечет прямую ответственность перед государством и потребителями. Только при превентивном контроле со стороны маркетплейса под угрозой административной ответственности возможно обеспечить реальную защиту прав потребителей и правообладателей.

Сведения об авторах

Мальковский Тимофей Алексеевич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Орлов Николай Григорьевич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

ON CERTAIN ISSUES OF THE SALE OF COUNTERFEIT PRODUCTS ON WILDBERRIES AND LIABILITY FOR SUCH ACTIVITIES

T. A. MALKOVSKY, N. G. ORLOV
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines the sale of counterfeit products on marketplaces using Wildberries as an example. The authors analyze the insufficiency of internal platform mechanisms and state regulation. Special attention is paid to preventive verification of documents confirming the originality of goods and to independent liability of marketplaces.

Keywords: *marketplace, counterfeit products, Wildberries, consumer, right holder, liability.*

Вопрос участия прокурора по делам о признании безвестно отсутствующим, объявления умершим при проведении боевых действий

Т. А. Мальковский, Д. А. Фролов[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматривается вопрос участия прокурора в делах о признании военнослужащего безвестно отсутствующим и об объявлении его умершим в условиях ведения боевых действий. Анализируются правовое регулирование, практика правоприменителей по данной теме и соотношение полномочий командира воинской части и прокурора. Рассматривается вопрос о расширении процессуальных функций военного прокурора для своевременной защиты прав военнослужащих и членов их семей.

Ключевые слова: *прокурор, военная прокуратура, гражданский процесс, безвестное отсутствие, объявление умершим, военнослужащие.*

Прокуратура является важнейшим институтом правовой системы российского государства, имеющим в качестве основных целей своей деятельности осуществление правовой защиты частных прав и интересов граждан и публичных интересов государства[2].

С началом СВО деятельность органов прокуратуры Российской Федерации претерпела существенную трансформацию. Если ранее надзор за соблюдением законов в ВС РФ традиционно ассоциировался с обеспечением воинской дисциплины и законности при прохождении службы, то в текущих условиях акцент сместился в сторону социально-правовой защиты военнослужащих и членов их семей.

Государство взяло этот вопрос под пристальный контроль практически с первых дней СВО. Только за прошлый год в органы прокуратуры поступило больше 30 тысяч обращений от участников спецоперации, а реальная помощь оказана более чем 55 тысячам человек — права восстановлены, критически важные вопросы решены. Об этом доложил Генпрокурор Краснов, когда сообщал о результатах ведомства за 2024 г. Федеральному Собранию[3]. Это не сухая статистика — за каждой цифрой стоят судьбы семей, для которых своевременное включение прокурора стало буквально вопросом выживания.

В ходе анализа правоприменительной практики последних лет (с 2023 по 2025 г.) выяснилось, что один из самых дискуссионных вопросов — это разделение полномочий между командиром воинской части и прокурором по поводу признания пропавшего военнослужащего безвестно отсутствующим или умершим. Это ведь не просто юридическая формальность: речь идет об основе жизни людей, потерявших кормильца, о пенсиях, социальных выплатах, шансе семьи получить официальную ясность. Исследование данного аспекта имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для совершенствования гражданского процессуального законодательства и прокурорской практики в целом.

По сведениям издательства «Медиазона», за первую половину 2025 г. российские суды получили свыше 30 тысяч заявлений о признании граждан пропавшими без вести. За 2024 г. таких обращений было 22,6 тысячи. В 11,8 тыс. исков заявителями выступают командиры воинских подразделений, еще в 9 тыс. случаев различные структуры Министерства обороны[4].

На сегодняшний день процедура признания безвестно отсутствующим в соответствие с Гражданским кодексом РФ[5] происходит следующим образом: в случае обнаружения отсутствия военнослужащего командир (начальник) соответствующего

[1] Научный руководитель — Рассахатская Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

[2] Костоев Х. М. О роли прокурора в гражданском судопроизводстве // Криминалистъ. 2018. № 3 (24). С. 66–68.

[3] Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации: сообщение от 02.04.2025 // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e5606049/ (дата обращения: 01.03.2026).

[4] «Медиазона» выявила связь между ростом судебных исков о пропавших и военными потерями России // Арбат медиа. URL: https://arbatmedia.kz/exo-moskvy/mediazona-vyyavila-svyaz-mezdu-rostom-sudebnyx-iskov-o-propavsix-i-voennymi-poteryami-rossii-5837 (дата обращения: 25.02.2026).

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

воинского подразделения своим приказом признает его пропавшим без вести, затем проводит комплекс поисковых мероприятий в целях определения его места нахождения в соответствии с положениями Федерального закона № 53 «О воинской обязанности и военной службе»[1]. В течение 6 месяцев при отсутствии сведений о гражданине, у командира в/ч и (или) родственников пропавшего и иных лиц, чьи права зависят от установления данного факта, появляется право обратиться в суд для признания человека безвестно отсутствующим.

Командир (начальник) воинского подразделения занимает значительное положение в деятельности по признанию гражданина умершим/безвестно отсутствующим. Именно он инициирует возбуждение гражданского производства. На наш взгляд, это не является целесообразным ввиду того, что в условиях ведения боевых действий и наличия в первую очередь боевых задач, следует освободить командира в/ч, от юридических тонкостей в рамках инициирования возбуждения гражданских дел. Прокурор в рамках ст. 45 ГПК инициирует возбуждение гражданского дела в интересах воинской части в целях исключения участия командира в/ч в данном процессе[2].

Данное полномочие, на наш взгляд, будет реализовываться посредством вынесения приказа, где содержатся сведения, что военнослужащий без вести пропал, и рапорта командира в/ч с указанием, что проведены мероприятия по розыску пропавшего. После данной процедуры прокурор сам инициирует возбуждение гражданского дела в порядке ст. 45 ГПК в целях исключения гражданина из рядов военнослужащих определенной в/ч[2]. Подобная дифференциация функций позволит, во-первых, минимизировать отвлечение командования от выполнения профессиональных (боевых) задач, а во-вторых, добиться большей процессуальной оперативности на стадии возбуждения дела.

В связи с этим востребованность и злободневность данной темы представляет не только теоретическую, но и практическую значимость для поиска путей улучшения эффективности полномочий органов прокуратуры в целях обеспечения прав военнослужащих и их семей.

Проведенный анализ выявил существенную недоработку в правовом регулировании: роль прокурора в процедуре признания военнослужащих безвестно отсутствующими прописана недостаточно четко. Сегодня механизм жестко привязан к инициативе командира части, однако в реалиях боевых действий такая зависимость нередко оборачивается задержками, а значит — семьи остаются без своевременной правовой защиты. В связи с этим видится оправданным, чтобы Министерство обороны РФ, Генеральная прокуратура РФ и Верховный Суд РФ дали соответствующие разъяснения. Логично закрепить: военный прокурор не только вправе, но и обязан самостоятельно обращаться в суд с заявлением о признании военнослужащего безвестно отсутствующим — при условии, что командиром уже издан приказ о признании его пропавшим без вести и в течение шести месяцев никаких сведений о человеке не поступало. Такое уточнение позволило бы органам прокуратуры в полном объеме реализовать свой патерналистский потенциал и, что не менее важно, привести правоприменение в соответствие с доктринальным пониманием прокурора как гаранта законности в социальной сфере.

Сведения об авторах

Мальковский Тимофей Алексеевич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Фролов Денис Алексеевич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

THE ISSUE OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CASES OF RECOGNITION OF MISSING PERSONS, DECLARATION OF DECEASED DURING THE CONDUCT OF HOSTILITIES

T. A. MALKOVSKY, D. A. FROLOV
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. This article examines the participation of a prosecutor in cases of recognizing military personnel as missing in action and declaring him/her dead in the conditions of combat operations. The legal regulation, law enforcement practice on this issue and the correlation of the powers of the commander of a military unit and the prosecutor are analyzed. The issue of expanding the procedural functions of the military prosecutor for timely protection of the rights of military personnel and their family members is considered.

Keywords: *prosecutor, military prosecutor, civil process, missing in action, declaration of death, military personnel.*

[1] Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Роль прокурора в административном судопроизводстве: российская модель, статистика и судебная практика

Д. С. Мелешин, А. Ю. Чайковский[1]

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматривается участие прокурора в административном судопроизводстве как одна из гарантий защиты прав граждан, неопределенного круга лиц и публичных интересов. Анализируются основные формы участия прокурора в административном процессе: обращение в суд с административным исковым заявлением, вступление в дело для дачи заключения, участие в исследовании доказательств и обжалование судебных актов. Особое внимание уделяется статистическим данным за 2024–2025 гг. и отдельным примерам судебной практики, показывающим, что прокурорское участие сохраняет практическое значение в делах о безопасности дорожного движения, ограничении доступа к запрещенной информации, защите прав граждан и контроле за законностью действий публичной власти.

Ключевые слова: *прокурор, административное судопроизводство, КАС РФ, публичный интерес, судебная практика, статистика, защита прав граждан.*

Административное судопроизводство является одной из наиболее значимых форм судебного контроля за деятельностью публичной власти. В отличие от гражданского процесса, где спор чаще всего возникает между равными субъектами, в административном деле одной из сторон обычно выступает орган государственной власти, орган местного самоуправления, должностное лицо или иная организация, наделенная публичными полномочиями. Поэтому административный процесс имеет не только частное, но и публичное значение: суд проверяет не просто наличие спора, а законность поведения власти.

В такой системе особую роль играет прокурор. Его участие в административном судопроизводстве нельзя сводить к обычному представительству интересов одной из сторон. Прокурор действует не ради личного или ведомственного интереса, а в целях защиты закона, прав граждан, неопределенного круга лиц, а также интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Именно поэтому прокурор в административном процессе выступает самостоятельным процессуальным субъектом.

Правовую основу участия прокурора составляет ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[2]. В соответствии с ней прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц либо публичных интересов. Эта же статья предусматривает возможность вступления прокурора в административное дело для дачи заключения в случаях, прямо предусмотренных законом.

Значение участия прокурора особенно сильно показывает себя в тех ситуациях, когда гражданин самостоятельно не может эффективно защитить себя на стадии судопроизводства. Причины могут быть различны. В первую очередь это возраст, состояние здоровья, недееспособность, а также зависимое положение, отсутствие специальных юридических знаний или социальная уязвимость. В таких делах прокурор фактически помогает сделать судебную защиту реальной, а не только формально закрепленной в законе.

Также прокурор может обращаться в суд в интересах неопределенного круга лиц, что в современной практике встречается довольно часто. Эта форма имеет особое значение, когда определенное нарушение затрагивает жизни большого количества людей, но каждый отдельный гражданин не всегда способен или готов обращаться в суд самостоятельно по различным причинам. Так, речь может идти о нарушениях в сфере безопасности дорожного движения и иных сферах жизни.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, за первые 4 месяца 2025 г. в сфере надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод

[1] Научный руководитель — Афанасьев Сергей Федорович, заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, судья в отставке.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

человека и гражданина было выявлено 22 373 нарушения закона, что на 3,2 % больше, чем за аналогичный период 2024 г.[1] За этот же период прокурорами было направлено в суд 1 029 исков и заявлений, внесено 4 686 представлений, принесено 2 435 протестов, а также привлечено к административной ответственности 835 лиц.

Эти данные показывают, что обращение прокурора в суд остается одним из устойчивых способов прокурорского реагирования. При этом сама по себе статистика не означает автоматической эффективности. Важно не только количество исков, но и их содержание: насколько они направлены на реальное восстановление нарушенных прав, устранение незаконного бездействия и предупреждение новых нарушений.

Судебная статистика также подтверждает значительную нагрузку административного судопроизводства. По открытым данным судебной статистики за 2024 г., судами было рассмотрено 4 702 406 дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений[2]. Из них 4 388 567 требований были удовлетворены, что составляет около 93 %. Наиболее массовой категорией стали дела о взыскании обязательных платежей и санкций — 4 103 689 дел. Также существует заметное количество дел об административном надзоре — 71 873, о принудительной психиатрической госпитализации и освидетельствовании — 20 256, о помещении иностранного гражданина в специальное учреждении — 5 112[2].

Конечно, данная статистика относится к 2024 г., но она важна и для дальнейшего анализа ситуации в 2025 г., так как отражает масштаб административного судопроизводства. На этом фоне участие прокурора приобретает особое значение именно по тем категориям дел, где затрагиваются публичные интересы, безопасность граждан, права социально уязвимых лиц или вопросы принудительного ограничения прав.

Отдельное значение имеет статистика Верховного Суда РФ. В первом полугодии 2025 г. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ рассмотрела 3 932 жалобы и протеста на постановления, решения и определения[3]. Это показывает, что административные дела активно доходят до высшей судебной инстанции, а значит, вопросы единообразия практики и правильного применения КАС РФ сохраняют актуальность.

Практика 2025 г. показывает, что прокурорские административные иски часто связаны не с абстрактным надзором, а с конкретными угрозами для общества. Так, в решении по делу № 2А-2322/2025 прокурор города Находки обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с требованием о прекращении права гражданина на управление транспортными средствами. Суд указал, что продолжение действия такого права при наличии запрета противоречит законодательству о безопасности дорожного движения и создает угрозу жизни и здоровью граждан. В этом деле прокурор действовал не в интересах одного конкретного лица, а в целях предупреждения возможного вреда неопределенному кругу участников дорожного движения.

Данный пример хорошо показывает профилактическую функцию прокурора. Его обращение в суд направлено не только на устранение уже совершенного нарушения, но и на предупреждение возможных последствий. В административном судопроизводстве это особенно важно, поскольку публичный интерес часто связан именно с предотвращением риска: аварий, распространения опасной информации, незаконного ограничения прав, нарушения санитарной или общественной безопасности.

Другой пример связан с ограничением доступа к запрещенной информации. В решении по делу № 2А-463/2025 прокурор Безенчукского района Самарской области обратился в суд с административным иском о признании информации, размещенной в сети Интернет, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации[4]. Суд сослался на ст. 265.1 КАС РФ, указав, что прокурор вправе обращаться с такими требованиями, а также удовлетворил административный иск и постановил направить решение в Роскомнадзор для внесения сетевого адреса в соответствующий реестр.

Этот пример показывает, что административное судопроизводство всё чаще используется для защиты публичных интересов в цифровой среде. Если раньше прокурорское участие чаще связывалось с «традиционными» сферами — социальной защитой, ЖКХ, трудовыми или жилищными правами, — то сейчас заметное место занимают дела, связанные с информационной безопасностью, незаконным контентом и защитой неопределенного круга лиц в сети Интернет.

Следует отметить и участие прокурора в делах, рассматриваемых Верховным Судом РФ. В кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ

[1] Основные результаты прокурорской деятельности за первые 4 месяца 2025 года: статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М. : Генеральная прокуратура РФ, 2025.

[2] Судебная статистика РФ: административное судопроизводство: общие показатели по категориям дел за 2024 год.

[3] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел об административных правонарушениях и экономических споров. — М.: Верховный Суд РФ, 2025.

[4] Решение Находкинского городского суда Приморского края от 02.10.2025 по делу № 2А-2322/2025 // СудАкт.

от 5 февраля 2025 г. № 18-КАД24–71-К4 рассматривался спор о признании частично недействующими решений городской Думы Краснодара, связанных с генеральным планом и правилами землепользования и застройки. В судебном заседании участвовал прокурор Генеральной прокуратуры РФ, который поддержал доводы кассационной жалобы. Верховный Суд выявил существенные нарушения норм права, после чего отменил судебные акты апелляционной и кассационной инстанций, сохранив силу лишь за решением суда первой инстанции.

Приведенный пример демонстрирует, что роль прокурора выходит далеко за пределы защиты отдельного гражданина или неопределенного круга лиц: она распространяется на споры, связанные с нормативными актами, градостроительным регулированием и публичными интересами муниципального уровня[1]. Подобные дела формируют правовую определенность в сфере управления территорией, а потому их значение не ограничивается интересами конкретного заявителя.

Участие прокурора в административном судопроизводстве можно разделить на несколько направлений. Прокурор защищает конкретного гражданина, который лишен возможности самостоятельно обратиться в суд. Прокурор выступает в интересах неопределенного круга лиц, когда нарушение угрожает общественной безопасности или затрагивает права значительного числа граждан. Прокурор отстаивает публичные интересы Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований.

Особенно важно это по делам, связанным с принудительными мерами. Например, КАС РФ предусматривает специальные правила по делам о недобровольной госпитализации в противотуберкулезную медицинскую организацию. Административное исковое заявление по таким делам может быть подано руководителем медицинской организации либо прокурором. В заявлении должны быть указаны основания госпитализации, заключение комиссии врачей и иные данные, подтверждающие необходимость такой меры.

В таких делах прокурор должен учитывать баланс между публичным интересом и правами конкретного человека. С одной стороны, государство обязано защищать здоровье населения и предотвращать распространение опасных заболеваний. С другой стороны, принудительная госпитализация является серьезным вмешательством в личную свободу. Поэтому прокурорское заключение должно быть не формальным, а основанным на проверке медицинских документов, соблюдения процедуры и достаточности доказательств.

Зарубежный опыт показывает, что участие прокурора в административных делах может быть организовано по-разному. Во Франции защита публичного интереса во многом обеспечивается через развитую систему административной юстиции. В Германии прокуратура традиционно связана прежде всего с уголовным процессом, а административные споры рассматриваются специализированными административными судами. В США отсутствует аналог российской прокуратуры как единой надзорной системы, а интересы государства в судах представляют Министерство юстиции и публичные юридические службы.

Российская модель отличается тем, что прокуратура сочетает надзорную и процессуальную функции. С одной стороны, прокурор выявляет нарушения закона в рамках надзорной деятельности. С другой стороны, он может перенести выявленную проблему в судебную плоскость, обратившись с административным иском. Именно эта связь между надзором и судебной защитой делает российскую модель достаточно сильной.

Вместе с тем у российской модели есть и проблемные стороны. Во-первых, не всегда достаточно четко определяется, когда нарушение приобретает характер публичного интереса и требует обращения прокурора в суд. Во-вторых, сохраняется риск шаблонных административных исков и формальных заключений. В-третьих, эффективность прокурорского участия во многом зависит от исполнения судебного решения, потому что само по себе удовлетворение иска еще не гарантирует реального восстановления нарушенного права.

С учетом статистики и практики 2025 г. можно сделать вывод, что роль прокурора в административном судопроизводстве остается востребованной. Данные Генеральной прокуратуры о 22 373 выявленных нарушениях закона за первые 4 месяца 2025 г. показывают, что объем нарушений в сфере соблюдения прав и свобод граждан не снижается. При этом судебная практика подтверждает, что прокурорские административные иски используются в разных сферах: от безопасности дорожного движения до ограничения доступа к запрещенной информации в сети Интернет.

Сведения об авторах

Мелешин Дмитрий Сергеевич — студент 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Чайковский Александр Юрьевич — студент 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

[1] Афанасьева Т. И. О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве // Российский судья. 2021. № 8.

THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: RUSSIAN MODEL, STATISTICS AND JUDICIAL PRACTICE

D. S. MELESHIN, A. Y. CHAIKOVSKI
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines the role of the prosecutor in administrative proceedings as an important guarantee of legality, protection of citizens' rights and public interests. Special attention is paid to the provisions of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the main forms of prosecutorial participation in administrative cases, including filing administrative claims, entering proceedings and giving legal opinions. The article also analyzes recent statistical data for 2024–2025 and examples of judicial practice concerning the protection of an indefinite number of persons, road safety, restriction of access to prohibited information and legality of public administration. It is concluded that the prosecutor's participation in administrative proceedings should not be formal, but should serve as an effective legal mechanism for restoring violated rights and ensuring the proper functioning of public authorities.

Keywords: *prosecutor, administrative proceedings, public interest, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, judicial practice, prosecutorial supervision, protection of citizens' rights.*

Проблемы и пути совершенствования законодательства в области защиты вещных прав на недвижимое имущество

А. М. Никулина[1]
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров

Аннотация. Исследование посвящено выявлению проблем правового регулирования в сфере защиты вещных прав на недвижимость, а также является инициативой по решению обнаруженных проблем. В статье рассматриваются проблемы отсутствия разграничения вещных и обязательственных исков, отсутствия единообразного понимания законодательства, неопределенности процессуальных последствий выбора ненадлежащего способа, пробелы в регламентации иска о признании права.

Ключевые слова: *способы защиты, виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права, самовольная постройка.*

Основные способы защиты прав прописаны в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), при этом перечень не является исчерпывающим, что само по себе говорит о возможных сложностях в будущем[2]. Традиционно способы защиты делят на вещно-правовые, обязательственно-правовые и иные.

Достаточно часто встречаются иски, где способы защиты пересекаются. Истец заявляет виндикационный иск, а из сути вытекают обязательственные правоотношения. Мы не будем голословными и приведем в пример решение Арбитражного суда Чувашской Республики[3]. Истец подал иск об истребовании и обязании передать имущество. На первый взгляд, речь идет о виндикации, но если углубиться, приходит понимание, что отношения сторон вытекают из договора купли-продажи и регулируются гл.30 ГК РФ[4]. Как известно, наличие обязательственных отношений исключает вещные способы защиты. Тем не менее это не означает полный отказ в иске вследствие того, что суд сам вправе определить, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора, о чем нам говорит ст. 168 Арбитражного процессуального

[1] Научный руководитель — Братухина Екатерина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры частно-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 28.01.2020 по делу № А79-10423/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

кодекса Российской Федерации[1]. Соответственно, требование об обязании передачи имущества имеет место быть.

По мнению В. В. Витрянского, проблема заключается в ошибочном определении предмета и бремени доказывания, что напрямую искажает итоговое решение суда[2]. Поскольку вещные и обязательственные способы отличаются по основаниям применения, составу лиц, юридическим последствиям. Э. Х. Берикова считает, если истец выбрал ненадлежащий способ защиты, то суд автоматически должен отказать в иске, так как каждому способу защиты характерны уникальные условия применения и правовые последствия[3]. В ситуациях, когда суд по своему усмотрению заменяет выбранный способ на более подходящий, стираются различия между исками и порождается правовая неопределенность.

Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняет: если суд при принятии искового заявления установит, что выбранный истцом способ не приведет к восстановлению нарушенного права, это само по себе не может служить основанием для отказа в принятии такого заявления, возвращения или оставления без движения[4]. Исходя из этого, автор статьи солидарен с В. В. Витрянским, но не согласен со столь радикальной позицией Э. Х. Бериковой в части отказа в иске. В качестве решения проблемы автор предлагает внести поправки в ст. 12 ГК РФ и отделить вещно-правовые от обязательственно-правовых способов защиты.

Следующую проблему можно выделить из ст. 304 ГК РФ. Из прочтения следует, что негаторный иск может быть использован не только для пресечения уже произошедших нарушений, но и в превентивных целях. В тексте нормы говорится об «устранении всяких нарушений», что не ограничивает защиту лишь уже наступившими последствиями, а позволяет требовать предотвращения возможных нарушений. Данная формулировка создает правовую неясность, и считаем необходимым конкретизировать что может пониматься под такими нарушениями.

Негаторный иск, он же иск об устранении препятствий, не связанных с лишением владения. Проблема — в недостаточной ясности того, что можно отнести к «препятствиям». Е. А. Суханов отмечает, что нарушение не ограничивается лишь физическим воспрепятствованием, а также может носить технический или юридический характер, но при этом затрудняющий или делающий невозможным пользование[5]. Сюда можно отнести блокирование прохода, нарушение инженерных систем, необоснованные жалобы и претензии. Размышляя над проблемой, целесообразно вывести определение. Препятствия — это любые противоправные действия, затрудняющие осуществление собственником правомочий пользования своим имуществом и не связанные с лишением владения.

Одним из способов защиты, закрепленных в ст. 12 ГК РФ, является признание права. Проблемой является «аморфность» данного понятия. Остаются неясными условия реализации этого способа защиты, круг управомоченных лиц и границы по отношению к виндикации и негаторному иску. Т. П. Подшивалов указывает на необходимость разделять два близких, но разных требования: о признании права собственности и об установлении факта принадлежности права[6]. Иск о признании права собственности нацелен на урегулирование материально-правового конфликта о принадлежности права между сторонами. Иск об установлении факта принадлежности направлен на подтверждение обстоятельства, необходимого для государственной регистрации. Иск о признании права возможно подать только при наличии спора, то есть когда право истца кем-либо оспаривается. Если же никто не оспаривает принадлежащее истцу право, то обращение в суд для его признания недопустимо. Надлежащим способом оформления прав будет внесудебная процедура — подача заявления в регистрирующий орган. Решением проблемы мы предлагаем дополнить ГК РФ статьёй 12.1, разъясняющей применение такого способа, как признание права. Изложить следующим образом:

«Статья 12.1. Признание права как способ защиты

Лицо, считающее себя обладателем вещного права на имущество, право которого оспаривается другим лицом, вправе обратиться в суд с иском о признании права.

Иск о признании права не может быть предъявлен, если отсутствует спор о праве и право может

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.

[2] Витрянский В. В. Кодификация российского частного права. М. : Статут, 2017. С. 480.

[3] Берикова Э. Х. Проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Аграрное и земельное право. 2024. № 3 (231). С. 221–223.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[5] Суханов Е. А. Гражданское право. М. : Статут, 2023. С. 180.

[6] Подшивалов Т. П. Признаки иска о признании вещного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 172–183.

быть подтверждено во внесудебном порядке, в том числе путем государственной регистрации.

Иск о признании права собственности на самовольную постройку рассматривается по правилам ст. 222 ГК РФ».

Отдельно выделим иск о признании права собственности на самовольную постройку. Статья 222 ГК РФ разрешает такое действие при соблюдении всех условий: лицо имеет право строить на данной земле, постройка соответствует требованиям, не нарушает права других и не создает угрозу жизни и здоровью. Проблема состоит в том, что de facto такое признание заведомо стимулирует нарушать градостроительное законодательство. Строительные иные компании изначально возводят объекты без соблюдения порядка, предполагая дальнейшую легализацию через суд.

Такой пример мы видим в решении Арбитражного суда Республики Коми[1]. Администрация обратилась в суд с требованием о сносе, поскольку ранее ООО не отреагировало на предупреждение и не получило разрешение на строительство. ООО подали встречный иск о признании права собственности. В ходе рассмотрения дела судом назначалась строительно-техническая экспертиза, которая показала, что объект соответствует всем нормам, не несет угрозу жизни и здоровью граждан. Исходя из этого, суд удовлетворил встречный иск. Подобный подход дискредитирует государственный контроль. Отсюда следует решение проблемы — ужесточение требований к легализации самовольных построек, а именно обязательная процедура согласования с органами местного самоуправления.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что правовое регулирование защиты вещных прав на недвижимое имущество претерпевает ряд недостатков, в связи с чем предложены варианты их устранения. Закрепление дифференциации вещно-правовых и обязательственно-правовых исков, разъяснение применения исков о признании права, ужесточение требований, касающихся легализации самовольных построек, усовершенствование конкретных формулировок в законах. Внесенные изменения сформируют эффективную систему защиты прав, отвечающую принципам законности и справедливости.

Сведения об авторе

Никулина Анна Михайловна — студент 2-го курса магистратуры Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров.

PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF REAL ESTATE RIGHTS

A. M. NIKULINA

Volgo-Vyatka Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov

Abstract. The study is devoted to identifying the problems of legal regulation in the sphere of protection of property rights to real estate, and is also an initiative to solve the problems identified. The article discusses the problems of the lack of differentiation between property and obligation claims, the lack of uniform understanding of the legislation, the uncertainty of the procedural consequences of choosing an improper method, and the gaps in the regulation of the claim for recognition of a right.

Keywords: *methods of protection, claim for recovery, claim for non-infringement, claim for recognition of rights, unauthorized construction.*

[1] Решение Арбитражного суда Республики Коми от 19.03.2025 по делу № А29-12453/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

К вопросу о проблеме квалификации неудовлетворительного эстетического результата медицинской услуги: объективные критерии некачественности и субъективное мнение пациента как основания для юридической оценки

А. С. Носкова, К. И. Фомина[1]

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Статья посвящена проблеме квалификации неудовлетворительного эстетического результата медицинской услуги. Авторы анализируют соотношение объективных и субъективных критериев при определении качества оказанной услуги, а также судебную практику, подтверждающую недостаточность наличия только субъективной оценки пациента. Предлагаются пути совершенствования правового регулирования в сфере эстетической медицины.

Ключевые слова: *эстетическая медицина, медицинская услуга, качество услуги, защита прав потребителей, гражданско-правовая ответственность.*

Развитие эстетической медицины обусловило устойчивый рост правовых споров, связанных с оценкой достигнутого результата. Так, согласно статистическим данным, в 2025 г. объем потребления инъекционных и аппаратных косметологических процедур в России достиг 11,5 млн и 23,1 млн манипуляций соответственно[2]. В отличие от классической медицины, ориентированной на лечение заболеваний, результатом эстетических вмешательств является внешний эффект. Данное обстоятельство предопределяет специфику правовой квалификации последствий. В связи с этим актуальность приобретает проблема разграничения случаев, в которых неудовлетворительный результат подлежит квалификации в качестве некачественно оказанной услуги, и случаев, когда имеет место лишь субъективное неприятие результата пациентом при отсутствии объективных нарушений.

Значимость данной проблемы обусловлена отсутствием единого подхода к определению правовой природы эстетических медицинских услуг. Ключевым является вопрос об отраслевой принадлежности регулирующих норм. Легальное определение эстетической медицины в российском законодательстве отсутствует. В доктрине и правоприменительной практике под услугами эстетической медицины понимается деятельность, направленная на удовлетворение индивидуальной потребности заказчика в изменении внешнего вида в соответствии с его представлениями о красоте и реализуемая посредством профессионального применения лечебно-профилактических процедур на основе медицинских методик[3]. К числу основных таких услуг относятся пластическая хирургия и косметология. Согласно Постановлению Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» такие услуги относятся к медицинским, поскольку их оказание требует наличия лицензии и соблюдения установленных порядков оказания медицинской помощи[4]. В отличие от лечебных вмешательств, необходимость которых обусловлена медицинскими показаниями, эстетические процедуры носят добровольный характер и осуществляются по инициативе пациента. Данное обстоятельство

[1] Научный руководитель — Филиппов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии.

[2] Рост аппаратной косметологии и сдвиг в инъекционной терапии: тенденции российского рынка красоты в 2025 году // Официальный сайт kommersant.ru. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8462744?ysclid=mmut80fduv332698514 (Дата обращения: 10.03.26).

[3] Лизенко Г. В. Особенности предпринимательской деятельности в эстетической медицине // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 8. С. 96.

[4] Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

предопределяет более высокие требования к информированному добровольному согласию, объему предоставляемой информации о возможных результатах и рисках, а также к согласованию ожидаемого результата.

Эстетические медицинские услуги, в силу их смешанной правовой природы, находятся на пересечении двух режимов правового регулирования. С одной стороны, к ним предъявляются императивные требования Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающие стандарты и контроль качества. С другой стороны, к любым услугам применяются диспозитивные положения Закона РФ от 7.12.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», включая правила об ответственности за недостатки оказанной услуги. Именно такое смешение публичных начал и частных интересов порождает основной конфликт в рассматриваемой сфере.

Специфика эстетической медицины проявляется также и в характере ожидаемого результата. Если при оказании медицинской помощи, направленной на лечение, результат оценивается с точки зрения восстановления или улучшения состояния здоровья, то в эстетической медицине ключевое значение приобретает соответствие достигнутого эффекта субъективным ожиданиям пациента. Вместе с тем такой результат не может рассматриваться исключительно как субъективная категория, поскольку деятельность медицинской организации подлежит оценке с точки зрения соблюдения профессиональных стандартов и объективно достижимого результата. Таким образом, эстетическая медицина формирует уникальный режим, при котором объективный критерий — медицинский стандарт сталкивается с субъективным критерием — ожиданиями клиента. В указанном случае образуется конфликт интересов потребителя и исполнителя услуг, что приводит к частым судебным разбирательствам. Как справедливо указывает И. А. Пронин: «Общей проблемой для всех медицинских услуг является согласование положений Гражданского кодекса РФ, Закона РФ “О защите прав потребителей” и медицинского законодательства»[1]. При этом полученный результат не может рассматриваться исключительно с субъективной точки зрения, так как объективный результат может варьироваться в зависимости от различных внешних и внутренних факторов, включая индивидуальные особенности пациента.

Субъективная неудовлетворенность пациента полученным результатом является наиболее распространенным, но не всегда юридически обоснованным основанием для подачи искового заявления в суд. Для защиты организаций от споров категории «красота в глазах смотрящего» особое значение имеет подробная регламентация договора на оказание услуг. Для минимизации рисков следует конкретно описывать желаемый результат, указывать объективные ограничения достижения результата и перечень последствий, не связанных с качеством оказания услуги.

С юридической точки зрения, для квалификации результата как некачественно оказанной услуги необходима совокупность объективных признаков, свидетельствующих о нарушении исполнителем своих обязательств. Думается, что к таким признакам следует относить медицинские дефекты и отклонения от стандартов оказания медицинской помощи. Отклонение от стандартов заведомо предполагает некачественность оказанной услуги и может служить основанием привлечения к гражданско-правовой ответственности. При этом важно подчеркнуть, что для привлечения исполнителя к гражданско-правовой ответственности следует установить прямую причинно-следственную связь между действиями медицинского персонала и наступившим неблагоприятным результатом. Для иллюстрации данного тезиса представляется целесообразным обратиться к анализу судебной практики.

Так, истица обратилась в суд с исковым заявлением к ООО «Красота и здоровье» с требованием о взыскании убытков и компенсации морального вреда, субъективно оценивая результат пластической операции как неудовлетворительный. По ее мнению, проведенные вмешательства в виде круговой подтяжки лица, SMAS-лифтинга, блефаропластики и липосакции подбородка были выполнены недолжным образом. Следствием этого, по ее убеждению, стала асимметрия движения круговой мышцы рта, которую пациентка восприняла как причинение вреда здоровью. Тем не менее суды трех инстанций, включая Третий кассационный суд общей юрисдикции, не усмотрели оснований для удовлетворения иска. При вынесении решений они исходили из объективных данных, а не из субъективного восприятия пациентки. Судебно-медицинская экспертиза установила, что тактика хирурга соответствовала объему вмешательства, дефектов оказания услуги не выявлено. В свою очередь, обратимое повреждение веточек лицевого нерва является не врачебной ошибкой, а риском, который анатомически связан с техникой SMAS-лифтинга. Тем самым объективные медицинские критерии не подтвердили субъективную оценку истицы. Суд также придал решающее значение информированному добровольному согласию, подписанному пациенткой перед операцией. В данном документе прямо указывалось на возможность временных или стойких нарушений функции мимических мышц,

[1] Пронин И. А. Эстетическая медицина: актуальность гражданско-правового регулирования // Правовое поле современной экономики. 2012. № 9. С. 104.

которые истицей впоследствии субъективно расценивались как неприемлемые. Поскольку доказательств наличия врачебной ошибки пластического хирурга или иных недостатков оказанной услуги представлено не было, а сам факт наступления осложнения, о котором пациентка была предупреждена, не свидетельствует о некачественности помощи, суд отказал в удовлетворении иска. Кассационная инстанция дополнительно подчеркнула, что с объективной точки зрения эстетический эффект операции достигнут. Данное обстоятельство опровергало субъективные доводы истицы о некачественном проведении эстетической медицинской услуги[1]. Таким образом, рассмотренное дело демонстрирует сбалансированный подход судебной системы к вопросам ответственности медицинских организаций, при котором бремя доказывания ненадлежащего качества услуги лежит на истце, а наличие информированного согласия и положительного экспертного заключения о соответствии лечения стандартам является надежной правовой защитой для добросовестных исполнителей медицинских услуг.

С учетом специфики оказания эстетических услуг указанные правовые инструменты приобретают особое значение. Поскольку ожидаемый результат напрямую зависит не только от действий врача, но и от индивидуальной реакции организма, основным доказательством невиновности медицинской организации здесь выступает независимая экспертная оценка, объективно подтверждающая отсутствие врачебных ошибок и соответствие проведенных манипуляций стандартам и методикам. Именно законодательное и судебное признание приоритета таких объективных заключений над субъективными ожиданиями пациента является необходимым условием стабильности правоотношений в сфере эстетической медицины.

Субъективная неудовлетворенность сама по себе не может являться непоколебимым основанием для признания услуги некачественной. Здесь является разумным введение обязательного досудебного урегулирования подобных споров, например путем проведения внутренней экспертизы качества услуги консилиумом врачей-специалистов в области эстетической медицины. Думается, что такая мера, во-первых, снизит нагрузку на судебную систему, а во-вторых, позволит исправить изначальный результат посредством иных медицинских вмешательств без длительного судебного разбирательства.

Кроме того, учитывая отсутствие специального законодательного регулирования, представляется целесообразным введение отдельного федерального закона, регулирующего как всю отрасль эстетической медицины и пластической хирургии в целом, так и отдельные вопросы ответственности в указанных сферах. Подобный нормативно-правовой акт позволил бы сформировать четкие критерии оценки качества эстетических услуг, установить обязательный порядок досудебного урегулирования споров и определить правовые последствия недостижения согласованного эстетического результата.

Рассматривая эстетическую медицину в рамках творческого характера, так называемого «медицинского искусства», думается, что в случаях, когда услуга с медицинской точки зрения была выполнена верно, возложение ответственности на врача является недопустимым. Такой подход сможет обеспечить баланс между защитой прав потребителей и созданием предсказуемых условий для развития эстетической медицины, являющейся максимально востребованной в настоящее время.

Сведения об авторах

Носкова Анжела Сергеевна — студент 3-го курса института юстиции Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Фомина Ксения Ивановна — студент 3-го курса института юстиции Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

ON THE PROBLEM OF QUALIFYING AN UNSATISFACTORY AESTHETIC RESULT OF A MEDICAL SERVICE: OBJECTIVE CRITERIA OF POOR QUALITY AND THE PATIENT'S SUBJECTIVE OPINION AS BASIS FOR LEGAL ASSESSMENT

A. S. NOSKOVA, K. I. FOMINA

Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. This article examines the problem of qualifying an unsatisfactory aesthetic result of a medical service. The authors analyze the relationship between objective and subjective criteria in determining the quality of the service provided, as well as judicial practice confirming the inadequacy of relying solely on the patient's subjective assessment. Pathways to improving legal regulation in the field of aesthetic medicine are proposed.

Keywords: *aesthetic medicine, medical service, service quality, consumer protection, civil liability.*

[1] Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 августа 2020 г. по делу N 8Г-7894/2020[88-11192/2020] // Официальный сайт base.garant.ru. URL: https://base.garant.ru/315606768/ (Дата обращения 15.03.26).

Способы защиты социально-трудовых прав работников

А. А. Шамилян, Р. Р. Нуриахметова
Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу механизма защиты прав человека и гражданина в сфере трудовых отношений в Российской Федерации. Исследование исходит из признания трудовых прав основополагающими, закрепленными как на конституционном, так и на международном уровне. В работе последовательно рассматриваются: механизмы фактической реализации трудовых прав (через закон, локальные акты и трудовой договор), а также многоуровневая система защиты (включая досудебные процедуры, государственный надзор Роструда и судебный порядок). Особое внимание уделяется проблемам неэффективности механизмов в условиях новых форм занятости. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для обеспечения реальной и своевременной защиты работников.

Ключевые слова: *механизм реализации трудовых прав, защита трудовых прав, трудовые отношения, конституционное закрепление, система защиты, государственный надзор (Роструд).*

Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) устанавливает механизмы защиты социально-трудовых прав. Согласно ТК РФ[1], основные способы защиты трудовых прав и свобод включают: самозащиту работниками трудовых прав; защиту трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства; судебную защиту.

Самозащита трудовых прав предоставляет работнику возможность одностороннего отстаивания своих интересов без привлечения государственных органов, однако требует строгого следования установленным правилам. Это не хаотичные действия, а тщательно регламентированная процедура, отклонение от которой может сделать защиту неэффективной. Теоретически, самозащита — это не просто форма, а комплекс мер, направленных на пресечение нарушения трудовых прав непосредственно в момент его совершения. Важно отметить, что судебная практика признает направление работником заявлений работодателю в рамках самозащиты уважительной причиной для пропуска срока обращения в суд, что подчеркивает значимость этого механизма.

А) Работник имеет право отказаться от выполнения работы, выходящей за рамки его трудового договора или должностной инструкции. Для этого крайне важно оформить отказ письменно, поскольку устное заявление может быть приравнено к прогулу. В своем письменном уведомлении работник должен сослаться на ст. 379 ТК РФ и точно указать, какие именно трудовые обязанности не соответствуют его договору или инструкции. На практике сохранение доказательств передачи уведомления работодателю (например, отметки на копии или почтового уведомления) является обязательным, без чего законность отказа будет невозможно подтвердить.

Б) Приостановка работы из-за задержки заработной платы является наиболее серьезной мерой самозащиты для работодателя. Чтобы применить ее, задержка должна превышать 15 дней. Работник обязан письменно уведомить работодателя и после этого имеет право не приступать к работе до полного погашения задолженности. Важно, что период, в течение которого работник не работал, оплачивается по среднему заработку. Верховный Суд РФ подчеркивает, что это право на получение среднего заработка сохраняется за весь период задержки зарплаты, включая время судебных разбирательств.

В) Отказ от работы, угрожающей жизни и здоровью, возможен, но главное — доказать объективность такой угрозы. Конституционный Суд РФ настаивает, что отказ не может быть основан на субъективном страхе, а требует наличия конкретных, проверяемых фактов, таких как нарушения техники безопасности.

Защита трудовых прав через профсоюзы основана на представительстве работников и активном контроле за условиями труда. Профсоюзы не ограничиваются ролью просителей, а вступают в прямое взаимодействие с руководством предприятия, получая доступ для проведения проверок. Закон обязывает работодателей рассматривать представления профсоюзов об устранении выявленных нарушений в течение недели. В случае игнорирования этих представлений профсоюз может обратиться в инспекцию труда или прокуратуру, инициируя административное или иное властное реагирование.

А) Коллективные переговоры и заключение коллективного договора — это превентивный меха-

[1] Ст.352 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026 года).

низм защиты работников. Через этот инструмент профсоюз может установить дополнительные гарантии, превосходящие минимальные требования ТК РФ. К таким гарантиям относятся, например, повышенные компенсации при сокращении штата, увеличенная продолжительность отпуска, доплаты за вредные условия труда, особый порядок индексации заработной платы, а также специальные гарантии для членов профсоюза при наложении дисциплинарных взысканий. Как правило, эффективные коллективные переговоры ведутся при активном участии профсоюза, в то время как инициативные группы работников без его поддержки могут добиться меньших результатов.

Б) Механизм учета мотивированного мнения профсоюза является ключевым инструментом сдерживания произвола работодателя. Работодателю запрещено принимать ряд важных решений в одностороннем порядке, без предварительного запроса и получения обоснованного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации.

В) Статья 370 ТК РФ наделяет профсоюзы правом учреждать собственные инспекции труда, как правовые, так и технические. Эти профсоюзные инспекторы обладают широкими полномочиями, включая беспрепятственное посещение рабочих мест членов профсоюза, проведение независимой оценки условий труда и участие в расследовании производственных несчастных случаев. При обнаружении нарушений составляется представление об устранении выявленных нарушений — основной инструмент общественного контроля. Работодатель обязан рассмотреть данное представление в течение недели и предоставить письменный ответ профкому. Игнорирование этого представления служит основанием для привлечения к ответственности государственной инспекцией труда.

В) Профсоюз оказывает работникам юридическую поддержку, включая представительство в суде и комиссиях по трудовым спорам (КТС). Он может действовать от имени конкретного работника по его просьбе, а также подавать иски в защиту неопределенного круга лиц или интересов членов профсоюза. Это устраняет для работника психологические и финансовые преграды, связанные с судебными разбирательствами.

Государственная инспекция труда (Роструд) служит первоочередным инструментом для решения очевидных нарушений трудового законодательства, таких как невыплата зарплаты, проблемы с охраной труда или некорректное оформление увольнения. Процесс выглядит следующим образом: работник подает жалобу (онлайн через «Онлайнинспекция.рф», по почте или лично), после чего инспектор проводит проверку. Если нарушение подтверждается, выдается обязательное предписание о его устранении (например, выплата долга или отмена незаконного приказа). Нарушивший закон работодатель привлекается к административной ответственности. Следует помнить, что инспекция наиболее эффективна в случаях явных и неоспоримых нарушений, но не занимается разрешением трудовых споров, относящихся к компетенции судов или комиссий по трудовым спорам (КТС).

Прокуратура подключается к защите трудовых прав в ситуациях, когда имеют место наиболее серьезные или масштабные нарушения закона, а также в случаях, когда другие методы защиты оказались неэффективными или были исчерпаны. Прокурор обладает полномочиями вынести предписание, инициировать дело об административном правонарушении, а также, что особенно важно, обратиться в суд от имени работника, если последний по объективным причинам (например, из-за состояния здоровья или возраста) не в состоянии самостоятельно отстаивать свои права.

Комиссия по трудовым спорам (КТС) является первичным органом для разрешения индивидуальных трудовых споров, формируемым внутри организации. Она состоит из равного числа представителей работников и работодателя, что обеспечивает относительную оперативность рассмотрения и учет специфики внутренней ситуации предприятия. Процесс работы включает: обращение работника в КТС в трехмесячный срок с момента, когда он узнал о нарушении своего права. Комиссия обязана рассмотреть спор в течение 10 календарных дней в присутствии работника. Решение принимается тайным голосованием простым большинством голосов. Исполнение решения должно произойти в течение 3 дней после окончания 10-дневного срока, отведенного на обжалование. В случае добровольного неисполнения КТС выдает работнику удостоверение, эквивалентное исполнительному листу, для последующего обращения к судебным приставам. КТС эффективна для споров о премиях, снятии взысканий или оплате сверхурочных, однако вопросы увольнения окончательно решаются только судом.

Судебная защита является высшей ступенью способов восстановления социально-трудовых прав. Это универсальный и абсолютный механизм, применяемый тогда, когда более мягкие средства, такие как самозащита, переговоры с участием профсоюза или обращения в инспекцию труда, оказались неэффективными или не смогли полностью разрешить возникший спор. В отличие от административных и общественных методов, судебное разбирательство опирается на государственное властное принуждение. Это означает, что решение суда, вступившее в законную силу, обязательно для всех, а его неисполнение влечет за собой действия Службы судебных приставов, обладающих широкими полномочиями. К исклю-

чительной подсудности судов относятся наиболее значимые и чувствительные трудовые дела. К ним относятся дела о восстановлении на работе, изменении формулировки или даты увольнения, переводе на другую должность, а также о возмещении оплаты за время вынужденного прогула. Кроме того, в эту категорию входят споры, связанные с отказом в приеме на работу при наличии признаков дискриминации. Также к делам исключительной подсудности относятся требования работодателя о взыскании материального ущерба с работника.

Законодательство предусматривает различные механизмы защиты трудовых прав, которые также подчеркиваются в научной работе Н. А. Арсентьева и В. М. Сайфутдиновой[1] на примере способов защиты трудовых прав педагогических работников. Однако на практике они не всегда функционируют идеально. Для реальной защиты своих интересов работнику необходимо не только знать, куда обращаться, но и понимать специфику действий, возможные сложности и нестандартные пути решения проблем. Наиболее эффективный результат достигается при системном подходе, объединяющем возможности «Онлайнинспекции» и профсоюза. Это предполагает не просто отправку жалобы, а целенаправленное использование современных цифровых инструментов и экспертного потенциала профессиональных защитников.

Приложение «Онлайнинспекция.рф» является основным цифровым инструментом для оперативного решения проблем. Его действенность основана на особом алгоритме работы Роструда, в частности, на алгоритме «Без проверки» — ключевой особенности платформы. При поступлении жалобы инспектор в первую очередь связывается с работодателем, предлагая ему добровольно устранить нарушение без штрафных санкций и протоколов. Этот подход крайне выгоден работникам, поскольку позволяет решить проблему в кратчайшие сроки. Только за последний год благодаря этому механизму работникам было возвращено более 5,6 млрд руб. задолженности по заработной плате.

В то время как «Онлайнинспекция» предлагает оперативное решение проблем, профсоюз обеспечивает системную и долгосрочную защиту прав работников. Статистика подтверждает высокую эффективность деятельности профсоюзов: по результатам 2024 г. они провели свыше 36 тысяч проверок, выявили около 344 тысяч нарушений и добились устранения более 90 % из них. Кроме того, почти 90 % исков, поданных при участии профсоюзов, удовлетворяются в судах, что свидетельствует об их значительном влиянии на восстановление справедливости.

Таким образом, социально-трудовые права — не абстрактная декларация, а реальный инструмент обеспечения человеческого достоинства. Их эффективная защита требует не только сильного государства и работающих институтов, но и активной позиции самих работников. Знание своих прав и готовность их отстаивать — важнейший навык в современном мире труда. В условиях цифровизации экономики и появления новых форм занятости система социально-трудовых прав нуждается в постоянном развитии. Государство, бизнес и общество должны совместно работать над тем, чтобы труд оставался достойным и безопасным источником благополучия человека.

Сведения об авторах

Шамилян Айастан Арутюновна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

Нуриахметова Регина Ранисовна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

WAYS OF PROTECTING THE SOCIO-LABOR RIGHTS OF EMPLOYEES

A. A. SHAMILYAN, R. R. NURIAKHMETOVA
Ufa University of Science and Technology, Ufa.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the mechanism of protecting human and civil rights in the field of labor relations in the Russian Federation. The study is based on the recognition of labor rights as fundamental, enshrined both at the constitutional and international levels. The paper consistently examines the mechanisms for the actual implementation of labor rights (through the law, local acts, and employment contracts), as well as the multi-level system of protection (including pre-trial procedures, state supervision by Rostrud, and judicial proceedings). Special attention is paid to the problems of the ineffectiveness of these mechanisms in the context of new forms of employment, and proposals are formulated to improve legislation and law enforcement practices in order to ensure real and timely protection of employees.

Keywords: *mechanism for the implementation of labor rights, protection of labor rights, labor relations, constitutional consolidation, protection system, state supervision (Rostrud).*

[1] Арсентьева Н. А., Сайфутдинова В. М. Гражданско-правовые способы защиты трудовых прав педагогических работников // Актуальные проблемы частного права и гражданского судопроизводства : материалы I Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 31 марта 2017 года. Уфа, 2017. С. 11–17.

Об особенностях сверхурочной работы

В. А. Павлова, В. О. Распопова[1]

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж

Аннотация. С опорой на ст. 99 и 152 Трудового кодекса РФ исследованы правовые аспекты сверхурочной работы в России. Исследуется, в каких ситуациях для привлечения к сверхурочной работе необходимо согласие сотрудника, а когда оно не требуется, а также рассматриваются особые гарантии для работников с инвалидностью. Особое внимание уделяется оплате сверхурочного труда и возможности предоставления отгулов вместо денежной компенсации.

Ключевые слова: *сверхурочная работа, оплата сверхурочных, рабочее время, время отдыха, инвалиды, судебная практика, привлечение к сверхурочной работе, учет рабочего времени, компенсация переработки.*

Российское трудовое законодательство разграничивает понятия рабочего времени, в течение которого работник исполняет свои служебные обязанности, и времени отдыха, которым он распоряжается по своему усмотрению. Тем не менее в определенных ситуациях работодатель имеет право привлекать сотрудника к выполнению дополнительных задач в нерабочие часы, как с его согласия, так и без такового. Для регулирования подобных случаев законодательством предусмотрено понятие сверхурочной работы, регламентируемой ст. 99 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)[2].

Работодатель обладает правом привлекать работников к сверхурочной работе. В соответствии со ст. 99 ТК РФ, законодатель устанавливает исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых привлечение работника к дополнительному труду с его согласия является правомерным:

1. Завершение работ, которые по объективным техническим причинам не могли быть выполнены в пределах установленной продолжительности рабочего времени, при условии, что их невыполнение может повлечь за собой порчу или уничтожение имущества (как работодателя, так и третьих лиц) либо создать угрозу жизни и здоровью людей.

2. Выполнение неотложных ремонтных работ, неисполнение которых может привести к приостановке деятельности значительного числа работников.

3. Замещение работника, не явившегося на смену, при условии, что технологический процесс не допускает перерывов в работе.

В некоторых случаях это право работника совпадает с его обязанностью. Речь идет о ситуациях, когда для выполнения сверхурочной работы согласие работника не требуется. К таким ситуациям относятся: работы по ликвидации последствий катастроф, стихийных бедствий и аварий; работы, необходимые для обеспечения бесперебойной работы систем жизнеобеспечения (водо-, газо-, теплоснабжение, освещение), транспорта и связи; работы в условиях военного или чрезвычайного положения, а также при чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни и здоровью людей.

Статья 152 ТК РФ гарантирует работникам повышенную оплату за сверхурочный труд. Так, за первые два часа переработки полагается оплата в полуторном размере от обычной ставки, а за все последующие часы — в двойном размере. Однако это минимальные ставки, и коллективный договор, локальные акты или трудовой договор конкретного работника могут предусматривать еще более высокую оплату.

Инвалидов можно привлекать к сверхурочной работе только при наличии их письменного согласия. Это возможно лишь в том случае, если их здоровье позволяет выполнять такую работу, что подтверждено медицинским заключением. Кроме того, инвалидов необходимо письменно уведомить о праве отказаться от сверхурочной работы. Эти правила установлены ст. 99 ТК РФ и ст. 23 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» № 181-ФЗ[3].

Инициирование сверхурочной работы лежит исключительно на стороне работодателя. Тем не менее в реальной практике зачастую фиксируются случаи несоблюдения установленного порядка привлечения работников к дополнительному труду и его надлежащей оплаты. Кроме того,

[1] Научный руководитель — Филипцова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[3] Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

анализ судебной практики свидетельствует о распространенности нарушений со стороны работодателей в части ведения учета рабочего времени и дифференциации работников по их категориям.

Исходя из судебной практики, работодатели не всегда относятся к своим работникам надлежащим образом. Например, по определению Первого КСОЮ от 19.08.2025 № 88-18545/2025 гражданин приступил к исполнению трудовых обязанностей в организации с 01.01.2006. Несмотря на наличие у него инвалидности II группы, установленной в связи с участием в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, ему был установлен стандартный режим рабочего времени — 40 часов в неделю с двумя выходными днями. Только дополнительным соглашением к трудовому договору от 22.05.2023 была установлена сокращенная продолжительность рабочей недели — 35 часов. Осознав возможность взыскания компенсации за период переработки, работник обратился в суд. Все три судебных органа пришли к выводу о вине работодателя в нарушении трудовых прав работника. За 18 лет сверхурочной работы ему была начислена компенсация в размере 1,5 млн руб. Возражения компании относительно истечения срока исковой давности были отклонены судом как неосновательные. Судьи обосновали свое решение тем, что работник не был информирован о составляющих его заработка, а компания в течение его трудовой деятельности выплачивала ему зарплату не в полном объеме, игнорируя сверхурочные часы в связи с его инвалидностью. Итоговая сумма, взысканная в пользу работника, составила 1 489 223 руб.[1]

Таким образом, реальная ситуация заключается в том, что работник трудится сверх установленного времени, а работодатель, осведомленный о законодательных ограничениях, не предпринимает никаких действий. Исходя из этого, можно заключить, что работодатель по умолчанию инициировал привлечение инвалида к дополнительному труду и, следовательно, оплата должна производиться в соответствии с нормами, предусмотренными для сверхурочных работ.

Ведение работодателем точного учета рабочего времени каждого сотрудника является обязательным. Этот учет служит основой для определения и оплаты сверхурочной работы. Согласно ТК РФ продолжительность сверхурочного труда ограничена: для каждого работника — не более 4 часов за два дня подряд и 120 часов в год. Данные ограничения направлены на защиту права каждого человека на отдых, вне зависимости от сферы его трудовой деятельности[2].

Например, согласно определению Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2025 г. № 88-9310/2025 суд удовлетворил требования истца в компенсации за переработанные сверхурочно часы и моральный вред[3]. Сотрудник Росгвардии (К.) работал сверх нормальной продолжительности служебного времени. За определенный период у него образовалось 368 часов переработки. Работодатель оплатил только 120 часов (в соответствии с ведомственным ограничением), а за оставшиеся 248 часов отказал и в предоставлении дополнительных дней отдыха (отгулов), и в денежной компенсации. Причина отказа: некомплект личного состава (нельзя дать отгулы) и якобы законный лимит на оплату сверхурочных — не более 120 часов в год. Девятый кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение и оставил в силе решение первой инстанции указав, что сотрудник имеет право на полную оплату сверхурочной работы, если отгулы ему не предоставлены по вине работодателя.

Трудовой кодекс (ч. 1 ст. 152) предлагает два законных способа компенсации сверхурочной работы: оплата по повышенной ставке или предоставление дополнительного времени отдыха. Важно помнить, что работодатели, стремясь к экономии, могут попытаться использовать не совсем честные схемы.

В ответ на поступившее обращение Государственная инспекция труда в Камчатском крае провела внеплановую проверку ООО «Морской бриз». Было установлено, что работодатель нарушил права работника, не оплатив сверхурочную работу в соответствии с ч. 1 ст. 152 ТК РФ. ООО «Морской бриз» нарушило права работника, предоставив ему дополнительный отдых вместо положенной повышенной оплаты без его согласия. За это нарушение компания получила предписание об устранении недочетов и штраф в 30 000 руб.[4]

Несмотря на то, что российское трудовое законодательство определяет правила привлечения

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2025 года по делу № 88-18545/2025 (№ 2-2895/2024, 64RS0043-01-2024-003923–02) // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42387159&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Миннахметова И. И., Гильмеева Г. Н. Сверхурочная работа: новые правила, практика, судебные решения / И. И. Миннахметова, // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2025. С. 270–273.

[3] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2025 года № 88-9310/2025 (УИД 49RS0001-01-2025-000957-71) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=91499#GNCeaGVEvXWrz2vF1 (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Официальный сайт Роструд. Государственная инспекция труда в Камчатском край. URL: https://git41.rostrud.gov.ru/news/671440.html (дата обращения: 11.04.2026).

к сверхурочной работе, работодатели нередко пренебрегают ими. Анализ судебных дел показывает, что распространены такие нарушения, как некорректный учет рабочего времени, отсутствие оплаты за переработку, несоблюдение особых условий для работников с инвалидностью и замена законной доплаты за сверхурочные непредусмотренными выходными. Кассационные суды отстаивают право работников на полную компенсацию всех сверхурочных часов. Для защиты трудовых прав и минимизации финансовых рисков работодателям необходимо строго соблюдать ст. 99 и 152 ТК РФ и правила привлечения к работе работников, имеющих особый статус.

Сведения об авторах

Павлова Валерия Антоновна — студентка 3-го курса Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж.

Распопова Виктория Олеговна — студентка 3-го курса Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж.

ON THE FEATURES OF OVERTIME WORK

V. A. PAVLOVA, V. O. RASPOPOVA
Central branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, Voronezh

Abstract. The article is devoted to the legal aspects of overtime work in Russia, based on Articles 99 and 152 of the Labor Code. The article examines the situations in which an employee's consent is required for overtime work and the situations in which it is not required, as well as the special guarantees for employees with disabilities. Special attention is paid to the payment of overtime and the possibility of providing days off instead of monetary compensation. An analysis of court decisions and inspection results revealed frequent violations by employers, such as errors in recording working hours, non-payment of overtime, and disregard for the rights of preferential categories of employees.

Keywords: *overtime work, overtime pay, working hours, rest hours, disabled people, court practice, overtime work.*

О некоторых вопросах первоначальной и последующей невозможности исполнения обязательств

А. Д. Пискунова[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. В условиях динамичного гражданского оборота стороны договорных отношений нередко сталкиваются с обстоятельствами, делающими исполнение принятых обязательств объективно невозможным. Такие ситуации создают правовую неопределенность и порождают споры о распределении рисков между участниками сделки. Институт невозможности исполнения обязательств призван обеспечить баланс интересов сторон и предсказуемость гражданско-правовых отношений в сложных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: *невозможность исполнения обязательства, первоначальная невозможность, последующая невозможность, недействительность сделки.*

Согласно основополагающему принципу частного права «pacta sunt servanda», договоры должны соблюдаться, соответственно, стороны должны исполнять обязательства, возникшие из договоров. Вместе с тем объективная реальность хозяйственной деятельности неизбежно порождает ситуации, когда исполнение обязательства становится невозможным по причинам, не зависящим от воли сторон либо обусловленным их действиями. Возникающая в связи с этим коллизия между принципом стабильности договора и необходимостью учета экстраординарных обстоятельств требует четкого нормативно-правового регулирования и доктринального осмысления.

В римском частном праве выделяли три вида невозможности исполнения обязательства:

[1] Научный руководитель — Артемьева Елена Сергеевна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса.

физическая, юридическая и первоначальная[1]. К последнему применялся известный принцип impossibilium nulla obligatio est («невозможное не может быть предметом обязательства»). В цивилистической доктрине данный принцип не получил однозначного толкования. Согласно концепции Ф. Моммзена, изначальная объективная невозможность исполнения (возникшая до появления обязательства и распространяющаяся на всех без исключения) служит основанием для признания договора ничтожным[2]. Правовые нормы зарубежных законодательств, например § 878 Австрийского гражданского уложения (ABGB); ст. 1601(1) Французского гражданского кодекса; ст. 1346, 1418 ГК Италии; ст. 1272 ГК Испании; ст. 20 Швейцарского обязательственного закона, предусматривают недействительность сделки, основанной на первоначальной невозможности исполнения.

По мнению Э. Рабеля, действие данной аксиомы распространялось лишь на стипуляцию, но при этом она не являлась сама по себе безусловным основанием ничтожности иных сделок[3]. Д. М. Генкин указывал, что «между невозможным и недолжным нельзя ставить знака равенства», поскольку действительность обязательства и ответственность должника за неисполнение обязательства напрямую связаны с наличием или отсутствием вины должника[4]. Этот вариант толкования находит свое выражение в ст. 3.1.3 «Первоначальная невозможность исполнения» Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г., п. 1 которой гласит: «Само по себе обстоятельство, что в момент заключения договора исполнение принятого обязательства было невозможным, не затрагивает действительность договора»[5], и в ст. 4:102 Принципов европейского контрактного права[6].

В российском праве невозможность исполнения не является основанием ничтожности сделки. Однако судебная практика знает случаи, когда сделка признавалась недействительной из-за первоначальной невозможности ее исполнения. Например, в Решении Арбитражного суда г. Москвы суд соглашается с доводом ответчика о нереальности установленных в договоре сроков исполнения обязательства и указывает, что «заведомо неисполнимое для сторон условие договора должно рассматриваться как ничтожное в силу его противоречия закону и мнимости (ст. 168 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации[7])»[8]. Основной проблемой в вопросе о правовых последствиях первоначальной невозможности исполнения обязательств является обеспечение соблюдения прав и законных интересов кредитора и должника, в частности возложение ответственности за убытки на одну из сторон. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 г. было отменено решение нижестоящих судов о взыскании убытков по сделке, признанной недействительной в силу юридической невозможности ее исполнения, причем возникшей по вине ответчика. При этом суд указал, что «признание сделки недействительной исключает возможность взыскания убытков по общим основаниям, предусмотренным статьёй 393 ГК РФ, регулирующей ответственность за нарушение действительных договорных обязательств»[9]. Для корректной квалификации правовых последствий сделок, осложненных первоначальной невозможностью исполнения, необходимо провести дифференциацию ситуаций в зависимости от осведомленности сторон относительно указанной невозможности.

Во-первых, если обе стороны изначально знали о невозможности исполнения обязательства, такая ситуация может свидетельствовать о мнимом характере сделки. В этом случае наиболее уместно применение ст. 170 ГК РФ. Ни у одной из сторон не будет возникать ответственности, и не подлежит разрешению вопрос о взыскании убытков.

Во-вторых, в ситуации, когда о невозможности исполнения обязательства была осведомлена лишь одна из сторон, сложились различные подходы к определению правовых последствий. А. Г. Карапетов полагает, что в подобных обстоятельствах возникает охранительное обязательство по возме-

[1] Новицкий И. Б. Римское право. 8е изд. М: Юрайт, 2023. С. 338

[2] Мухачева Е. С. Первоначальная невозможность исполнения обязательств в контексте реформ ГК РФ и германского гражданского Уложения // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 3 (9).

[3] Заболоцкий Р. Р. Невозможность исполнения обязательства как правовой институт // Молодой ученый. 2024. № 12 (511). С. 224.

[4] Генкин Д. М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М. : Статут, 2005. С. 176–201

[5] Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА = UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts / пер. с англ. А. С. Комарова. М. : Статут, 2016. С. 89.

[6] Принципы европейского контрактного права = Principles of European Contract Law / пер. с англ. под ред. С. В. Бородина, С. С. Шерстневой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 215.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[8] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.01.2026 по делу NA40-27239/24-180-206.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 302-ЭС25-6617 по делу № А19-1507652024.

щению убытков, а на недобросовестного контрагента возлагается договорная ответственность[1]. В. И. Григорьев, напротив, аргументирует необходимость применения ст. 168 ГК РФ, что позволяет взыскать с виновной стороны убытки в форме позитивного договорного интереса, не ограничиваясь последствиями, связанными исключительно с недействительностью сделки[2].

В-третьих, при отсутствии у обеих сторон информации о невозможности исполнения обязательства и их добросовестном поведении возникает вопрос о возложении убытков на одну из сторон. В этом контексте ученые отмечают, что сторона, которая должна была знать о невозможности, может заблуждаться при заключении договора, а другая сторона будет действовать в соответствии с той же ошибкой. Следовательно, возникают основания для оспаривания соглашения вследствие обоюдной ошибки, при которой лицо, оспаривающее сделку, обязано возместить другой стороне негативный интерес — если последняя не знала и не должна была знать об ошибке.

Это позволяет рассматривать ситуацию через призму ст. 178 ГК РФ, что потенциально расширяет правовые механизмы защиты интересов сторон даже при отсутствии прямой вины кого-либо из контрагентов[3]. Таким образом, российское законодательство не регламентирует напрямую последствия первоначальной невозможности исполнения обязательства, из-за чего возникает правовая неопределенность, что затрудняет распределение убытков и защиту интересов сторон.

Помимо первоначальной невозможности исполнения обязательства в доктрине гражданского права также выделяют невозможность последующую. Последующая невозможность имеет место тогда, когда она возникает после возникновения обязательства. Вопрос о необходимости разграничения правовых последствий первоначальной и последующей невозможности не имеет однозначного ответа. Теория Моммзена гласит, что последующая невозможность исполнения не влияет на действительность договора, влечет за собой утрату кредитором права требовать реального исполнения от должника и автоматическое прекращение соответствующего обязательства. Д. М. Генкин отрицает практическую значимость этой классификации, аргументируя это тем, что для кредитора имеет значение способность должника исполнить обязательство к моменту предъявления требования такого исполнения[4]. Европейские наднациональные кодексы также не проводят различий между невозможностью исполнить обязательство изначально и возникшей впоследствии. Исключается возможность принуждения должника к реальному исполнению обязательства, однако кредитору предоставляется право требовать расторжения договора и компенсации понесенных убытков — если только неисполнение не обусловлено обстоятельством непреодолимой силы.

Российское законодательство не проводит формального разграничения между первоначальной и последующей невозможностью исполнения обязательств. Согласно ст. 416 Гражданского кодекса РФ, обязательство прекращается вследствие невозможности исполнения, если она вызвана обстоятельствами, возникшими уже после его возникновения. Аналогичным образом ст. 417 ГК РФ, регламентирующая случаи юридической невозможности исполнения, также применима исключительно к последующей невозможности. Примечательно, что в прежней редакции Гражданского кодекса отсутствовало прямое указание на ограничение действия данных норм только последующей невозможностью. При этом специальная регламентация первоначальной невозможности исполнения в действующем законодательстве не предусмотрена.

Таким образом создается определенная правовая неопределенность: с одной стороны, отсутствие отдельной нормы для первоначальной невозможности отражает стремление законодателя к единообразию регулирования, с другой — фактическое регулирование охватывает лишь последующую невозможность исполнения.

В связи с вышеизложенным, в целях устранения правовой неопределенности предлагаю в регулировании невозможности исполнения обязательств выработать единообразный подход к первоначальной и последующей невозможности (по образцу зарубежных и европейских кодексов), где главным критерием выступает способность должника исполнить обязательство к моменту предъявления требования. Требуется внести в ГК РФ норму, согласно которой невозможность исполнения в любое время влечет прекращение обязательства и право кредитора на возмещение убытков — если неисполнение не вызвано непреодолимой силой; для мнимых сделок (когда обе стороны изначально знали о невозможности исполнения) следует сохранить применение ст. 170 ГК РФ. Кроме того, нужно четко прописать условия освобождения от ответственности и порядок расторжения договора при невозможности исполнения. Реализация

[1] Карапетов А. Г. Влияние добросовестности контрагента на недействительность договора // Закон. 2025. № 10. С. 19–35; № 11. С. 150.

[2] Григорьев В. И. Постоянная (перманентная) юридическая невозможность исполнения в российском праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 2. С. 69–70

[3] Там же. С. 62.

[4] Генкин Д. М. Указ соч. С. 177.

этих мер позволит устранить правовой пробел, обеспечить предсказуемость гражданско-правовых отношений, справедливо защитить интересы кредитора и должника.

Сведения об авторе

Пискунова Анастасия Дмитриевна — студент 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ON CERTAIN ISSUES OF INITIAL AND SUBSEQUENT IMPOSSIBILITY OF PERFORMANCE OF OBLIGATIONS

A. D. PISKUNOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. In the context of dynamic civil circulation, parties to contractual relations often face circumstances that make the performance of assumed obligations objectively impossible. Such situations create legal uncertainty and give rise to disputes over the allocation of risks between transaction parties. The institute of impossibility of performance is designed to ensure a balance of interests between the parties and the predictability of civil-legal relations in complex real-life situations.

Keywords: *impossibility of performance of an obligation, initial impossibility, subsequent impossibility, invalidity of a transaction.*

Производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным: особенности участия прокурора

В. С. Свиридонова, Э. И. Сейфудинова[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению административных дел о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, влияния заключения прокурора на процесс. В статье излагается порядок рассмотрения данной категории дел в суде, делается акцент на сложившейся практике. Также в работе выявлены проблемные аспекты правового регулирования и предложены пути решения.

Ключевые слова: *заявление, заключение прокурора, добровольное согласие, медицинское вмешательство.*

Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что гарантировано ст. 41 Конституции РФ[2]. Медицинская помощь может быть оказана гражданину лишь в случае дачи им информированного добровольного согласия, что касается несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, согласие дается родителем или иным законным представителем. Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025)

[1] Научный руководитель — Карпова Анастасия Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ), информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство дает один из родителей в отношении лица, не достигшего возраста 15 лет, или лица признанного в установленном порядке недееспособным, если такое лицо по своему состоянию не способно дать согласие на медицинское вмешательство; в отношении больного наркоманией несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет; несовершеннолетнего (до 18 лет), больного наркоманией, при оказании ему наркологической помощи или при медицинском освидетельствовании несовершеннолетнего в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения; несовершеннолетнего (до 18 лет) реципиента при трансплантации (пересадки) органов и тканей человека. Однако есть ряд ситуаций, когда такое согласие не нужно, например, если необходимо устранить угрозу жизни человека, оказать помощь лицам, страдающим тяжелыми психическими заболеваниями, и иное, тогда такое решение принимают врачи или суд в установленном порядке[1].

Согласно ст. 63 СК РФ родители обязаны заботиться о здоровье своих детей[2]. Однако на практике случаются такие ситуации, когда по неизвестным причинам законные представители отказываются от медицинской помощи по отношению к несовершеннолетнему. Так, согласно решению Волжского городского суда Волгоградской области № 2А-1742/2025 от 25.02.2025, было удовлетворено административное исковое заявление городской детской больницы в интересах несовершеннолетнего лица. Согласно фактическим обстоятельствам дела ребенку был поставлен диагноз дефицитная анемия тяжелой степени, лейкопения с нейропенией и тромбоцитопения, что свидетельствовало о необходимости срочной госпитализации в медицинское учреждение, поскольку оставление в домашних условиях угрожало его жизни. Однако законные представители ребенка, которые были информированы о его состоянии, отказались от медицинского вмешательства[3]. Согласно п. 3 ст. 4 Федерального закона № 323-ФЗ, одним из основных принципов охраны здоровья является приоритет охраны здоровья детей. Именно поэтому в случае отказа от медицинской помощи одного из родителей или иного законного представителя лица, признанного недееспособным, ввиду п. 5 ст. 20 этого федерального закона, медицинская организация вправе обратиться в суд для защиты прав данной категории лиц.

ГБУЗ «Областной центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями» в научном исследовании привел пример, когда матери, вставшей на учет по беременности, поставили диагноз «вич-инфекция», после чего направили к врачу-инфекционисту. Однако девушка после установления диагноза перестала наблюдаться у специалистов. После рождения ребенка девушка отказалась от его обследования. Семья даже обратилась в СМИ с жалобой на неверно выставленный диагноз медицинским учреждением и в судебном порядке пыталась оспорить данный факт. Однако решением суда родителя обязали обследовать ребенка после перинатального контакта, поскольку диагноз был подтвержден. Одной из целей государственной политики в интересах детей является защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие (п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ). Именно поэтому законодательством предусмотрена возможность обращаться в государственные органы для защиты лиц, которые не могут самостоятельно себя защитить.

При анализе законодательства было выявлено, что ввиду п. 5 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, извещает орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного об отказе от медицинского вмешательства. Аналогичная норма отсутствует по отношению к несовершеннолетним. Считаем, что это является упущением, поскольку при буквальном толковании закона медицинская организация обращается в суд в случае угрозы жизни для несовершеннолетнего, однако необходимо, чтобы о любом отказе от медицинского вмешательства, включая плановый, вмешательства в рамках оказания первичной медико-санитарной помощи, был проинформирован орган опеки и попечительства для дальнейшего контроля. Поскольку мотив такого отказа не всегда ясен, а оставление данных ситуаций на «самотек» может повлечь за собой ряд негативный последствий (например, прогрессирование заболевания). Так, согласно статистическим данным, приведенным в одной из научных работ, более 90 % родителей обращаются в медицинское учреждение при обнаружении болезни у детей до 7 лет, при этом в 6 % случаев наблюдается факт самостоятельного лечения. Автор акцентирует внимание на случае,

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства. 2011. № 48. Ст. 6724.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[3] Решение по делу № 2А-1742/2025 от 25.02.2025 — о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях // Закон РФ правовая навигационная система. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-c03b1842-ec13–557a-b74c-db2486f128c3/ (дата обращения: 25.04.2026).

когда в 2010 г. 10-летний ребенок попал в аварию, ему требовалась срочная операция, однако мать из-за религиозных убеждений написала отказ. Больница обратилась в суд и выиграла дело, однако на момент судебного разбирательства из-за потери времени ребенок погиб. Всё это нам говорит о необходимости контроля со стороны государства за деятельностью, связанной с осуществлением медицинской помощи по отношению к несовершеннолетним и лицам, признанным в судебном порядке недееспособными.

В соответствии с ч. 5 ст. 23 КАС РФ данная категория дел рассматривается судом по адресу нахождения медицинской организации, обратившейся с административным исковым заявлением. Административное дело рассматривается в течение пяти дней со дня принятия искового заявления, в случае ходатайства медицинской организации о медицинском вмешательстве в экстренной форме — в день поступления административного заявления.

Прокурор, в соответствии с ч. 7 ст. 39, ст. 285.3 КАС, дает заключение в рамках рассмотрения данного административного дела. Значение прокурора при вступлении в административный процесс заключается в обеспечении объективного рассмотрения дела. Данное должностное лицо не оказывает поддержку одной из сторон, а излагает позицию относительно законности предъявленных требований, озвучивает свое видение разрешения спора. В научной литературе отмечают, что правовая позиция, сформулированная прокурором в заключении, касается позиций одной из сторон и не может рассматриваться как ограничение процессуальных прав оппонента или предрешение окончательного судебного акта. Прокурор не участвует в судебных прениях и дает заключение до их начала, что исключает его влияние на стороны в процессе и не нарушает принцип состязательности сторон.

Исходя из вышесказанного необходимо отметить, что заключение прокурора в административном судопроизводстве по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, представляет собой необходимый механизм обеспечения законности. Также необходимо наблюдать тенденцию эффективности работы государственных органов в связи с осуществлением защиты данных категорий лиц, поскольку по сей день выявляются случаи, когда существующих мер недостаточно для их защиты.

Сведения об авторах

Свиридонова Виктория Сергеевна — студент 4-го курса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Сейфудинова Эмина Имирасланова — студент 4-го курса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE CASES ON THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF A MINOR OR A PERSON RECOGNIZED AS LEGALLY INCOMPETENT IN ACCORDANCE WITH THE ESTABLISHED PROCEDURE: FEATURES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION

V. S. SVIRIDONOVA, E. I. SEIFUDINOVA
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. This article is devoted to the consideration of administrative cases on the protection of the interests of a minor or a person recognized as legally incompetent, the impact of the prosecutor's opinion on the process. The article outlines the procedure for considering this category of cases in court, and focuses on established practice. The paper also identifies problematic aspects of legal regulation and suggests solutions.

Keywords: *statement, prosecutor's opinion, voluntary consent, medical intervention.*

Дискриминация работников при премировании

В. А. Соколова, Р. Б. Гаджиева[1]
Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. Исследуется проблема дискриминации работников при премировании как части системы оплаты труда. Анализируются правовая природа премий, типичные формы их необоснованной дифференциации, а также практика применения работодателями оценочных критериев. Обосновывается, что непрозрачность механизмов премирования способствует нарушению принципа равенства работников и требует совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: *дискриминация, премирование, оплата труда, трудовое право, равенство.*

Анализ трудового законодательства позволяет сделать вывод, что государство формально закрепляет запрет дискриминации в сфере оплаты труда, однако вопросы премирования остаются недостаточно урегулированными. Так, согласно ст. 3 Трудового кодекса РФ, запрещается любое ограничение прав работников в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами, однако при установлении премий работодатель сохраняет значительную свободу усмотрения. Как верно отмечает В. М. Сайфутдинова, более слабой стороной в любом случае является претендент на вакантное рабочее место[2].

Премирование в трудовых отношениях традиционно рассматривается как гибкий инструмент стимулирования, однако именно его «гибкость» превращается в источник правовых конфликтов. В отличие от оклада, закрепленного в трудовом договоре, премия зависит от локальных нормативных актов работодателя, а значит, фактически формируется в условиях широкой дискреции. Такая конструкция позволяет учитывать реальные результаты труда, но одновременно создает пространство для произвольных решений. Уже на уровне нормативного регулирования возникает напряжение между принципом равной оплаты за труд равной ценности и правом работодателя самостоятельно определять систему поощрения. К. Д. Агатов обращает внимание, что запрет дискриминации в сфере труда закреплен императивно, однако его реализация сталкивается с неопределенностью критериев оценки трудового вклада[3].

Проблема обостряется при анализе содержания локальных актов. Формально они включают объективные показатели — выполнение плана, качество работы, отсутствие дисциплинарных взысканий. На практике эти критерии нередко дополняются оценочными формулировками, такими как «добросовестность» или «лояльность», которые невозможно измерить. В результате премирование становится зависимым не столько от результатов труда, сколько от субъективного восприятия работника руководителем. С. Ю. Фильчакова подчеркивает, что именно в сфере оплаты труда принцип недискриминации чаще всего нарушается скрыто, поскольку различия в выплатах маскируются под систему стимулирования[4].

Особый интерес вызывает вопрос о том, можно ли считать дискриминацией различия в премировании при формально одинаковых должностях. Работодатель, как правило, ссылается на различие в эффективности работников, однако доказать или опровергнуть эту эффективность затруднительно. М. А. Сороколетова указывает, что дискриминация в трудовом праве часто принимает латентные формы и проявляется через экономические механизмы, а не прямые запреты или ограничения[5]. В контексте премирования это означает, что формальное соблюдение закона не исключает фактического неравенства.

Практика показывает, что дискриминационные решения нередко связаны с факторами, не имеющими отношения к трудовой функции: возраст, пол, семейное положение, личные отношения с руководством. Внутри одного подразделения могут

[1] Научный руководитель — Сайфутдинова Венера Максутовна, старший преподаватель кафедры экологического и трудового права института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

[2] Сайфутдинова В. М. Дискриминация при приеме на работу // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 1 (13). С. 40–46.

[3] Агатов К. Д. Правовое регулирование запрета на дискриминацию в сфере труда // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 108.

[4] Фильчакова С. Ю. К вопросу о реализации принципа запрещения дискриминации в сфере оплаты труда // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3 (93). С. 365.

[5] Сороколетова М. А., Золотарева В. А. Проблема дискриминации в трудовом праве // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-7. С. 134.

существовать значительные различия в премиях при сопоставимых результатах работы. Работники, сталкивающиеся с подобной ситуацией, чаще всего воспринимают ее как несправедливость, однако не всегда квалифицируют как нарушение закона, что снижает уровень обращений в суд. Между тем правовая природа премии как части заработной платы предполагает применение к ней принципа равенства. Игнорирование этого принципа фактически разрушает саму идею стимулирования, подменяя ее инструментом давления.

Переход к анализу практики позволяет выявить конкретные модели дискриминации при премировании. Наиболее показательной является ситуация, связанная с дифференциацией выплат по внешним или социальным признакам. Известен кейс, связанный с работниками авиационной отрасли, где размер стимулирующих выплат зависел от антропометрических параметров. Подобные примеры демонстрируют, что дискриминация может быть встроена в систему премирования на уровне внутренних регламентов. Д. А. Арефи отмечает, что даже на стадии трудоустройства выявление дискриминации вызывает сложности, а в процессе реализации трудовых отношений эти трудности только усиливаются[1].

Другой распространенной моделью является скрытая дискриминация через непрозрачные критерии. Работодатель формально закрепляет показатели эффективности, но не раскрывает методику их расчета. В результате работник не может проверить обоснованность начисленной премии. Е. В. Мотина указывает, что подобная ситуация создает системные препятствия для реализации принципа недискриминации, поскольку отсутствие прозрачности лишает работника возможности защищать свои права[2].

Отдельного внимания заслуживает проблема снижения премии без объяснения причин. В ряде случаев работодатели используют премию как инструмент дисциплинарного воздействия, не оформляя это в установленном порядке. Работник фактически несет «наказание», не имея возможности его оспорить, поскольку премия рассматривается как поощрение, а не гарантированная выплата. С. А. Комков подчеркивает, что подобная практика подрывает правовую определенность и размывает границы между стимулированием и санкциями[3].

Интересно, что даже при наличии судебной практики работники редко обращаются за защитой. Причина заключается не только в сложности доказывания, но и в опасении ухудшения отношений с работодателем. А. В. Дудченко обращает внимание на необходимость профилактики дискриминации еще на ранних этапах трудовых отношений, поскольку последующее устранение нарушений требует значительных усилий[4]. В ситуации с премированием такая профилактика практически отсутствует, что позволяет дискриминационным практикам укореняться.

В результате формируется парадоксальная ситуация: премия, задуманная как инструмент мотивации, превращается в фактор демотивации и конфликтов. Работники воспринимают ее не как поощрение за результат, а как показатель субъективного отношения руководства. Это приводит к снижению доверия внутри коллектива и, как следствие, к падению эффективности труда.

Таким образом, дискриминация работников при премировании представляет собой системную проблему, укоренившуюся в пробелах действующего трудового законодательства. Анализируя практику, становится ясно, что работодатели допускают различные виды дискриминации, в том числе устанавливая критерии премирования в локальных нормативных актах, дискриминируя работников на одинаковых должностях, а также по социальным признакам и без объяснения причин. Изменить эту ситуацию возможно только комплексными мерами: законодательным закреплением обязательных требований к прозрачности систем премирования, введением механизмов независимого контроля над локальными нормативными актами работодателей, а также развитием правовой грамотности работников в вопросах защиты трудовых прав. Только при условии реального соблюдения принципа недискриминации премирование сможет выполнять свою изначальную функцию — справедливого поощрения за добросовестный труд.

Сведения об авторах

Соколова Виктория Антоновна — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

Гаджиева Рояла Бахтияр кызы — студентка 2-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

[1] Арефи Д. А., Старцев Н. Н. Проблемы выявления дискриминации при отказе в заключении трудового договора // Ежегодник трудового права. 2025. № 15. С. 215.

[2] Мотина Е. В. Препятствия реализации принципа запрета дискриминации в трудовых отношениях // Законность и правопорядок. 2021. № 3 (31). С. 38.

[3] Комков С. А. К вопросу о запрете дискриминации в трудовом праве // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 4(98). С. 610.

[4] Дудченко А. В. Юридические аспекты предупреждения дискриминации в процессе трудоустройства // Трудовое и социальное право. 2025. № 1 (53). С. 48.

DISCRIMINATION OF EMPLOYEES IN BONUS PAYMENTS

V. A. SOKOLOVA, R. B. GADZHIEVA
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Abstract. The article examines discrimination of employees in bonus payments as part of the remuneration system. It analyzes the legal nature of bonuses, common forms of unjustified differentiation, and the use of evaluative criteria by employers. It is argued that the lack of transparency in bonus systems leads to violations of the principle of equality and requires improvements in legal regulation.

Keywords: *discrimination, bonuses, remuneration, labor law, equality.*

Судейская дискреция в гражданском процессе

Е. С. Соколова, Я. И. Пикалов[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Анализируются понятия и содержание судейского усмотрения и дискреционных полномочий в гражданском судопроизводстве. Поскольку закон не способен охватить все разнообразные жизненные обстоятельства, законодатель предоставляет судье возможность выбора действия, что в теории получило название судебной дискреции. В законе не содержится, а в науке отсутствует единое понимание понятия «судейская дискреция», что порождает неоднозначность в совершении действий судьей и требует более конкретных критериев в применении дискреционных полномочий.

Ключевые слова: *судейское усмотрение, дискреционные полномочия, гражданский процесс, оценочное понятие, пределы усмотрения.*

Вопрос о том, насколько свободен судья в своих решениях в рамках гражданского процесса, давно является дискуссионным. С одной стороны, закон един для всех и суд обязан ему подчиняться, с другой — ни одна правовая норма не в состоянии охватить всё многообразие жизненных обстоятельств. Именно в силу этого объективного противоречия между всеобщностью закона и уникальностью каждой жизненной ситуации законодатель вынужден оставлять судье определенную свободу выбора — это так называемая судейская дискреция (или судейское усмотрение).

В российском гражданском процессе дискреционные полномочия встречаются часто. Например, судья сам решает, можно ли принять встречный иск, соединить несколько требований в одном производстве или вызвать свидетеля. Без этого бы правосудие утратило гибкость, превратилось в формальное применение алгоритмов. Однако предоставление судье такой свободы порождает и определенные риски. Отсутствие четко определенных границ усмотрения создает правовую неопределенность, подрывает доверие к судебной системе и порождает многочисленные жалобы.

В науке до сих пор не сформировался единый подход к пониманию сущности судейского усмотрения. Анализируя сложившиеся позиции, Н. Ш. Гаджиалиева и М. И. Исаева выделяют несколько ключевых направлений[2].

Одна из распространенных точек зрения принадлежит К. В. Пронину, который характеризует дискреционные полномочия судьи как «право суда на основе внутреннего убеждения выбрать один из нескольких допустимых вариантов правового решения». В таком понимании акцент сделан на самом главном признаке дискреции — свободе выбора в рамках дозволенного законом.

Иначе подходит к вопросу Г. А. Гаджиев, который видит в дискреции основу самостоятельности. Согласно его позиции, судья не просто механически выбирает из готовых вариантов, а предварительно анализирует правовые нормы, дает им оценку. Здесь дискреция приобретает более глубокий, аналитический характер.

[1] Научный руководитель — Вершинина Галина Ильинична, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

[2] Гаджиалиева Н. Ш., Исаева М. И. Дискреционная власть как способ преодоления пробелов в гражданском процессуальном праве // Государственная служба и кадры. 2025. № 4. С. 117.

Существует третий подход, в котором на первый план выходит правоприменительная природа усмотрения. О. А. Папкова предлагает рассматривать его как особую, «регламентированную нормами права… разновидность правоприменительной деятельности». В рамках этой деятельности суд решает возникающие вопросы, опираясь не только на конкретные предписания, но и на общие цели законодательства, правовые принципы, а также на конкретные обстоятельства рассматриваемого дела.

Особого внимания заслуживает дискуссия о соотношении понятий «судейское усмотрение» и «судейская дискреция». Некоторые авторы, к примеру Е. А. Калмыкова[1], ставят между ними знак равенства. Однако убедительнее выглядит позиция О. А. Мирошник[2], которая предположила разграничительный критерий для этих понятий. По ее мнению, любая дискреция включает в себя усмотрение, но не наоборот. Дискреционные полномочия — это нормативно закрепленная законом возможность выбора, то есть некое «целое», а судейское усмотрение — это уже внутренний психологический и интеллектуальный процесс, в ходе которого судья реализует эту возможность. Иными словами, «часть» этого «целого». Например, когда судья решает вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока, закон предоставляет ему именно дискреционное полномочие. А вот сам процесс оценки того, были ли причины пропуска уважительными, это и есть проявление судейского усмотрения. Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Институт судейского усмотрения в отечественном гражданском процессе прошел длительный этап становления. Еще в XIX в. профессор А. Х. Гольмстент в «Учебнике русского гражданского судопроизводства» (первое издание 1885 г.) сформировал перечень обстоятельств, объективно требующих применения судейского усмотрения. К таковым он относил «недостаток закона», его неполноту, выразившуюся в том, что «закон может не определять всех частностей, детали данного юридического отношения», а также противоречивость и неясность правовых предписаний[3].

В современном процессуальном праве можно выделить два основных критерия источников судейской дискреции. Главное положение среди них занимают законодательные нормы, где законодатель в явном виде наделяет суд правом выбора. Так, ч. 1 ст. 179 ГПК РФ закрепляет, что «допрос свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и допрос свидетеля в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет производятся с участием педагогического работника». Схожий механизм заложен в ст. 125 ГПК РФ, где судье предоставлено право отказать в принятии заявления о выдаче судебного приказа, если в заявлениях и представленных документах усматривается наличие спора о праве. Вторую значимую категорию источников образуют оценочные понятия — «добросовестность», «разумность», «уважительность причин», «значимость нарушений» и др. Легального толкования таким критериям нет, их реальное смысловое наполнение происходит исключительно через механизм судейского усмотрения. Поэтому вполне обоснованным представляется вывод Н. Ш. Гаджиалиевой и М. И. Исаевой о том, что дискреционные полномочия выступают легитимным институтом восполнения пробелов в законодательстве.

Свобода суда в выборе правового решения не может быть абсолютной. Вопрос о границах судейского усмотрения по праву считается центральным в процессуальной доктрине. Как справедливо отмечают О. А. Голубенко и Е. Б. Портная, «судейская дискреция всегда осуществляется в определенных рамках, задаваемых как позитивным правом, так и общими принципами правосудия»[3].

В научной литературе можно выделить несколько типов таких ограничителей. Прежде всего речь идет о законных пределах, предполагающих невозможность выхода за рамки закона. Судья не вправе принимать решения, противоречащие нормам материального или процессуального права, даже если такое решение представляется ему более справедливым в конкретной ситуации. Процедурные пределы выражаются в том, что дискреция реализуется строго в предусмотренной процессуальной форме. Обязательность мотивировки судебного акта выступает ключевой гарантией против произвола. Принимая решение в рамках усмотрения, судья обязан объяснить, почему он выбрал именно этот вариант, а не иной.

Также имеют место быть контрольные пределы. Решение, вынесенное судьей на основе усмотрения, не является окончательным. Оно может быть направлено вышестоящей инстанции. И именно таким образом в судебной системе поддерживается баланс, именуемый механизмом сдержек и противовесов.

Немаловажную роль играют этические пределы. Профессиональная этика судьи служит важнейшим внутренним регулятором его дискреционных полномочий, особенно в тех случаях, когда закон прямо не предписывает конкретное пове-

[1] Калмыкова Е. А. Дискреционные полномочия: пределы и условия их реализации арбитражным судом // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2008. № 2. С. 98–100.

[2] Мирошник О. А. О некоторых аспектах конституционно-правового понятия дискреции // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 4. С. 31–32.

[3] Цит. по: Глобенко О. А., Портная Е. Б. Пределы судебной дискреции в гражданском судопроизводстве: к постановке вопроса // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 147–149.

дение. Кодекс судейской этики, принципы независимости, беспристрастности и справедливости выступают ориентирами, которые направляют судейское усмотрение в правомерное русло даже при отсутствии детальной правовой регламентации.

Таким образом, судейское усмотрение в российском гражданском процессе представляет собой объективную необходимость. Полный отказ от дискреции потребовал бы у законодателя урегулировать каждую процессуальную деталь, что невозможно в силу ограниченности любых нормативных актов и многообразия жизненных ситуаций. На наш взгляд, развитие процессуального права должно идти по пути не тотальной регламентации, а повышения требований к мотивированности судебных актов и совершенствования процедур проверки таких решений. Только при таком балансе усмотрение будет служить целям справедливого правосудия, а не превращаться в инструмент судебного произвола.

Сведения об авторах

Соколова Екатерина Сергеевна — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Пикалов Ярослав Игоревич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

JUDICIAL DISCRETION IN CIVIL PROCEEDINGS

E. S. SOKOLOVA, Y. I. PIKALOV
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines judicial discretion and discretionary powers in civil proceedings. Since the law is unable to cover all the diverse circumstances of life, the legislator is forced to provide the judge with the opportunity to choose, which is known in science as judicial discretion. There is no unified understanding of judicial discretion in science, which creates uncertainty and the development of unified criteria for legality.

Keywords: *judicial discretion, discretionary powers, civil procedure, evaluative concept, limits of discretion.*

Правовое регулирование трансграничной перевозки тела умершего для научных, медицинских и учебных целей: гражданско-правовой аспект

Е. С. Соколова, Я. И. Пикалов[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматривается правовой режим перевозки тела умершего из иностранного государства в Российскую Федерацию для научных, медицинских и учебных целей. Анализируются гражданско-правовая природа тела умершего, допустимые основания его использования, договорные конструкции, применимые к организации перевозки, а также таможенные и санитарные требования при пересечении границы. Обосновывается вывод о том, что тело умершего не является обычной вещью, свободно обращающейся в гражданском обороте; в транспортном обязательстве оно выступает как специальный груз, а в таможенном праве — как особая категория товаров для личного пользования, перемещаемых по специальным правилам.

Ключевые слова: *тело умершего, договор перевозки, транспортная экспедиция, таможенное декларирование, погребение, специальный объект гражданских прав.*

Развитие медицинского образования и биомедицинских исследований требует правовой определенности в вопросе использования тела умершего, в том числе при его перемещении через

[1] Научный руководитель — О. Г. Строкова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

государственную границу. Для гражданского права здесь возникает сразу несколько вопросов: может ли тело умершего рассматриваться как вещь, какой договор используется для его перевозки, как соотносятся нормы Гражданского кодекса, законодательства о погребении, об охране здоровья и таможенного права. Российское законодательство дает ответ не в одном акте, а через совокупность специальных норм, каждая из которых регулирует свой фрагмент отношений.

Статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, результаты работ, услуги, интеллектуальную собственность и нематериальные блага[1]. Тело умершего в этом перечне прямо не названо. Одновременно Закон о погребении и похоронном деле закрепляет принцип достойного отношения к телу после смерти и приоритет волеизъявления умершего[2], а Закон об основах охраны здоровья граждан допускает использование тела умершего в медицинских, научных и учебных целях только в строго определенных законом случаях[3]. Из сопоставления этих норм следует, что тело умершего не может квалифицироваться как обычная вещь, свободно обращающаяся в гражданском обороте. Для него действует специальный правовой режим.

Особое значение имеет различие между общим волеизъявлением о достойном отношении к телу после смерти и согласием на использование тела в научных, медицинских и учебных целях. Закон № 8-ФЗ допускает выражение волеизъявления в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, тогда как ст. 68 Закона № 323-ФЗ требует именно письменного волеизъявления, сделанного при жизни и нотариально удостоверенного, если речь идет о последующем использовании тела для науки, медицины и обучения.

Вторым законным основанием использования тела умершего для науки, медицины и обучения является невостребованность тела после смерти в случаях, прямо названных в ст. 68 Закона № 323-ФЗ и соотнесенных со ст. 12 Закона № 8-ФЗ. При этом постановление Правительства РФ № 750 прямо запрещает передачу невостребованного тела, личность которого не установлена органами внутренних дел[4].

Если тело признается невостребованным, его передача возможна только образовательным организациям медицинского или фармацевтического профиля, научным организациям и медицинским организациям. Условиями передачи выступают запрос принимающей организации и письменное разрешение лица или органа, назначившего судебно-медицинскую экспертизу. Передача оформляется специальным актом по форме, утвержденной приложением к постановлению № 750, а сведения о принятии тела вносятся в журнал учета. Транспортировка такого тела осуществляется за счет принимающей организации. Максимальный срок использования не может превышать 10 лет; по его истечении тело подлежит погребению в порядке законодательства о погребении.

Для трансграничной ситуации действующее российское право не выделяет самостоятельную специальную процедуру именно для ввоза тела умершего в научных, медицинских и учебных целях. В проанализированных действующих актах отдельно урегулированы основания использования тела в России, порядок передачи невостребованного тела и таможенное декларирование при пересечении границы. Отсюда следует практико-теоретический вывод: законность ввоза для науки должна подтверждаться сочетанием документов, удостоверяющих, во-первых, основание использования тела по ст. 68 Закона № 323-ФЗ, во-вторых, законность самой передачи, и, в-третьих, соблюдение таможенного и санитарного режима перемещения через границу.

С гражданско-правовой точки зрения необходимо разграничивать основание использования тела и обязательство по его перевозке. Основание использования тела умершего для науки не оформляется договором купли-продажи, поставки, дарения или иной сделкой об отчуждении имущества. Такое основание вытекает либо из нотариально удостоверенного волеизъявления умершего, либо из специального режима передачи невостребованного тела по постановлению № 750. Поэтому договорный элемент возникает не на стадии «передачи тела как имущества», а на стадии организации его перемещения и сопутствующего оформления.

Наиболее точной договорной конструкцией для организации трансграничной перевозки представляется договор транспортной экспедиции. По ст. 801 ГК РФ экспедитор обязуется за вознаграждение и за счет клиента выполнить или

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

[2] Федеральный закон от 12 января 1996 № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О погребении и похоронном деле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146; 2024. № 1 (часть I). Ст. 16.

[3] Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8302.

[4] Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 № 750 (ред. от 17.12.2016) «Об утверждении Правил передачи невостребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования невостребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4375; 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7662.

организовать выполнение услуг, связанных с перевозкой груза[1]. Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности»[2] прямо относит к таким услугам организацию перевозки любыми видами транспорта, а также оформление перевозочных и таможенных документов. Именно эта модель лучше всего охватывает международную перевозку тела умершего, когда одна организация координирует получение документов, таможенное оформление, взаимодействие с перевозчиком и доставку в место назначения.

Собственно перемещение тела умершего перевозчиком оформляется уже договором перевозки груза. Статья 784 ГК РФ устанавливает, что перевозка грузов осуществляется на основании договора перевозки, а ст. 785 ГК РФ определяет его содержание: перевозчик обязан доставить вверенный отправителем груз в пункт назначения и выдать его получателю; заключение договора подтверждается транспортной накладной либо иным перевозочным документом. Для автомобильной перевозки таким подтверждением служит транспортная накладная, а для воздушной перевозки — грузовая накладная, удостоверяющая заключение договора воздушной перевозки груза, принятие груза к перевозке и условия перевозки. Если одна организация одновременно организует перевозку, оформляет документы и оказывает ритуально-логистические услуги, допустимо использование смешанного договора на основании ст. 421 ГК РФ.

С точки зрения транспортно-экспедиционного законодательства следует сделать более точный вывод. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ регулирует организацию перевозок грузов любыми видами транспорта и оформление перевозочных документов, документов для таможенных целей и иных документов, необходимых для перевозки. Правила транспортно-экспедиционной деятельности, утвержденные Правительством РФ, устанавливают, что опасные, скоропортящиеся и иные грузы, требующие специальных условий перевозки, принимаются экспедитором только при представлении клиентом письменной информации об условиях их транспортировки[3]. Кроме того, ст. 4 Закона № 87-ФЗ обязывает экспедитора получить информацию о свойствах груза и условиях его перевозки, а ст. 2.1 требует при оказании экспедиционных услуг по перевозке предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, обеспечить соблюдение специальных требований либо отказаться от оказания услуги. Вместе с тем ни Закон № 87-ФЗ, ни подзаконные Правила не выделяют перевозку тела умершего или человеческих останков в самостоятельный вид транспортно-экспедиционной деятельности. Следовательно, в законе прямого указания на такие перевозки нет, однако экспедиционное сопровождение возможно в рамках общего режима организации перевозки груза с особыми условиями, если соблюдены специальные требования транспортного, санитарного, таможенного и медицинского законодательства.

Следовательно, на вопрос о том, какой договор заключается, следует отвечать дифференцированно. Для организации всей процедуры обычно используется договор транспортной экспедиции либо смешанный договор с экспедиционным ядром. Для фактической доставки применяются нормы о договоре перевозки груза. При этом тело умершего в рамках транспортного обязательства рассматривается не как обычная вещь, а как специальный груз, требующий особого документального и санитарного режима.

Для гражданско-правовой квалификации наиболее обоснован подход, при котором тело умершего рассматривается как специальный объект, выведенный из свободного имущественного оборота. Такое решение согласуется с отсутствием прямого указания на тело умершего в ст. 128 ГК РФ, с приоритетом достойного отношения к телу по Закону № 8-ФЗ и с закрытым перечнем оснований использования тела по ст. 68 Закона № 323-ФЗ.

Для целей транспортного обязательства квалификация иная. Поскольку нормы о перевозке в ГК РФ и транспортном законодательстве привязаны к конструкции груза, а заключение договора перевозки подтверждается транспортной или грузовой накладной, тело умершего в пределах перевозочного правоотношения выступает как специальный груз. Это функциональная, а не общегражданская квалификация. Она нужна для применения правил о перевозчике, документах, сроках доставки и ответственности за сохранность.

Дополнительно следует учитывать, что транспортное законодательство использует собственную функциональную квалификацию объекта перевозки. Так, в ст. 2 Устава автомобильного транспорта груз определяется как материальный объект, принятый для перевозки в установленном порядке, а в ст. 8 того же Устава установлено, что заключение договора перевозки груза подтверждается транспортной накладной; при

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

[2] Федеральный закон от 30 июня 2003 № 87-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «О транспортно-экспедиционной деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2701; 2025. № 23. Ст. 2999.

[3] Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2006 № 554 «Об утверждении Правил транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 37. Ст. 3890.

этом грузоотправитель обязан представить также документы, предусмотренные санитарными, таможенными, карантинными и иными правилами[1]. В Правилах перевозок грузов автомобильным транспортом форма транспортной накладной прямо содержит реквизит «указания грузоотправителя по особым условиям перевозки»[2].

Для уточнения транспортно-правовой квалификации целесообразно специально указать на категорию грузов, требующих особых условий перевозки. В действующих Федеральных авиационных правилах прямо предусмотрено, что перевозка ценного, скоропортящегося, тяжеловесного, негабаритного, объемного, опасного груза, живности, а также человеческих останков требует особых условий перевозки воздушным транспортом[3]. Более того, правила отдельно закрепляют, что к воздушной перевозке принимаются гробы с человеческими останками и урны с прахом, а также запрещают включать гробы с человеческими останками и урны с прахом в разнородные грузовые отправки. Следовательно, именно в воздушном праве тело умершего нормативно ближе всего подходит к категории груза, требующего особых условий перевозки.

Железнодорожное законодательство использует несколько иную технику регулирования. Статья 8 Устава железнодорожного транспорта РФ допускает установление особых условий перевозки, если свойства груза, багажа, грузобагажа или предлагаемые условия перевозки не предусмотрены общими правилами[4]. Развивая эту норму, действующие Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом прямо предусматривают перевозку гроба с телом умершего в качестве грузобагажа в багажных и почтово-багажных вагонах либо в специально оборудованных отсеках, закрепляют требования к запаянному металлическому гробу, деревянному ящику и справке о невложении посторонних предметов, а также устанавливают специальный порядок приема и выдачи такого грузобагажа. Тем самым в железнодорожном праве тело умершего выступает не как обычный груз, а как особый вид грузобагажа, для которого законодателем уже сформирован специальный режим перевозки.

Для таможенного права используется еще одна техническая категория. Статья 260 ТК ЕАЭС прямо регулирует перемещение через таможенную границу Союза гробов с телами и урн с прахом умерших[5], а Решение Совета ЕЭК № 107 относит такие объекты к товарам для личного пользования, ввозимым любым способом независимо от стоимости и веса[6]. Это не означает превращения тела умершего в обычный товар гражданского оборота. Речь идет лишь о таможенно-правовой квалификации, необходимой для декларирования и контроля при пересечении границы.

Таможенный кодекс ЕАЭС предусматривает упрощенный, но строго формализованный режим декларирования. При перемещении через таможенную границу гроба с телом или урны с прахом в качестве пассажирской таможенной декларации может использоваться заявление в произвольной форме, поданное сопровождающим лицом. При ввозе на таможенную территорию Союза необходимо представить свидетельство о смерти, выданное уполномоченным учреждением страны отправления, либо медицинское свидетельство о смерти, либо копии этих документов. Дополнительно требуется акт или справка специализированной организации, осуществлявшей запайку цинкового гроба, с указанием на отсутствие посторонних вложений и с приложением описи вещей и ценностей умершего, если они направляются вместе с телом. Для вывоза дополнительно требуется заключение органов государственного санитарного надзора о возможности эксгумации в случае перезахоронения.

Санитарные требования дополняют таможенный режим. СанПиН 2.1.3684-21 предусматривает, что перевозка умершего к месту захоронения осу-

[1] Федеральный закон от 8 ноября 2007 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. № 46. Ст. 5555; 2025. № 31. Ст. 4658.

[2] Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2020 № 2200 (ред. от 27.05.2025) «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть II). Ст. 8877; 2025. № 22 (Часть I). Ст. 2857.

[3] Приказ Минтранса России от 05 сентября 2022 № 352 (ред. от 14.02.2025) «Об утверждении Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2022 № 70720) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 27.10.2022; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 14.03.2025.

[4] Федеральный закон от 10 января 2003 № 18-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 16.12.2025) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170; 2025. № 14. Ст. 1580.

[5] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/, 12.04.2017; Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/, 31.05.2019.

[6] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 № 107 (ред. от 05.12.2025) «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/, 19.03.2018; Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/, 24.12.2025.

ществляется автокатафалком, который после каждой перевозки подлежит уборке и дезинфекции[1]. Погребение и перевозка тел, инфицированных возбудителями опасных инфекций или инфекций неясной этиологии, допускаются в оцинкованных герметичных гробах, запаянных непосредственно в патолого-анатомическом отделении медицинской организации. При эксгумации останки должны переноситься в герметичной таре, а тара и транспорт после перевозки подлежат очистке и дезинфекции. В трансграничной перевозке эти требования имеют значение не только для санитарной безопасности, но и для подтверждения надлежащего режима обращения со специальным объектом.

Таким образом, перевозка тела умершего из иностранного государства для научных, медицинских и учебных целей представляет собой сложный межотраслевой институт, в котором гражданско-правовые, медицинские, санитарные и таможенные нормы действуют совместно. В гражданском праве тело умершего не должно рассматриваться как обычная вещь, свободно обращающаяся в обороте. Для науки, медицины и обучения оно выступает специальным объектом, использование которого допустимо только при наличии нотариально удостоверенного прижизненного волеизъявления умершего либо в режиме передачи невостребованного тела по специальным правилам.

Сведения об авторах

Соколова Екатерина Сергеевна — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Пикалов Ярослав Игоревич — студент 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER TRANSPORTATION OF THE BODY OF A DECEASED PERSON FOR SCIENTIFIC, MEDICAL AND EDUCATIONAL PURPOSES: CIVIL LAW ASPECT

E. S. SOKOLOVA, Y. I. PIKALOV
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article examines the legal regime of transportation of the body of a deceased person from a foreign country to the Russian Federation for scientific, medical and educational purposes. The article analyzes the civil law nature of the deceased's body, the permissible grounds for its use, the contractual structures applicable to the organization of transportation, as well as the customs and sanitary requirements for crossing the border. The author substantiates the conclusion that the deceased's body is not an ordinary item that can be freely circulated in civil circulation; in the transportation obligation, it acts as a special cargo, and in customs law, it is a special category of goods for personal use that is transported under special rules.

Keywords: *deceased's body, transportation contract, transport expedition, customs declaration, burial, and special object of civil rights.*

[1] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 № 3 (ред. от 12.02.2026) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» (вместе с «СанПиН 2.1.3684-21. Санитарные правила и нормы…») (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 № 62297) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 05.02.2021; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 27.02.2026.

Сравнительный анализ предварительного судебного заседания и судебной беседы в рамках подготовки гражданского дела к судебному разбирательству

Л. С. Султанова, А. С. Щенникова[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Рассматривается судебная беседа как элемент стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Авторы статьи проводят разграничение понятий «судебная беседа» и «предварительное судебное заседание». В целях совершенствования ГПК РФ предлагается ввести положение, закрепляющее порядок проведения судебных бесед.

Ключевые слова: *гражданский процесс, стадия гражданского процесса, подготовка дела к судебному разбирательству, беседа, предварительное судебное заседание.*

Как известно, в гражданском судопроизводстве выделяют следующие стадии: возбуждение гражданского судопроизводства, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное разбирательство, производство в суде апелляционной инстанции, производство в суде кассационной инстанции, производство в суде надзорной инстанции, пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. В рамках второй стадии проводится предварительное судебное заседание, перед проведением которого суд может прийти к выводу о необходимости выяснения или уточнения каких-либо обстоятельств, имеющих значение для дела. На практике в таких случаях стороны и другие участники вызываются на судебную беседу. Многие путают это понятие с предварительным судебным заседанием. Следует отметить, что в большинстве случаев после проведения судебных бесед судья назначает предварительное судебное заседание. Именно поэтому эти понятия не являются тождественными и их необходимо разграничивать.

«Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству является одним из основных условий правильного и своевременного их разрешения. Непроведение либо формальное проведение подготовки дел к судебному разбирательству, как правило, приводит к отложению судебного разбирательства, волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных решений»[2].

Исходя из положения ст. 147 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)[3] стадия подготовки к судебному разбирательству включает в себя совокупность процессуальных действий судьи, сторон, лиц, участвующих в деле, в том числе посредника, медиатора, судебного примирителя, направленных на обеспечение своевременного и правильного разрешения дела. Предварительное судебное заседание проводится судьей единолично с извещением лиц, участвующих в деле, в случае необходимости разрешения вопросов, указанных в ст. 152 ГПК РФ[4]. Его целями является процессуальное закрепление распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке дела к судебному разбирательству, определение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, определение достаточности доказательств по делу, исследование фактов пропуска сроков обращения в суд и сроков исковой давности. Помимо этого, исходя из ч. 2 ст. 152 ГПК РФ, целью предварительного судебного заседания является выяснение мнения сторон о возможности урегулирования спора. Для этого судье необходимо предложить сторонам воспользоваться примирительными процедурами (гл. 14.1 ГПК РФ).

Н. Н. Ткачева отмечает, что о «проведении судебной беседы с участием сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству стали указывать в юридической литературе после принятия Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 года, которым данная стадия была введена. В процессе подготовки дела беседа проводилась

[1] Научный руководитель — Батурина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) : учебник / под ред. О. В. Исаенковой; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2025. С. 339.

не по каждому гражданскому делу, а только в отдельных случаях. Судья был вправе “пригласить стороны для беседы с тем, чтобы уточнить требования истца и возможное возражения ответчика”»[1].

Также если суд усматривает возможность примирения сторон, то он может вызвать их для проведения беседы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что проведение судебной беседы по каждому гражданскому делу не является обязательным и целесообразным. В этом аспекте явно прослеживается сходство предварительного судебного заседания и судебной беседы относительно цели примирения сторон.

Различие судебной беседы и предварительного судебного заседания проявляются в следующем.

Во-первых, стоит обратить внимание на нормативное закрепление предварительного судебного заседания, предусмотренное ст. 152 ГПК РФ, в то время как порядок проведения судебных бесед в российском законодательстве не имеет никакого правового регулирования. В ГПК РФ в отличие от ГПК РСФСР отсутствует упоминание о судебных беседах. При этом в ст. 149 и 150 ГПК РФ закреплены действия, совершаемые сторонами и судьей при подготовке дела к судебному разбирательству. Так, в ст. 149 ГПК РФ сказано, что судья разъясняет сторонам их процессуальные права и обязанности, опрашивает ответчика по обстоятельствам дела и т. д., однако отсутствует законодательное закрепление процессуальной процедуры, посредством которой должны быть реализованы перечисленные действия.

Во-вторых, в отличие от предварительного судебного заседания, где ведется протокол, судебные беседы не имеют процессуального оформления. Это означает, что заявления сторон, сделанные в ходе таких бесед, не фиксируются документально и, как следствие, не обладают юридической силой. Так, Н. Н. Ткачева приводит следующий пример: «Заводской районный суд г. Саратова при подготовке дела к судебному разбирательству по исковому заявлению управляющей компании к гражданке А. о взыскании задолженности за коммунальные услуги вызвал стороны на беседу. В процессе проведения беседы ответчица не отрицала имеющуюся задолженность, сумму не оспаривала. Суд, посчитав дело подготовленным, назначил судебное заседание, на которое ответчица впоследствии не явилась, и суд был вынужден вынести заочное решение. Приведенный пример подтверждает неэффективность беседы по следующим основаниям. Признание ответчицей исковых требований не было отражено ни в письменном заявлении, ни в протоколе (поскольку нормами ГПК РФ это не предусмотрено). В результате истцу пришлось в полном объеме доказывать свою позицию, суд тратил время на изучение всех доказательств, судебное заседание пришлось откладывать несколько раз из-за неявки ответчицы. Очевидно, что если бы на стадии подготовки дела велся протокол, то у стороны имелась бы возможность впоследствии в случае неявки другой стороны в суд ссылаться на имеющийся протокол как на доказательство, подтверждающее ее позицию». Кроме того, отсутствие протоколирования создает невозможность заключения мирового соглашения в рамках судебной беседы. С другой стороны, отсутствие формализованности обеспечивает экономию времени и создает доверительные отношения между участниками процесса и судом.

В-третьих, ст. 152 ГПК РФ закрепляет, что в предварительном судебном заседании вправе участвовать только стороны, на судебную беседу судья может вызвать также и других участников гражданского судопроизводства. Это может привести к положительным результатам, поскольку широкий круг участников собеседования позволяет лицам, не являющимся сторонами в деле, участвовать в процессе на самых ранних этапах, что влечет наиболее быстрое и правильное разрешение дела[2].

Также следует отметить, в связи с тем, что порядок проведения судебных бесед нормативно не урегулирован, на практике они проводятся в самых разных случаях. Например, в судах общей юрисдикции города Москвы одна из стадий гражданского процесса, а именно стадия подготовки гражданского дела к судебному разбирательству, подменяется проведением судебной беседы[3]. Так, на сайтах некоторых московских судов встречаются указания в карточках дела на судебную беседу как на самостоятельную стадию гражданского процесса. Е. А. Котельникова и С. В. Братчикова приводят пример, что «на официальном сайте Чертановского районного суда г. Москвы в карточке дела встречаются указания на стадию в процессе — беседа, расположенную в разделе “Судебные заседания и беседы”». В некоторых случаях, судебные беседы проводятся не как самостоятельная стадия, а как сопроводительное действие перед предварительным судебным заседанием. В качестве примера можно привести определение о принятии заявления к производству, подготовке дела к судебному разбирательству и назначении

[1] Ткачева Н. Н. К вопросу о проведении беседы при подготовке дела к судебному разбирательству в гражданском процессе // Современное право. 2014. № 11. С. 84–87.

[2] Алексеев А. А. Собеседование как составной элемент стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству // Вестник ЮУрГУ. 2015. № 4. С. 63–68.

[3] Галузо В. Н., Канафин Н. А. О допустимости признания «беседы» в качестве стадии гражданского процесса в Российской Федерации (опыт правоприменения в судах общей юрисдикции города Москвы) // Аграрное и земельное право. 2025. № 10. С. 27–30.

предварительного судебного заседания судьей Арбитражного суда Республики Татарстан. В указанном процессуальном документе предварительное судебное заседание и собеседование обозначены как одна стадия[1].

В связи с тем, что порядок проведения судебных бесед не урегулирован законом, его результаты не получают закрепления в процессуальных документах, а единственным итогом, как правило, становится определение суда о назначении даты и времени предварительного или основного судебного заседания. Ряд авторов (Е. А. Котельникова и С. В. Братчикова) предлагают «ввести в ГПК РФ ст. 150.1 “собеседование”, в соответствии с которой был бы установлен единый порядок проведения процессуальных форм взаимодействия суда со сторонами по делу».

Подводя итог, отметим, что, несмотря на то, что судебные беседы не имеют законодательного закрепления, они способны повысить эффективность судопроизводства (например, благодаря установлению в рамках них фактических обстоятельств дела и т. д.). Видится, что нормативное закрепление понятия судебной беседы и порядка ее проведения позволит исключить правовую неопределенность рассматриваемого явления и отграничить его от похожих правовых институтов.

Сведения об авторах

Султанова Лилия Сергеевна — студентка 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Щенникова Анастасия Сергеевна — студентка 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRELIMINARY COURT HEARING AND THE COURT CONFERENCE IN THE CONTEXT OF PREPARING A CIVIL CASE FOR TRIAL

L. S. SULTANOVA, A. S. SHCHENNIKOVA
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. This article examines the judicial conversation as an element of the stage of case preparation for trial. The authors of the article distinguish between the concepts of ‘judicial conversation’ and ‘preliminary court hearing.’ In order to improve the Civil Procedure Code of the Russian Federation, it is proposed to introduce a provision that establishes the procedure for conducting judicial conversations.

Keywords: *civil process, stage of the civil process, preparation of a case for trial, conversation, preliminary court hearing.*

Проблемы идентификации личности участника судебного процесса при использовании видео-конференц-связи в гражданском судопроизводстве

Ж. А. Тингаева[2]
Межрегиональный юридический институт Саратовской государственной юридической академии, Саратов

Аннотация. На фоне развития IT-технологий наибольшую актуальность занимает проблематика идентификации личности при участии граждан в гражданском судопроизводстве с помощью механизмов видео-конференц-связи. Потенциальные трудности дистанционного участия сторон в судебном заседании создают такие угрозы, как подмена личности и нарушение принципов судебного разбирательства. Создание интегрированных мер по развитию системы идентификации личности, включая биометрические технологии и усовершенствование процессуальных гарантий, заметно исключало бы нарушения гражданских прав участников судопроизводства.

[1] Котельникова Е. А., Братчикова С. В. Необходимость процессуального статуса бесед на стадии подготовки к судебному разбирательству гражданском процессе // Оригинальные исследования. 2025. № 3. С. 92–96.

[2] Научный руководитель — Бахарева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, видео-конференц-связь, идентификация, удостоверение личности, принципы гражданского судопроизводства, цифровые технологии.*

На фоне развития IT-технологий наибольшую актуальность занимает проблематика идентификации личности при участии граждан в гражданском судопроизводстве с помощью механизмов видео-конференц-связи. Потенциальные трудности дистанционного участия сторон в судебном заседании создают такие угрозы, как подмена личности и нарушение принципов судебного разбирательства. Создание интегрированных мер по развитию системы идентификации личности, включая биометрические технологии и усовершенствование процессуальных гарантий, заметно исключало бы нарушения гражданских прав участников судопроизводства.

Видео-конференц-связь — способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами (далее — ВКС). Кардинальным и решающим этапом введения дистанционных технологий стало распространение пандемии COVID-19, когда использование ВКС стало необходимым инструментом обеспечения доступа к правосудию.

Применение ВКС при рассмотрении гражданских дел в судебном порядке подразумевает обеспечение своевременного рассмотрения дел, уменьшение судебных расходов, повышение доступности осуществления гражданских прав лиц, находящихся в отдаленных регионах, либо для тех, кто имеет ограниченные возможности, что затрудняет личное присутствие на судебном заседании. Между тем распознавание личности участника судопроизводства посредством ВКС может являться серьезной процессуальной проблемой в связи с развитием технологий, а вместе с тем возможность нарушений значительно возрастает. От достоверности установления личности зависит принцип законности судебного разбирательства и недопустимость злоупотребления процессуальными правами.

Идентификация личности участника судебного разбирательства осуществляется судом путем проверки документов, удостоверяющих личность, а также визуального сопоставления лица с представленными документами. При физическом присутствии лиц, участвующих в судопроизводстве, данный механизм работает устойчиво, так как судья лично воспринимает участника судопроизводства. Однако при использовании ВКС могут возникнуть затруднения, поскольку суд лишен возможности физического контроля, ограничено визуальное восприятие, в результате чего невозможно исключить влияние иных лиц[1].

Один из наиболее серьезных вопросов — участие в судебном заседании лица, не имеющего соответствующих полномочий. Особую угрозу представляют технологии, позволяющие имитировать изображение и звук (deepfake)[2]. Согласно исследованиям в области цифровой криминалистики, современные нейросети способны генерировать реалистичное видео с подменой лица в реальном времени. Отсутствие в судебной системе программно-аппаратных средств выявления таких подмен делает суды уязвимыми для злоупотреблений. В связи с этим требуется не только организационная, но и техническая защита каналов связи. Современные цифровые технологии делают визуальную подмену личности технически осуществимой даже без высокого уровня подготовки.

На практике используются различные способы идентификации, например, предоставление документа, подтверждающего личность в камеру, возможная авторизация через государственные порталы либо же подтверждение сотрудника другого суда. Такая разобщенность приводит к неодинаковой судебной практике и снижает уровень процессуальных гарантий[3].

В результате суд не может достоверно устанавливать факты личностного нахождения участника, получает ли он подсказки от третьих лиц, находится ли участник под влиянием или давлением посторонних. При участии лиц, находящихся за пределами государства, могут возникнуть дополнительные трудности в невозможности проверки оригиналов документов или отсутствие взаимодействия судебных систем разных стран.

Таким образом недостаточная идентификация приводит к несоблюдению принципов гражданского судопроизводства, а именно принципа законности, непосредственности исследования доказательств, достоверности показаний, равенства сторон и права на справедливое судебное разбирательство. Нарушение принципов не только нарушает права граждан, но и напрямую предполагает нарушения российского законодательства. Именно поэтому ошибочная идентификация является основанием для отмены судебного решения[4].

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2023 № 88-19876/2023 // СПС «Гарант».

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[3] Сулейманов Т. А. Идентификация личности в дистанционном судопроизводстве: проблемы и перспективы // Информационное право. 2023. № 4. С. 33–39.

[4] О Единой биометрической системе : Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 30.

Анализируя выявленные пробелы в законодательстве, можно прийти к выводу, что особую актуальность имело бы создание единой государственной системы судебной идентификации. В Российской Федерации уже функционирует Единая биометрическая система (ЕБС), оператором которой является «Центр биометрических технологий». Использование ЕБС для подтверждения личности участников судебных заседаний позволило бы обеспечить унифицированный и юридически значимый способ идентификации, сопоставимый с личной явкой. Целесообразно также закрепить в процессуальном законодательстве возможность суда запрашивать подтверждение личности через ЕСИА с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи либо биометрических данных. Возможность внедрения специализированной цифровой платформы судебного участия, которая предусматривает обязательную авторизацию через государственную систему идентификации, а также подтвержденную учетную запись, позволило бы предупредить такого рода нарушения и давало бы возможность точно идентифицировать личность, исходя из уникальных данных человека (распознавания лица, голосовой биометрии, сетчатка радужки глаза.) Именно эти данные позволят исключить подмену лица. Следует отметить, что эффективность технологий напрямую зависит от компетенции и подготовки судей по вопросам цифровой безопасности, выявления признаков подмены личности.

Использование ВКС является обязательным и важным этапом развития современного гражданского судопроизводства. Судебная практика уже идет по пути признания нарушений порядка идентификации в качестве существенных нарушений норм процессуального права. Так, в ряде определений судов апелляционной и кассационной инстанций отмена судебных актов была связана с тем, что суд первой инстанции не проверил личность участника, явившегося по ВКС, либо в материалах дела отсутствовали сведения о надлежащем установлении его личности[1]. Включение в ГПК РФ прямого указания на такое основание для отмены решения будет способствовать единообразию практики.

Проблема идентификации личности участников судебного разбирательства приобретает системный характер и требует нормативного решения. Только лишь реализация усовершенствованной системы цифровой идентификации позволит обеспечить устойчивость между доступностью правосудия и достоверностью судебного разбирательства. Совершенствование механизмов дистанционного участия должно быть направлено не на замену всем привычного, традиционного правосудия, а на формирование безопасной и надежной цифровой судебной среды в сфере юриспруденции.

Сведения об авторе

Тингаева Жанна Александровна — Студент Межрегионального юридического института ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов, Россия

PROBLEMS OF IDENTIFYING A PARTICIPANT IN A TRIAL USING VIDEO CONFERENCING IN CIVIL PROCEEDINGS

Z. A. TINGAEVA

Abstract. Against the background of the development of IT technologies, the problem of identity identification in the participation of citizens in civil proceedings using video-conference mechanisms is of the greatest relevance. The potential difficulties of remote participation of the parties in the court session create such threats as identity substitution and violation of the principles of the trial. The creation of integrated measures for the development of the identity system, including biometric technologies and the improvement of procedural guarantees, would significantly exclude violations of the civil rights of participants in the proceedings.

Keywords: *civil proceedings, video conferencing, identification, identification documents, principles of civil proceedings, and digital technologies.*

[1] Сулейманов Т. А. Указ. соч.

Право собственности некоммерческих организаций: актуальные аспекты и векторы развития

А. И. Толмачева[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируются особенности правового режима имущества некоммерческих организаций в Российской Федерации с учетом актуального законодательства на 2026 г. Рассматривается специфика реализации полномочий собственника в условиях специальной правоспособности НКО. Особое внимание уделяется целевому характеру использования имущества, ограничениям на распоряжение им, а также процедурам распределения имущества при ликвидации некоммерческих организаций. На основе анализа диссертационных исследований 2025–2026 гг. предложено внедрение механизма «имущественной связанности» для предотвращения скрытого распределения прибыли.

Ключевые слова: *некоммерческие организации, право собственности, целевое использование имущества, ликвидация некоммерческой организации, специальная правоспособность, приносящая доход деятельность.*

На 2026 г. некоммерческий сектор России претерпел значительную трансформацию, обусловленную цифровизацией учета активов и усилением государственного контроля за целевым расходованием средств. Институт права собственности НКО остается одним из самых дискуссионных в частном праве из-за противоречия между абсолютным характером права собственности и нормативно установленными ограничениями на распоряжение имуществом. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов защиты имущественной базы социально ориентированных некоммерческих организаций, которые играют ключевую роль в реализации социальных, образовательных, культурных и благотворительных проектов.

Правовой режим собственности НКО в 2026 г. базируется на многоуровневой системе нормативно-правовых актов. Основополагающее значение имеет Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности ст. 123.1–123.28, закрепляющие принцип отсутствия права собственности учредителей на имущество созданных ими корпоративных и унитарных НКО[2]. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7ФЗ «О некоммерческих организациях» продолжает действовать в части, не противоречащей ГК РФ, устанавливая жесткие требования к публичной отчетности об имущественном положении некоммерческих организаций[3]. Кроме того, Федеральный закон от 14.07.2022 № 255ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» накладывает существенные ограничения на распоряжение имуществом для организаций со статусом «иностранного агента», что усиливает контроль за трансграничными финансовыми потоками и целевым использованием активов[4].

Судебная практика также играет важную роль в формировании подходов к регулированию права собственности НКО. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 и актуальные обзоры практики Верховного Суда РФ за 2024–2025 гг. по спорам об изъятии имущества при нецелевом использовании демонстрируют тенденцию к ужесточению требований к некоммерческим организациям[5]. Сделки НКО, не приносящие очевидной пользы уставным целям, признаются ничтожными как совершенные в обход закона, что создает прецеденты для более строгого контроля за распоряжением имуществом некоммерческих организаций и минимизации рисков его нецелевого использования. Подтверждением данной точки зрения является определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 № 2929-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации “Кстовская академия самбо” на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 20 Федерального закона “О некоммерческих организациях”», где подчеркивается важность

[1] Научный руководитель — Останина Елена Александровна, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института права Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от 15.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7ФЗ «О некоммерческих организациях».

[4] Федеральный закон от 14.07.2022 № 255ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (с изм. и доп. от 2025 г.).

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2025.

использования имущества некоммерческих организаций в целях, направленных на общественное благо, а в случае невозможности такой цели оно должно перейти в распоряжение государства[1].

В отличие от коммерческих организаций право собственности некоммерческих организаций обременено целевым характером, что накладывает ряд ограничений на реализацию полномочий собственника. Во-первых, владение и пользование имуществом НКО ограничены пределами их специальной правоспособности. Имущество, приобретенное за счет целевых взносов, не может быть использовано для личных нужд управленческого аппарата или иных целей, не предусмотренных уставом. Во-вторых, распоряжение имуществом некоммерческих организаций в 2026 г. проходит через усиленный фильтр «разумности и целесообразности». Минюст РФ, используя технологии блокчейн-мониторинга, отслеживает каждую транзакцию НКО, что фактически лишает организации возможности действовать по принципу «самоуправства». Это кардинально меняет классическое понимание права собственности применительно к НКО: оно перестает быть абсолютным и трансформируется в право управления ресурсом ради общественной пользы.

Остро стоит проблема «скрытого распределения прибыли» через выплату завышенных премий руководству или закупку услуг у аффилированных лиц по завышенным ценам, что де-факто опустошает собственность организации. Кроме того, сложности вызывает разграничение предпринимательской деятельности и приносящей доход деятельности НКО. Согласно п. 2 ст. 24 ФЗ «О некоммерческих организациях» приносящая доход деятельность допустима, если она служит достижению целей, ради которых создана организация, и соответствует указанным целям. Однако на практике грань между этими видами деятельности размыта, что создает риски злоупотреблений.

Согласно ст. 63 ГК РФ и профильному законодательству, имущество некоммерческих организаций, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, не распределяется между участниками, а направляется на уставные цели или в доход государства. Однако механизм реализации этого положения требует совершенствования, поскольку недобросовестные учредители могут использовать различные схемы для вывода активов перед ликвидацией. Для решения выявленных проблем представляется необходимым внедрение нового правового механизма — концепции «имущественной связанности» (asset lock), предложенной в диссертационном исследовании А. В. Смирнова «Трансформация имущественной базы некоммерческих организаций в условиях цифровой экономики». Данная концепция полностью соответствует тенденциям развития законодательства и потребностям практики, поскольку учитывает возможности современных технологий контроля и необходимость повышения социальной ответственности некоммерческих организаций[2].

В целях практической реализации концепции «имущественной связанности» целесообразно внести изменения в ст. 213 ГК РФ, закрепив следующие положения:

1. Обязательное обособление активов. Имущество НКО, полученное из публичных источников (гранты, субсидии, целевые пожертвования), должно иметь статус «связанного капитала». Отчуждение такого имущества допускается только по согласованию с попечительским советом организации либо с уполномоченным надзорным органом, например Минюстом РФ. Это позволит предотвратить ситуации, когда средства, выделенные на конкретные социальные проекты, используются не по назначению.

2. Запрет на косвенное распределение прибыли. Установление предельного процента, например, не более 20 % от доходов, полученных от приносящей доход деятельности, который может быть направлен на административные расходы: заработная плата управленческого персонала, аренда офисных помещений. Остальная часть прибыли должна реинвестироваться в уставную деятельность некоммерческой организации. Такой подход минимизирует риски использования НКО в качестве инструмента для перераспределения средств в пользу учредителей или аффилированных лиц.

Обоснование данных предложений связано с развитием цифровых технологий контроля за финансовыми потоками. В 2026 г. Минюст РФ активно использует блокчейн-мониторинг для отслеживания транзакций некоммерческих организаций, что позволяет обеспечить беспрецедентную прозрачность их деятельности. Юридическое закрепление концепции «имущественной связанности» в сочетании с цифровыми инструментами контроля создаст надежный механизм защиты активов НКО и повысит доверие со стороны государства и общества. Это особенно важно для предотвращения ситуаций, когда некоммерческая организация создается не для реализации обще-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 31 октября 2023 г. № 2929-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации “Кстовская академия самбо” на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 20 Федерального закона “О некоммерческих организациях”».

[2] Смирнов А. В. Трансформация имущественной базы некоммерческих организаций в условиях цифровой экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 210 с.

ственно полезных целей, а как «оболочка» для владения недвижимостью или управления капиталом в интересах узкой группы лиц. Кроме того, внедрение концепции «имущественной связанности» будет способствовать укреплению социальной ответственности НКО. Прозрачность использования имущества и четкое разграничение между целевым капиталом и административными расходами позволят организациям более эффективно выполнять свою миссию, демонстрируя обществу и контролирующим органам, что их деятельность действительно направлена на достижение общественно значимых результатов. Правовое закрепление этого принципа станет логичным шагом, который усилит доверие общества к некоммерческому сектору.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что право собственности некоммерческих организаций в настоящее время перестает быть «абсолютной властью» над вещью и трансформируется в право управления ресурсом ради общественной пользы. Совершенствование законодательства должно идти по пути четкого разграничения личного имущества учредителей и целевого капитала организации, а также внедрения механизмов контроля за распоряжением активами. Реализация предложенных мер позволит не только защитить имущественную базу некоммерческих организаций от злоупотреблений, но и повысить их роль в развитии гражданского общества, обеспечивая устойчивое финансирование социально значимых проектов.

Сведения об авторе

Толмачева Анна Ильинична — студент 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

PROPERTY RIGHTS OF NONPROFIT ORGANIZATIONS: CURRENT ASPECTS AND DEVELOPMENT VECTORS

A. I. TOLMACHEVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article analyses the features of the legal regime of property belonging to nonprofit organizations (NPOs) in the Russian Federation, taking into account the current legislation as of 2026. The specifics of exercising ownership rights under the conditions of the special legal capacity of NPOs are examined. Particular attention is paid to the targeted nature of property use, restrictions on its disposal, and the procedures for distributing assets upon the liquidation of nonprofit organizations. Based on an analysis of dissertation research from 2025–2026, the introduction of an “asset lock” mechanism is proposed to prevent the hidden distribution of profits.

Keywords: *nonprofit organizations, property rights, targeted use of property, liquidation of a nonprofit organization, special legal capacity, revenuegenerating activities.*

К вопросу о добросовестности сторон при дистанционном заключении кредитного договора

В. В. Урдабаева[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена проблеме признания недействительными кредитных договоров, заключенных дистанционно под влиянием третьих лиц. Анализируется дисбаланс судебной практики, где принцип добросовестности заемщика подменяется формальной защитой «слабой стороны» в ущерб кредитным организациям.

Ключевые слова: *добросовестность, дистанционное банковское обслуживание, порок воли, недействительность кредитного договора.*

Принцип добросовестности — один из основополагающих принципов гражданского права. Добросовестность участников сделки выступает в качестве довольно значимого критерия в банков-

[1] Научный руководитель — Новокшонова Нина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ской деятельности, в том числе при определении поведения сторон и решении споров, связанных с предоставлением услуг потребительского кредитования.

С развитием технологий динамично развивается и рынок банковского кредитования. Особое внимание следует уделить дистанционному банковскому обслуживанию (далее — ДБО). Перед оказанием услуги практически каждый банк заключает с клиентом договор банковского обслуживания. ДБО в свою очередь предоставляет возможность банку и клиенту совершать сделку на расстоянии и дистанционно при помощи сети Интернет. Одно из ключевых преимуществ и вместе с тем существенных недостатков действия ДБО — это легкодоступность и скорость оформления кредитных продуктов[1]. Вместе с удобством и комфортом получения заемщиком денежных средств возрастает риск оформления заявок на кредитные продукты со стороны третьих лиц с преступным умыслом. Стоит отметить, что количество случаев, когда заемщики становятся жертвами мошенников, возрастает. Участились случаи признания заключенных дистанционных кредитных договоров недействительными, однако зачастую заемщик попадает под действие мошеннической схемы вследствие собственной неосмотрительности и легкомыслия. Не желая брать на себя кабальное обязательство, оформленное под чужим руководством, он в судебном порядке признает такой кредитный договор недействительным. Автор полагает, что в указанных действиях стороны сделки явно прослеживается недобросовестное поведение, и находит довольно странным удовлетворение судом подобных заявлений без должной доказательной базы. Как следствие, растет количество невозвратных кредитов, а нагрузка, в первую очередь, падает на добросовестных заемщиков.

Изложенную позицию отчасти подтверждают данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[2]. При анализе количества поступивших исковых заявлений в суды был взят отчетный период с 2020 г. по 1-й семестр 2025 г.

Как видно из приложенной табл. 1, с каждым годом наблюдается тенденция к увеличению количества исков и судебных приказов о взыскании просроченной задолженности. В расчете не указаны заявления, оставленные без рассмотрения, в отношении которых производство прекращено или передано по подсудности. Стабильно ежегодно сохраняется следующий рейтинг размера заявленных требований: преимущественно заявляются требования о взыскании до 50 тыс. руб., скорее всего — просроченные проценты, а не основной долг или довзыскание или взыскание после отмены судебного приказа.

Статистика за 2024 г. отражает резкий скачок обращений в суд по указанной категории дел. Это связано прежде всего с экономическим кризисом, во время которого граждане пытались перекредитовать свои долги, увеличивая количество взятых микрозаймов. В связи с последним возросло количество заявлений от микрофинансовых организаций.

Указанные цифры отражают колоссальный объем работы, с которым сталкиваются в своей работе судьи. За неимением у судей достаточного количества времени на отписку каждого судебного акта и возможности полноценно погрузиться в каждое дело на практике решения выходят сухими и слабо мотивированными. Суд склоняется к перечислению норм материального права, а затем делает итоговый вывод, опираясь на позицию, «спущенную» высшей инстанцией. Таким образом, причинно-следственная связь нормы и действия, а как следствие, оценки этого действия — отсутствует. Даже после призванного снизить нагрузку увеличения государственных пошлин для обра-

[1] Михеева И. Е. Принцип добросовестности в банковской деятельности // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 11. С. 81–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.081-095

[2] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Судебная статистика Верховного Суда России. URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/ Дата обращения: 15.04.2026.

Таблица 1

Параметр	2020	2021	2022	2023	2024	1 сем. 2025
Поступило заявлений	9 006 630	9 171353	11 449 932	13 661 536	29 293 839	5 972 381
Сумма заявленных требований	4 850 967 312 753	1 511 301 753 916	1 168 648 109 038	1 423 545 043	1 119 330 319 969	606 659 129 528
Рассмотрено из них:	8 852 834	8 990 154	11 257 077	13 46S 380	15 036 072	5 867 358
удовлетворено полностью	8 785 287	8 877 516	11 11S 495	13 306 790	14 867 187	5 797 913
Частично	142 712	147 600	129 917	118 659	741 283	47 258
Вынесен СП	8 183 540	8 022 440	10 206 401	12 343 715	24 496 459	5 495 123
Отказано	67 547	112 638	138 5S2	161 590	168 8S5	69 445

щения в суд в 2024 г. не наблюдается повышения качества выносимых судебных актов.

Опираясь на одни и те же нормы, судьи выносят совершенно разные решения, однако ключевым всё еще остается принцип добросовестности поведения сторон. Полагается, что именно от него стоит отталкиваться при вынесении вердикта.

Во-первых, основным фактором признания добросовестного поведения является волеизъявление стороны на заключение сделки. Связь добросовестности и волеизъявления неразрывна. Сформировав убеждение и намерение на заключение договора, волю на создание правовых последствий, сторона берет на себя обязательство действовать разумно и не причинять вред другой стороне — в этом выражается добросовестность, выступающая своего рода фильтром. Волеизъявление же — это внешняя форма, которая позволяет стороне это убеждение выразить, как словами, так и действиями.

Волеизъявление при оформлении кредитного договора может быть выражено в совершении поступательных действий, свидетельствующих о его намерении оформить кредитный продукт и взять на себя долговое обязательство. Например[1], если гражданин, оказавшись на одной телефонной линии с мошенником, совершает ряд логически обоснованных, последовательных действий, в числе которых ввод пароля в личный кабинет онлайн-приложения банка, оформление заявки на кредит, сообщение подтверждающего СМС-кода третьему лицу, покупка нового телефона и сим-карты для оформления еще одного кредитного продукта, то будут ли здесь применимы положения закона о недействительности сделки из-за порока воли? Заемщик, располагая информацией, доступной только ему и будучи осведомленным о совершаемых операциях, разглашает ее третьим лицам. Каким образом кредитная организация должна понять, что данная операция была мошеннической, а сам клиент вовсе не желал оформления кредита?

Добросовестность участников сделки подразумевается согласно ст. 10 Гражданского кодекса России (далее — ГК РФ). Банк производит ознакомление клиента с общими условиями кредитования, индивидуальными условиями кредитования, графиком платежей и тарифами, а клиент, в свою очередь, акцептует предлагаемые условия путем совершения простой электронной подписи. Документы, подписанные простой электронной подписью, эквивалентны документами на бумажном носителе, что закрепляется положениями Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Соответственно, не было обмана как намеренного умолчания об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Тот факт, что банк знал или должен был знать о предстоящем обмане, ничем со стороны истца не подтверждается, доказательств в пользу этого довода не приводится. А потому ссылка, основополагающая в такой категории споров, на недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана по ст. 179 ГК РФ, является, по мнению автора, несостоятельной.

Во-вторых, после волеизъявления стороны на заключение кредитного договора банк обязан эту волеизъявление проверить. В этом выражается фактор должной осмотрительности кредитной организации. Проверка финансовых операций на предмет мошеннических действий производится в соответствии с приказом Банка России от 5 ноября 2025 г. № ОД-2506[2]. Этот приказ содержит перечень признаков мошеннических операций. Убедившись в намерении клиента принять кредитное обязательство и должным образом его идентифицировав, банк перечисляет ему деньги, исполняя свою часть договора. Как клиент распоряжается выданными ему средствами и кому он их переводит, если этот перевод не попадает во внимание Росфинмониторинга или сомнительных операций по перечню ЦБ РФ, — явно не зона ответственности банка. Тем не менее суды, не разобравшись, могут встать на сторону недобросовестного заемщика, нарушив интересы банка с отсылкой на то, что он, как профессиональный участник финансового рынка, должен был предусмотреть все негативные варианты исхода событий. Встречается правоприменительная практика[3], в соответствии с которой заемщик сначала оформил кредит в «Сбербанке», затем перевел полученные денежные средства на свой счет в «Т-Банке», а оттуда на счета неустановленных третьих лиц. Суд обязал «Сбербанк» признать кредитные договоры недействительными, отметив неосмотрительное поведение банка и отсутствие подозрений при переводе средств. Такой подход кажется автору довольно абсурдным, учитывая, что недобросовестный заемщик перевел деньги мошенникам через свой счет в «Т-Банке».

[1] Решение Абаканского городского суда Республики Хакасии от 4 ноября 2024 г. по делу № 2-6472/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gizGJx5dxsVw/ Дата обращения: 15.04.2026.

[2] Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 г. № ОД-1027» // Официальный сайт Банка России. URL: www.cbr.ru Дата обращения: 15.04.2026.

[3] Решение Ленинского районного суда г. Барнаула от 11 июля 2024 г. по делу № 2-786/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/X1RcnePhLM6M/ Дата обращения: 15.04.2026.

К. П. Грицианова отмечает[1], что судебная практика смещает баланс в пользу потребителя, что, несомненно, вызывает опасения в связи с отступлением от конституционных принципов, в том числе презумпции добросовестности. Подобный подход легитимирует противоправные действия.

Ж. И. Седова напротив полагает[2], что бремя доказывания отсутствия волеизъявления должно возлечь на кредитную организацию как профессионального участника рынка, а не на слабую сторону — заемщика. Формальным, по мнению автора, соблюдением формы договора банк игнорирует порок воли заемщика, злоупотребляя правом.

К такой позиции склоняется[3] и А. С. Полякова, считая, что для обеспечения равенства требуется соразмерное ограничение свободы договора для банков, что свидетельствует о нарушении интересов сторон.

Видится возможным в исследуемой области применять двустороннюю реституцию. Заемщик возвращает кредитной организации сумму кредита, а банк, в свою очередь, уплаченную сумму основного долга с процентами. Причем со стороны недобросовестного заемщика наблюдается неосновательное обогащение. Если заемщик пользовался деньгами банка до момента признания договора недействительным, он должен компенсировать банку стоимость этого пользования, даже если договор недействителен. В понимании автора эта конструкция будет выглядеть следующим образом: применяется сальдо встречных обязательств. Банк делает зачет уже уплаченной суммы заемщиком, но помимо оставшегося долга заемщик обязан будет возвратить банку проценты за пользование первоначальной суммой кредита.

Наблюдая повсеместное распространение предупреждений о мошеннических схемах, о недопустимости разглашения кодов доступа, сложно представить еще большую работу по повышению уровня финансовой и правовой грамотности населения. Вероятно, только увеличение количества запретов на онлайн-операции и ужесточение правил пользования дистанционными каналами обслуживания, равно как и экономические санкции, позволят снизить долю невозвратных кредитов и недобросовестного поведения заемщиков.

Сведения об авторе

Урдабаева Влада Валерьевна — магистрант института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ON THE GOOD FAITH OF THE PARTIES IN THE REMOTE CONCLUSION OF A LOAN AGREEMENT

V. V. URDABAEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article is devoted to the problem of invalidating credit agreements concluded remotely under the influence of third parties. The imbalance in judicial practice is analyzed, where the principle of the borrower's good faith is replaced by the formal protection of the "weak party" to the detriment of credit institutions.

Keywords: *good faith, remote banking, lack of will, and invalidity of the loan agreement.*

[1] Грицианова К. П. Особенности признания кредитного договора недействительным при выявлении случаев мошенничества // Современная правовая система России: наследие победы и взгляд в будущее : сб. тез. докл. по материалам 4.1 Саратовского юридического форума. Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2025. С. 113–117. EDN BPOEFK.

[2] Седова Ж. И. Недопустимость злоупотребления цифровыми технологиями как вид отрицания недобросовестного поведения в праве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 2. С. 297–304.

[3] Полякова А. С. Кредитные потребительские договоры, заключенные посредством мошеннических схем: проблематика функционирования цивилистических механизмов, направленных на защиту прав добросовестной стороны сделки // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 208–217.

Ограничения абсолютного права собственности в отношении земли в Российской Федерации и США

М. И. Филатов, А. С. Хайков[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Исследуется проблема ограничений абсолютного права собственности на землю в правовых системах Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Анализируются теоретические основы права собственности на землю, а также публично-правовые механизмы его ограничения, обусловленные необходимостью обеспечения общественных интересов, экологической безопасности, рационального землепользования и территориального развития. Особое внимание уделяется судебной практики РФ и США, раскрывающей пределы осуществления правомочий собственника. В статье выявляются сходства и различия в подходах к допустимости ограничений, роли государства и балансу частных и публичных интересов.

Ключевые слова: *право собственности на землю, частная собственность, земельные правоотношения, приобретение земельных участков, сравнительное правоведение, земельное право РФ, земельное право США, публичные и частные интересы, ограничения права собственности, абсолютность права собственности.*

Возможность приобретения государственной земли в частную собственность — вопрос, затрагивающий основы земельных отношений, историю освоения территорий и современную социально-экономическую политику. В США и России эти процессы развивались в разных историко-правовых контекстах, что привело к формированию двух существенно отличающихся систем.

Так, в американской правовой системе США нет понятия «вещное право». Все вещные права приравниваются к праву собственности и считаются лишь его разновидностями. В США существует две больших группы собственности: реальные (аналог недвижимого имущества в РФ) и персональные (аналогичны движимому имуществу в РФ)[2]. К реальному имуществу можно отнести право на земельные участки и объекты, существенно связанные с ними и не отделенные от него, например сооружения, недра под участками и воздушное пространство до «разумной высоты» над участками. Так называемые «персональные движимости» могут быть вещами во владении, то есть материальными, вещественными объектами и вещами в требовании, к числу которых относят «бестелесные объекты» (денежные требования). В США юридическое понятие собственности является тождественным понятию права собственности. Более глубокий и всесторонний анализ данных понятий о собственности и праве собственности показывает, что собственность и право собственности базируются на совокупности правомочий, признаваемых и принудительно осуществляемых в обществе. Действительно, даже название вещных прав на недвижимость — estate — переводится как «имение», т. е. объект вещного права, что подчеркивает смешение права и объекта этого права. Как пишет Э. Дженкс, «знаменитое разделение на собственность real и personal представляет собой, может быть, самый характерный пример смешения между правом собственности и его объектом». Именно на этом основано такое понятие, как freehold land, означающее «право свободного держания земли» или бессрочную аренду земли. Более того, в Англии и США, в отличие от стран континентальной Европы, доминирует представление о том, что одно право вообще способно быть объектом другого права («право на право»). Здесь широко оперируют понятием property, которое означает право на любое имущественное право, отделенное от личности[3].

В российской правовой системе, в свою очередь, развитие этого элемента пошло немного другим путем. Вещное право в России — это субъективное гражданское право, которое дает его обладателю возможность непосредственно владеть, пользоваться и распоряжаться индивидуально-определенной вещью в своих интересах. Оно регулируется нормами гражданского права,

[1] Научный руководитель — Талевлин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[2] Корякин В. М. Гражданское и торговое право зарубежные стран (курс лекций в схемах) : учебное пособие // Юридический институт МИИТ. М., 2011. С. 79–80.

[3] Мысовских С. А. Дефиниция недвижимого имущества: опыт зарубежных государств // Актуальные тенденции развития современного общества, экономики, культуры : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Белгород : АПНИ, 2022. С. 25–32.

преимущественно разделом II Гражданского кодекса РФ («Право собственности и другие вещные права»). В научной литературе закрепилась следующая классификация вещных прав, подразделяющая их на право собственности, и ограниченные вещные права, такие как сервитут, залог, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования.

Основным вещным правом является право собственности, отличительной чертой которого является его абсолютность, раскрывающаяся в монопольном господстве собственника над вещью, включающее владение, пользование и распоряжение.

Ограниченные вещные права стали возникать по мере усложнения общественных и экономических отношений. Как указывает А. О. Рыбалов: «Если говорить о более значимых объектах гражданских прав (и прежде всего, конечно, о земле), то в ходе многовекового развития право пришло к выводу, что одного права собственности как инструмента закрепления принадлежности вещи недостаточно, такой подход возможен только в архаичном укладе. Развитие хозяйственной жизни общества приводит к необходимости усложнения механизма закрепления принадлежности вещи, к возможности перераспределения власти над вещью между разными центрами власти». Исходя из динамичного развития хозяйственной деятельности объективно требуется более сложный механизм закрепления прав на имущество, чем абсолютное право собственности. Это порождает необходимость распределения властных полномочий в отношении вещи между различными субъектами[1].

Этот тезис наглядно демонстрирует классический пример из истории хозяйства. По мере развития экономической жизни нередко происходило сосредоточение земельных владений в руках крупных собственников. Однако параллельно возникала и другая проблема — дефицит рабочей силы, необходимой для обработки обширных угодий. В результате собственник зачастую не имел возможности полноценно использовать принадлежащие ему земли.

Сложившаяся ситуация порождала противоречие:

– с одной стороны, значительные участки оставались необработанными и, следовательно, не приносили дохода;

– с другой — собственник не мог или не хотел отчуждать землю. Причины этого были различны: земля служила важнейшим показателем социального статуса — ее количество напрямую определяло «вес» владельца в обществе, продажа могла оказаться экономически нецелесообразной из-за постоянного роста стоимости земельных ресурсов и т. д.

Таким образом, абсолютное вещное право может распространяться на движимые вещи или же на небольшие объекты недвижимости. На такие объекты, как земля, исходя из рационального принципа использования столь значимого для общества имущества, данное абсолютное право ограничивается.

Концепция абсолютного, ничем не ограниченного права собственности на землю — скорее теоретический идеал, чем правовая реальность. В современных государствах это право всегда находится в балансе с публичными интересами: экологией, градостроительством, безопасностью. Однако степень этого баланса и сам подход к собственности кардинально разнятся в России и США, что ярко проявляется как в сути правомочий владельца, так и в процессе приобретения земли.

Проанализировать содержание права собственности на землю по законодательству США представляется довольно трудным в силу того, что, как и в английском общем праве, объем прав лица на землю здесь определяется его титулом или статусом (estate), который не всегда и не во всём соответствует пониманию права собственности или ограниченного вещного права в континентальной системе.

В РФ и США нет единого подхода к определению и законодательному закреплению понятия права собственности на землю. Также можно отметить, что в Америке отношения собственности на землю в большем объеме регулируются отдельными штатами, тогда как в России право собственности регулируется именно на федеральном уровне. В ведении субъектов РФ находятся полномочия по использованию и охране земель, которые связаны с определением земель, которые находятся в собственности субъекта РФ, порядок предоставления земельного участка в пользование, установление максимальных размеров предоставления земельных участков в собственность граждан и другие. Можно заметить, что все они не связаны с правом собственности. Правотворчество субъектов направлено на закрепление своих особенностей в земельном регулировании в связи с особым историческим развитием, что трудно предусмотреть на уровне федерации, так как все субъекты отличны друг от друга.

В США модель построения общественных отношений направлена на преимущество негосударственных форм собственности. В связи с этим в государственной собственности находится лишь незначительная доля земель. В основном это земли, занятые национальными парками, пустынями и тундрами, а также пастбищные и лесные угодья

[1] Рыбалов А. О. О соотношении абсолютных и вещных прав // Zakon.ru. 07.02.2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/2/7/o_sootnoshenii_absolyutnyh_i_veschnyh_prav. 2023.

в малонаселенных регионах западной части США и в штате Аляска. Тем самым в США схожая с РФ структура государственной собственности на землю: федеральная, собственность штатов и местных органов власти. Что касается права собственности на земельные участки иностранных граждан, то они могут иметь земельные участки в частной собственности, как и граждане Америки. В США установлен национальный режим для иностранных граждан, лиц без гражданства. Ограничений для определенных земельных участков, как для иностранных граждан в РФ, не предусмотрено.

В теории права собственности ключевое значение имеет понимание собственности не только как юридической конструкции, но и как особой формы общественных отношений. Так, Б. В. Ерофеев указывает, что «собственность — это определенный вид общественных отношений, выражающийся в том, что одни лица свободно господствуют над тем или иным объектом и вмешательство в это господство иных лиц не допускается». Данное определение отражает социально-правовую природу собственности и подчеркивает ее фундаментальную функцию — обеспечение устойчивого и признанного государством господства лица над объектом[1].

Б. В. Ерофеев, как и большинство авторов, понимает под правом собственности физических лиц на землю базовую триаду правомочий: граждане вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами.

Применительно к земельным отношениям указанное ранее положение приобретает особое значение, поскольку земля выступает не только объектом гражданского оборота, но и пространственной, природной и экономической основой существования общества и государства. В этой связи право собственности на землю в Российской Федерации формируется как результат сложного взаимодействия частных интересов собственника и публичных интересов общества, что находит отражение в конституционных и отраслевых нормах.

В рамках конституционных основ регулирования земельных отношений в Российской Федерации принципиальное значение имеет положение ч. 2 ст. 36 Конституции РФ. Данная норма закрепляет триаду правомочий собственника — владение, пользование и распоряжение землей и иными природными ресурсами — с указанием на их осуществление свободно.

При этом конституционный принцип свободы хозяйствования на земле не предполагает неограниченности правомочий собственника. Законодатель вводит два существенных ограничительных условия, сохраняющих баланс между интересами собственника и публичными интересами:

— Недопустимость причинения ущерба окружающей среде, а также нарушения законных интересов иных лиц при реализации собственником своих правомочий.

— Регламентация условий и порядка пользования землей посредством федерального законодательства, которое определяет допустимые способы свободной реализации собственником своих прав.

Кроме того, системное толкование конституционных норм позволяет выделить дополнительное базовое требование к пользованию земельными ресурсами. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Конституции РФ общим принципом землепользования выступает рациональная организация территории и обеспечение защиты земли от деструктивных процессов. Данная норма задает экологическую направленность регулирования земельных отношений с целью сохранности природной среды. Накладываемые ограничения также подчеркивают публично-правовой характер землепользования в Российской Федерации.

Обращаясь к судебной практике, затрагивающей абсолютность права собственности, можно отметить Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «по делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой»[2], в котором Конституционный Суд указал на конституционные гарантии охраны неприкосновенности частной собственности как в гражданско-правовой сфере, так и в отношениях между государством и личностью. Однако право частной собственности не может являться абсолютным и может быть ограничено федеральными законами, если того требует защита конституционных ценностей, в том числе защита прав и свобод других лиц, как это вытекает из положений ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с иными ее нормами, в частности ст. 17 (ч. 3) и 19 (ч. 1 и 2). При этом не допускается произвольное вмешательство государства в частную собственность других лиц, что отвечает требованиям справедливости, разумности и соразмерности.

Право собственности в США раскрывается через доктрину, рассматривающую его как «связку прутьев» (bundle of sticks). В данной «связке» каждый «прут» символизирует определенное правомочие собственника[3]:

[1] Ерофеев Б. В. Земельное право : учеб. для сред. проф. образования /под науч. ред. Л. Б. Братковской. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 148–154.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой».

[3] Жунусов Д. Д. Способы защиты земельных прав в США // Актуальные исследования. 2025. № 18 (253). Ч.

– право пользования (right to use);

– владельческие правомочия, включающие: право владения (right to possess); право удаления из пределов владения (right to exclude others);

– право распоряжения (right to alienate);

– другие.

В США наличие даже одного из правомочий у лица позволит определить его в качестве собственника и отличить от иных лиц. Наличие же совокупности будет свидетельствовать о максимально полном имущественном титуле. Данная структура соответствует классической триаде правомочий собственника, заложенной во многих странах, в том числе в России. Однако здесь имеются и свои отличия. Поскольку право собственности в США не имеет абсолютного характера, на что указывает и судебная практика, собственником имущества при определенных условиях может быть лицо и не обладающее совокупностью правомочий, указанных выше. Соответственно возможность защиты права собственности не зависит от наличия всех титулов.

Так, Верховный суд Нью-Джерси[1] в своем решении сказал, что право мужчины, являющегося владельцем фермы, на территорию которой по его мнению проникли два работника службы по борьбе с бедностью, на свою недвижимость, конечно, не абсолютное. Максима общего права заключалась в том, что человек должен использовать свою собственность таким образом, чтобы не наносить ущерба правам других. Суд отметил, что, конечно, эта максима вряд ли является точным растворителем реальных разногласий, она выражает неизбежное утверждение о том, что права относительны и при их встрече должно быть приспособление. Поэтому необходимость, частная или государственная, может оправдать проникновение на земли другого человека. Кроме этого в этом решении говорится, что, как указано в 5 Пауэлле, Недвижимость (Рохан 1970) § 745, пп. 493–494, в то время как общество будет защищать собственника в его допустимых интересах на земле, однако такой владелец должен рассчитывать на то, что абсолютность его прав собственности будет ограничена органами общества для продвижения наилучших интересов других лиц, для которых эти органы также действуют в качестве защитных органов. Необходимость таких сокращений в современном индустриальном и урбанизированном обществе выше, чем в относительно простом американском обществе 50, 100 или 200 лет назад. Текущий баланс между индивидуализмом и доминированием социальных интересов зависит не только от политических и социальных идеологий, но также от физических и социальных фактов времени и места обсуждения.

Собственник земельного участка в США при создании для него неудобств, не лишающих его права владения и не являющихся прямым проникновением кого-либо на такую территорию, к которым относятся, в частности, загрязнение участка пылью, дымом, газом, создание шумов, вибрации, теневой завесы (nuisance), имеет право применить три различных средства защиты (remedies):

1. Нормы о защите собственности (property rules).

2. Нормы о применении ответственности (liability rules).

3. Нормы о признании неотчуждаемости права (inalienability rules).

Система прав на землю в американском законодательстве отличается значительной сложностью, поскольку базируется на устаревших феодальных принципах, заимствованных из английского права. Несмотря на то, что феодализм в современной Америке не существует, законы большинства штатов до сих пор не адаптированы к новым реалиям и сохраняют эту архаичную структуру. Создание новых видов прав на землю, как правило, запрещено доктриной numerus clausus (замкнутого перечня), и их можно установить только через законодательные акты.

Наиболее распространенной формой полной собственности в большинстве штатов является феод простой (fee simple) или абсолютный феод (fee simple absolute). Это право представляет собой бессрочный и полный интерес к земле, действующий в настоящем и продолжающийся неограниченное время. Другой разновидностью является отменимый феод (defeasible fee), сходный с полным, но который может быть прекращен при наступлении оговоренного условия. Такой тип права часто встречается, когда имущество жертвуется благотворительной организации с условием, что право собственности утрачивается, если имущество используется не по целевому назначению.

Следующим видом текущего права является пожизненное владение (life estate): собственник предоставляет другому лицу (пожизненному владельцу) все права на имущество на срок его жизни. После смерти владельца право переходит либо обратно к первоначальному собственнику (такой возврат называется правом реверсии), либо к третьему лицу (такое право известно как остаточный интерес, или ремайндер). Остаточные интересы делятся на безусловные (vested) и условные (contingent), в зависимости от выполнения определенных критериев. Интерес считается «безусловным», когда все условия его вступления в силу выполнены, даже если фактическое вла-

II. С. 20–22. URL: https://apni.ru/article/11901-sposoby-zashity-zemelnyh-prav-v-ssha

[1] Решение Верховного суда Нью-Джерси от 11 мая 1971 г. URL: https://www.courtlistener.com/opinion/2289522/state-v-shack/.

дение еще не началось. Например, при условии «А — на время жизни, затем Б, если он окончит школу к 18 годам», остаточное право Б становится безусловным в момент его выпуска из школы, хотя владеть имуществом он начнет только после смерти А. Отдельно выделяется отлагательное право (executory interest) — это будущий интерес, который автоматически прекращает предыдущее право собственности при выполнении определенного условия.

Вопрос перехода права в безусловную форму имеет ключевое значение, поскольку в многих штатах условные остаточные права (и некоторые иные будущие интересы) признаются недействительными, если они могут выйти из условного состояния за пределами срока, установленного Правилом против вечных доверительных управлений (Rule Against Perpetuities, RAP). Согласно традиционной трактовке этого Правила, интерес должен перейти в безусловный, если уже это произойдет, в срок не позднее 21 года с момента смерти всех лиц, живших на момент его установления. Любое будущее право, не соответствующее этому требованию, изначально ничтожно. На сегодняшний день многие штаты смягчили действие Правила, введя «законы о выжидательном периоде», либо полностью его отменили.

Американская система прав на землю отличается уникальной сложностью, унаследовав от английского права не столько «феодальную суть», сколько высокоразвитый, детализированный концептуальный аппарат для расщепления права собственности во времени. Эта система, при всей ее кажущейся архаичности, доказала свою удивительную способность адаптироваться к нуждам современного общества, от небоскребов-кондоминиумов до экологических сервитутов, оставаясь при этом предметом постоянной критики и реформы.

На наш взгляд, данная система слишком перегружена и нецелесообразно раздута, так как она регулируется не одним нормативным актом, а несколькими, тем более у США, по сравнению с РФ, не имеется своего собственного земельного кодекса, который бы регулировал земельные правоотношения на федеральном уровне.

В правовых системах многих стран укоренилось представление о праве собственности как о незыблемом принципе. Однако в реальности, особенно когда речь идет о земле — ограниченном и жизненно важном ресурсе — абсолютной собственности не существует. Государство всегда оставляет за собой право регулировать ее использование в интересах общества: устанавливать экологические нормы, правила застройки, зонирования. Это порождает сложный и фундаментальный вопрос: где проходит та грань, за которой законное государственное регулирование превращается в действие, требующее компенсации собственнику? Именно в ответе на этот вопрос, в механизмах защиты владельца от чрезмерного вмешательства и проявляются ключевые различия между правовыми культурами.

Несмотря на то, что право собственности в США на земельные участки не носит абсолютный характер, оно защищается от прямого вмешательства государства, решения которого могут привести к экономическим потерям собственника этой земли или возможности разумно использовать земельный участок. Однако, как указывает Роджер Пилон: «когда действия правительства случайно снижают стоимость недвижимости, но при этом не нарушаются никакие права, поскольку ничего, что принадлежало бы собственнику без каких-либо обременений, не изымается, компенсация не полагается. Например, если правительство закрывает военную базу или районную государственную школу или строит новую автомагистраль вдали от старой с коммерческими предприятиями, стоимость недвижимости может снизиться в результате — но ничего не было изъято. Мы владеем своей собственностью и всеми законными способами ее использования, а не стоимостью нашей собственности, которая зависит от множества постоянно меняющихся факторов»[1]. Американские суды гибко рассматривают этот вопрос. Так, если решения государства привели к тому, что, если собственник лишен всех или практически всех выгод использования имущества, компенсация становится обязательной. Кроме этого судом могут признаваться выплаты в случае, если вмешательство государства существенно нарушает инвестиционные ожидания или ведет к значительным убыткам. Такой подход к защите прав землевладельца заставляет государство более обдуманно принимать решения, касающиеся ограничения прав на землю.

В РФ система компенсации работает более однобоко, нежели в США. Так, например, компенсация собственнику гарантируется только при прямом изъятии имущества для государственных или муниципальных нужд. Введение бремени со стороны государства не сопровождается компенсацией, даже в том случае, если вследствие их принятия был нанесен ущерб экономической ценности земельного участка. Российское законодательство и судебная практика исходят из приоритета публичных интересов, а право на компенсацию возникает лишь в исключительных ситуациях, когда собственник полностью лишен возможности использовать имущество по назначению или доказал причинение ему прямых убытков.

Проведенный сравнительно-правовой анализ ограничений права собственности на землю в Рос-

[1] Pilon R. Property Rights and the Constitution // Cato Handbook for Policymakers. 9th ed. Washington, DC : Cato Institute, 2022.

сийской Федерации и Соединенных Штатах Америки позволяет сделать ряд основополагающих выводов, подтверждающих тезис об отсутствии абсолютного характера данного права в современных правовых системах. Механизмы реализации и степень защиты частного интереса от публичного вмешательства в двух странах существенно различаются, отражая глубинные различия в их правовых культурах и историческом развитии. Во-первых, общим для обеих юрисдикций является признание легитимности государственного ограничения права собственности в целях защиты публичных интересов (экологии, планирования территориального развития, безопасности). Ни в России, ни в США собственник не обладает неограниченной свободой в использовании своего участка. Однако характер этого ограничения принципиально различен. В России право собственности на землю носит производный и условный характер, изначально встроенный в систему жесткого публично-правового регулирования, где приоритет общественных интересов закреплен конституционно. Во-вторых, это различие наглядно проявляется в судебной практике, определяющей баланс интересов. Американские суды, опираясь на V Поправку к Конституции, выработали гибкие критерии для признания регуляторных действий властей «изъятием», требуя компенсации не только при физической утрате имущества, но и при существенной утрате его экономической полезности или инвестиционной привлекательности. Российская судебная практика, следуя букве закона, признает право на компенсацию практически исключительно в случаях прямого изъятия или утраты возможности использования по целевому назначению, демонстрируя более осторожный подход к возмещению убытков от регуляторных мер.

Таким образом, можно констатировать, что в США ограничение права собственности — это поиск компромисса между изначально сильным частным правом и публичными нуждами, где суд выступает арбитром, а компенсация служит ключевым сдерживающим механизмом для государства. В России ограничение — это имманентная, системная черта самого права собственности, вытекающая из примата публично-правового регулирования, где компенсация является скорее исключительной гарантией, а не обычным инструментом балансировки.

Сведения об авторах

Филатов Александр Сергеевич — студент 5-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Хайков Александр Сергеевич — студент 5-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

RESTRICTIONS ON ABSOLUTE LAND OWNERSHIP IN THE COUNTRIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

M. I. FILATOV, A. S. KHAYKOV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article examines the problem of restrictions on absolute ownership of land in the legal systems of the Russian Federation and the United States of America. The article analyzes the theoretical foundations of the right of ownership of land, as well as the public-law mechanisms of its limitation, due to the need to ensure public interests, environmental safety, rational land use and territorial development. Special attention is paid to the judicial practice of the Russian Federation and the USA, which reveals the limits of the exercise of the powers of the owner. The article identifies similarities and differences in approaches to the permissibility of restrictions, the role of the state, and the balance of private and public interests.

Keywords: *ownership of land; private property; land relations; acquisition of land; comparative law; land law of the Russian Federation; US land law; public and private interests; restrictions on property rights; absoluteness of property rights.*

Институт недействительности сделок: современные тенденции и проблемы применения

Д. Д. Худяков[1]
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу современного состояния института недействительности сделок в российском гражданском праве. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости системного переосмысления ключевых категорий института и совершенствования правового регулирования для достижения баланса между стабильностью гражданского оборота и защитой частных и публичных интересов.

Ключевые слова: *недействительность сделок, ничтожные сделки, оспоримые сделки, публичные интересы, реституция, гражданский оборот.*

Институт недействительности сделок сохраняет свою ключевую роль в механизме гражданско-правового регулирования, выступая важнейшим инструментом защиты субъективных прав, охраны правопорядка и стабилизации имущественного оборота. В 2025 г. данный институт переживал сложный и многогранный этап развития, обусловленный как продолжающимся осмыслением масштабной реформы гражданского законодательства, так и новыми вызовами правоприменительной практики. Современный этап характеризуется диалектическим единством позитивных тенденций, направленных на совершенствование правового регулирования, и устойчивых системных проблем, снижающих его эффективность. Целью настоящего анализа является выявление ключевых векторов трансформации института недействительности сделок и комплексное освещение актуальных проблем его применения через призму новейших научных исследований и судебной практики.

Одной из наиболее значимых тенденций последних лет является последовательное усиление роли публичных интересов при квалификации сделок в качестве недействительных. Реформа гражданского законодательства, нашедшая свое отражение в новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), прямо закрепляет, что сделка, нарушающая требования закона и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, является ничтожной. Это законодательное решение свидетельствует о целенаправленном формировании и интеграции в гражданское право специального механизма противодействия коррупционным, антиконкурентным и прочим недобросовестным сделкам[2].

Данная новелла знаменует собой концептуальный сдвиг, выводя институт недействительности сделок за рамки традиционной защиты частных интересов и наделяя его значительным публично-правовым потенциалом. Однако на практике реализация этого потенциала сопряжена с серьезной проблемой толкования самого понятия «публичные интересы». Отсутствие его легальной дефиниции порождает широкий судебный дискурс и приводит к формированию противоречивых подходов. С одной стороны, наблюдается узкий подход, связывающий публичные интересы преимущественно с интересами государства как публично-правового образования (например, при нарушении порядка распоряжения государственной или муниципальной собственностью). С другой стороны, существует широкий подход, при котором нарушение практически любой императивной нормы закона может расцениваться как посягательство на публичный интерес. Такая судебная неопределенность создает избыточные риски для стабильности гражданского оборота, которую реформа изначально была призвана укреплять, и требует выработки единообразных критериев квалификации[3].

Параллельно с усилением публичного начала в институте недействительности сделок сохраняется фундаментальная терминологическая и классификационная неопределенность, связанная с традиционным дихотомическим делением на оспоримые и ничтожные сделки. В отечественной цивилистической доктрине продолжаются оживленные дискуссии о правовой природе этих

[1] Научный руководитель — Владимирова Оксана Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

[2] Ахмедова Г. Р. Актуальные проблемы признания сделок недействительными // Молодой ученый. 2024. № 29 (528). С. 104–106.

[3] Братчикова С. В., Козионов Д. С., Половников Е. А. Применение последствий недействительности сделки: проблемы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 6(82). С. 261–267.

категорий, адекватности самого термина «ничтожность» и целесообразности сохранения данной бинарной системы.

Ряд авторов справедливо указывает, что термин «ничтожность» является в значительной степени условным, поскольку такая сделка, даже будучи «юридическим нулем», порождает вполне определенные правовые последствия в виде реституции. В этой связи предлагается альтернативная классификация, восходящая к дореволюционной традиции, — разделение на сделки с абсолютной и относительной недействительностью. Сторонники этого подхода полагают, что он точнее отражает юридическую сущность последствий: абсолютная недействительность означает, что сделка не производит никаких юридических эффектов с момента совершения, в то время как относительная недействительность приводит к аннулирующим последствиям лишь по иску заинтересованного лица[1].

Эта теоретическая неоднозначность не является сугубо академической. Она находит прямое отражение в судебной практике, порождая противоречивую и зачастую непредсказуемую квалификацию одних и тех же видов сделок разными судебными инстанциями. Например, системное расположение новых оснований недействительности в ГК РФ (как, например, ст. 174.1 ГК РФ среди оспоримых, а не ничтожных сделок) вызывает вопросы у исследователей и практиков, затрудняя целостное восприятие института.

Однако доктринальные споры и противоречивая квалификация сделок в судах — это лишь завершающая стадия проблемы. Еще более остро теоретическая неоднозначность норм проявляется на превентивном этапе, в момент совершения сделки, когда нотариусу приходится применять размытые правовые категории к конкретным жизненным обстоятельствам, не располагая при этом процессуальным инструментарием, доступным суду.

Существенным блоком практических проблем являются процедурные и доказательственные трудности, связанные с установлением дееспособности участников сделки и их способности понимать значение своих действий в момент ее совершения. Нотариус, выступая «первым рубежом» контроля за законностью сделок, объективно ограничен в средствах и полномочиях для полноценной проверки психического состояния лица. Используемые им визуальные, вербальные и органолептические методы, подробно описанные в методических рекомендациях, зачастую оказываются неэффективными для выявления скрытых психических расстройств, начальных стадий деменции или состояния «затуманенного сознания», вызванного приемом лекарственных препаратов[2].

В судебном же порядке ключевая роль в разрешении этих вопросов отводится судебно-психиатрической экспертизе. Однако ее проведение сопряжено с особыми сложностями в случае оспаривания сделки, совершенной умершим лицом. В такой ситуации назначается сложнейшая посмертная судебно-психиатрическая экспертиза, которая проводится исключительно на основе изучения материалов гражданского дела, медицинской документации и свидетельских показаний. Ограниченный, фрагментарный и зачастую противоречивый характер этой информации ставит под сомнение объективность и достоверность окончательных экспертных выводов, что влечет за собой риски вынесения необоснованных судебных решений[3].

Таким образом, современное состояние института недействительности сделок характеризуется сложным переплетением прогрессивных законодательных новелл и устойчивых системных проблем. К числу позитивных тенденций можно отнести усиление роли публичных интересов, что позволяет более эффективно противостоять общественно опасным деяниям в гражданско-правовой сфере. Однако это усиление нивелируется сохраняющейся доктринальной и терминологической неопределенностью, порождающей противоречивую судебную практику.

Наряду с этим, доказательственные проблемы, связанные с установлением дееспособности, и фундаментальные пробелы в механизме практической реализации реституционных последствий продолжают оставаться серьезными вызовами для правоприменителя. Дальнейшее совершенствование института требует не точечных законодательных корректив, а комплексного, системного переосмысления его ключевых категорий и процедурных механизмов. Это переосмысление должно осуществляться в судебной практике и научной доктрине на основе незыблемых принципов гражданского права: правовой определенности, добросовестности, разумности и справедливого баланса между частными интересами участников оборота и публичными интересами общества в целом.

[1] Хулхачиев Ц. Э. Понятие недействительности сделки и ее проблемы в современном законодательстве // Научный электронный журнал Меридиан. 2022. № 2 (64). С. 84–86.

[2] Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 02.03.2021, протокол № 03/21) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.02.2025).

[3] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Российская газета. 2016. № 70.

Сведения об авторе

Худяков Денис Дмитриевич — курсант 3-го курса Самарского юридического института, Самара.

THE INSTITUTE OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS: CURRENT TRENDS AND APPLICATION ISSUES

D. D. KHUDYAKOV

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the current state of the institute of invalidity of transactions in Russian civil law. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to rethink the key categories of the institute in a systematic way and to improve legal regulation in order to achieve a balance between the stability of civil circulation and the protection of private and public interests.

Keywords: *invalidity of transactions, void transactions, voidable transactions, public interests, restitution, civil circulation.*

О вопросе изменения подходов к договору страхования в Гражданском кодексе Российской Федерации

Д. Р. Юлдашбаев[1]

Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Аннотация. В гражданском законодательстве Российской Федерации правовое регулирование института страхования за последние десятилетия претерпело немного изменений. Внесение поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации поспособствовало бы единообразному правоприменению в соответствии с актуальной судебной практикой правоприменения и федеральными законами.

Ключевые слова: *страхование, гражданское законодательство, имущественный интерес.*

Институт страхования в гражданском праве является одним из наиболее стабильных с точки зрения правового регулирования. В результате анализа положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)[2] можно сделать вывод о целесообразности внесения изменений, затрагивающих правовую характеристику договора страхования. Некоторые предлагаемые к изменению положения затрагивают имущественное страхование.

Рассмотрим вопрос правовой природы заключения договора страхования. Исследователи на протяжении многих лет отмечали существование разных подходов к моменту заключения договора страхования, в связи с чем возникал вопрос о том, является ли договор реальным или консенсуальным[3]. В последнее время судебная практика и исследователи пришли к заключению, что договор страхования имеет реальный характер. В обоснование данной позиции рассмотрим один из примеров. В январе 2025 г. Арбитражный суд Республики Татарстан рассмотрел дело по иску акционерного общества «Страховая группа “Спасские ворота”» (далее — истец) к обществу с ограниченной ответственностью «ТопКарго» (далее — ответчик) о взыскании долга[4]. Стороны заключили договор страхования грузов путем выдачи страховых сертификатов. Ответчик не исполнил обязанность по уплате страховых премий надлежащим образом в соответствии с условиями заключенных

[1] Научный руководитель — Сайфутдинова Венера Максутовна, старший преподаватель кафедры гражданского права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

[2] Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

[3] Страховое право: теоретические основы и практика применения : монография / Ю. Б. Фогельсон. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 195.

[4] Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 30 января 2025 г. по делу № А65-36552/2024 // Банк решений арбитражных судов. URL: https://kad.arbitr.ru/Card?number=А65–36552/2024 (дата обращения: 03.05.2026).

страховых сертификатов. Истец сослался на те обстоятельства, что после получения сертификатов у ответчика возникли обязательства по уплате страховых премий, которые не были исполнены ответчиком надлежащим образом в соответствии с требованиями закона. Суд сделал вывод о реальности договора страхования, то есть страховщик предоставляет страховую защиту только при уплате страховой премии. Договор страхования вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса. Суд добавил, что реальный характер договора страхования не исключает возможности достигнуть соглашения по всем существенным условиям еще до уплаты страховой премии, а рассматриваемый договор может быть консенсуальным. Согласования существенных условий, предусмотренных ст. 942 ГК РФ, достаточно для заключения только консенсуального договора, а таковым договор страхования может стать лишь в силу соглашения сторон. Суд в обоснование своей позиции сослался на норму п. 2 ст. 433 ГК РФ[1], установив, что для признания договора реальным необходима передача денежной суммы страховой премии или ее части. Неуплата премии или ее части прекращает действие договора страхования. В силу указанных обстоятельств суд отказал истцу во взыскании страховых премий по вышеуказанным страховым сертификатам.

Таким образом, суд определил, что моментом заключения договора является уплата страховой премии или ее части, что согласно норме п. 1 ст. 957 ГК РФ является моментом вступления в законную силу. С точки зрения практического применения такого подхода к договору страхования, это имеет смысл, поскольку фактическая реализация обязанностей страховщика наступает именно после вступления в силу договора, а отождествление момента заключения и вступления в силу не представляется критичным для понимания договора. Реальный характер договора страхования признают и другие суды, в том числе кассационной инстанции. Более того, разделение понятий «заключение договора» и «вступление договора в силу» мы не найдем в большинстве других договоров, предусмотренных ГК РФ.

Немаловажным является вопрос определения понятия «имущественный интерес» и «страховой интерес». В ГК РФ используется первая формулировка, что вызывает определенные сложности при классификации страхования на имущественное и личное.

Является спорным тезис об имущественном свойстве страхового интереса, поскольку представляется логичным, что он применим только к имущественному страхованию с точки зрения охраняемого объекта. Но ст. 4 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — Закон «Об организации страхового дела»)[2] устанавливает, что объектами страхования жизни могут быть имущественные интересы, связанные с дожитием граждан до определенных возраста или срока либо наступлением иных событий в жизни граждан, а также с их смертью (страхование жизни). Аналогично объектами страхования от несчастных случаев и болезней могут быть имущественные интересы, связанные с причинением вреда здоровью граждан, а также с их смертью в результате несчастного случая или болезни (страхование от несчастных случаев и болезней), из чего можно сделать вывод, что личное страхование предполагает наличие имущественного интереса. Следовательно, законодательство рассматривает имущественный интерес как интерес получить компенсацию имущественного характера, независимо от вида страхования, а не как интерес по защите охраняемого объекта. С этой точки зрения, речь идет о реализации имущественного права, а «имущественное право выступает средством реализации имущественного интереса»[3].

Неоднозначность толкования понятия «страховой интерес» происходит в силу отсутствия его нормативно закрепленного определения. Представляется рациональным определить страховой интерес как интерес страхователя получить возмещение ущерба, если имуществу или личным нематериальным благам может быть причинен вред. Причем причинение вреда имуществу возможно не только непосредственно ему, но и в силу наступления ответственности по обязательствам, имеющим имущественный характер. Это отвечает характеристике как имущественного, так и личного страхования, поскольку в обоих видах страхования «страховой интерес заключается в компенсации потерь имущественного характера»[4]. Таким образом, страховой интерес обладает имущественным характером с точки зрения наступления страхового случая. Имущественный интерес следует определять как интерес страхователя по поводу

[1] Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026)

[2] Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 17 ноября 2025 г. № 423-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026)

[3] Фуштей Э. Р. Имущественный интерес в частном праве // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 159–161.

[4] Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С., Мотуренко С. М. Понятие «страховой интерес» в гражданском праве: основные проблемы теории и практики // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 2. С. 442.

имущества, ущерб которому может возникнуть в связи с наступлением вреда имуществу или неблагоприятных имущественных обязательств (имущественное страхование). При данном подходе устраняются противоречия в формулировке закона.

Целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в дефиниции: ввести в оборот понятие «страховой интерес» вместо понятия «имущественный интерес», применимого ГК РФ и Федеральным законом «О страховой деятельности». Предполагается, что имущественный интерес может быть одним из видов страхового интереса, применимого для имущественного страхования, и содержать в себе виды, описанные в п. 2 ст. 929 ГК РФ. В таком случае должна быть разработана дефиниция «личный интерес», отличающаяся от имущественного интереса объектом страховой защиты, причинение вреда которому влечет страховое возмещение (личные нематериальные блага). Данные изменения в законодательство внесут определенность в понимание объектов имущественного и личного страхования, устранив, в первую очередь, противоречия в формулировке норм п. 1 ст. 929 ГК РФ и ст. 4 Закона «Об организации страхового дела».

Необходимо обратить внимание на иной момент, касающийся вышеупомянутого п. 2 ст. 929 ГК РФ, содержащего в себе объекты, охраняемые договором имущественного страхования. Речь идет об замене формулировки «предпринимательский риск» понятием «финансовый риск».

Концепция развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования[1] отражает тезисы о классификации видов имущественного страхования. Делается вывод, что общее разделение имущественного страхования имущества, гражданской ответственности и предпринимательских (финансовых) рисков применяется уже более двадцати лет, адекватно воспринимается в судебной практике, находит свое подтверждение в доктрине и понятно другим специалистам в сфере страхования. При этом приводятся доводы в пользу введения понятия «финансовый риск» вместо понятия «предпринимательский риск», один из которых заключается в том, что в п. 4 ст. 4 Закона «Об организации страхового дела» установлено определение финансового риска как риска неполучения доходов, возникновения непредвиденных расходов физических лиц, юридических лиц. «Предпринимательский риск» как понятие поглощается понятием «финансовый риск», поскольку в оба понятия входит риск неполучения доходов, но финансовый риск предусматривает иные риски (непредвиденные расходы физических и юридических лиц). Добавим, что финансовый риск относится к риску причинения вреда имущественным интересам в силу имущественного характера риска.

Исследование правового регулирования страхования позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, существует потребность привести к единообразному пониманию закона, судебной практики и доктрины о моменте заключения договора страхования, поскольку существуют разногласия по поводу отнесения этого договора к консенсуальным или реальным договорам. Причиной тому служит понимание момента заключения договора как результат заключения договора в письменной форме либо как вступление в силу. Решением этой проблемы может быть внесение изменения в гражданское законодательство. Смысл изменения заключается в том, договор страхования считается заключенным в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса, если в договоре страхования не предусмотрено иное. При таком подходе отдается предпочтение реальному характеру договора страхования, что соответствует современной судебной практике.

Во-вторых, выявлены недостатки применения понятия «имущественный интерес». Представляется возможным внесение изменений в гражданское законодательство и Закон «Об организации страхового дела», согласно которым взамен формулировки «имущественный интерес» используется аналогичная по смыслу формулировка «страховой интерес», в то время как имущественный интерес — это вид страхового интереса, складывающийся по поводу рисков, приведенных в п. 2 ст. 929 ГК РФ. Таким образом, устраняются противоречия понятий имущественного страхования и положений ст. 4 Закона «Об организации страхового дела».

В-третьих, существует смысл заменить формулировку «предпринимательский риск» понятием «финансовый риск», так как они обладают общими признаками, но второе понятие имеет большее правоприменение.

Данные изменения позволят понимать нормы законодательства более единообразно и упростят практику правоприменения для судов.

Сведения об авторе

Юлдашбаев Дамир Рустемович — студент 3-го курса института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа.

[1] Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования : одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020.

ON THE ISSUE OF CHANGING APPROACHES TO INSURANCE CONTRACTS IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

D. R. YULDASHBAYEV
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Abstract. In the civil legislation of the Russian Federation, the legal regulation of insurance has undergone few changes in recent decades. Amendments to the Civil Code of the Russian Federation would facilitate uniform law enforcement in accordance with current judicial practice and federal laws.

Keywords: *insurance, civil law, property interest.*

СЕКЦИЯ «ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Правовой механизм защиты и сохранения морской среды при возникновении морских аварий

Д. Р. Блинов[1]

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва

Аннотация. Сохранение и защита морской среды от последствий морских аварий является важным направлением правового регулирования в условиях современной глобальной климатической повестки. В статье рассматривается необходимость правого регулирования не только последствий морских аварий, но и превентивных действий по их недопущению. Автором выявлены некоторые проблемы реализации механизма сохранения и защиты морской среды от морских аварий и предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: *морская среда, морские аварии, морское судоходство, климатические изменения, загрязнение, правовой механизм защиты.*

В условиях глобальной климатической повестки, современной военной и экологической политики государств одной из актуальных проблем XXI в. выступает охрана морской среды. Ее эксплуатация связана с многоцелевой морской деятельностью государств и заключается в осуществлении перечисленных в Конвенции UNCLOS видов эксплуатации морских судов — основных эмитентов выбросов парниковых газов и, соответственно, загрязнителей окружающей среды. По данным Четвертого доклада ИМО о выбросах парниковых газов 2020 г.[2], на долю морских перевозок приходилось 2,89 % глобальных выбросов парниковых газов. Однако данные цифры не включают загрязнения морской среды вследствие морских аварий. С учетом сложности ликвидации их последствий и восстановления морских экосистем превентивные и реактивные меры государств в контексте изучения механизма защиты и сохранения морской среды при их возникновении представляются особенно актуальными.

Механизм охраны морской среды от загрязнений, вызванных морскими судами, включает универсальный и национальный, правовой и неправовой аспекты. Международным сообществом принят целый ряд конвенций, посвященных защите морской среды от разных видов загрязнений: Лондонская конвенция 1972 г., Конвенция MARPOL 1973 г., Конвенция UNCLOS 1982 г. и др. В большинстве из указанных актов одним из источников загрязнения морской среды признается морская авария, являющаяся морским инцидентом, влекущим причинение материального ущерба или угрозу его причинения[3]. Для целей национального правоприменения и имплементации международного права Российской Федерацией перечень случаев, относимых к морским авариям, уточнен в приказе Минтранса РФ от 24.03.2025 № 103[4]. Морские аварии влекут серьезные негативные последствия для морской среды, включающие загрязнение углеводородами, нефтью, ядовитыми и опасными веществами, отходами эксплуатации судов, радиоактивными и иными загрязняющими веществами.

Обязанность государства по предотвращению и ликвидации последствий загрязнения, вызванного морской аварией судна его флага, следует из необходимости соблюдать общепризнанные

[1] Научный руководитель — Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

[2] Fourth IMO GHG Study 2020. URL: https://www.imo.org/ru/ourwork/environment/pages/fourth-imo-greenhouse-gas-study-2020.aspx (Дата обращения: 06.03.2026 г.).

[3] Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью 1969 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/901758442.

[4] Приказ Минтранса России от 24.03.2025 № 103 «Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 30.04.2025.

нормы международного права и международные обычаи, в силу которых бездействие, в частности, в условиях глобальной климатической повестки, является основанием ответственности государства erga omnes. Ее конкретизация закреплена в Конвенции UNCLOS[1]. Заметим, что международные акты содержат бланкетные нормы, а потому вместо конкретных мер, показателей и нормативных требований указывают на обязанность государств самостоятельно адаптировать свои законодательства в соответствии с положениями международных актов.

В Российской Федерации морское судоходство является одним из стратегических направлений государственной политики. Обеспечение морского потенциала и предотвращение загрязнения морской среды признаны национальными интересами РФ в Мировом океане[2]. Национальная морская политика строится на принципах экосистемного подхода и комплексного подхода к развитию систем государственного экологического мониторинга. Защита и сохранение морской среды, как приоритет морской деятельности, включает меры по мониторингу состояния морской среды, совершенствованию федерального государственного экологического надзора, проведению мероприятий по восстановлению морских систем и др. Таким образом, акцент морской правовой политики России с экологической точки зрения ставится, в первую очередь, на предупреждение морских аварий и их недопущение, так как ликвидировать последствия морских аварий в морской среде государства эффективно пока не могут. Опыт ликвидации морской аварии в акватории Керченского пролива в декабре 2024 г.[3] обнажил значимые экологические, организационно-правовые, научные и иные проблемы устранения последствий разлива нефти. Морские аварии — явление распространенное. В 2024 г. на море произошло 96 аварийных случаев, на 16 (20 %) аварийных случаев больше, чем в 2023 г.[4], что характеризует количество морских аварий как существенное и экологически опасное.

Мероприятия по предупреждению загрязнения морской среды должны носить природоохранный характер, быть научно обоснованными и санкционированными государствами. План таких мероприятий, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20.12.2020 г. № 2366, должен содержать общие сведения об эксплуатирующей деятельности, максимальные расчеты и прогнозируемые зоны распространения разливов нефти и нефтепродуктов и иную информацию[5]. Перед утверждением Плана проводятся комплексные учения, по итогам которых Росморречфлот выдает соответствующее заключение о готовности к действиям по локализации и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов[6]. При этом субъектный состав ликвидации последствий морских аварий дополняется морскими спасателями и специалистами[7]. Таким образом, механизм защиты и сохранения морской среды от морских аварий начинается с обучения экипажа и подготовки судна как к предупреждению, так и к ликвидации морской аварии.

Важными, на наш взгляд, являются также и реактивные меры, выраженные в мероприятиях по ликвидации последствий морских аварий. На примере столкновения танкеров «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» (2024) мы можем наблюдать практику привлечения виновных лиц к юридической ответственности, взыскания экологического вреда, введения специальных режимов (ЧС) и т. д. В этой связи интересен международный опыт оценки экологического ущерба, которая проводится с помощью суммирования рассчитываемого ущерба от загрязнения водных объектов, земли, атмосферного воздуха[8]. Подобный подход применяется, например, при авариях на магистральных нефтепроводах[9]. Субъект, обязанный возместить экологический ущерб, определяется

[1] Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900747

[2] Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.

[3] Год спустя: хроника ликвидации последствий ЧС с разливом нефтепродуктов. Кубань РБК. 2025 г. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/69aa80f19a7947dbad3a197a/

[4] Обзор аварийности судов на море и внутренних водных путях Российской Федерации за 2024 год. Ространснадзор. 2025 г. URL: https://rostransnadzor.gov.ru/storage/Госморречнадзор/Анализ%20состояния%20аварийности/Обзор%202024.pdf.

[5] Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 № 2366 «Об организации предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 2 (ч. I). Ст. 416.

[6] Государственная услуга «Выдача заключения о готовности эксплуатирующей организации к действиям по локализации и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов». Росморречфлот. URL: https://morflot.gov.ru/deyatelnost/gosuslugi/perechen_gosudarstvennyih_uslug/vydacha-zaklyucheniya-o-gotovnosti-ekspluatiruyuschei-organizatsii-k-deistviyam-po-lokalizatsii-i-likvidatsii-razlivov-nefti-i-nefteproduktov/

[7] Распоряжение Росморречфлота от 28.01.2010 № АД-9-р «О подготовке специалистов по ликвидации последствий морских аварий». URL: https://base.garant.ru/6735060/

[8] Колесникова Е. В. Техногенные системы и экологический риск : учеб.-метод. пособие для высших учебных заведений. СПб. : РГГМУ, 2020. 124 с.

[9] Методика определения ущерба окружающей природной среде при авариях на магистральных нефтепроводах (утв. Минтопэнерго РФ от 01.11.95). URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=67971

в соответствии с принципом «загрязнитель платит», впервые сформулированным в РКИК ООН 1992 г.[1] и нашедшим применение в современных национально-правовых системах. Статистически морской экологический ущерб является наиболее крупным — наибольшая сумма исковых требований в 2025 г. была заявлена Черноморо-Азовским морским управлением Росприроднадзора (около 51,5 млрд руб.)[2].

Ликвидация последствий морских аварий возможна и неправовыми мерами, выбор которых лежит на государствах; выражаются они в механических, термических, химических, биологических и физико-химических способах[3]. Так, при ликвидации последствий аварий на нефтяной платформе Deepwater Horizon (2010)[4] использовались сорбенты; на буровой установке, судна Exxon Valdez (1989)[5] — контролируемое сжигание; в Керченском проливе (2024) — эжекторные установки и очистители. Перечисленные практические меры обладают как преимуществами, так и несовершенствами. Например, использование сорбентов в открытом море неэффективно и нецелесообразно из-за неточности нанесения материала и затрудненного последующего его сбора, а чрезмерное применение сорбентов может вызвать вторичное загрязнение и дополнительные затраты[6].

Резюмируя вышесказанное, согласимся с тем, что «общая аварийность морских судов имеет слабую тенденцию к снижению»[7]. Приведенные статистические данные это подтверждают. Несмотря на высокую значимость механизма защиты и сохранения морской среды от морских аварий, до сих пор не развит механизм полного возмещения экологического вреда, методики и таксы расчета которого устарели. В настоящее время морская среда подвергается причинению серьезного экологического вреда вследствие активных боевых действий на Ближнем Востоке (уничтожение или повреждение морских объектов, вызывающие разливы загрязняющих веществ в море). Мы наблюдаем, как распространяются негативные тенденции, нарушающие экологические стандарты охраны морских пространств. Последние нуждаются в комплексной профилактике, поэтапных природоохранных действиях, защите, применении экстренных мер. Налицо необходимость развития научно-технологической основы защиты и сохранения морской среды от морских аварий. Разрабатываемые технологии должны быть апробированы и нормативно закреплены. Важной вехой в этом смысле является декарбонизация морских объектов. Названный комплекс мер направлен на минимизацию негативных последствий морских аварий, полное избежание которых сегодня утопично. Сегодня действует Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утв. приказом Минприроды РФ от 13.04.2009 № 87. Полагаем, что нужна отдельная методика возмещения вреда, причиненного морской среде, основанная на экосистемном подходе и в которой будут отражены особенности возмещения вреда, причиненного морскими авариями.

Сведения об авторе

Блинов Давид Ростиславович — студент 1-го курса магистратуры Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва.

LEGAL MECHANISM OF PROTECTION AND PRESERVATION OF THE MARINE ENVIRONMENT IN CASE OF MARINE ACCIDENTS

D. R. BLINOV

Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Abstract. The protection and preservation of the marine environment from the consequences of marine accidents is an important area of legal regulation in the context of the current global climate agenda. The article discusses the need for legal regulation not only of the consequences of marine accidents, but also of preventive measures to

[1] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

[2] «Дороже и чаще»: что показывает статистика экологических исков Росприроднадзора за 2025 год. Право.Ру. 24.02.2026 г. URL: https://pravo.ru/ecology/case/262478/

[3] Кабанов А. Н., Заряева Е. В. Анализ методов ликвидации разлива нефти при добыче и транспортировке на примере месторождения Приразломное // Успехи в химии и химической технологии. 2015. Т. 29, № 2 (161). С. 128–130.

[4] Пожар за $42 миллиарда: катастрофа на платформе Deepwater Horizon. 2015 г. URL: https://realt.onliner.by/2015/05/20/deepwater (Дата обращения: 06.03.2026 г.).

[5] Allen A. A. Contained controlled burning of spilled oil during the Exxon Valdez oil spill // Spill Technology Newsletter. 1990. Vol. 15 (2). P. 1–5.

[6] Технический информационный документ «Применение сорбентов при ликвидации разливов нефти». ITOPF. 2012 г. URL: https://www.ospri.online/site/assets/files/1153/tip8_ru_useofsorbentmaterialsinoilspillresponse.pdf (Дата обращения: 06.03.2026 г.).

[7] Соловьёва Е. Е., Ганнесен В. В. Тенденции аварийности морских судов // Научные труды Дальрыбвтуза. 2022. Т. 62, № 4. С. 118–125.

avoid them. The author identifies some challenges in implementing the mechanism for protecting and preserving the marine environment from marine accidents and suggests possible solutions.

Keywords: *marine environment, marine accidents, shipping, climate changes, pollution, legal protection mechanism.*

Типичные нарушения, выявляемые в ходе прокурорского надзора за соблюдением законодательства о защите конкуренции

Л. Г. Боос[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируется состояние законности в сфере защиты конкуренции и типичные нарушения, выявляемые органами прокуратуры. Рассматриваются ключевые группы правонарушений: злоупотребление доминирующим положением, картельные сговоры и т. д. Особое внимание уделяется практике применения мер прокурорского реагирования, межведомственному взаимодействию с Федеральной антимонопольной службой России и судебным позициям последних лет. Сформулированы предложения по повышению эффективности надзорной деятельности.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, защита конкуренции, антимонопольное законодательство.*

Состояние законности в сфере защиты конкуренции традиционно рассматривается как базовый индикатор устойчивости экономической системы и эффективности рыночных механизмов. Как справедливо отмечает В. В. Каиров: «Состояние законности в сфере защиты конкуренции нельзя назвать благополучным ввиду имеющихся, зачастую грубых, нарушений прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, что свидетельствует, в том числе, о недостаточной эффективности прокурорского надзора»[2]. Прокурорский надзор в данной сфере выполняет важнейшую роль в обеспечении соблюдения антимонопольного законодательства, предупреждении правонарушений и восстановлении нарушенных прав субъектов предпринимательской деятельности.

Статистические данные прокуратуры Челябинской области за период 2020–2025 гг. демонстрируют относительную стабильность количества выявляемых нарушений в сфере защиты прав предпринимателей на уровне 2,1–2,2 тысяч в год. Одновременно фиксируется рост числа внесенных представлений (с 704 в 2020 г. до 882 в 2024 г.)[3], что отражает усиление профилактической составляющей надзора, а не ухудшение законности. Как подчеркивает А. В. Кожинский: «Рост выявляемых нарушений не следует рассматривать исключительно как негативное явление, поскольку он также отражает повышение эффективности надзорной деятельности и совершенствование механизмов выявления сложных форм антиконкурентного поведения»[4].

Критериями отнесения нарушений к категории «типичных» в современной доктрине признаются устойчивая повторяемость в правоприменительной практике, единообразие квалификационных подходов судов и антимонопольных органов, а также фиксация в официальных статистических отчетах Генеральной прокуратуры РФ и ФАС России.

[1] Научный руководитель — Глухова Евгения Викторовна, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Каиров В. В. Практика прокурорского надзора за антимонопольным законодательством // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (321). С. 212–215.

[3] Основные показатели надзорной деятельности за 2021 год // Прокуратура Челябинской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/statistics/office/result/e1907436/ (дата обращения: 11.05.2026); Основные результаты прокурорской деятельности за 2022 год // Прокуратура Челябинской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/statistics/office/result/e1904394/ (дата обращения: 11.05.2026); Основные результаты прокурорской деятельности за 2023 год // Прокуратура Челябинской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/statistics/office/result/e1902102/ (дата обращения: 11.05.2026); Основные результаты прокурорской деятельности за январь — ноябрь 2024 года // Прокуратура Челябинской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/statistics/office/result/e5652768/ (дата обращения: 11.05.2026); Основные результаты прокурорской деятельности за январь — ноябрь 2025 года // Прокуратура Челябинской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/statistics/office/result/e8310792/ (дата обращения: 11.05.2026).

[4] Кожинский А. В. Научные и правоприменительные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства // Журнал юридических исследований. 2024. № 1. С. 53–59.

Во-первых, наиболее распространенной группой нарушений выступает принятие органами государственной власти и местного самоуправления нормативных правовых актов, ограничивающих конкуренцию. Подобные акты, несмотря на формальную легитимность, часто содержат положения, создающие необоснованные преимущества отдельным хозяйствующим субъектам либо ограничивающие доступ на рынок. Примером служит судебное решение по иску прокурора Каракулинского района к Администрации муниципального образования об исключении коррупциогенного фактора из Положения о закупках МБУК «Музей истории Каракулинского района»[1]. Суд установил, что п. 3.4.7 Положения о закупках МБУК «Музей истории Каракулинского района» допускает отмену конкурентной закупки без установленных оснований, что противоречит ч. 1 ст. 2, п. 2 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ. А. В. Кожинский справедливо отмечает, что подобные нарушения носят институциональный характер и приводят к системному ограничению конкуренции, снижению инвестиционной привлекательности регионов и росту административных барьеров[2].

Во-вторых, существенную долю составляют злоупотребления доминирующим положением хозяйствующих субъектов. Разъяснение Президиума ФАС России от 7 июня 2017 г. № 8 определяет совокупность признаков данного нарушения: наличие доминирующего положения, совершение действий или бездействия, наступление либо возможность негативных последствий для конкуренции и иных лиц, а также причинно-следственная связь[3]. Практика подтверждает, что нарушения проявляются в установлении монопольно высоких цен, необоснованных отказах от заключения договоров, навязывании невыгодных условий и дискриминационном доступе на рынок. Д. А. Ермоленко подчеркивает, что подобные действия искажают рыночные механизмы, снижают качество товаров и услуг и ущемляют интересы потребителей[4].

В-третьих, особую опасность представляют антиконкурентные соглашения, включая картельные сговоры. В. Ю. Волков отмечает: «Картели являются одной из наиболее опасных форм антиконкурентного поведения, поскольку они подрывают базовые принципы рыночной экономики и приводят к искусственному искажению ценовой конкуренции»[5]. Важной правовой тенденцией стало Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2024 г. № 9-КГ24-7-К1, в котором указано, что картель сам по себе является правонарушением, а не сделкой в смысле ст. 169 ГК РФ, что ограничило практику взыскания доходов в доход государства[6]. Практический пример — дело Московского УФАС России (2024 г.) о сговоре пяти медицинских компаний на 253 закупках общей суммой свыше 642 млн руб. Участники согласованно снижали цены не более чем на 0,8 %, используя общего контрагента для поддержания цен[7].

В-четвертых, значительную группу образуют нарушения законодательства о контрактной системе и правилах проведения торгов. Они выражаются в дискриминационных условиях, формальном проведении процедур и ограничении конкуренции при формировании условий контрактов. Решением Апелляционной коллегии ФАС России от 24 апреля 2024 г. по делу № 082/01/17-35/2023 подтверждено наличие ограничения конкуренции со стороны администрации муниципального округа, наделившей организатора торгов полномочиями без конкурентных процедур, установившего символическую цену договора и возложившего расходы на организацию торгов на победителей, что запрещено п. 22 ст. 39.12 ЗК РФ[8]. В. Ю. Шобухин справедливо указывает, что подобные практики способствуют формированию устойчивых преимуществ отдельных хозяйствующих субъектов и повышают коррупционные риски[9].

В-пятых, в структуре нарушений устойчиво фиксируются: необоснованное повышение цен и превышение торговых надбавок, имеющие выраженный социальный характер и т. д.

Специфика выявления данных нарушений определяется многоканальной системой получения сведений: обращениями субъектов предпринимательства, материалами проверок ФАС России,

[1] Решение Сарапульского районного суда Удмуртской Республики № 2–375/2019 2-375/2019~М-244/2019 М-244/2019 от 6 мая 2019 г. по делу № 2–375/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/E3s5U65KE7Uh/?ysclid=mo4hbk0yob902571620 (дата обращения 11.05.2026).

[2] Кожинский А. В. Указ. соч. С. 55.

[3] О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции: Разъяснение Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 8 (утв. протоколом Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 11) // Вестник ФАС России. 2017. № 4. С. 12–15.

[4] Ермоленко Д. А. Злоупотребление доминирующим положением на товарных рынках: проблемы квалификации и правоприменения // Конкуренция и право. 2024. № 2. С. 45–52.

[5] Волков В. Ю. Картели в современной экономике: теория и практика противодействия. М. : Проспект, 2023. С. 88.

[6] Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2024 г. № 9-КГ24–7-К1 по делу о взыскании дохода от картельного сговора.

[7] Решение Московского УФАС России от 12.02.2024 по делу № 077/06/16-224/2023.

[8] Решение Апелляционной коллегии ФАС России от 24.04.2024 по делу № 082/01/17-35/2023.

[9] Шобухин В. Ю. Административно-правовые механизмы ограничения конкуренции в системе государственных закупок // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 31–37.

данными ЕИС, результатами межведомственного взаимодействия. Прокуратура и ФАС России взаимодействуют на основе межведомственных соглашений, обмениваясь информацией, проводя совместные проверки и передавая материалы для возбуждения дел. При этом прокуроры наделены полномочиями проверять объективность решений антимонопольного органа[1]. Ключевыми методами выступают истребование документов, анализ финансово-хозяйственной деятельности, направление запросов в контролирующие органы, а также применение цифровых инструментов мониторинга ЕИС для выявления ценовых аномалий и сговоров.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, Верховный Суд РФ уточнил критерии доказывания картельных соглашений, указав, что наличие договорных отношений между участниками торгов само по себе не свидетельствует о сговоре, если кооперация направлена на стимулирование спроса, а не на ограничение конкуренции[2]. Во-вторых, суды признали неправомерными отклонение заявок при представлении выписки из ЕГРЮЛ без усиленной квалифицированной электронной подписи, поскольку это создает необоснованные барьеры. В-третьих, подтверждена компетенция ФАС России осуществлять контроль за торгами в процедурах банкротства только в случаях, когда их результаты способны повлиять на состояние конкуренции на товарном рынке.

Таким образом, анализ практики прокурорского надзора и научных исследований свидетельствует о системном и многоуровневом характере нарушений законодательства о защите конкуренции. Они затрагивают как деятельность хозяйствующих субъектов, так и действия органов публичной власти, формируя комплексную угрозу для функционирования конкурентной среды. В этих условиях прокурорский надзор выступает ключевым инструментом обеспечения законности, предупреждения антиконкурентных практик и восстановления нарушенных прав участников экономических отношений. Совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия, внедрение цифровых инструментов мониторинга и повышение квалификации сотрудников надзорных органов представляют собой необходимые условия повышения эффективности прокурорского надзора в указанной сфере.

Сведения об авторе

Боос Лана Гагиковна — студент 5-го курса Института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

TYPICAL VIOLATIONS IDENTIFIED DURING PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH COMPETITION PROTECTION LEGISLATION

L. G. BOOS
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. This article analyzes the state of law in the area of competition protection and typical violations identified by prosecutorial authorities. Key offenses are considered, including abuse of a dominant position and cartels. Particular attention is paid to the practical application of prosecutorial measures, interagency cooperation with the Federal Antimonopoly Service of Russia, and judicial decisions in recent years. Proposals for improving the effectiveness of oversight activities are formulated.

Keywords: *prosecutorial oversight, competition protection, antitrust legislation.*

[1] Паращук С. А., Посохова Я. В. Антимонопольное регулирование цифровых рынков: вызовы и перспективы // Закон. 2024. № 8. С. 115.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2024 г. № 9-КГ24-7-К1.

Международно-правовые аспекты неприкосновенности частной жизни и прав человека при проведении морских спасательных операций

А. И. Борисенко[1]

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь

Аннотация. Исследуются международно-правовые аспекты защиты прав человека и неприкосновенности частной жизни в контексте морских поисково-спасательных операций. Анализируется комплекс нормативных источников, включая международное морское право (UNCLOS, SAR Convention, SOLAS), международное право прав человека (ICCPR, ECHR). Рассматриваются ключевые коллизии между императивом спасения человеческих жизней и необходимостью соблюдения прав на частную жизнь и защиту персональных данных спасаемых лиц, особенно в контексте миграционных потоков через Средиземное море. Особое внимание уделяется новейшей практике международных судебных органов, включая решения Комитета по правам человека ООН по делам A.S. и др. против Италии и Мальты, а также вызовам, порождаемым использованием автономных технологий и систем массовой цифровой идентификации.

Ключевые слова: *морские спасательные операции, право на жизнь, неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных, международное право прав человека, Организация Объединенных Наций, Конвенция от 10 декабря 1982 г. по морскому праву, Международная конвенция по поиску и спасению на море 1979 г.*

Обязанность спасать людей, терпящих бедствие на море, является одним из древнейших и наиболее уважаемых принципов международного права. Эта обязанность, изначально существовавшая в форме обычной нормы, сегодня кодифицирована в ряде универсальных международных договоров, включая Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г., Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море (SOLAS) 1974 г. и Международную конвенцию по поиску и спасанию на море (SAR Convention) 1979 г. Вместе с тем практика последних десятилетий — прежде всего массовая миграция через Средиземное море — поставила перед международным сообществом принципиально новые вопросы. Спасательные операции всё чаще затрагивают не только оказание неотложной помощи, но и последующее обращение со спасенными лицами, включая сбор их персональных данных, передачу в компетентные органы и высадку в месте безопасности.

Именно на этом этапе возникает напряженность между двумя фундаментальными ценностями: с одной стороны, безусловным императивом спасения человеческой жизни, представляющим собой императивную норму международного права; с другой — правом на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, которое всё активнее проникает в морское право.

Обязанность государства — создавать эффективную систему поиска и спасания на море — закреплена в международном обычном и договорном праве. Ключевым источником является ст. 98 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.[2], обязывающая каждое государство требовать от капитана любого судна, плавающего под его флагом, оказывать помощь любому лицу, терпящему бедствие в море. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.[3] и Международная конвенция по поиску и спасению на море 1979 г.[4] детализируют эти обязанности, предписывая создание поисково-спасательных районов.

Ключевым юридическим вызовом является распространение обязательств государств по защите прав человека (прежде всего права на жизнь — ст. 6 Международный пакт о гражданских и политических правах), на пространства открытого моря. Традиционная доктрина, основанная на «вестфальской» модели, связывает юрисдикцию

[1] Научный руководитель — Аметка Фатма Аблямитовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры, доцент младший советник юстиции, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь.

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994)

[3] Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС), 1974 г.

[4] Международная Конвенция по поиску и спасению на море 1979 г.

государства с его территорией. Тем не менее в решении Hirsi Jamaa and Others v. Italy (2012) Европейский суд по правам человека установил, что перехват мигрантов в открытом море и их передача ливийским властям подпадает под «эффективный контроль» Италии, что влечет применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Практические риски для частной жизни при спасательных операциях многообразны: регистрация спасенных, фотографирование, дактилоскопия, сбор медицинских данных и опросы о происхождении и маршруте следования. Все эти действия, будучи необходимыми для идентификации, предоставления помощи и соблюдения недопустимости принудительного возвращения, могут при отсутствии надлежащих гарантий превращаться в неправомерное вмешательство. Особенно остро проблема стоит в отношении несовершеннолетних, которые зачастую остаются без законного представительства.

Четвертая промышленная революция ставит перед морским спасательным правом новые, ранее не известные вопросы. Использование ИИ и беспилотных систем в спасательных операциях создает серьезные этические и правовые проблемы, «особенно в отношении конфиденциальности данных, ответственности за автоматизированные решения и соответствия международному морскому праву».

Беспилотные летательные аппараты (дроны), всё активнее применяемые для мониторинга миграционных потоков в Средиземном море, могут осуществлять сбор персональных данных (включая распознавание лиц) без всякого контроля со стороны наблюдаемых лиц. Международно-правовой режим, применимый к такой деятельности, остается неопределенным, что создает риски для права на частную жизнь.

С ростом технологического прогресса, в частности, развитием областей, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), становится актуальным исследование их применения в различных сферах человеческой деятельности. Особенно значимым направлением является использование ИИ в международных морских спасательных операциях, где эффективность и скорость реагирования могут иметь решающее значение.

Так, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), оснащенные сенсорами и видеокамерами, уже демонстрируют значительные преимущества в области поисково-спасательных операций, предоставляя возможность для быстрого обнаружения и оценки ситуации, тем самым позволяя спасательным командам оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации. Соответственно, данные технологии обеспечивают наблюдение на больших расстояниях, эффективный мониторинг за ситуацией и даже доставку необходимого оборудования в труднодоступные места без риска для жизни спасателей.

Причиной актуальности данной проблематики выступает тот факт, что ежегодно на море и океане происходят тысячи инцидентов, требующих проведения поисково-спасательных работ. Эффективность таких операций напрямую влияет на сохранение человеческих жизней. Вместе с тем поиск на обширных пространствах, сложные погодные условия создают значительные трудности. Использование возможностей искусственного интеллекта может кардинально изменить ситуацию, поскольку алгоритмы машинного обучения способны в режиме реального времени анализировать массивы данных о текущей обстановке, моделировать наиболее вероятные сценарии развития событий, оптимизировать маршруты для спасательных судов и воздушных средств[1].

Еще более сложная ситуация складывается с полностью автономными судами. В них отсутствие человеческого капитана создает правовой вакуум в отношении обязанности по спасению, закрепленной в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, которая исторически адресована капитану как физическому лицу. Кто несет ответственность за неоказание помощи — оператор, собственник или разработчик программного обеспечения? Не менее остро стоит вопрос об обработке данных: сбор и передача огромных массивов данных о перемещении лиц с суши на суда вызывают серьезные опасения с точки зрения защиты информации.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие направления совершенствования международно-правового регулирования:

1. Согласование критериев «безопасного места» с требованиями защиты персональных данных и права на частную жизнь. Высадка в месте, где спасенные подвергаются массовому сбору биометрических данных без надлежащих правовых гарантий, не может считаться безопасной в полном смысле этого понятия.

2. Разработка норм об ответственности за утечки и неправомерное использование данных при спасательных операциях, в том числе с участием частных операторов.

3. Создание международного реестра инцидентов, связанных с возможными нарушениями прав человека при спасении на море, и обеспечение действенных механизмов трансграничного доступа к правосудию для потерпевших.

Только такой подход позволит реализовать провозглашенный в Преамбуле Устава ООН «стандарт

[1] Комендантов К. И. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в международных морских спасательных операциях // Океанский менеджмент. 2024. № 1 (24). С. 35–39.

жизни в условиях большей свободы» применительно к одному из наиболее драматичных и гуманных институтов международного права — спасению на море.

Сведения об авторе

Борисенко Анна Игоревна — студент 2-го курса Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь.

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF INVIOLABILITY OF PRIVACY AND HUMAN RIGHTS IN MARITIME SEARCH AND RESCUE OPERATIONS

A. I. BORISENKO

Crimean Law Institution (branch) of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, Simferopol

Abstract. The article explores the international legal aspects of protecting human rights and privacy in the context of maritime search and rescue operations. It analyzes a range of legal sources, including international maritime law (UNCLOS, SAR Convention, SOLAS), international human rights law (ICCPR, ECHR). The article examines the key conflicts between the imperative of saving human lives and the need to respect the rights to privacy and personal data of the rescued individuals, particularly in the context of migration flows through the Mediterranean Sea. Special attention is paid to the latest practice of international judicial bodies, including the decisions of the UN Human Rights Committee in the cases of A.S. et al. v. Italy and Malta, as well as the challenges posed by the use of autonomous technologies and mass digital identification systems.

Keywords: *maritime rescue operations, right to life, privacy, personal protection.*

Антикоррупционное правосознание: теория и практика

П. М. Ботева[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Коррупция — это социальное явление, которое присуще любому государству. В России в последнее время наиболее остро стала ощущаться данная проблема. Для минимизации рассматриваемого негативного явления Российской Федерацией реализуется комплекс мер по формированию и повышению уровня антикоррупционного правосознания, преимущественно среди чиновников. Но проблема заключается в том, что планируемые результаты не всегда оказываются эффективными.

Ключевые слова: *антикоррупционное правосознание, государственные методы, коррупционные преступления, антикоррупционная политика.*

Любая страна сталкивается с таким негативным явлением, как коррупция — противоправным использованием служебного положения должностными лицами в целях личного обогащения. Российская Федерация, к сожалению, не является исключением. Как и другие страны, столкнувшиеся с данной проблемой, Россия проводит ряд мероприятий по борьбе с коррупцией.

Существенная роль в этих мероприятиях отводится формированию антикоррупционного правосознания. Э. В. Голоманчук и соавторы в своей статье дали четкое определение данному понятию: антикоррупционное правосознание — это совокупность знаний, убеждений, ценностей, норм и правил, которые направлены на борьбу с коррупцией, повышение морали и этических стандартов, предоставление прозрачности процесса принятия решений и обеспечение законности и ответственности[2].

Принятие Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии

[1] Научный руководитель — Киреева Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Голоманчук Э. В., Астафурова О. А., Каюшникова Ю. Е. Понятие и особенности формирования антикоррупционного правосознания // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 194.

коррупции»[1] стало важнейшим шагом по выработке антикоррупционного правосознания, определив его направления и правовые основы. Государство использует различные меры для снижения случаев коррупции, в первую очередь, среди чиновников и должностных лиц.

К таким мерам относятся: формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов; предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на государственную или муниципальную службу; учет при назначении на вышестоящую должность эффективности исполнения обязанностей; развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и другие.

Однако данные меры эффективны при наличии высокого уровня антикоррупционного правосознания у чиновников.

Как верно отмечает О. В. Федорова, «ключевой задачей в этой сфере становится преодоление глубоко укоренившейся в обществе терпимости к коррупции, что и является, в том числе проявлением деформации профессионального (юридического) правосознания»[2]. Т. В. Юлдашева определяет деформацию как разрушение ценностей и норм правопослушного поведения в правосознании индивида, ведущее к правовому инфантилизму или правовому нигилизму[3]. Эта деформация размывает границы дозволенного и запрещенного, способствуя восприятию коррупции как «нормального» способа решения проблем.

В Российской Федерации достижение высокого правосознания достигается следующими способами: во-первых, это разъяснение правовых основ, проведение лекций и семинаров для государственных служащих и граждан, что позволяет достичь среди служащих и граждан осознания пагубности коррупции, для выработки нетерпимости к ней и дальнейшего противодействия ей.

Во-вторых, внедрение антикоррупционных стандартов в образовательные программы школ и вузов, воспитание честности с раннего возраста. Данная мера позволяет заложить основы антикоррупционного правосознания еще на ранних этапах, благодаря чему увеличивается пласт населения, способный противодействовать данному социальному явлению.

В-третьих, с развитием информационных технологий появляется возможность минимизировать личный контакт с представителями бюрократического аппарата через цифровизацию госуслуг, благодаря чему снижается риск бытовой коррупции.

В-четвертых, создание положительного образа законопослушного гражданина через СМИ способствует пропагандированию образа честного государственного служащего.

В-пятых, антикоррупционное обучение служащих путем регулярного повышения квалификации по вопросам этики и предотвращению конфликта интересов.

В то же время практика показывает, что меры по повышению антикоррупционного правосознания не всегда являются эффективными. В Российской Федерации, по данным Генпрокуратуры[4], в сфере должностных преступлений наблюдаются следующие тенденции: 1) рост «крупных» дел: в I квартале 2025 г. на 65,7 % выросло число выявленных преступлений в крупном и особо крупном размере по сравнению с аналогичным периодом 2024 г.; 2) доля взяток: в 2024 г. доля взяток в общем массиве коррупционных преступлений составила 60,3 % (рост с 55,7 % в 2023 г.). При этом доля мелкого взяточничества (до 10 тыс. руб.) сократилась с 48 % в 2017 г. до 27 % в 2024 г. и до 20,3 % в I кв. 2025 г.

Проанализировав статистику, а также социальный опыт, можно выделить несколько причин низкой эффективности мер по повышению антикоррупционного правосознания. Первая, возможно, самая основная причина — больший уклон на теоретический аспект. Проблема заключается в отсутствии со стороны слушателя практического согласия: рассказывать о вреде коррупции и о наказании за нее человеку (группе людей), который безнаказанно участвует в коррупционных схемах, зачастую бесполезно.

Второй причиной можно считать неэффективность мер юридической ответственности, а также неэффективные механизмы выявления случаев коррупции, что «развязывает» руки чиновникам, особенно тем, которые занимают более высокие должности, так как у них есть возможность — финансовая и авторитетная — скрыть данный факт.

В-третьих, в методических рекомендациях Минтруда, адресованных федеральным органам исполнительной власти, обращается внимание на недостаточную открытость антикоррупцион-

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[2] Федорова О. В. Антикоррупционное правосознание как элемент публично-правового механизма противодействия коррупции // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 4. С. 140.

[3] Юлдашева Т. В. Профессиональное (юридическое) правосознание и его деформации: теоретико-понятийный аспект // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 44.

[4] Канаев П., Химшиашвили П., Прохорова С., Лозовая М. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // РБК.2025. 16 июня. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d (дата обращения: 14.04.2026).

ной деятельности. Отмечается, что многие отчеты о принимаемых мерах по предупреждению коррупции либо носят обезличенный характер, либо размещаются на ведомственных сайтах в формате, затрудняющем их восприятие общественностью. Ограниченная прозрачность, в свою очередь, снижает доверие граждан к антикоррупционной политике и не позволяет в полной мере использовать институты гражданского общества как субъекта антикоррупционного просвещения и контроля.

Для повышения эффективности мер по формированию и развитию антикоррупционного правосознания можно обозначить следующие направления:

1. Осуществлять более жесткий отбор на должности, с проверкой семьи, с усложненным экзаменом и системой, контролирующей независимость экзаменаторов, для минимизации возможности дачи экзаменуемым взятки или оказания давления на экзаменатора.

2. Мягко пропагандировать образ честного чиновника через массовую культуру (фильмы, спектакли и др.) для того, чтобы у граждан, которые впоследствии могут стать чиновниками, с детства формировалось понимание необходимости честной работы государственных служащих. Важно заметить необходимость именно мягкой пропаганды, так как всё, что навязывается насильно и явно, — отвергается.

3. Минимизировать возможность «высмеивания» чиновников России, так как это приводит к формированию у граждан ложного мнения о коррумпированных чиновниках как о большинстве, что вырабатывает терпимость к данному явлению.

4. Расширить практику перевода определенного вида государственных служащих на новые места по прошествии определенного количества времени (например, 3–5 лет), это позволит минимизировать использование личных знакомств с целью «крышевания», так как за такое, достаточно короткое, время невозможно наладить крепкие связи.

Формирование антикоррупционного правосознания — это сложный, длительный, комплексный процесс, предполагающий наличие развернутого механизма мероприятий и использования разнообразных методов. Однако важно заметить, что зачастую меры, закрепленные в теории, сложно реализуются практически. На это влияют различные факторы, как внешние — низкое качество, несовершенство антикоррупционного законодательства, так и внутренние, такие как отсутствие у чиновника страха ответственности, а также терпимость к данному явлению. Государству необходимо не только выявлять данные факторы, используя различные средства правового и социального мониторинга, но и учитывать их при выработке и реализации мер, направленных на совершенствование антикоррупционного законодательства, формирования антикоррупционного правосознания, и в конечном счете, для снижения коррупционных правонарушений.

Сведения об авторе

Ботева Полина Максимовна — студентка 1-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ANTI-CORRUPTION LEGAL CONSCIOUSNESS: THEORY AND PRACTICE

P. M. BOTEVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Currently, the problem of corruption has become the most acute due to active foreign policy and the need for domestic financing. It is necessary to minimize cases of corruption in order to increase the country's budget. To achieve this, the Russian Federation is taking measures to enhance anti-corruption legal consciousness, primarily among officials. But the problem is that the results of the measures stated in theory do not match the practice.

Keywords: *anti-corruption legal awareness, state measures, corruption crimes.*

Концептуально-правовые основы единства многонационального народа современной России

Р. М. Будаков[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Освещен актуальный вопрос укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. Автор обосновывает мысль о том, что вследствие ущемления прав представителей различных национальностей по признаку национальной принадлежности нередко возникают народные волнения, в связи с чем подрывается доверие народа к власти, поскольку нарушается право равного доступа к реализации прав и свобод, принадлежащее каждому гражданину Российской Федерации.

Ключевые слова: *многонациональность, народ, единство, народность, этнические группы.*

Вопрос единства многонационального народа в России актуален еще со времен Древней Руси. Общеизвестно, что племена ильменских словен, кривичей, чуди и мери в 862 г. призвали Рюрика со словами: «Приходите княжить и владеть нами». Это указывает на то, что народы, которые отличались своими порядками, жизненными ценностями и традициями, решили объединиться «под крыло» управления одного человека, чтобы прекратить вражду. Далее в истории государства встречается достаточно случаев, когда люди разных национальностей, вероисповеданий и т. д. объединялись для достижения общей цели. Освобождение Москвы от польско-литовских интервентов, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война и поднятие промышленности в послевоенное время — это прямые доказательства единства народа Российского государства. Каждый год 4 ноября, начиная с 2005 г., в Российской Федерации отмечается День народного единства, обусловленный важным событием в истории России — освобождением Москвы от польско-литовских захватчиков в 1612 г. Это стало возможным благодаря усилиям всего народа, объединившегося для поддержки князя Дмитрия Пожарского и купца Кузьмы Минина и борьбы за свободу и независимость своей страны.

В современных условиях одной из ключевых задач государственного управления становится комплексное воздействие на сферу межэтнических отношений. Основная цель такого воздействия — гармонизация этих отношений, предотвращение конфликтов на этнической и политической почве. Это необходимо для поддержания целостности государств, в которых проживает население с различным культурным составом. Так, согласно Указу Президента РФ от от 25.12.2025 № 962 2026 год официально объявлен Годом единства народов России[2].

Во избежание конфликтов и ущемления прав и свобод той или иной этнической группы единство и равенство многонационального народа отражены в законодательстве, начиная с преамбулы Конституции Российской Федерации: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации»[3]. Также ст. 3, 5, 14, 19, 26 и 68 Конституции обеспечивают базовое признание важности национального единства, акцентируют значимость соблюдения принципа равных возможностей и уважения культурного многообразия народов, входящих в состав многонационального народа Российской Федерации.

Статья 3 провозглашает, что носителем суверенитета и единственным источником государствен-

[1] Научный руководитель — Суханова Александра Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Указ Президента РФ от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522737/ (дата обращения: 29.04.2026).

[3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144).

ной власти в Российской Федерации является его многонациональный народ.

Статья 5 указывает на равноправие и самоопределении народов в Российской Федерации.

Статья 14 подчеркивает принцип светскости государства, согласно которому никакая религия не является официальной или обязательной. Это создает условия для равенства всех религиозных объединений перед законом и обеспечивает свободу вероисповедания для представителей разных народов и этнических групп, составляющих многонациональный народ России. Таким образом, данная норма способствует сохранению культурного многообразия и религиозной терпимости в обществе.

Статья 19 закрепляет, что все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Статья 26 устанавливает, что каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности, каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

В соответствии со ст. 68 государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Вместе с тем республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации, а также Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

В современных реалиях политика Российского государства направлена на сохранение традиций всех народов, проживающих на ее территории, в том числе малочисленных. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» № 82-ФЗ[1] обеспечивает правовые основы для реализации специальных мер поддержки и охраны интересов малых народов. Закон устанавливает правовые механизмы для защиты и реализации культурных, социальных и экономических прав коренных малочисленных народов России. Основные положения данного закона охватывают: право на сохранение родного языка, содействие развитию традиционной культуры и искусства, а также обеспечение условий для изучения национальных обычаев и традиций. Важное значение придается поддержке традиционных видов деятельности, таких как охота и рыболовство, защите традиционного образа жизни и сохранению земель для проживания и хозяйствования. Кроме того, закон предусматривает участие коренных народов в управлении природными ресурсами, компенсационные выплаты за их использование на территориях проживания, а также предоставление льгот и субсидий для поддержки их экономики. Также законом предусмотрено представительство в органах власти и управления и создание общественных организаций для защиты интересов коренных народов. Рассматриваемый закон направлен на сохранение культурного разнообразия и устойчивое развитие этих народов. Его реализация осуществляется через федеральные программы и региональные инициативы, которые включают поддержку образования, здравоохранения, инфраструктуры и занятости населения.

Национальная политика России направлена на обеспечение национальных интересов Российской Федерации, укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений[2]. Представляется, что к базовым тезисам укрепления народного единства может быть отнесено следующее: уважение к себе и другим способствует единству народа; чувство принадлежности к стране объединяет людей и делает их ответственными за будущее; межэтнические отношения обогащают культуру и язык России; сохранение и развитие культуры важны для уникальности каждого народа и общего наследия страны; народы России создают ее особый облик.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на вызовы, российское государство продолжает укреплять единство и сплоченность своих граждан. Независимо от различий, народ Российской Федерации демонстрирует способность преодолевать трудности и сохранять целостность

[1] Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[2] Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7312.

страны. История отечественного государства показывает, что оно всегда стремилось к единству, где каждый гражданин воспринимается как равный член общества.

Сведения об авторе

Будаков Руслан Мадинович — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

CONCEPTUAL AND LEGAL BASIS OF THE UNITY OF THE MULTINATIONAL PEOPLE OF MODERN RUSSIA

R. M. BUDAKOV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. This article is devoted to the pressing issue of strengthening the unity of the multinational people of the Russian Federation. The author argues that the infringement of the rights of representatives of various nationalities based on their nationality often leads to popular unrest, which undermines public trust in the government by violating the right of equal access to the exercise of rights and freedoms, which belongs to every citizen of the Russian Federation.

Keywords: *multinationality, people, unity, nationality, ethnic groups.*

Эволюция института вины в условиях цифровизации

Д. Е. Вакин[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Статья посвящена трансформации института вины в условиях цифровизации и активного внедрения систем искусственного интеллекта (ИИ). Автор анализирует кризис классической психологической теории вины, вызванной появлением «мягких форм» объективного вменения и спецификой квалификации компьютерных преступлений. Особое внимание уделено новеллам законодательства 2025–2027 гг., риск-ориентированному подходу и закреплению антропоцентрического принципа ответственности за действия ИИ.

Ключевые слова: *вина, уголовное право России, цифровизация, эволюция понятия вины, искусственный интеллект.*

Традиционно вина в уголовном праве рассматривается как один из основополагающих принципов всей отрасли права. Часть 1 ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет, что лицо подлежит ответственности только за те действия и наступившие опасные действия, в отношении которых установлена его вина. Принцип субъективного вменения является основой справедливости: закон прямо запрещает в ч. 2 вышеуказанной статьи объективное вменение, то есть ответственность за невиновное причинение вреда.

Но в условиях цифровизации становится проблематичным из-за различных технологических факторов установить, кто является субъектом преступления и какова формы его вины в тех или иных деяниях, совершаемых в цифровой среде. Психологическая теория вины переживает кризис, а классическое отношение лица к совершаемому им деянию деформируется, когда между волей и сознанием человека вклинивается программный код или алгоритм, который влияет на дальнейший результат. Современные исследователи, например, Н. А. Лопашенко указывают на появление «мягких форм» объективного вменения[2], когда правоприменитель делает вывод о виновности на основе технических фактов, не воспроизводя психическое состояние субъекта.

[1] Научный руководитель — Комягин Роман Александрович, кандидат юридичесих наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

[2] Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 9 (178).

В доктрине уголовного права вина традиционно определяется как психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Но цифровая среда требует переосмысления этого фундамента. М. И. Еникеев предлагает рассматривать вину как «психическое содержание противоправного действия вменяемой личности, выраженное в несоответствии ее целей и побуждений, способов и результатов нормам права»[1]. В эпоху цифровизации это означает, что элемент вины должен включать не только знание законодательства, но и понимание технических особенностей и последствий своих действий в сети.

Трансформация интеллектуального элемента вины в сфере компьютерных преступлений приобретает различные черты, которые требуют понимания технических процессов. Например, ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. Субъективная сторона данного деяния характеризуется прямым умыслом в отношении получения доступа, но при этом в науке существует дискуссия относительно психического отношения субъекта к последствиям доступа: уничтожение, блокирование, модификация данных. Например, А. Г. Волеводз выдвигает такую позицию: «преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ может быть совершено как умышленно, путем нарушения правил эксплуатации ЭВМ, так и по неосторожности»[2]. Это означает, что субъект может осознавать незаконность проникновения в систему, но в полной мере не осознавать и не предвидеть масштаб последствий от его вмешательства.

Статья 273 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает наказание за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. При этом законодатель указывает, что субъект обязан знать о заведомо разрушительном назначении такой программы. Это налагает дополнительную обязанность на органы следствия — доказать, что виновный обладал знанием о вредоносных свойствах программы еще до момента ее использования/распространения. Здесь же интеллектуальный элемент включает в себя осознание назначения программы (несанкционированное уничтожение/блокирование/копирование информации), понимание механизмов работы этой программы в цифровой среде, предвидение возможности наступления ущерба при ее распространении.

Проблематика же заключается в современных способах тестирования на уязвимости (т. н. «пентестинг») различных систем с помощью таких программ. Они могут быть использованы как в благих целях, так и в преступных. В таких случаях фактор «заведомости» является ключевым, который разграничит законную деятельность специалиста по кибербезопасности от преступного умысла хакера.

Так же введение ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации представляет уникальный случай «обмана без человека». Традиционное мошенничество предполагало воздействие на психику потерпевшего, но в цифровой среде подлежат «обману» алгоритмы и система. Здесь же субъективная сторона характеризуется прямым умыслом на хищение чужого имущества. Виновный осознает, что он вмешивается в работу программного обеспечения, желает завладеть какими-либо материальными средствами.

В современных реалиях усиливается роль искусственного интеллекта (далее — ИИ) для решения различных бытовых и не только проблем. ИИ представляет наиболее сложный объект для теории вины, ведь автономность ИИ-систем создает пробел в причинно-следственной связи, где действие человека отделено от результата (преступного вреда), так как решение принимается машиной самостоятельно. И. Н. Мосечкин считает, что «будет создана проверенная программная база, что снимет ответственность с производителя. Поскольку программа самостоятельно примет неправильное решение, основное содержание вины в таком случае ложится на нее, а не на других лиц»[3]. Нельзя не согласиться с этим мнением в технической части, но возникает вопрос с юридической стороны — как привлечь ИИ к уголовной или иной ответственности? В настоящее время, пока ИИ не обладает юридической правосубъектностью и зависит от набора данных, которые ему предоставляет человек в лице разработчика, ответственности подлежит именно человек. Вина часто будет переходить в форму неосторожности, ведь лицо не предвидело возможности совершения алгоритмом опасного действия, хотя при должной осмотрительности и проведенных тестированиях должно было и могло это предвидеть. В 2025 г. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) издала приказ № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных

[1] Еникеев М. И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 79.

[2] Волеводз А. Г. Российское законодательство об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации // Российский судья. 2002. № 9. С. 36.

[3] Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 3.

унитарных предприятий, государственных учреждений», в котором уже предусмотрены положения, регулирующие использование ИИ в контексте информационной безопасности, что является еще одним шагом к правовой регламентации использования алгоритмов, обученных на наборе каких-либо данных. Тем не менее грядущий Федеральный закон «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» закрепит, что за действия ИИ всегда отвечает человек. Это сохранит антропоцентричный характер принципа вины (подробнее об акте далее).

Ключевым этапом эволюции понятия вины станет вступление в силу 1 сентября 2027 г. Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Законопроект вводит риск-ориентированный подход: требования к системам ИИ и соответственно критерии «разумной осмотрительности» их владельцев будут зависеть от уровня потенциального вреда для жизни и здоровья граждан. Разработчик/оператор/владелец сервиса ИИ несут ответственность за результат, полученный с использованием ИИ, который нарушает законодательство РФ, при условии, что лица заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата. Законопроект предусматривает запрет на «эксплуатацию уязвимостей человека», то есть использование особенностей физического лица или группы лиц для целенаправленного воздействия на поведение[1]. Умышленное использование таких технологий станет прямым доказательством преступного умысла в составах мошенничества или вымогательства.

Параллельно с общим законом Минцифры России разработало пакет поправок в Уголовный кодекс РФ. Планируется внести в ст. 158 Уголовного кодекса РФ определение искусственного интеллекта, что позволит унифицировать понимание субъективной стороны во всех составах, связанных с цифровыми преступлениями. Использование ИИ при совершении преступления будет выделено как самостоятельный квалифицирующий признак в ст. 158, 159, 163.1, 272.2.

При этом проблема возникает и в процессе доказывания вины. Требуются особые технические знания для экспертизы цифровых доказательств разного характера. Ключевым станет установление «заведомости» и целенаправленности действий через интеллектуальный анализ лог-файлов, которые позволят установить последовательность действий и наличие специальных навыков у субъекта, что позволит сделать вывод о заведомости намерений. Также со вступлением в 2027 г. в силу нового ФЗ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» будет обеспечена обязательная маркировка контента, сгенерированного ИИ, что станет важным элементом при доказывании умысла. Вероятнее всего, отсутствие маркировки при осознанном распространении сгенерированного вредоносного контента будет пониматься как попытка скрыть способ совершения преступления.

На основе проведенного исследования автор предлагает следующие меры по модернизации института вины в условиях непрекращающейся цифровизации жизни:

1. Легальное определение ИИ в Общей части УК РФ: автор поддерживает предложение Минцифры о внесении дефиниции ИИ в уголовный закон, однако предлагает разместить его не в составах Особенной части, а в положениях Общей части, чтобы оно имело универсальное значение для всех составов.

2. Исключение признака «заведомости» из ст. 273 и 274.1 УК РФ: для упрощения квалификации и борьбы с латентностью киберпреступлений целесообразно заменить «заведомость» на указание о «сознательном допущении» вредоносных свойств программного обеспечения, что позволит охватить и ситуации, где прослеживается косвенный умысел на совершение деяния.

3. Обязательная маркировка как доказательство умысла: умышленное отсутствие маркировки ИИ-контента (согласно требованиям грядущего ФЗ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации») должно рассматриваться как квалифицирующий признак попытки скрыть способ совершения преступления.

4. Ужесточенная ответственность за «эксплуатацию уязвимостей»: умышленное использование ИИ для психологических манипуляций должно признаваться отягчающим обстоятельством, свидетельствующим о повышенной опасности умысла.

В заключение хотелось бы отметить, что эволюция вины в цифровую эпоху — это переход от психологического восприятия к нормативно-техническому. При этом принцип вины адаптируется через введение риск-ориентированного подхода и четкое разграничение обязанностей разработчиков и операторов ИИ. Уголовный кодекс будет дополнен в части преступлений, предусмотренных использованием ИИ, что повлечет ужесточение ответственности за киберпреступления. Автономность ИИ не отменяет персональной ответственности человека, но требует от правоприменителя глубокого анализа того, кто именно обладал возможностью предвидеть и предотвратить вред — разработчик или пользователь.

[1] Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2026)

Грядущее законодательство поможет решить споры о вине «машин»: виноватым признается человек, который либо умышленно использовал когнитивные возможности алгоритма во вред, либо же проявлял преступную небрежность при его контроле.

Сведения об авторе

Вакин Данил Евгеньевич — студент 2-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF WINE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

D. E. VAKIN

Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article is devoted to the transformation of the institution of guilt in the context of digitalization and the active introduction of artificial intelligence (AI) systems. The author analyzes the crisis of the classical psychological theory of guilt caused by the emergence of "soft forms" of objective imputation and the specifics of the qualification of computer crimes. Special attention is paid to the novelties of the legislation of 2025–2027, the risk-oriented approach, and the consolidation of the anthropocentric principle of responsibility for the actions of AI.

Keywords: *guilt, Russian criminal law, digitalization, evolution of the concept of guilt, artificial intelligence.*

Отдельные вопросы взаимодействия прокуратуры с органами жилищного надзора и с органами муниципального жилищного контроля

Д. Д. Володченкова[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена отдельным вопросам взаимодействия прокуратуры с органами жилищного надзора и муниципального жилищного контроля, возникающим в правоприменительной практике. Рассмотрены такие формы взаимодействия, как информационный обмен, совместные контрольные мероприятия и участие в правотворческой деятельности. Проанализированы ключевые проблемы и определены пути их преодоления.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, жилищно-коммунальное хозяйство, муниципальный контроль, органы жилищного надзора, взаимодействие.*

Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законов в сфере жилищно-коммунального хозяйства является многоаспектной. Сложность организации надзора по данному направлению заключается в том, что органам прокуратуры для наиболее эффективного выполнения своих функций необходимо, в первую очередь, обеспечить надлежащее взаимодействие с органами жилищного контроля и органами местного самоуправления для оперативного получения достоверной и актуальной информации в сфере рассматриваемых общественных отношений.

Согласно ст. 20 Жилищного кодекса Российской Федерации, сфера ЖКХ предусматривает осуществление государственного, муниципального и общественного контроля. Так, государственный жилищный надзор осуществляется уполномоченными исполнительными органами субъектов Российской Федерации в соответствии с положением, утверждаемым высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, и общими требованиями к организации и осуществлению государственного жилищного надзора, установленными Правительством Российской Федерации[2]. Общие требования к организации

[1] Научный руководитель — Глухова Евгения Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Жилищный кодекс : Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (с последними изменениями). URL: https://base.

и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора) закреплены в Постановлении Правительства РФ от 30.09.2021 № 1670 (ред. от 12.11.2025) «Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора)»[1].

Как верно отмечает В. А. Макарова, «Учитывая организационно-правовой статус органов контроля, прокуратура осуществляет выстраивание отношений с ними так, чтобы обеспечить более полное получение информации о нарушениях и нарушителях законов и обстоятельствах, которые способствуют нарушению законов, не подменяя при этом органов контроля, прокуратура требует от них проведения мероприятий, способствующих выявлению и устранению нарушений законов для осуществления анализа результативности актов прокурорского реагирования на выявленные нарушения законов»[2]. Действительно, оперативное получение информации о состоянии законности играет ключевую роль в организации прокурорского надзора, поскольку непосредственно от данного фактора зависят качество прокурорского надзора и своевременность принятия мер прокурорского реагирования.

Взаимодействие ГЖИ с органами прокуратуры происходит путем использования государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (далее — ГИС ЖКХ). Так, например, органы прокуратуры в рамках осуществления надзора за исполнением законов в деятельности управляющих компаний систематически проводят мониторинг ГИС ЖКХ, в этой связи прокуратурами не редко выявляются нарушения в части несвоевременного размещения информации или неполноты предоставленных сведений.

На основе анализа действующего законодательства и сложившейся практики взаимодействие органов прокуратуры с органами жилищного надзора и местного самоуправления можно классифицировать на три основные группы:

1) информационный обмен;

2) совместные контрольные мероприятия;

3) участие в правотворческой деятельности;

Наиболее распространенной формой, конечно же, является обмен информацией о выявленных нарушениях. Так, в ходе анализа состояния законности прокуроры используют сведения, предоставленные органами жилищного надзора о выданных предписаниях, фактах неисполнения лицензионных требований управляющими организациями, а также поступающие от граждан обращения. Поскольку эффективность прокурорского надзора во многом зависит от полноты и достоверности информации, получаемой от контролирующих органов, то требуется налаженный механизм информационного взаимодействия.

Так, исходя из смысла положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ[3], органы прокуратуры и органы местного самоуправления осуществляют обмен информацией о результатах рассмотрения обращений граждан по фактам нарушений в сфере ЖКХ. Например, на практике взаимодействие строится на основе совместных планов работы, которые утверждаются на полугодие или год.

Второй формой взаимодействия является организация совместных проверочных мероприятий. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ закрепляет, что проверка, проводимая по требованию прокурора, имеет приоритетный характер. Так, например, в ст. 10 указанного закона предусмотрено, что заявление о согласовании проведения внеплановой выездной проверки юридического лица, индивидуального предпринимателя и прилагаемые к нему документы рассматриваются органом прокуратуры в день их поступления в целях оценки законности проведения внеплановой выездной проверки[4]. Прокурор в порядке надзора вправе инициировать проведение внеплановой проверки органом жилищного надзора, более того, вправе участвовать в проводимых проверках лично. Так, в научной литературе отмечается, что «участие прокурора в контрольных мероприятиях органов жилищного надзора позволяет не только обеспечить законность их проведения, но и оперативно принимать меры прокурорского реагирования в случае выявленных нарушений»[5].

garant.ru/12138291 (дата обращения: 23.03.2026).

[1] Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора) : Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 № 1670 (ред. от 12.11.2025). URL: https://base.garant.ru/402913645/ (дата обращения: 23.03.2026).

[2] Макарова В. А. Взаимодействие прокуроров с органами представительной (законодательной) и исполнительной власти, местного самоуправления, контролирующими и другими органами как важный аспект обеспечения законности // Проблемы науки. 2017 № 2 (15). С. 83.

[3] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12146661/ (дата обращения: 24.03.2026).

[4] О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (последняя редакция). URL: https://base.garant.ru/12164247/ (дата обращения: 26.03.2026).

[5] Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор : учебник для вузов / под ред. Ю. Е. Винокурова. 17-е

В этой связи стоит отметить, что на практике сотрудниками прокуратуры Калининского района для оперативного обмена информацией и организации проверочных мероприятий создан групповой чат в мессенджере «MAX» с представителями управляющих компаний и администрацией Калининского района.

Третьей формой взаимодействия является участие прокурора в правотворческой деятельности. Так, согласно ст. 9 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[1].

Также стоит отметить, что прокуроры проверяют муниципальные нормативные правовые акты в сфере ЖКХ, связанные с установлением тарифов на коммунальные услуги, правила благоустройства и, например, программы переселения из аварийного жилья. Также согласно ст. 23 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор или его заместитель приносят протест на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации[2]. Соответственно прокурор вправе принести протест на муниципальный правовой акт, противоречащий федеральному законодательству.

Проведенный анализ действующего законодательства и проблемных аспектов позволяет предложить следующие пути решения выявленных проблем.

Во-первых, совершенствование информационного взаимодействия. Предлагается внести изменения в Федеральный закон «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2014 № 209-ФЗ, дополнив ст. 7 указанного закона положением об обязательном предоставлении органам прокуратуры полного доступа к сведениям, содержащимся в ГИС ЖКХ, в режиме реального времени и без дополнительных направлений межведомственных запросов, поскольку в настоящее время для получения информации прокурорам необходимо направлять официальные запросы, что увеличивает сроки проверок и снижает оперативность принятия мер прокурорского реагирования.

Во-вторых, совершенствование практики предварительного согласования. Так, целесообразно дополнить ст. 20 ЖК РФ пунктом «проведение проверок органами государственного жилищного надзора и органами муниципального жилищного контроля подлежит согласованию с органами прокуратуры не только в части внеплановых проверок, но и в части ежегодных планов». Полагается, что подобные изменения позволят исключить дублирование проверочных мероприятий и снизить количество нарушений, допускаемых в указанной сфере.

Таким образом, взаимодействие прокуратуры с органами жилищного надзора и муниципального контроля представляет собой сложный многогранный процесс. Только при условии выстроенной системы взаимодействия можно обеспечить реальную защиту прав граждан в жилищно-коммунальной сфере и снизить количество нарушений, допускаемых в рассматриваемой сфере.

Сведения об авторе

Володченкова Дарья Дмитриевна — студентка 5-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

SOME ISSUES OF INTERACTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE WITH THE HOUSING SUPERVISION AUTHORITIES AND WITH THE MUNICIPAL HOUSING CONTROL

D. D. VOLODCHENKOVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article is devoted to certain issues of interaction between the prosecutor's office and the housing supervision and municipal housing control authorities that arise in law enforcement practice. Such forms of interaction as information exchange, joint monitoring activities and participation in law-making activities are considered. The key problems are analyzed and ways to overcome them are identified.

изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. URL: https://urait.ru/book/prokurorskiy-nadzor-600404 (дата обращения: 26.03.2026). С. 420.

[1] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025). URL: https://base.garant.ru/10164358/ (дата обращения: 16.01.2026).

Keywords: *prosecutor's office, prosecutor's supervision, housing and communal services, municipal control, housing supervision authorities, interaction.*

Проблемы применения компенсаторных механизмов Конституционного Суда Российской Федерации в сфере избирательных прав граждан

К. Л. Гутин[1]
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург

Аннотация. Рассматривается вопрос реализации компенсаторных механизмов Конституционного Суда Российской Федерации судами общей юрисдикции при рассмотрении дел политических партий. На основе судебной практики демонстрируются пробелы правового регулирования и непонимание субъектами правоотношений природы компенсаторных механизмов. Обосновывается важность ликвидации данных пробелов для стабильности политической системы и повышения доверия к государственным институтам.

Ключевые слова: *компенсаторные механизмы, Конституционный Суд Российской Федерации, избирательные права, политические партии, политическая стабильность.*

Законодательное закрепление в 2020 г. компенсаторных механизмов в конституционном правосудии как специального способа восстановления нарушенных прав заявителя породило разноречивую правоприменительную практику, что позволило говорить, с одной стороны, о пробельности правового регулирования данного института, которая отмечается как учеными[2], так и Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации[3], а с другой, о часто имеющем место недостаточном понимании субъектами правоотношений природы данного правового института[2]. В частности, указанная проблематика имеет высокую актуальность в сфере избирательных прав, особенно в свете предстоящих выборов депутатов Государственной Думы, а потому представляется целесообразным на примере конкретных дел выявить аспекты, требующие особого внимания, и обосновать их важность для стабильности политической системы России.

В качестве первого примера рассмотрим произошедший в 2022 г. отказ территориальной избирательной комиссии в заверении списка кандидатов в депутаты Орского городского Совета депутатов Оренбургской области, представленного оренбургским областным отделением политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (далее — Оренбургское отделение КПРФ), в связи с обнаружением опечатки в фамилии одного из кандидатов. После подтверждения данного решения Избирательной комиссией Оренбургской области, признания его правомерным судами первой, апелляционной и кассационной инстанций и непрохождения «кассационного фильтра» Верховного Суда Российской Федерации Оренбургское отделение КПРФ успешно оспорило конституционность соответствующих положений федерального законодательства в Конституционном Суде Российской Федерации[4]. В постановлении по делу Суд предоставил заяви-

[1] Научный руководитель — Соколова Анна Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

[2] См. напр.: Зайков Д. Е. Компенсаторные механизмы на основании постановлений Конституционного Суда РФ: проблемы правоприменительной практики // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 10–17.

[3] Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2024 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации). Документ опубликован не был. Источник: СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии "Коммунистическая партия Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4668.

телю право на применение компенсаторных механизмов, после чего Оренбургское отделение КПРФ обратилось в Советский районный суд г. Орска с требованием компенсации в размере 1 млн руб. и возмещения судебных расходов[1]. Примечательно, что истец мотивировал свои требования падением рейтинга партии у избирателей в связи с неучастием в выборах и имущественным ущербом, понесенным при организации выдвижения кандидатов, ссылаясь на ст. 1069 ГК РФ. Здесь необходимо отметить правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации[2], согласно которой ст. 1070 ГК РФ, а значит, как подчеркивает Д. Е. Зайков, по аналогии закона и ст. 1069 ГК РФ[3] неприменимы при реализации компенсаторных механизмов. В результате суд, не найдя доказательств падения рейтинга партии и имущественного вреда, в удовлетворении иска отказал. Ключевой причиной вынесения подобного решения видится непонимание сущности компенсаторных механизмов: требования истца сводились к деликтным, тогда как требования о применении компенсаторных механизмов имеют иную природу: судебная практика знает трактовку, по которой их основанием выступает квазиделикт[4], а во втором приближении компенсаторные механизмы не просто основаны на публично-правовой (а не частноправовой) ответственности, но образуют значимый публично-правовой институт с высоким потенциалом для взаимодействия между конституционным и административным судопроизводством[5]. Потому верное понимание его сущности как сторонами, так и судом принципиально важно в масштабе всей правовой системы, а не единичного дела.

Апелляционная инстанция согласилась с решением Советского районного суда г. Орска, однако в кассации решение суда первой инстанции и апелляционное определение были отменены. Суд в том числе сослался на определение Конституционного Суда Российской Федерации, указав, что компенсация имеет не только правовосстановительное, но и поощрительное значение для заявителя, поспособствовавшего устранению из законодательства неконституционных положений, но не имеющего возможности извлечь из этого благоприятные последствия для себя[6]. Дело было направлено на новое рассмотрение в Советский районный суд г. Орска, удовлетворивший исковые требования Оренбургского отделения КПРФ в части, постановив взыскать в его пользу компенсацию в размере 100 тыс. руб. — 10 % от суммы, которую требовал истец: при определении размера компенсации суд руководствовался правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, указывающей в качестве критерия значимость нарушенного права с учетом связанных с нарушением неблагоприятных последствий имущественного и морального характера. Таким образом, мотивировочная часть соответствует особенностям применения данного механизма. Интересно и то, что иск был предъявлен к администрации г. Орска, Министерству финансов Российской Федерации, Министерству финансов Оренбургской области и МУ «Финансовое управление администрации города Орска», однако суд, указав, что применение компенсаторного механизма основано на осуществлении полномочий вопросов местного значения органом местного самоуправления, определил в качестве надлежащего ответчика лишь администрацию г. Орска[7]. Апелляционная инстанция уточнила, что взыскание должно быть произведено за счет казны муниципального образования г. Орска[8]. Пусть региональная избирательная комиссия и подтвердила решение территориальной, ответчик, как видится, определен формально верно с позиций разграничения предметов ведения и полномочий.

Другой иллюстрацией рассматриваемой проблемы служит дело Псковского регионального отделения политической партии «Российская объединенная демократическая партия “ЯБЛОКО”» (далее — Псковское отделение «Яблока»). В 2023 г. партийные списки кандидатов в депутаты на муниципальных выборах в семи районах области были сняты по решениям судов в связи с тем, что руководитель регионального отделения заверил

[1] Решение Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 27 ноября 2023 г. по делу № 2-1587/2023. URL: https://судебныерешения.рф/79547698/extended (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 2100-О «По жалобе гражданки Русаковой Елены Леонидовны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьёй 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Источник: СПС «КонсультантПлюс».

[3] Зайков Д. Е. Указ. соч.

[4] См.: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2022 г. по делу № 66-3430/2022. Документ опубликован не был. Источник: СПС «КонсультантПлюс».

[5] Соколова А. И. Новеллы конституционного судопроизводства: влияние на развитие административной юстиции и единой системы публичной власти // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2025. № 4 (66). С. 65–69.

[6] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2024 г. по делу № 88-12705/2024. URL: https://судебныерешения.рф/83114593/extended (дата обращения: 10.05.2026).

[7] Решение Советского районного суда г. Орска от 11 сентября 2024 г. по делу № 2-1283/2024. URL: https://судебныерешения.рф/85456217/extended (дата обращения: 10.05.2026).

[8] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Оренбургского областного суда от 16 января 2025 г. по делу № 33-281/2025. URL: https://судебныерешения.рф/87187448/extended (дата обращения: 10.05.2026).

их до внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ. Примечательно, что истцами во всех случаях выступили региональные отделения конкурирующих партий. Суды вышестоящих инстанций, включая Верховный Суд Российской Федерации, с решениями районных судов согласились, однако Конституционный Суд Российской Федерации после соответствующей жалобы принял постановление, где, не признав неконституционности оспариваемых положений федерального и регионального законодательства, указал тем не менее на ошибку правоприменителей, дав официальное толкование норм, и предоставил Псковскому отделению «Яблока» право на применение компенсаторных механизмов[1]. Рассмотрим реализацию данного постановления. Псковское отделение «Яблока» обратилось в Опочецкий районный суд Псковской области с требованием взыскать в свою пользу компенсацию неблагоприятных последствий имущественного характера, в том числе расходы на организацию избирательной кампании и уплату государственной пошлины по делу 2023 г., и неимущественного характера в связи с репутационными потерями партии, а также компенсацию правовой активности, причем не только в Конституционном Суде Российской Федерации (10 тыс. руб.), но и в судах общей юрисдикции и Верховном Суде Российской Федерации (40 тыс. руб.). Думается, исковые требования за исключением требования компенсации правовой активности в Конституционном Суде Российской Федерации противоречат сущности компенсаторных механизмов, что сближает данный пример с делом Оренбургского отделения КПРФ. Более того, как справедливо возражал ответчик по делу, Министерство финансов Российской Федерации, компенсации за обращение в суды общей юрисдикции не предусмотрено. Неуместно, однако, указание ответчика на то, что обращение истца в Конституционный Суд Российской Федерации не привело к признанию правовых норм неконституционными: всё же официальное толкование Конституционного Суда Российской Федерации прямо влияет на правоприменительную практику. Несмотря на отмеченные противоречия, суд первой инстанции удовлетворил исковые требования в части, в том числе присудив истцу компенсацию правовой активности в требуемом размере. Апелляционная инстанция с решением районного суда согласилась[2]. Однако, рассмотрев спустя несколько дней апелляционную жалобу Министерства финансов Российской Федерации на аналогичное решение Бежаницкого районного суда, куда истец обращался с аналогичными исковыми требованиями, апелляционная инстанция приняла возражения ответчика, включая указание на недоказанность репутационных потерь и множественность компенсаций (истцом был подан ряд аналогичных исков, тогда как постановление Конституционного Суда Российской Федерации было одно), снизив размер компенсационной выплаты до 10 тыс. руб.[3] Несмотря на некорректность исковых требований, решение нужно признать спорным: в мотивировочной части указывается, что сумма компенсации достаточна для достижения *правовосстановительных* и поощрительных целей, хотя изначально названная сумма основывается на требованиях лишь в части поощрения правовой активности в Конституционном Суде.

Рассмотренные примеры показывают наличие серьезных противоречий в применении компенсаторных механизмов. С одной стороны, мы имеем дело с истцами, неверно формулирующими исковые требования из-за непонимания природы нового правового института, а с другой, с судами, которые ввиду отсутствия детального правового регулирования и единой судебной практики в этой сфере выносят непоследовательные решения со спорной мотивировкой. Вместе с тем восполнение пробелов, в частности, путем уточнения положений законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации и дополнения процессуальных кодексов нормами, прозрачно регулирующими определение формы и размера компенсации, необходимо для стабильности отношений в сфере избирательного права и, как следствие, всей политической системы, а значит, и для уровня доверия общества к государству и его институтам, что имеет существенное значение для устойчивости государственно-властного механизма в текущих политических реалиях.

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 23 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, пункта 5 статьи 27 Федерального закона “О политических партиях”, подпункта “л” пункта 1 статьи 5 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”, подпункта “б” пункта 25 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и подпункта “б” пункта 9 статьи 36 Избирательного кодекса Псковской области в связи с жалобой Псковского регионального отделения политической партии “Российская объединенная демократическая партия “ЯБЛОКО”» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда от 20 января 2026 г. по делу № 33-53/2026 // URL: https://судебныерешения.рф/93339650/extended (дата обращения: 12.05.2026).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда от 29 января 2026 г. по делу № 33-61/2026 // URL: https://судебныерешения.рф/93598965/extended (дата обращения: 12.05.2026).

Сведения об авторе

Гутин Кирилл Леонидович — студент 1-го курса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург.

PROBLEMS OF APPLYING COMPENSATORY MECHANISMS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF CITIZENS' VOTING RIGHTS

K. L. GUTIN

Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the implementation of the compensatory mechanisms of the Constitutional Court of the Russian Federation by general jurisdiction courts in the consideration of cases involving political parties. Based on judicial practice, the article demonstrates the gaps in legal regulation and the lack of understanding of the nature of compensatory mechanisms by legal entities. The article argues for the importance of addressing these gaps in order to ensure the stability of the political system and increase trust in government institutions.

Keywords: *compensatory mechanisms, the Constitutional Court of the Russian Federation, electoral rights, political parties, political stability.*

Правовые особенности цифровой экономики Китая

Р. В. Данилов[1]

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск

Аннотация. Анализируется китайская модель регулирования цифровой экономики (43 % ВВП в 2024 г.), сочетающая социалистическое планирование, партийный контроль и рыночные механизмы. Рассмотрены антимонопольные штрафы, пилотные проекты социального кредита и жесткая защита критической информационной инфраструктуры. Сделан вывод о формировании целостной суверенной правовой системы с перспективой экспорта через «Цифровой шёлковый путь».

Ключевые слова: *цифровая экономика Китая, социалистическая рыночная экономика, партийное руководство (КПК), система социального кредита, критическая информационная инфраструктура, «Цифровой шёлковый путь».*

Цифровая экономика Китая в последние годы превратилась в одну из самых динамично развивающихся в мире и занимает центральное место в стратегии национального развития. По данным, опубликованным Академией информационных и коммуникационных технологий Китая (CAICT), по итогам 2024 г. объем китайской цифровой экономики достиг около 60 трлн юаней (примерно 8,3 трлн долл. США), что составляет примерно 43 % ВВП страны. При этом цифровая экономика в узком смысле, включающая отрасли по производству и оказанию услуг в сфере информационных и коммуникационных технологий, в 2024 г. заняла свыше 8,5 % ВВП. Это на несколько процентных пунктов больше, чем в 2020 г., и свидетельствует о том, что цифровые технологии постепенно становятся главной движущей силой национальной экономики[2].

Помимо очевидных успехов в промышленном производстве, хочется отметить и развитие цифрового общества. Согласно последнему отчету о развитии китайского интернета, в конце 2025 г. число интернет-пользователей в Китае достигло рекордного значения в 1,125 млрд человек, что составляет 80,1 % от общей численности населения[3]. Показатель проникновения смартфонов и исполь-

[1] Научный руководитель — Юрковский Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

[2] 国家发展改革委：2025年我国数字经济增加值有望达49万亿元 占GDP约35 % // 新华财经. 2026. 20 января. URL: https://m.cnfin.com/hg-lb//zixun/20260120/4368247_1.html (дата обращения: 02.04.2026).

[3] 第57次《中国互联网络发展状况统计报告》 // 中国互联网络信息中心 (CNNIC). 2026. 5 февраля. URL: https://www.

зования мобильного интернета в Китае находится на одном из самых высоких уровней в мире. С учетом такой социальной базы и технологической экосистемы нет сомнений, что Китай обладает необходимыми ресурсами для внедрения инновационных механизмов цифрового управления. Такие масштабы требуют серьезного правового регулирования.

Китайская модель развития основана на уникальном сочетании социалистической идеологии и рыночных механизмов. С макроэкономической точки зрения, Китай официально называет свою экономику «социалистической рыночной экономикой», а Коммунистическая партия Китая (далее — КПК) продолжит стратегически выверенный курс на сбалансированное многоукладное развитие экономики, более полно используя рыночные механизмы для достижения высшей социальной цели — повышения уровня благосостояния граждан страны. В Китае сложилась система правового регулирования с использованием цифровизации, а также продолжает развиваться социальная система кредитования как новая модель с использованием информационных технологий для оценки надежности организаций и граждан[1].

Отсюда можно сделать вывод, что Китай успешно сочетает социалистическое планирование с рыночной экономикой, создавая уникальную, прежде нигде не имевшую место быть правовую модель, где частный капитал работает под контролем государства в интересах общества. По мере того как китайская экономика переходит от стадии быстрого роста к стадии высококачественного развития, именно эта правовая модель гарантирует, что цифровая трансформация идет рука об руку с социальной стабильностью.

КПК играет центральную роль в управлении экономикой. Стратегическое планирование осуществляется через пятилетние планы. Исследования показывают, что КПК усиливает свое присутствие в частном секторе через расширение первичных партийных организаций в частных компаниях. Это позволяет партии сохранять контроль над стратегически важными отраслями, включая цифровую экономику. На практике это проявляется в активной работе Антимонопольного комитета Государственного совета КНР, который регулярно налагает штрафы на крупные интернет-корпорации за нарушения антимонопольного законодательства (например, в 2021 г. был наложен крупный штраф на Alibaba, а в последующие годы — на другие компании)[2]. Такие меры, проводимые руководством Китая, способствуют здоровой конкуренции на рынке и не дают частному капиталу подорвать общественные интересы. Как отмечают исследователи китайской модели, «Китай оптимизировал социалистическую рыночную экономику через управляемую государством либерализацию цифровой торговли», что позволяет сочетать свободу предпринимательства с государственным контролем[3].

Так мы видим, что партийное руководство является не просто декларативным принципом, а реальным механизмом управления экономикой, обеспечивающим приоритет национальных интересов над корпоративными. Двойной подход, сочетающий антимонопольное законодательство и партийный контроль, показывает, что Китай способен эффективно бороться с негативными проявлениями рыночной экономики, оставаясь в рамках социалистической системы.

Проблема присвоения каждому гражданину Китая социального рейтинга является предметом большого количества исследований. В отличие от распространенного мифа в Китае не существует единой общенациональной центральной системы социального рейтинга для физических лиц. Однако в ряде городов действуют пилотные проекты системы социального кредита, которые могут быть использованы и в дальнейшем в других государствах, но с существенными ограничениями, обусловленными социокультурными национальными традициями, принципами защиты прав человека и частной жизни[4]. Авторы научных работ рассматривают социальный рейтинг в КНР с точки зрения поиска баланса между ценностями стабильности и безопасности в государстве и предоставлением широты прав и свобод гражданам, принимая во внимание культурно-историческое наследие Китая[5]. Систему социального кредита можно рассматривать не только в качестве организационно-управленческой техники, но и в качестве самостоятельного правового института, относящегося преимущественно к отрасли администра-

cnnic.net.cn (дата обращения: 02.04.2026).

[1] Zhao X. L., Gao X. J., Yang Y. The Innovative Development of Digital Public Capital under the Conditions of Socialism with Chinese Characteristics // World Review of Political Economy. 2024. Vol. 15, no. 1. P. 22–45. DOI: 10.13169/worlrevipoliecon.15.1.0022.

[2] China antitrust penalties total $94.7m in 2025 // MLex. 2026. 20 марта. URL: https://www.mlex.com/mlex/articles/2455503/china-antitrust-penalties-total-94-7m-in-2025 (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Hug F. Domestic E-Commerce Promotion Through State-Managed Liberalisation // China's Free Trade Agreement Strategies: Securing the Chinese Developmental State and Socialist Market Economy. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. Chapter 5. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-97-3019-3_5 (дата обращения: 02.04.2026).

[4] Овчинников А. И., Конопий А. С. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью социального рейтинга в Китае // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 130–135.

[5] Косорукова А. А., Шлык С. И. Система социального рейтинга в КНР: этические аспекты // Практическая философия: состояние и перспективы. 2023. С. 48–53.

тивного права. По имеющимся данным, в городских пилотных проектах (например, в Сямэне, Сучжоу, Ханчжоу) участвуют десятки миллионов граждан. Так, «Личный кредитный план» в Сямэне на сегодняшний день зарегистрировал 3,54 млн участников, охватив 66 % постоянного населения[1]. В городе Ухань «Дифференцированная система кредитного надзора» распространяется на более чем 2 млн индивидуальных предпринимателей и коммерческих субъектов, помогая властям выявлять недобросовестные предприятия и корректировать политику в сфере общественного благосостояния. Исследование китайской системы социального кредита на основе полевых данных из Шанхая показывает, что она функционирует как инструмент автоматизированного правоприменения, решая давние проблемы исполнения законодательства.

Таким образом, система социального рейтинга в Китае — это не тотальный контроль, а многоуровневый механизм стимулирования законопослушного поведения, сочетающий поощрительные и надзорные функции. В отличие от западных систем кредитования, ориентированных исключительно на финансовую надежность, китайская система объединяет экономические и социальные аспекты, что делает ее более комплексным инструментом управления.

Закон о кибербезопасности КНР является ключевым инструментом обеспечения информационной безопасности, поскольку в современном мире являются актуальными правовые отношения, возникающие при регулировании критической информационной инфраструктуры в аспекте обеспечения информационной безопасности финансово-банковского сектора Китайской Народной Республики. Нормативный механизм обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры отражает общий характер режима цифровой политики Китая. Операторы критической информационной инфраструктуры обязаны сообщать о киберинцидентах в течение установленного времени в соответствующий орган. В соответствии с действующими нормативными актами (включая Закон о кибербезопасности и «Меры по управлению отчетностью об инцидентах кибербезопасности») максимальный штраф за нарушение правил кибербезопасности может достигать 1 млн юаней, а в случае причинения серьезного ущерба — до 10 млн юаней, а также предусмотрена уголовная ответственность для физических лиц[2]. Согласно этим актам, при инцидентах с участием критической информационной инфраструктуры оператор сети обязан незамедлительно сообщить об инциденте в соответствующие органы. Сравнительно-правовой анализ показывает, что в Китае уже сформирована предварительная правовая база для критической информационной инфраструктуры, хотя всё еще существуют проблемы с отраслевой спецификой системы правовой ответственности и координацией механизмов привлечения к ответственности[3]. Это свидетельствует о том, что китайское правительство серьезно относится к защите цифрового суверенитета и неуклонно повышает требования к управлению информационной безопасностью.

В целом правовой статус операторов критической информационной инфраструктуры в Китае характеризуется повышенными требованиями к безопасности и жесткой ответственностью за их нарушение. Поскольку цифровая экономика быстро развивается, а внешние киберугрозы растут, это жесткое регулирование необходимо для защиты национальной безопасности и общественных интересов.

На основании современной обстановки, в условиях стремительного развития цифровизации в Китае, можно предположить, что в ближайшее время, если Китай сможет создать этическую, правовую и экономическую базы для международного сотрудничества, то, используя инициативу «Цифровой шелковый путь», Китай сможет предложить свою модель цифрового регулирования наряду с европейской и американской. Если это удастся сделать Китаю, то это укрепит его положение на международной арене и позволит другим странам получить альтернативный подход к цифровому регулированию.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что правовая система цифровой экономики Китая представляет собой уникальный синтез социалистической идеологии, рыночных механизмов и жесткого государственного контроля. Ключевыми элементами этой системы являются руководящая роль КПК, пилотные проекты системы социального кредита, а также правовая база для цифровой экономики, включая особый статус операторов критической информационной инфраструктуры. Дальнейшее развитие пойдет по пути детализации отраслевых норм и, возможно, экспорта китайской модели регулирования на глобальный уровень.

[1] 厦门市近12个月平均城市综合信用指数居全国第– // 中新网福建. 2025. 21 августа. URL: https://www.fj.chinanews.com.cn/news/2025/2025-08-21/571093.html (дата обращения: 02.04.2026).

[2] AI support at heart of cybersecurity revision // China Gate. 2025. 30 октября. URL: http://en.chinagate.cn/2025-10/30/content_118149881.htm (дата обращения: 02.04.2026).

[3] 周雨, 肖怡婷. 关键信息基础设施法律责任体系的比较研究 // 信息安全研究. 2025. № 11. URL: http://www.sicris.cn/CN/Y2025/V11/I11/986 (дата обращения: 02.04.2026).

Сведения об авторе

Данилов Руслан Владимирович — студент 1-го курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск.

LEGAL FEATURES OF CHINA'S DIGITAL ECONOMY

R. V. DANILOV

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the Chinese model of digital economy regulation (43 % of GDP in 2024), which combines socialist planning, party control, and market mechanisms. It examines antitrust penalties, social credit pilot projects, and the strict protection of critical information infrastructure. The conclusion is made about the formation of a complete sovereign legal system, with the prospect of export through the Digital Silk Road.

Keywords: *China's digital economy, socialist market economy, party leadership (CCP), social credit system, critical information infrastructure, Digital Silk Road.*

Регулирование деятельности IT-платформ как элемент цифрового конституционализма: публично-правовое измерение

В. А. Дресвянникова[1]

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск

Аннотация. Анализируется одно из измерений цифрового конституционализма — распространение публично-правовых принципов на регулирующую деятельность частных IT-платформ, де-факто обладающих властными полномочиями в цифровой среде. На основе доктринальных подходов и примеров российского законодательства обосновывается необходимость подчинения технологических корпораций принципам верховенства права, прозрачности и юрисдикционной подотчетности.

Ключевые слова: *цифровой конституционализм, IT-платформы, публично-правовая ответственность, верховенство права, регулирование цифровой среды, правовой режим, юрисдикционная подотчетность.*

Активное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни формирует новую социальную реальность, где традиционные границы между публичной и частной сферой становятся размытыми. Крупные технологические платформы, де-факто осуществляя функции публичного регулирования в цифровой среде, ставят перед правовой наукой теоретические и практические вызовы. Ответом выступает концепция цифрового конституционализма, один из аспектов которого — это распространение публично-правовых принципов на регулирующую деятельность частных цифровых платформ, по сути, обладающих возможностью устанавливать обязательные для пользователей правила.

Как пишет В. В. Гончаров, цифровой конституционализм не сводится к действию формальных конституций. Данное явление охватывает частные регламенты платформ: пользовательские соглашения «ВКонтакте» или Ozon, международные цифровые стандарты и этические кодексы, которые формируют новую форму нормативной власти. Среди ключевых принципов они выделяют верховенство права в цифровом пространстве: ни один субъект — ни государство, ни технологическая платформа — не может действовать

[1] Научный руководитель — Пашнина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Уральского филиала РГУП им. В. М. Лебедева.

вне установленных публичных и прозрачных правил[1].

По мнению С. М. Шахрая и А. А. Тедеева, цифровой конституционализм представляет собой не просто доктрину, а насущный юридический инструмент, позволяющий применять правовые механизмы для решения новых проблем человека в глобально трансформирующемся цифровом обществе. Ключевая идея заключается в создании «Цифровой конституции», которая становится тем правовым документом, где «четко осознаваемое человеком чувство справедливой защищенности в мире технологий» может дать только государство через соответствующую законодательную базу[2].

Другими словами, на крупные IT-платформы необходимо распространять те же строгие правовые принципы, что и на государство. Цифровой конституционализм предлагает рассматривать частные компании как субъектов, несущих публично-правовую ответственность. Развивая эту мысль, А. В. Шапошников поясняет, что управление в эпоху цифровых технологий это не просто техническое управление частями, но нормативное и институциональное управление системными целыми, которые подрывают социальные, экономические и политические системы в планетарном масштабе. Цифровые технологии — не инструменты, а сложные системы, активно влияющие на общество; их нормативное управление уже меняет глобальные процессы, а цифровой конституционализм предлагает подчинить это влияние универсальным правовым нормам[3].

На практике такие правила, уже начинают формироваться в российском правовом поле. Например, законодательство об обязанности IT-гигантов, включая «Яндекс», открывать представительства в России и соблюдать Федеральный закон от 27.07.2006 152-ФЗ «О персональных данных»[4] прямо направлено на подчинение их деятельности верховенству права. Деятельность Роскомнадзора по удалению запрещенного контента, блокировке ресурсов, нарушающих законы РФ, а также требования локализации баз данных российских пользователей служат иллюстрацией действий государства распространить публично-правовые нормы на цифровую среду, превращая платформы из частных корпораций в субъектов, несущих публичную ответственность.

Также примером перехода частноправовых отношений в публично-правовое измерение в РФ служит Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации»[5], регулирующий деятельность иностранных лиц в сети Интернет. Изначально отношения между иностранными онлайн-ритейлерами: AliExpress, Ozon с иностранным участием, — и российскими потребителями носили частноправовой характер, регулируясь договорами присоединения. Однако масштаб их деятельности, влияющий на внутренний рынок и фискальные интересы государства, обусловил публично-правовое вмешательство: закон обязал таких лиц создать филиал или российское юрлицо, подчинив их администрированию ФНС России: уплата НДС, отчетность, предписания, а также разместить форму для обращений граждан и органов власти. В этой связи отношение к проблеме двойственно. Признавая объективную необходимость регулирования для защиты фискальных интересов и прав потребителей, вместе с тем обращается внимание, что ограничительный характер вмешательства — экстерриториальный административный контроль — создает риски избыточного регулирования. Ключевой проблемой выступает не сама публицизация, а выбор репрессивной модели, способной подавить конкурентные преимущества цифровой экономики вместо формирования сбалансированного регуляторного режима.

В развитие подобного прогноза Е. В. Гандзий пишет, что цифровые платформы образуют комплексный объект информационных правоотношений, при этом оператор платформы может выступать как субъект, обладающий властным признаком воздействовать на процессы, происходящие на платформе, определяя технологические возможности системы и интерфейс взаимодействия пользователей. Это подтверждает необходимость публично-правовых подходов к регулированию цифровой среды, поскольку частноправовых инструментов недостаточно для ограничения полномочий IT-гигантов[6].

Таким образом под одним из элементов цифрового конституционализма понимается формирующийся правовой режим, в рамках которого

[1] Гончаров В. В. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8 (145). С. 204.

[2] Шахрай С. М., Тедеев А. А. Цифровой конституционализм, социальная безопасность и конституционные права человека в стремительно меняющемся цифровом мире // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 6. С. 225.

[3] Шапошников А. В. Теоретические основы конституционализма в цифровую эпоху: опыт европейских государств // Образование и право. 2023. № 11. С. 15.

[4] Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3451.

[5] Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5064.

[6] Гандзий Е. В. Проблемы публично-правового регулирования режима цифровых платформ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 183.

публично-правовые принципы верховенства права, прозрачности и подотчетности распространяются на регулирующую деятельность частных технологических платформ, обладающих фактической возможностью в одностороннем порядке устанавливать общеобязательные для неопределенного круга пользователей нормативные правила. Ключевым аспектом данного правового режима выступает признание за технологическими платформами публично значимых властных полномочий, что обусловливает необходимость их юридического обязывания стандартами, традиционно адресованными публичным институтам.

Российской Федерации принят Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»[1], который закрепляет механизм государственного контроля. Согласно данному закону, федеральный государственный контроль за соблюдением требований в сфере платформенной экономики осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, а именно органом, реализующим функции по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства. Однако данный закон направлен преимущественно на регулирование экономических и конкурентных отношений, тогда как фактические властные полномочия крупных цифровых платформ, включая одностороннее установление нормативных правил для пользователей, модерацию контента и алгоритмическое управление доступом к цифровой инфраструктуре, остаются нераскрытыми и юридически неурегулированными. Передача контрольных функций антимонопольному органу сама по себе не решает проблему признания за платформами полномочий, сходных с полномочиями органов публичной власти, а также связанных с этим вопросов.

Таким образом, дальнейшее развитие цифрового конституционализма в российском правопорядке в части, связанной с регулированием правового положения крупных IT-платформ, требует выхода за рамки антимонопольного и экономического регулирования. Необходимо системное законодательное решение, направленное на признание и нормативное ограничение властной природы платформенного регулирования, включая создание специализированных процессуальных гарантий для пользователей и обеспечение юрисдикционной подотчетности алгоритмических решений.

Сведения об авторе

Дресвянникова Вероника Андреевна — студентка 2-го курса Уральского филиала Российского государственного университета правосудия имени М. В. Лебедева, Челябинск.

REGULATION OF IT-PLATFORMS ACTIVITIES AS AN ELEMENT OF DIGITAL CONSTITUTIONALISM: PUBLIC LAW DIMENSION

V. A. DRESVYANNIKOVA

Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk

Abstract. The article analyzes one dimension of digital constitutionalism — the extension of public-law principles to the regulatory activities of private IT platforms that de facto possess authoritative powers in the digital environment. Drawing on doctrinal approaches and examples from Russian legislation, the article substantiates the need to subject technology corporations to the principles of the rule of law, transparency, and jurisdictional accountability.

Keywords: *digital constitutionalism, IT platforms, public-law responsibility, rule of law, digital environment regulation, legal regime, jurisdictional accountability.*

[1] Собрание законодательства РФ. 2005. № 31. Ст. 4643.

К вопросу о рисках при реализации стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в условиях трансформации общества: правовой аспект[1]

Д. С. Злобина[2]
Алтайский государственный университет, Барнаул

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г. и Плана ее реализации в условиях демографического старения населения. При исследовании приоритетов, целей и задач Стратегии действий автор выявляет риски, сопряженные с реализацией принятых документов, с целью оценки их потенциальной эффективности.

Ключевые слова: *активное долголетие, граждане старшего поколения, демографическое старение, риски, Стратегия действий.*

Нарастающее демографическое старение населения Российской Федерации сегодня выступает не только одним из ключевых вызовов современных реалий, но и фактором, непосредственно затрагивающим устойчивость пенсионной системы, рынка труда и системы здравоохранения. Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 2024 г. доля граждан в возрасте 55 лет и старше достигла почти 30 % населения страны[3]; прогнозы как англо-[4], так и русскоязычных[5] научных изданий до 2040–2050 гг. фиксируют дальнейший рост численности пожилых граждан.

В этих условиях распоряжение Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830р[6], утвердившее Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г. (далее — Стратегия), и распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2025 г. № 3933р[7], утвердившее План мероприятий на 2025–2030 гг. по ее реализации (далее — План), определяют приоритеты, цели и задачи в создании системы правового регулирования по обеспечению интересов граждан старшего поколения. В данной статье представляется важным указать на те проблемы, которые помогут избежать декларативности исследуемых документов и позволят воплотить их в жизнь. Выявление вероятных рисков и их устранение при реализации данных документов позволит повысить эффективность принятых впоследствии нормативных правовых актов.

Так, первый риск связан с концептуальной основой Стратегии — самой идеологией «активного долголетия». Заключительный абзац п. 1 раздела II Стратегии декларирует переход от патерналистской к партнерской модели: граждане старшего поколения рассматриваются не как пассивные получатели услуг, а как активные участники политической, социальной и иных сфер жизни общества, что соответствует Мадридскому плану[8].

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02539, https://rscf.ru/project/25-28-02539/

[2] Научный руководитель — Киселева Елена Викторовна, ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета.

[3] Минтруд сообщил о рекордной численности населения старше 55 лет // Коммерсантъ. 2024. 18 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7310885 (дата обращения: 18.04.2026).

[4] Rohde D. Demographic Transition — What Russia Can Learn from Other Countries // World Bank Blogs. 2020. 13 February. URL: https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2020/02/13/demographic-transition-what-russia-can-learn-from-other-countries (дата обращения: 18.04.2026).

[5] Российский демографический барометр. По среднему и низкому вариантам прогноза Росстата доля населения России старше трудоспособного возраста повысится к 2046 году до 27 %, по высокому — почти 29 % // Демоскоп Weekly. 2024. № 1015. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/barom02.php (дата обращения: 18.04.2026).

[6] Распоряжение Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 16. 21.04.2025. Ст. 2060.

[7] Распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2025 г. № 3933р «Об утверждении плана мероприятий на 2025–2030 годы по реализации Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 52 (ч. II). Ст. 8648.

[8] Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г. (принят второй Всемирной Ассамблеей по проблемам старения, апрель 2002 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/

Однако в международной литературе накоплена весомая критика в адрес такого тезиса. К. Бодини утверждает[1], что политические интерпретации «активного старения» нередко фокусируются на «молодых пожилых»: мобильных, занятых, здоровых, тем самым маргинализируя наиболее уязвимую группу «старых пожилых», для которых активность в ее производительном и социальном измерении недостижима. Л. Фостер и А. Уокер характеризуют[2] доминирующую «продуктивистскую» трактовку активного старения, акцентирующую продление занятости, как суженную интерпретацию, которая подрывает ценность концепции и не учитывает жизненно-траекторный характер старения. Р. Ранзайн также указывает[3], что нормативные требования к «правильному» образу старения создают риск моральной стигматизации граждан, не соответствующих идеалу «активного пожилого». Эти тезисы получили развитие и в российской научной литературе[4].

Российская Стратегия воспроизводит схожую логику: раздел III Плана сосредоточен на волонтерстве, образовании, туризме и спорте, тогда как наиболее уязвимым — одиноким, проживающим в сельской местности, тяжело больным гражданам старшего поколения — уделяется явно меньше правового внимания. Это несоответствие создает риск того, что благополучная часть адресной группы будет охвачена мероприятиями непропорционально в сравнении с теми, кто нуждается в помощи в наибольшей степени.

Второй риск связан с одной из ключевых задач Стратегии, развитой в п. 1 мероприятий Плана — необходимость проведения информационных кампаний, направленных на преодоление стереотипов и дискриминационных проявлений в отношении граждан старшего поколения. Представляется, что действующий сегодня запрет в виде уголовной ответственности (ст. 144.1 Уголовного кодекса РФ) за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение граждан, которым до выхода на пенсию по старости осталось не более 5 лет, на практике приводит к снижению заинтересованности работодателей в приеме их на работу, а также переходит в латентную (скрытую) дискриминацию. Полагаем, что сведение антидискриминационных мер к информационным кампаниям без создания эффективных правовых механизмов создает ситуацию, при которой Стратегия декларирует цель, но не создает средств ее достижения.

Следующим риском, не упомянутым в Стратегии и Плане, является кадровый кризис. Стратегия в разделе III в числе задач называет совершенствование кадрового обеспечения организаций социального обслуживания, подготовку кадров; однако конкретными правовыми механизмами такая задача не поддерживается. Ни целевых показателей кадровой обеспеченности, ни правовых инструментов привлечения специалистов в дефицитные специализации и субъекты РФ Стратегия не содержит. Между тем, по данным Минздрава, в 2023 г. гериатры и геронтологи были зафиксированы как самые дефицитные врачебные специальности с соотношением 0,1 резюме на одну вакансию[5].

Еще один риск заключается в следующем. Анализ перечня ответственных исполнителей и видов отчетных документов в Плане также обнаруживает системные пробелы, влекущие риск межведомственных «провалов» ответственности. Ряд ключевых участников системы фактически остался в тени. Во-первых, Минцифры России, на которое возложены цифровая трансформация государственного управления и развитие цифровой инфраструктуры, в Плане практически не упоминается, хотя задача 63 Плана предусматривает сбор и анализ информации о барьерах доступа граждан старшего поколения к финансовым услугам, в том числе предоставляемых в цифровых (дистанционных) форматах, выработку предложений кредитных организаций с учетом поведенческих и когнитивных особенностей таких граждан, с отчетностью в виде ежегодного доклада в Минтруд России. Представляется неясным, по какой причине контрольным органом по выполнению данной задачи был определен именно Минтруд, а не Минцифры.

В заключение выделим еще одну проблему. План мероприятий не закрепляет обязательных инструментов горизонтальной координации между субъектами Российской Федерации: отсутствуют обязательные форматы обмена успешными практиками, нормативно закрепленные механизмы выравнивания возможностей «сильных» и «слабых» регионов при выполнении одних и тех же мероприятий. А. А. Блохин и Д. Б. Кувалин, при-

ageing_program.shtml).

[1] Boudiny K. ‘Active ageing’: from empty rhetoric to effective policy tool // Ageing & Society. 2013. Vol. 33, № 6. P. 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.

[2] Foster L., Walker A. Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention // BioMed Research International. 2021. Vol. 2021. Art. ID 6650414. doi: 10.1155/2021/6650414.

[3] Ranzijn R. Active ageing — another way to oppress marginalized and disadvantaged elders? Aboriginal Elders as a case study // Journal of Health Psychology. 2010. Vol. 15, № 5. P. 716–723. DOI: 10.1177/1359105310368181.

[4] Григорьева И. А., Биккулов А. С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28, № 2. С. 354–359.

[5] Гериатры и геронтологи стали самыми дефицитными врачебными специальностями в России // Коммерсантъ. 2023. 14 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6508062 (дата обращения: 18.04.2026).

менительно к глобальным вызовам для системы стратегического планирования в России отмечают[1], что российская модель планирования выстроена преимущественно по вертикали «федеральный центр — регион», тогда как механизмы совместного планирования между самими субъектами РФ, в том числе в рамках макроэкономики, развиты крайне слабо, что приводит к рассогласованности документов стратегического планирования разных уровней и территориальному дисбалансу при реализации общенациональных целей.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что при разработке нормативно-правовых актов, направленных на реализацию Стратегии, необходимо учитывать риски, выявленные при ее анализе. Это позволит обеспечить основные потребности граждан старшего поколения для поддержания высокого качества их жизнедеятельности, а также создать условия для их активного участия в политической, социальной и других сферах деятельности общества.

Сведения об авторе

Злобина Дарья Сергеевна — лаборант-исследователь отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, студентка 4-го курса юридического института Алтайского государственного университета, Барнаул.

ON THE RISKS IN IMPLEMENTING THE STRATEGY OF ACTIONS IN THE INTERESTS OF OLDER CITIZENS IN THE CONTEXT OF SOCIETAL TRANSFORMATION: A LEGAL PERSPECTIVE

D. S. ZLOBINA

Abstract. The article provides a legal analysis of the Strategy of Actions in the Interests of Older Citizens in the Russian Federation until 2030 and its Implementation Plan in the context of demographic ageing. When studying the priorities, goals, and objectives of the Action Strategy, the author identifies the risks associated with the implementation of the adopted documents in order to assess their potential effectiveness.

Keywords: *active longevity, older citizens, demographic aging, risks, Action Strategy.*

Конституция Российской Федерации как фундаментальная основа принципа законности

А. З. Исаев[2]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируется роль Конституции РФ в формировании и реализации принципа законности. Раскрывается понятие конституционной законности как ядра общего правового режима, определяется ее место в правовой и политической системах России. Особое внимание уделено механизмам обеспечения конституционной законности, включая деятельность Конституционного Суда РФ, и тому, как базовые конституционные положения (высшая юридическая сила, прямое действие, верховенство) трансформируются в повседневную правовую действительность. Обосновывается тезис о том, что без реального воплощения конституционных принципов в действиях всех адресатов права формальное наличие даже самой совершенной конституции не способно гарантировать устойчивый правопорядок.

Ключевые слова: *Конституция РФ, законность, конституционная законность, верховенство права, конституционный контроль, Конституционный Суд РФ.*

[1] Блохин А. А., Кувалин Д. Б. Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3.

[2] Научный руководитель — Сотникова Лилия Владимировна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

Обсуждение о принципе законности в России неизбежно связано Конституцией. В Основном Законе заложен нормативный каркас, без которого любые рассуждения о правовом государстве рискуют остаться благими пожеланиями. Можно сколько угодно сетовать на несовершенство отраслевого законодательства, но корень проблемы почти всегда упирается в реализацию конституционных предписаний.

Конституционная законность — это не просто еще одна разновидность законности, а ее фундамент, ее несущая конструкция. С этой мыслью согласны многие исследователи, подчеркивающие, что именно конституционные параметры общественного и государственного строя, статуса личности задают тон всему правовому регулированию[1].

Сама по себе конструкция «конституционная законность» требует бережного обращения. Ее нельзя сводить лишь к требованию соблюдать нормы, записанные в тексте Конституции. Соответствие часть 2 статьи 15 обязывает органы власти, должностных лиц, граждан и их объединения соблюдать Конституцию. Но если бы дело было только в этом, мы бы имели ситуацию, похожую на ту, что описывают скептики: законность «начинается не тогда, когда посредством решений компетентных органов обеспечивается восстановление их действия, а тогда, когда любые органы начинают с соблюдения Конституции и следования ей»[2]. Иными словами, нужна не столько реакция на уже совершенные нарушения, сколько превентивная, встроенная в повседневную работу государства, привычка сверять каждый свой шаг с духом и буквой Основного Закона.

Почему же именно Конституция оказывается той самой точкой опоры, вокруг которой выстраивается режим законности? Причина в ее уникальных юридических свойствах. Высшая юридическая сила, закрепленная в ч. 1 ст. 15, означает не просто место на вершине иерархии источников права. Это своеобразный «иммунитет» Конституции от посягательств текущего законодательства: любой акт, ей противоречащий, обречен на отмену или неприменение. Гражданин может ссылаться на конституционные нормы непосредственно в суде, даже если отраслевое регулирование пробуксовывает или вовсе отсутствует. В совокупности эти свойства превращают Конституцию из декларативного документа в реально работающий инструмент.

Конституционная законность как цель и как идеал не может существовать без какого-либо контроля. В российской модели его вершиной, без сомнения, является Конституционный Суд РФ. Его деятельность наглядно показывает, как абстрактные конституционные принципы превращаются в осязаемые правовые позиции, обязательные для всех. Характерно, что Суд не просто констатирует неконституционность той или иной нормы; он, по сути, выполняет двойную функцию: охранительную (отсекая неправовые акты) и созидательную (ориентируя законодателя на то, каким должно быть правильное регулирование). Показательны дела, связанные с социальными правами граждан, где Суд оценивал не только юридическую, но и фактическую сторону вопроса — например, соразмерность прав работника на справедливую заработную плату[3] или адекватность стоимости жилищных сертификатов для военных[4]. Это уже не сухой нормоконтроль, а тонкая настройка правовой системы под нужды живых людей[5].

Сколь бы эффективно ни осуществлялся конституционный контроль, усилий одного Конституционного Суда недостаточно. Обеспечение конституционной законности не может быть всецело делегировано единственному органу, поскольку имманентно требует участия всех институтов публичной власти. Прокуратура осуществляет надзор, суды общей юрисдикции и арбитражные суды применяют конституционные нормы при разрешении конкретных дел, Президент как гарант Конституции обладает широкими полномочиями по охране правового порядка, а органы внутренних дел, как отмечается в литературе, «участвуют в этом процессе всеми подразделениями», осуществляя подзаконную, исполнительно-распорядительную деятельность[6]. Когда этот механизм

[1] Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 5.

[2] Колосова Н. М. Обеспечение конституционности законности // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С. 212.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2023. 19 июня. Российская газета. 2023. 27 июня. № 138.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2025 г. № 7П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 14 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” и подпункта “д” пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, в связи с жалобами граждан Ю. Б. Митрофановой и И. П. Рыбакова» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2025. 14 февраля.

[5] Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 10.

[6] Громова О. Н. Конституционная законность и ее обеспечение в Российской Федерации // Труды Академии управ-

работает слаженно, возникает то, что именуют режимом конституционной законности — состоянием, при котором правовые нормы не просто существуют на бумаге, а реально определяют поведение всех субъектов.

Между юридической и фактической сторонами демократического государства можно сколько угодно провозглашать принципы правового, социального, светского государства (ст. 1, 7, 14 Конституции РФ), но если минимальный размер оплаты труда не дотягивает до прожиточного минимума, а отдельные должностные лица позволяют себе игнорировать прямые предписания закона, то о подлинной конституционной законности говорить рано[1].

Проблема здесь не столько в отсутствии нужных норм, сколько в дефиците той самой «установки правосознания», о которой пишут правоведы: пока Конституция воспринимается как красивый, но абстрактный документ, а не как непосредственный регулятор жизни, ее потенциал остается нераскрытым. Более того, конституционная законность не может быть сведена лишь к деятельности государственных органов. Как верно замечает Т. Я. Хабриева, «граждане, их объединения и все негосударственные учреждения также призваны соблюдать Конституцию»[2]. То есть законность начинается не с императивного управления власти, а с внутренней убежденности каждого, что право — не система запретов, а общее дело.

Таким образом, Конституция является фундаментом законности, но фундамент этот — не застывшая глыба, а живая, подвижная конструкция. Ее прочность напрямую зависит от того, насколько последовательно конституционные ценности: признание человека высшей ценностью, разделение властей, социальное государство — будут воплощаться в действиях законодателя, правоприменителя и каждого гражданина. Как только эти ценности выхолащиваются или подменяются соображениями конъюнктуры, режим законности дает трещину. Именно поэтому забота о Конституции — это не отвлеченная научная дискуссия, а вопрос юридической практики, от решения которого зависит реальный, а не декларативный правопорядок в России.

Сведения об авторе

Исаев Артур Заурович — студент 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FUNDAMENTAL BASIS OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY

A. Z. ISAEV

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article analyzes the role of the Constitution of the Russian Federation in shaping and implementing the principle of legality. It reveals the concept of constitutional legality as the core of the general legal regime, determines its place in the legal and political systems of Russia. Particular attention is paid to the mechanisms for ensuring constitutional legality, including the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, and how basic constitutional provisions (supreme legal force, direct effect, supremacy) are transformed into everyday legal reality. The thesis is substantiated that without the real embodiment of constitutional principles in the actions of all addressees of the law, the formal existence of even the most perfect constitution is not able to guarantee a stable legal order.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, legality, constitutional legality, rule of law, constitutional control, Constitutional Court of the Russian Federation.*

ления МВД России. 2011. № 4 (20). С. 20–24.

[1] Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 8.

[2] Там же. С. 11.

Правовые доктрины социального обеспечения: гарантированное право на комплексную реабилитацию и социальную реадаптацию действующих и бывших участников специальной военной операции (СВО)

А. З. Исаев[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых доктрин социального обеспечения, регулирующих гарантированное право на комплексную реабилитацию и социальную реадаптацию действующих и бывших участников специальной военной операции (СВО). В исследовании изучаются юридические нормы, необходимые для разработки рекомендаций по организации эффективной социальной и психологической поддержки военнослужащих, нуждающихся в восстановлении после участия в боевых действиях. Особое внимание уделено определению правового статуса участников СВО, что обусловливает необходимость модернизации законодательства и создания новых правовых механизмов, обеспечивающих право на реабилитацию, а также применению существующих институциональных ресурсов и внедрению современных технологий для полноценного восстановления физических и психоэмоциональных способностей участников специальной военной операции.

Ключевые слова: *военнослужащий, реабилитация, специальная военная операция, социальное обеспечение, комплексная реабилитация, реадаптация.*

Обеспечение успешной адаптации военнослужащих к гражданской жизни после прохождения службы крайне важно и связано непосредственно с процессом их реабилитации. Современное законодательство Российской Федерации, касающееся статуса военнослужащих, находится в стадии значительных преобразований. Спецоперация на территории Украины существенно повлияла на формирование правового регулирования взаимоотношений между государством и армией, подтолкнув к переосмыслению ключевых нормативно-правовых актов, таких как федеральные законы № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и № 5-ФЗ «О ветеранах», а также способствовала активизации развития законодательства в сфере социальной защиты военнослужащих[2].

В нашем государстве порядок предоставления помощи людям для восстановления стабильного психического состояния регламентирован отдельными правовыми актами. Право каждого гражданина — получать соответствующую поддержку в рамках общероссийских программ, направленных на укрепление общественного здоровья, согласно ст. 41 Конституции РФ[3].

Вернувшиеся из зон проведения специальной военной операции военнослужащие, нуждающиеся в комплексной реабилитации, разделяются на две основные группы согласно ст. 3 и 4 Федерального закона № 5-ФЗ «О ветеранах»: инвалиды боевых действий и ветераны боевых действий. Инвалиды боевых действий — военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при защите Отечества или исполнении обязанностей военной службы на фронте, в районах боевых действий. Ветераны боевых действий — лица, принимающие участие в боевых действиях, при решении правительственных задач, при проведении контртеррористических операций, а также направлявшиеся на работу для обеспечения выполнения специальных задач в особых местностях в определенные периоды времени — Афганистан, Дагестан, Чечня, Сирия, Украина, Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика[4].

Процедура получения вышеуказанных статусов часто затягивается надолго, превышая предусмотренные законом сроки, главным образом из-за нехватки подтверждающих документов, свиде-

[1] Научный руководитель — Сотникова Лилия Владимировна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Семянникова Д. А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим — участникам специальной военной операции // Юридические исследования. 2023. № 12. С. 68.

[3] Ананьев О. Г., Ананьева Ж. Н. Современные доктрины социального обеспечения: право на реадаптацию и реабилитацию личности действующих и бывших участников СВО // Аграрное и земельное право. 2024. № 10. С. 152.

[4] Семянникова Д. А. Указ. соч. С. 69.

тельствующих об исключении из состава войсковой части либо расторжении контракта вследствие полученного ранения. Такая ситуация серьезно замедляет официальное признание соответствующего статуса и приводит к значительным задержкам в получении права на реабилитационное обслуживание[1].

Для решения этих проблем крайне важно провести модернизацию существующего законодательства, разработать новые правовые нормы и обеспечить наличие надежной юридической базы, способствующей эффективной организации предоставления права на реабилитацию военнослужащим и устранению возникающих правовых трудностей. Важнейшей проблемой остается длительность получения статуса, вызванная дефицитом документации, подтверждающей факты увольнения из войсковой части или расторжение контракта по состоянию здоровья. Причинами сложившейся ситуации служат два фактора: нехватка адекватного правового механизма, ведущего к сокращению объема прав граждан, прошедших военную службу по контракту и не получивших статуса инвалида; ограниченность ресурсов или полное отсутствие специализированных медицинских учреждений, необходимых для качественной реабилитации, особенно в отдаленных регионах. Перечисленные обстоятельства препятствуют оперативной организации качественного реабилитационного сопровождения военнослужащих[2].

Основополагающим актом, регулирующим права инвалидов, включая право на реабилитацию, выступает Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Статья 9 данного закона устанавливает, что реабилитация и абилитация инвалидов осуществляются посредством медицинской реабилитации, реконструктивной хирургии и протезирования, а также санаторно-курортного лечения. В соответствии с федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, утвержденным Правительством РФ, к мерам реабилитации относятся восстановительная терапия, реконструктивная хирургия, санаторно-курортное лечение, протезирование и обеспечение техническими средствами реабилитации, такими как слуховые аппараты, а также профессиональная ориентация инвалидов, включающая профессиональное обучение, переобучение и повышение квалификации[3].

Участие в боевых действиях оказывает серьезное воздействие на психическое и физическое состояние военнослужащих, поэтому государство гарантирует бесплатную психологическую помощь, учитывающую личностные особенности и характер травм. Ветераны часто страдают от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), повышенной тревожности и иных психологических нарушений. В таком контексте прогрессивная мышечная релаксация (ПМР) представляет собой эффективный инструмент, который может успешно применяться в рамках психологического консультирования. Метод прогрессивной мышечной релаксации разработан доктором Эдмундом Джейкобсоном в 1920-е гг. Его суть заключается в том, что расслабление мышц способствует уменьшению эмоционального напряжения. Применение ПМР помогает развивать осознанность, давая возможность глубже осознавать собственное тело и его реакцию на стрессовые события. Эта способность полезна в повседневной жизни, помогая контролировать эмоции, что особенно актуально при преодолении травматического опыта[4].

Проведенный анализ показал, что существующая правовая база нуждается в совершенствовании для улучшения системы реабилитации и социальной реадаптации военнослужащих — участников специальной военной операции. Законодательство должно учитывать специфику их правового статуса и предусматривать эффективные механизмы для быстрого и полноценного восстановления после участия в боевых действиях. Необходимо устранение бюрократических барьеров, упрощение процедуры признания статуса ветерана или инвалида, а также увеличение доступности качественных реабилитационных услуг. Использование прогрессивной мышечной релаксации (ПМР) предлагается как перспективный метод психологической поддержки, позволяющий снизить уровень тревоги и стресса среди ветеранов. Таким образом, дальнейшее исследование и принятие практических мер необходимы для обеспечения справедливости и эффективности реабилитационных процессов, способствуя лучшей адаптации военнослужащих в общество.

Сведения об авторе

Исаев Артур Заурович — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

[1] Семянникова Д. А. Указ. соч. С. 69.
[2] Там же. С. 72.
[3] Там же. С. 71.
[4] Ананьев О. Г., Ананьева Ж. Н. Указ. соч. С. 154.

LEGAL DOCTRINES OF SOCIAL SECURITY: GUARANTEED RIGHT TO COMPREHENSIVE REHABILITATION AND SOCIAL READAPTATION OF CURRENT AND FORMER PARTICIPANTS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION (SVO)

A. Z. ISAEV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal doctrines of social security that regulate the guaranteed right to comprehensive rehabilitation and social readaptation of current and former participants in the special military operation (SMO). The study examines the legal norms necessary to develop recommendations for the organization of effective socio-psychological support for military personnel in need of recovery after participation in hostilities. Particular attention is paid to determining the legal status of participants in a special military operation, which necessitates the modernization of legislation and the creation of new legal mechanisms that ensure the right to rehabilitation, as well as the use of existing institutional resources and the introduction of modern technologies for the full restoration of the physical and psycho-emotional abilities of participants in a special military operation.

Keywords: *serviceman, rehabilitation, special military operation, social security, comprehensive rehabilitation, readaptation.*

Отдельные вопросы реализации национальных проектов в защиту Волги

Е. С. Гордеева, А. А. Казадаева[1]
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Анализируется реализация федерального национального проекта «Оздоровление Волги», направленного на сокращение сброса неочищенных сточных вод и на достижение иных целевых показателей. Выявлены основные причины низкой результативности проекта: строительство очистных сооружений по устаревшим проектам, отсутствие учета в проекте всех притоков Волги, отсутствие должного контроля за ходом реализации. Отдельно рассмотрены возможные проблемы нового национального проекта «Вода России». Делается вывод о необходимости комплексного подхода к охране и защите Волги.

Ключевые слова: *федеральный проект, река Волга, водные объекты, мероприятия по оздоровлению, очистные сооружения, загрязняющие металлы, финансирование.*

Волга является одной из крупнейших рек внутреннего стока. Площадь ее бассейна составляет 1 360 тыс. км^2, что занимает около 65 % территории Европейской части России. Как отмечал Д. А. Медведев: «Волга — это не просто символ России, но и ее экономическая артерия. В бассейне Волги живет более 60 млн человек. Это важнейшая транспортная составляющая, которая перевозит более половины всех речных пассажиров и грузов. Здесь сосредоточены около 45 % промышленного производства, примерно 50 % сельхозпотенциала и более 20 % всего рыбного промысла»[2]. Вместе с тем в настоящее время экологическое состояние Волги характеризуется комплексом серьезных проблем, связанных преимущественно с ее загрязнением. Ежегодно в Волгу сбрасывают более 6 млрд м^3 сточных вод, которые содержат до 18 видов различных загрязняющих веществ[3]. Ввиду чего в конце 2018 г. был запущен федеральный национальный проект «Оздоровление Волги»[4].

Основной целью проекта ставилось сокращение объема сброса неочищенных сточных вод в три раза, устойчивое улучшение состояния водной экосистемы как самой реки, так и ее притоков, а также обеспечение защиты и восстановления биоразнообразия. Проект должен был завершиться

[1] Научный руководитель — Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права.

[2] Совещание о сохранении, предотвращении загрязнения и рациональном использовании реки Волги // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://government.ru/news/28770/ (дата обращения: 31.03.2026).

[3] Рылова Э. Почему не удалось оздоровить Волгу // Парламентская газета: офиц. сайт. URL: https://www.pnp.ru/social/pochemu-ne-udalos-ozdorovit-volgu.html?ysclid=mp5rtinp9z106835316 (дата обращения: 31.03.2026).

[4] Паспорт федерального проекта «Оздоровление Волги» // Минстрой России: офиц. сайт. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/140248/ (дата обращения: 31.03.2026).

к 2025 г., однако по итогам цель не была полностью достигнута: из 125 очистных сооружений в срок было введено 109, из них только 50 достигли нормативных показателей. В связи с этим проект «Оздоровление Волги» вошел в состав федерального проекта «Вода России», срок окончания которого — 2030 г.[1]

В реализации проекта «Оздоровление Волги» участвовало 16 субъектов Российской Федерации, в которых предстояло построить и модернизировать около 140 очистных сооружений. Однако по итогам было построено и введено в эксплуатацию только 6 проектов, куда вошли Волгоградская, Нижегородская и Самарская области, а также Республика Марий Эл. В большинстве регионов, в частности в Ивановской, Тверской, Ульяновской областях, а также Республиках Татарстан и Чувашии, новые объекты либо не построены, либо не введены в эксплуатацию. Планировалось, что их завершение будет включено в новый национальный проект «Вода России». Однако данный проект предусматривает мероприятия по оздоровлению преимущественно Нижней Волги, куда входит всего 7 субъектов, но оздоровление Нижнего Поволжья невозможно без учета Верхнего и Среднего[2].

В Ярославской области в рамках проекта было построено 15 объектов, однако по итогам технического осмотра было принято решение о сносе части из них, поскольку при их строительстве использовались устаревшие проекты очистных сооружений и не были должным образом проведены пуско-наладочные работы[3]. Строительство новых очистных сооружений в новый проект не включено. Реконструкция и модернизация оставшихся объектов финансируются за счет средств субъекта РФ и федерального бюджета, однако выделенного объема финансирования недостаточно для покрытия необходимых затрат.

Аналогичная ситуация в Костромской области, где построенные очистные сооружения также не вышли на проектную мощность. По результатам исследования, проведенного Росприроднадзором и природоохранной прокуратурой, было выявлено превышение допустимых норм по ряду показателей. В результате опасные металлы и другие загрязняющие вещества продолжают поступать в Волгу, усугубляя экологическую проблему всего речного бассейна[4].

Кроме того, в программе первого национального проекта не были учтены два крупных притока Волги — Ока и Кама, которые остаются загрязненными до сих пор. Данная ошибка отчасти была решена путем включения в программу нового проекта оздоровления одного притока — Камы. Неучет в двух проектах такого крупного притока, как Ока, может также пагубно сказаться на состоянии Волги.

В связи с большой антропогенной нагрузкой в бассейне Оки вода, согласно ежегодному докладу Федеральной службы по гидрометеорологии, характеризуется как «грязная» и относится к 4-му классу загрязнения. Такое же качество воды наблюдается в нижнем течении, в месте впадения Оки в Волгу. Так, загрязнение реки Оки может оказывать негативное влияние на состояние Волжского бассейна, в частности нитраты и минеральный фосфор, концентрация которых в Оке высокая, способствуют обогащению питательными веществами, что приводит к чрезмерному развитию водорослей и гибели других экосистем[5].

Финансирование проекта «Оздоровление Волги» составило 128 млрд руб., однако его реализация не достигла заявленных целей. Учитывая данный результат, в новом проекте были пересмотрены подходы к распределению бюджетных средств. Если ранее предпринимались попытки решения проблем в масштабе всего бассейна Волги с соответствующим выделением средств всем субъектам Приволжского Федерального округа (далее — ПФО), то в настоящее время применяется очаговый метод, при котором весь основной объем финансирования направляется на Нижнее Поволжье. Например, на весь ПФО (6 республик и 7 областей) на пятилетний период предусмотрено 4,696 млрд руб., тогда как Волгоградской и Астраханской областям (в составе ЮФО) суммарно 12,546 млрд руб. Не оспаривается необходимость охраны дельты Волги, но учитывается недостаточность поддержки остальных субъектов РФ и комплексного подхода к оздоровлению реки.

Сокращение бюджета в действующем проекте по сравнению с предыдущим представляется нецелесообразным, поскольку первоначальные проблемы были обусловлены не только высокой стоимостью мероприятий, но и недостаточным контролем за их реализацией. В марте 2026 г. председатель

[1] Паспорт федерального проекта «Вода России» национального проекта «Экологическое благополучие» (выписка) / Федеральное агентство природных ресурсов: офиц. сайт. URL: https://voda.gov.ru/activities/ekologicheskoe-blagopoluchie/561096/ (дата обращения: 2.04.2026).

[2] Литвинов Д. Кто провалил федеральный проект «Оздоровление Волги» // Парламентская газета: офиц. сайт. URL: https://www.pnp.ru/politics/kto-provalil-federalnyy-proekt-ozdorovlenie-volgi.html (дата обращения: 31.03.2026).

[3] Комсомольская правда: офиц. сайт. URL: https://www.yar.kp.ru/ (дата обращения: 2.04.2026).

[4] Шиханов А. Строительство очистных сооружений на Волге предложили активизировать // Российская газета: офиц. сайт. URL: https://rg.ru/2024/11/19/reg-cfo/izdaleka-dolgo.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 2.04.2026).

[5] Казаченок С. Ю., Рыженков А. Я. Современные правовые проблемы охраны экосистем реки Волги // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. 2023. Т. 2, № 1. С. 21–29.

Совета Федерации Валентина Матвиенко публично потребовала привлечь к ответственности виновных в провале федерального проекта «Оздоровление Волги», ошибки руководителей, кураторов проекта и иных ответственных лиц не должны негативно сказываться на состоянии реки.

Эффективным представляется распределение финансирования между регионами пропорционально их вкладу в загрязнение (по объему сбросов) и численности населения. Например, если на долю Нижегородской области поступает 10 % загрязнений, она не может получать 3 % бюджета. Возможно, разработчиками проекта и сметы данный принцип уже применялся в той или иной форме, однако анализ проблем загрязнения Волги по каждому отдельно взятому субъекту приводит к неоднозначным выводам. В марте 2026 г. эксперт по ЖКХ и тарифам Евгений Блех отметил: «Инфраструктура региона изношена до предела. Сети гниют. Очистные сооружения в Ульяновске — это памятник неэффективному управлению. Без жесткого контроля федерального центра деньги просто растворятся в песке, как вода из дырявых труб»[1].

Новый федеральный проект «Вода России» имеет хорошую перспективу реализации благодаря комплексу мер, направленных на улучшение состояния водных объектов, на снижение сброса неочищенных сточных вод. При его разработке учитывались в том числе ошибки предыдущего проекта. В работе были обозначены возможные проблемы его реализации, которые при недостаточном учете способны воспроизвести ошибки прошлого и которые наводят на мысль о необходимости комплексного подхода к охране и защите водного объекта, а также должного финансирования соответствующей деятельности субъектов Российской Федерации.

Сведения об авторах

Гордеева Елизавета Сергеевна — студентка 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Казадаева Анастасия Алексеевна — студентка 3-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

SELECTED ISSUES OF IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS FOR THE PROTECTION OF THE VOLGA

E. S. GORDEEVA, A. A. KAZADAEVA
Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. This article analyzes the implementation of the federal national project “Volga River Rehabilitation,” aimed at reducing untreated wastewater discharge and achieving other targets. The main reasons for the project’s poor performance are identified: the construction of treatment facilities based on outdated designs, the failure to consider all Volga tributaries in the project, and the lack of adequate monitoring of implementation. Potential problems of the new national project “Water of Russia” are separately considered. A comprehensive approach to the conservation and protection of the Volga is concluded.

Keywords: *Federal project, Volga River, water bodies, rehabilitation measures, treatment facilities, polluting metals, financing.*

[1] Сакиулова О. Ульяновск погружается в кризис: как ошибки в экологии бьют по кошельку и здоровью // Правда.ру: офиц. сайт. URL: https://www.pravda.ru/news/districts/2341084-ulyanovsk-ekologicheskaya-kastrofa/ (дата обращения: 31.03.2026).

Налогообложение на присоединенных территориях РФ: сравнительно-правовой анализ

Н. А. Ковалева[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Рассматриваются основные направления налоговой политики, особенности применения федеральных и региональных норм, а также анализируются ключевые отличия и тенденции развития налогообложения на присоединенных территориях Российской Федерации.

Ключевые слова: *налоговая интеграция, свободная экономическая зона, переходный период налогообложения, налог на прибыль организаций, НДС, акцизы, НДФЛ.*

Присоединение новых территорий к РФ — это не только политико-правовой, но и сложный экономический процесс, требующий глубокой интеграции в единую систему государственного управления. От успешности интеграции налоговой системы новых субъектов РФ зависит не только наполнение бюджетов, но и формирование благоприятного инвестиционного климата, повышение доверия граждан к государственным институтам и обеспечение социальной стабильности в новых регионах.

На присоединенных территориях Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области) на протяжении 2024–2026 гг. происходит поэтапная интеграция в налоговую систему РФ, которая сопровождается как унификацией налоговых правил, так и сохранением отдельных переходных положений и льгот, отличающих эти регионы от остальной России.

Наиболее важным процессом в современных реалиях является интеграционный[2]. Новые регионы с учетом обстоятельств их присоединения понесли значительный социально-экономический ущерб, выражающийся в миграционном оттоке и «бегстве капитала» в легальном его проявлении (вывоз (перемещение) финансовых ресурсов за пределы юрисдикции их пребывания, не обеспеченный компенсационной доходностью)[3].

Для того чтобы присоединенные территории вышли на устойчивую траекторию развития, необходима активная налоговая поддержка государства, выражающаяся в налоговых льготах, установлении специальных адаптивных налоговых режимов (например, установление СЭЗ — свободной экономической зоны на части национальной территории, на которой действуют специальные льготные режимы (налоговые, таможенные, визовые, трудовые и т. д.) с учетом особенностей каждого региона. В рамках режима СЭЗ, установленного с 1 июля 2023 г. на новых территориях, существует ряд особенностей при реализации некоторых налогов:

1. Для участников СЭЗ, созданной на основании Федерального закона от 24.06.2023 № 266-ФЗ, налог на прибыль организаций взимается в особом порядке, существенно отклоняющемся от общего режима (25 %). Региональная составляющая ставки — единственная, на которую распространяется преференция, — варьируется законами соответствующих субъектов в диапазоне 0–13,5 % в зависимости от вида деятельности и фиксируется на весь период действия договора об условиях деятельности в СЭЗ. Сравнительный анализ позволяет установить дифференцированный подход. Так, в ДНР установлена трехступенчатая шкала (0 % — первые три года, 5 % — 4–9-й годы, 13,5 % — начиная с 10-го года); в ЛНР — четырехступенчатая (0, 3, 6 и 13,5 % соответственно); в Запорожской области конкретная ставка (от 0 до 12,5 %) привязана к кодам ОКВЭД; в Херсонской области применяется пониженная ставка до 10 % с последующей поэтапной корректировкой. Подобная регионализация налоговых стимулов объясняется необходимостью ускоренной адаптации предпринимательской среды к федеральной системе финансово-хозяйственной деятельности в условиях сохраняющейся экономической нестабильности.

2. Специальный правовой режим НДС, закрепленный в п. 2.2 ст. 148 НК РФ и интерпретированный письмом Департамента налоговой политики Минфина России от 23.12.2022[4], базируется на дифференцированном подходе к локализации

[1] Научный руководитель — Дрибинская Анна Витальевна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Толстопятенко Г. П. Интеграционное налоговое право и новый миропорядок // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11 (120).

[3] Леонова Н. В. Факторы бегства капитала: обзор проблемы // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 215–267.

[4] Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 23.12.2022 № 03-07-08/126647 «О применении НДС при выполнении работ (оказании услуг) на территориях ДНР и ЛНР по договору с юридическим лицом, которому

работ (услуг) в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. Критерием разграничения налоговых последствий выступает дата заключения договора (до или после 5 октября 2022 г.), которая в ряде случаев дополняется условиями о периоде выполнения работ и моменте поступления оплаты. Сравнительно-правовой анализ выявляет определенную асимметрию между общеустановленным порядком и переходными положениями. В отличие от стандартного механизма, предполагающего налоговую ставку в 20 % (или иную ставку согласно ст. 164 НК РФ) с последующим применением вычетов, специальный режим создает льготные условия. Для контрактов с бюджетным финансированием, заключенных до указанной даты, законодатель предусмотрел полное освобождение от уплаты налога без возложения на налогоплательщика обязанности по последующему восстановлению вычетов. Данная конструкция, по сути, формирует налоговый иммунитет для завершенных в переходном периоде операций. В отношении договоров законодатель распространяет общий режим налогообложения, что выступает инструментом мягкого интегрирования, обеспечивая поэтапное включение хозяйствующих субъектов новых территорий в единую бюджетную систему РФ.

3. Статья 206.1 НК РФ вводит специальный переходный режим обложения акцизами на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, ограниченный по субъектному составу, времени и территории. Ключевым элементом обязательная инвентаризация остатков подакцизной алкогольной, спиртосодержащей и табачной продукции по состоянию на 1 января 2023 г. для производителей, осуществлявших деятельность на день принятия регионов в состав РФ. Преференция для производителей ДНР и ЛНР закреплена в п. 5 ст. 206.1 НК РФ: сумма акциза, исчисленная по российским правилам в отношении операций, признаваемых объектом налогообложения, уменьшается на сумму акцизного налога, ранее уплаченного в бюджеты республик по той же продукции, учтенной при инвентаризации. Такой механизм позволяет исключать двойное налогообложение одного и того же хозяйственного оборота[1]. Для табачных производителей установлена дополнительная льгота: в период с 1 сентября по 31 декабря 2023 г. специальные коэффициенты по сигаретам и папиросам приравнены к 1 (п. 6 ст. 206.1). По завершении инвентаризационных и зачетных процедур применяется общий порядок гл. 22 НК РФ. Таким образом, конструкция ст. 206.1 НК РФ реализует модель поэтапной интеграции с минимизацией фискальных потерь, обусловленных сменой юрисдикции, посредством признания ранее понесенных фискальных обязательств.

4. Федеральный закон от 28.12.2022 № 564-ФЗ установил особый порядок определения налогового резидентства для целей НДФЛ в новых регионах. Ключевой спецификой переходного этапа явилась законодательная презумпция резидентства РФ в 2023 г. для лиц, постоянно проживавших на этих территориях по состоянию на 30.09.2022. Фактический срок пребывания в РФ в течение 2023 г. значения не имел, однако по его итогам налогоплательщики были обязаны верифицировать свой статус по общему критерию п. 2 ст. 207 НК РФ (183 дня). При расхождении презюмируемого статуса с фактическим предусматривалась подача заявления о неподтверждении резидентства. С 2024 г. специальный режим утратил силу, и определение статуса налогоплательщика полностью подчинено общим правилам ст. 207 НК РФ без каких-либо изъятий. Элементы налогообложения (прогрессивная шкала ставок для резидентов по п. 1 ст. 224 НК РФ, ставка 30 % для нерезидентов) и система налоговых вычетов (ст. 218–220.1 НК РФ) унифицированы и не содержат специальных норм для жителей новых регионов. Определенной особенностью обладает лишь регулирование командировочных расходов: на основании п. 1 ст. 217 НК РФ от НДФЛ освобождены суточные в пределах правительственных нормативов, а также безотчетные выплаты на дополнительные расходы, но не более 700 руб. за день командировки. Таким образом, специальный режим налогообложения НДФЛ на новых территориях носил временный и точечный характер, направленный на упрощение процедуры подтверждения налогового резидентства в 2023 г. В остальных аспектах применяются единые правила, установленные главой 23 НК РФ.

Несмотря на то, что переходный период интеграции был установлен до 1 января 2026 г., в рамках которого планировалось осуществить интеграцию данных субъектов РФ в национальное экономическое пространство, в действительности, процесс интеграции более продолжительный, что обусловлено необходимостью восстановления инфраструктуры территорий и налаживания финансово-хозяйственных связей с остальной территорией Российской Федерации. Стоит отметить, что установление на территориях СЭЗ до конца 2050 г., также свидетельствует о долгосрочной интеграции в единое экономическое пространство России. При этом экономисты отмечают, что ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области обладают высоким экономическим потенциалом для успешной интеграции, что связано с наличием на тер-

предоставлены средства из федерального бюджета, заключенному после 5 октября 2022 г.».

[1] Письмо Федеральной налоговой службы от 07.10.2024 № ШТ-4-31/11368@ «Ответы на вопросы по результатам вебинара с Росалкогольтабакконтроль».

ритории запасов энергетических и минеральных ресурсов, а также промышленными предприятиями по их обработке[1]. Также территории связаны развитыми торговыми отношениями с Россией, которые существовали долгое время.

Налогообложение на присоединенных территориях РФ постепенно приводится к общероссийским стандартам, однако сохраняются отдельные льготы и повышенные нормативы, отражающие специфику интеграции этих регионов в правовую и экономическую систему страны. При этом для достижения целей эффективной налоговой интеграции новых территорий необходимо упорядоченное налоговое администрирование и контроль, а также заинтересованность непосредственных участников налоговой интеграции и субъектов финансово-хозяйственной деятельности в целевом распределении субсидий предоставляемых РФ.

Сведения об авторе

Ковалева Наталья Алексеевна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

TAXATION IN THE JOINED TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

N. A. KOVALEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. This study examines the principal thrusts of tax policy, the particularities inherent in the application of federal and regional legal provisions and analyses the key divergences and developmental trends of taxation within the joined territories of the Russian Federation.

Keywords: *tax integration, free economic zone, tax transition period, corporate profit tax, VAT, excise duties, personal income tax.*

О проблеме нарушения принципа неотвратимости административного наказания

И. А. Шамоян, А. Е. Кораблева[2]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Авторы анализируют принцип неотвратимости административного наказания и связанные с ним пробелы в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется сержантам, старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по призыву, а также курсантам военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, мужчинам, являющимся одинокими родителями и имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, и т. д. Делается попытка решения ряда пробелов в КоАП РФ для реализации в полной мере принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: *принцип неотвратимости наказания, административные правонарушения, административные наказания, ответственность, КоАП РФ, производство по делам об административных правонарушениях.*

Одним из важных принципов административного права является принцип неотвратимости административного наказания. Данный принцип означает, что всякое лицо, совершившее

[1] Васильева Р. И., Дорошенко С. В. Анализ перспектив интеграции новых регионов России в национальное экономическое пространство // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-1. С. 56–65.

[2] Научный руководитель — Князева Ирина Николаевна, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

административное правонарушение, подлежит неминуемому наказанию и должно понести ответственность за содеянное. Отсутствие реальной неотвратимости административного наказания влечет нарушение принципа справедливости наказания и портит общую картину социальной справедливости[1].

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеются явные пробелы, в результате которых принцип неотвратимости административного наказания перестает эффективно функционировать.

По общему правилу, закрепленному в ч. 1. ст. 2.5 КоАП РФ, «военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовым актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы и их статус, несут дисциплинарную ответственность»[2]. Часть 2 этой же статьи закрепляет исключение из этого общего правила, перечисляя нормы, по которым указанные лица несут административную ответственность на общих основаниях.

Как известно, в качестве меры административного наказания законодатель отдал предпочтение административным штрафам. Часть 6 ст. 3.5 КоАП РФ закрепляет положение о том, что административный штраф не может применяться к сержантам, старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по призыву, а также к курсантам военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

Представим ситуацию, при которой в некоторых санкциях норм, закрепленных в ч. 2 ст. 2.5. КоАП РФ, к указанным лицам нельзя будет применить ни одно из наказаний. Так, например, Верховный Суд РФ разбирал ситуации, связанные с ч. 2 ст. 12.7, ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ. При назначении административных наказаний за совершение этих административных правонарушений судья не вправе назначить предусмотренные их санкциями наказания, поскольку к указанной категории лиц не применяются данные виды наказаний, а также судья не вправе заменить наказание другим, более мягким, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 3.3 КоАП РФ за административное правонарушение может быть назначено лишь то административное наказание, которое указано в санкции применяемой статьи Кодекса[3]. Поскольку в таких случаях у судьи нет оснований для вынесения постановления о назначении административного наказания, по смыслу ч. 2 ст. 24.5 и п. 1 ч. 2 ст. 29.9 КоАП РФ производство по делу подлежит прекращению, а материалы дела — передаче командиру (начальнику) воинской части, где виновный проходит военную службу, для применения иных мер воздействия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В случае привлечения указанного военнослужащего к дисциплинарной ответственности она должна применяться не за административное правонарушение, а по основаниям, установленным ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»[4], и в порядке, предусмотренном этим Федеральным законом и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации.

Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дал судам разъяснения по вопросу совершения административных правонарушений, предусмотренных в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащими, проходящими военную службу по призыву. Очевидно, что такого разъяснения недостаточно. Одним из важнейших правил юридической техники является отсутствие пробелов и противоречий в нормативных правовых актах. Данную проблему должен решить законодатель путем редактирования ч. 6 ст. 3.5 КоАП РФ и включения в нее отсрочки исполнения постановления на определенный срок, редактированием ст. 31.5 КоАП РФ и включением в нее отсрочки исполнения постановления о наложении административного штрафа для граждан, проходящих военную службу по призыву, а также курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы, чтобы избежать нарушения принципа неотвратимости наказания.

В случаях, когда законодатель предусматривает для определенных категорий лиц дисциплинарную ответственность вместо административной, сам по себе факт передачи материалов командиру для привлечения к дисциплинарной ответственности формально не нарушает неотвратимость ответственности как таковой. Однако дисциплинарная

[1] Шаклеин С. Н., Дерюга А. Н. Пенеологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 147.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 8 (ред. от 28.10.2025) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

ответственность за административное правонарушение не всегда соразмерна содеянному, а ее применение оставлено на усмотрение командира, что создает риск безнаказанности.

Согласно ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест не может применяться к определенным субъектам (женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, мужчинам, являющимся одинокими родителями и имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп и т. д.). Например, в ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ санкция предусматривает лишение права управления транспортными средствами или административный арест на срок до пятнадцати суток. У субъекта административного правонарушения может не оказаться специального права на управление ТС, тогда возможна ситуация, при которой субъекты, указанные в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ имеют возможность избежать наказания. Данная реальность дестабилизирует социальную справедливость в обществе и является нарушением принципа неотвратимости наказания.

Предполагается, что для решения данного вопросов необходимо редактировать статьи, в которых отсутствует возможность применить к субъектам, указанным в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, какую-либо санкцию. Предлагается добавить в данные нормы еще одно альтернативное наказание в виде административного штрафа. Данное решение представляется наиболее разумным способом заполнения пробела в законодательстве.

Таким образом, анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дает понять, что в законодательстве содержатся пробелы в части возможности применения наказания к отдельным субъектам. Данные нормы требуют корректировки для реализации в полном объеме принципа неотвратимости наказания. Это, действительно, важная проблема, которая касается, в свою очередь, важнейшего универсального принципа социальной справедливости.

Сведения об авторах

Шамоян Иско Автандилович — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Кораблева Александра Евгеньевна — студент 4-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ON THE PROBLEM OF VIOLATING THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

I. A. SHAMOYAN, A. E. KORABLEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. In this article, the authors analyze the principle of inevitability of punishment and the related gaps in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Particular attention is paid to sergeants, petty officers, soldiers and sailors undergoing military service under conscription, as well as to cadets of military professional educational organizations and military educational institutions of higher education before the conclusion of a contract for military service with them, women with children under the age of fourteen, men who are single parents and have children under the age of fourteen, persons under the age of eighteen, etc. An attempt is made to solve a number of gaps in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in order to fully implement the principle of inevitability of punishment.

Keywords: *principle of inevitability of punishment; administrative offenses; administrative penalties; liability; Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; proceedings in cases of administrative offenses.*

Особенности реализации конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в условиях современных вооруженных конфликтов

А. Г. Корнющенкова

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем и перспектив применимости Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Палермских протоколов в условиях современных вооруженных конфликтов. Автор исходит из того, что транснациональная организованная преступность перестала быть побочным эффектом боевых действий, превратившись в их структурный элемент, обеспечивающий финансовую и логистическую поддержку сторон. Цель исследования — определить, сохраняют ли нормативные механизмы Палермского протокола эффективность в обстановке коллапса государственных институтов, и выявить коллизии между правоохранительной логикой Протокола и защитной парадигмой международного гуманитарного права. На основе сравнительно-правового анализа норм Палермского протокола, Женевских конвенций 1949 г., Конвенции о рабстве 1926 г. и Конвенции о статусе беженцев 1951 г. рассматриваются две ключевые зоны правовой напряженности: торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов.

Ключевые слова: *Палермский протокол, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, торговля людьми, рабство, беженцы, транснациональная организованная преступность.*

Вторая половина XX в. ознаменовалась формированием двух мощных, но институционально разобщенных массивов международного права. С одной стороны, Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним выстроили систему международного гуманитарного права (МГП), призванную ограничить методы ведения войны и защитить ее жертв. С другой — лавинообразный рост транснациональной организованной преступности потребовал принципиально иного ответа. Им стало принятие в декабре 2000 г. в Палермо Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и трех протоколов к ней[1].

Долгое время эти два правовых режима существовали параллельно, почти не пересекаясь: Международное гуманитарное право адресовано комбатантам и жертвам войны, Палермские протоколы — правоохранительным органам в условиях стабильной государственности. Однако современные конфликты сломали эту перегородку. Войны всё чаще ведутся негосударственными вооруженными группами, чья экономика напрямую зависит от криминальных рынков, а транснациональные преступные сети превратили зоны боевых действий в «серые зоны», где не работают в полной мере ни гуманитарные нормы, ни правоохранительные механизмы.

Транснациональная организованная преступность перестала быть фоновым явлением или побочным эффектом современных вооруженных противостояний. Она превратилась в их неотъемлемый структурный элемент, обеспечивающий финансовую подпитку и логистическую поддержку сторон. Как подчеркивается в аналитическом докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), датированном ноябрем 2025 г., организованная преступность признана одной из самых сложных и быстро эволюционирующих угроз современности, а вооруженные конфликты не разрушают, а создают благодатную почву для развития нелегальной торговли. Эмпирическая картина последнего десятилетия подтверждает этот тезис. По оценкам УНП ООН, за период с 2000 по 2023 г. жертвами организованной преступности ежегодно становилось около 95 000 человек — цифра, сопоставимая с потерями непосредственно в вооруженных конфликтах[2].

Центральная правовая проблема, возникающая при наложении Палермского протокола на реалии вооруженного конфликта, коренится в различной природе этих двух нормативных массивов.

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН; вступила в силу 29.09.2003) // United Nations Treaty Series. 2003. Vol. 2225. P. 209. // Официальный сайт ООН: Сборник договоров. — URL: https://clck.ru/3TZLA2 (дата обращения: 28.04.2026).

[2] Организованная преступность стала глобальной угрозой: доклад Управления ООН по наркотикам и преступности // Новости ООН: офиц. сайт. 2025. 11 ноября. URL: https://clck.ru/3TZLCA (дата обращения: 28.04.2026).

Международное гуманитарное право есть право компромисса — оно признает реальность насилия и стремится ограничить его методами, не причиняющими излишних страданий, допуская легитимное применение силы комбатантами. Палермский протокол, напротив, исходит из презумпции монополии государства на легитимное насилие и требует безусловной криминализации деяний организованных преступных групп.

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми 2000 г. в ст. 3 определяет торговлю людьми через триаду элементов: деяние (вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение), средство (угроза силой, принуждение, обман, злоупотребление властью или уязвимостью положения) и цель эксплуатации[1]. Эта дефиниция, ставшая результатом длительных дипломатических компромиссов, задумывалась как универсальная и не содержащая каких-либо оговорок относительно ее неприменимости в ситуациях вооруженного конфликта. Однако именно эта универсальность порождает первую коллизию: она входит в прямое соприкосновение с гораздо более старым и фундаментальным международно-правовым запретом — запретом рабства и работорговли, закрепленным в общей ст. 3 Женевских конвенций 1949 г. Статья 3, единая для всех четырех Женевских конвенций, устанавливает минимальный гуманитарный стандарт для вооруженных конфликтов немеждународного характера, прямо запрещая «посягательство на человеческое достоинство, в частности… обращение в рабство и работорговлю во всех их формах». Здесь возникает терминологическое напряжение[2]. Статья 1 Конвенции о рабстве 1926 г. определяет рабство как «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности», а работорговлю — как все действия, связанные с захватом, приобретением лица или распоряжением им с целью обращения в рабство, включая «вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов»[3]. Данное определение исторически тяготеет к классическому пониманию рабства как правового института владения человеком.

Палермский протокол 2000 г. расширяет эту парадигму: он охватывает не только ситуации, где жертва юридически «принадлежит» эксплуататору, но и современные формы подневольного состояния, при которых контроль осуществляется через долговую кабалу, изъятие документов, психологическое манипулирование или эксплуатацию уязвимого положения. Сексуальное рабство, принудительный труд, насильственная вербовка детей в вооруженные группы — все эти явления, повсеместно фиксируемые в современных конфликтах от Сирии до Мьянмы, формально подпадают и под запрет ст. 3 Женевских конвенций (как «рабство и работорговля во всех их формах»), и под определение торговли людьми по ст. 3 Палермского протокола (как деяния, совершенные с целью эксплуатации).

Из этой двойной подпадаемости вырастает проблема с серьезными практическими последствиями. Квалификация деяния как военного преступления влечет универсальную юрисдикцию, неприменение иммунитетов комбатантов и возможность преследования Международным уголовным судом или национальными судами любого государства. Квалификация же по Палермскому протоколу как транснационального преступления делает юрисдикцию ограниченной, требуя доказательств транснационального элемента и участия организованной преступной группы.

Приоритетность того или иного режима уголовного преследования не разрешена в явной форме ни в одном международном договоре. Резолюции Совета Безопасности ООН 2331 (2016) и 2388 (2017) признали, что торговля людьми в условиях вооруженного конфликта может составлять военное преступление, однако установление необходимого «нексуса» — связи деяния с вооруженным конфликтом — остается сложной доказательственной задачей[4][5]. Так, вербовка ребенка в вооруженную группу для участия в боевых действиях очевидно связана с конфликтом. Однако принудительный труд или сексуальная эксплуатация на территории, контролируемой той же группой, но за сотни километров от линии фронта и в отрыве от непосредственных боевых операций, уже образует «серую зону», где квалификация по МГП становится спорной, а Палермский

[1] О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё: Протокол, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермский протокол) (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://clck.ru/3TZLD3 (дата обращения: 28.04.2026).

[2] О защите гражданского населения во время войны: Конвенция (Женева, 12 августа 1949 г.) // Международный комитет Красного Креста: офиц. сайт. URL: https://clck.ru/3TZLSp (дата обращения: 28.04.2026).

[3] О рабстве: Конвенция (Женева, 25 сентября 1926 г.) (с изм. и доп., внесенными Протоколом от 07.12.1953) // Официальный сайт ООН: раздел «Конвенции и соглашения». URL: https://clck.ru/3TZLS6 (дата обращения: 28.04.2026).

[4] О торговле людьми в условиях вооруженных конфликтов: резолюция Совета Безопасности ООН от 20.12.2016 № 2331 (2016), S/RES/2331 (2016) // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. URL: https://clck.ru/3TZLUN (дата обращения: 28.04.2026).

[5] О торговле людьми в районах вооруженных конфликтов: резолюция Совета Безопасности ООН от 21.11.2017 № 2388 (2017), S/RES/2388 (2017) // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. URL: https://clck.ru/3TZLV6 (дата обращения: 28.04.2026).

протокол остается единственным доступным инструментом.

Вооруженные конфликты неизбежно порождают массовые перемещения населения. По данным УВКБ ООН, число вынужденно перемещенных лиц в мире превысило 110 млн, и значительная часть этих людей пересекает границы в поисках убежища[1]. Именно здесь возникает вторая острейшая коллизия между Палермским протоколом против незаконного ввоза мигрантов и нормами международной защиты беженцев.

Статья 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов требует от государств криминализировать «незаконный ввоз мигрантов», определяемый как обеспечение незаконного въезда лица в государство, гражданином которого оно не является или в котором не проживает постоянно, с целью получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды. Ключевым элементом состава выступает именно корыстная цель ввозящего лица[2]. Этим «незаконный ввоз» принципиально отличается от «торговли людьми»: в первом случае мигрант дает добровольное согласие на перемещение, и преступником является перевозчик; во втором — жертва подвергается принуждению, и преступником является эксплуататор.

Статья 31 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. устанавливает важнейшую гарантию: государства не должны налагать взыскания за незаконный въезд или пребывание на беженцев, если они «явились непосредственно с территории, где их жизни или свободе угрожала опасность»[3]. Это положение создает прямой иммунитет для самих беженцев, но не разрешает вопроса о статусе лиц, которые содействуют их перемещению, особенно если такое содействие осуществляется на возмездной основе[4].

Рост «карательной миграционной политики» в ряде государств, граничащих с зонами конфликтов, усугубляет коллизию. Национальное законодательство, имплементирующее Протокол о незаконном ввозе мигрантов, зачастую не содержит эффективных исключений для случаев, когда ввоз осуществляется из гуманитарных побуждений или в условиях чрезвычайной ситуации. Протокол действительно предусматривает, что ничто в нем не затрагивает обязательств государств по международному праву беженцев, но эта оговорка остается декларативной до тех пор, пока национальные суды и правоохранительные органы не выработают четких критериев разграничения.

Сведения об авторе

Корнющенкова Анастасия Геннадьевна — студент 2-го курса Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь.

THE APPLICABILITY OF THE PALERMO PROTOCOL IN THE CONTEXT OF MODERN ARMED CONFLICTS

A. G. KORNYUSCHENKOVA

Crimean Law Institution (branch) of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, Simferopol

Abstract. The article examines the challenges and prospects of applying the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and its supplementary Palermo Protocols in the context of modern armed conflicts. The author proceeds from the premise that transnational organized crime has ceased to be a mere by-product of hostilities, having evolved into a structural element thereof, providing financial and logistical support to the warring parties. The aim of the study is to determine whether the normative mechanisms of the Palermo Protocol retain their effectiveness in the environment of collapsed state institutions, and to identify collisions between the law-enforcement logic of the Protocol and the protective paradigm of international humanitarian law. Based on a comparative legal analysis of the norms of the Palermo Protocol, the 1949 Geneva Conventions, the 1926 Slavery Convention, and the 1951 Convention relating to the Status of Refugees, two key areas of legal tension are examined: trafficking in persons and the smuggling of migrants.

Keywords: *Palermo Protocol, international humanitarian law, armed conflict, trafficking in persons, slavery, refugees, transnational organized crime.*

[1] UNHCR. Mid-Year Trends 2023: ключевые тенденции вынужденного перемещения и решения в первой половине 2023 года / Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Geneva : UNHCR, October 2023. P. 2. // Официальный сайт УВКБ ООН. URL: https://clck.ru/3TZLuX (дата обращения: 28.04.2026).

[2] Против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху: Протокол, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://clck.ru/3TZLwM (дата обращения: 28.04.2026).

[3] О статусе беженцев: Конвенция (Женева, 28 июля 1951 г.) // Официальный сайт ООН: раздел «Конвенции и соглашения». URL: https://clck.ru/3TZLxQ (дата обращения: 28.04.2026).

[4] Аметка Ф. А., Потапова Л. В. Вербовка несовершеннолетних как инструмент современной гибридной войны и угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2026. № 1 (60). С. 5–13. EDN LQMLRA.

Конституционные гарантии права на охрану здоровья и медицинскую помощь: сущностные черты и сложности практической реализации

А. И. Коробчук[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Исследуются сущность и проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Разграничиваются категории «охрана здоровья» и «медицинская помощь», анализируются конституционные и законодательные гарантии. Автором выявлены основные сложности, препятствующие эффективной реализации указанных прав: коммерциализация здравоохранения, формирующая недоверие к бесплатной медицине, кадровый дефицит в первичном звене, а также высокая доля устаревшего медицинского оборудования. Делается вывод о сохраняющемся разрыве между конституционными гарантиями и реальным качеством и доступностью медицинской помощи.

Ключевые слова: *конституционное право на охрану здоровья, медицинская помощь, реализация прав и свобод человека и гражданина, гарантии прав и свобод человека и гражданина.*

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь занимает центральное место в системе социальных прав человека, что обусловлено его прямой связью с высшей конституционной ценностью — правами и свободами человека и гражданина, включая право на жизнь и на достоинство личности (ст. 2, 21 Конституции РФ[2]). В условиях современных вызовов, таких как пандемии, рост хронических заболеваний и необходимость обеспечения устойчивости системы здравоохранения, научное осмысление конституционных основ данного права приобретает особую актуальность. Социально-экономическое развитие государства недостижимо без повышения уровня жизни населения страны. Вследствие этого право на охрану здоровья и медицинскую помощь является одним из наиболее важных, так как оно содействует повышению качества жизни и благосостояния населения.

Первым шагом к пониманию сущности рассматриваемого права является разграничение двух его составляющих, закрепленных в ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, представляющих собой не синонимы, а две взаимосвязанные категории.

Сущность права на охрану здоровья заключается в установлении обязанности государства и общества создавать условия для сохранения и укрепления здоровья населения. Данное право включает в себя несколько мер: меры по разработке государственных программ по укреплению общественного здоровья, меры по созданию санитарно-эпидемиологических норм, меры профилактического характера. Таким образом, право на охрану здоровья — это созидательная деятельность государства в укреплении здоровья людей.

Право на медицинскую помощь представляет собой конкретное правомочие, реализуемое в случае заболевания и направленное на восстановление здоровья. Именно это правомочие имеет четкий механизм реализации через систему обязательного медицинского страхования (ОМС) и гарантию бесплатности в установленных законом пределах.

Взаимосвязь между рассмотренными понятиями сводится к тому, что государство предпринимает определенные меры по сохранению и укреплению здоровья населения, а самому населению предоставляется правомочие бесплатно и гарантированно пользоваться медицинскими услугами.

Сущностная характеристика данных взаимосвязанных прав предполагает, в частности, анализ нормативных правовых источников, регламентирующих их реализацию.

В ст. 41 Конституции РФ законодатель прежде всего утверждает фундаментальное право каждого человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи. Для реализации данного права предусмотрены следующие механизмы его обеспечения: активное поощрение развития разнообразных систем здравоохранения — частных, государственных и муниципальных; создание благоприятной среды для укрепления здоровья всего населения; и, наконец, обеспечение бесплатного

[1] Научный руководитель — Суханова Александра Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144).

доступа к медицинской помощи, финансируемой из законно установленных источников. Изучение содержания права на охрану здоровья и медицинскую помощь позволяет выделить несколько категорий входящих в него правомочий: первая группа — это непосредственно права граждан в сфере здравоохранения; вторая — обязанности государства по защите этих прав; третья — установленная законом ответственность за нарушение прав граждан и невыполнение государственными органами и их представителями обязанностей по охране здоровья. Кроме того, содержание права на охрану здоровья включает: сохранение здоровья, укрепление здоровья и восстановление здоровья[1].

Содержание права на охрану здоровья и медицинскую помощь также раскрывается через систему гарантий, установленных законодательством. Право на медицинскую помощь, закрепленное также в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ[2], включает в себя ряд важных гарантий для пациента. Среди них: возможность выбора медицинского работника и учреждения, получение медицинских услуг (профилактика, диагностика, лечение, реабилитация) в условиях, отвечающих санитарным требованиям, доступ к консультациям узких специалистов, защита врачебной тайны, а также право на отказ от медицинского вмешательства и др.

На основе вышеизложенного право на охрану здоровья и медицинскую помощь можно охарактеризовать как комплексное понятие, объединяющее личный и социальный аспекты. Оно сформулировано как право каждого индивида на безусловный доступ к медицинским услугам (в предусмотренных законодательством случаях — на безвозмездной основе) надлежащего качества, а также на поддержание благоприятной среды обитания, не оказывающей негативного воздействия на физическое, психическое и социальное состояние гражданина.

Проблема реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь в современных условиях стоит наиболее остро и актуально, так как решение такой социальной задачи, как обеспечение стабильного функционирования системы здравоохранения и охраны здоровья населения, является приоритетным вследствие того, что, как уже указывалось выше, эффективное функционирование системы здравоохранения напрямую влияет на социально-экономическое развитие страны.

В настоящее время можно выделить ряд проблем реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь, среди которых: коммерциализация системы здравоохранения; кадровый дефицит; нехватка современного медицинского оборудования[3].

В контексте коммерциализации здравоохранения особое значение имеет Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006»[4]. Данное Постановление значительно повлияло на оказание коммерческих услуг в сфере здравоохранения, поспособствовав, например, тому, что граждане ассоциируют бесплатные услуги с низким качеством, а обладатели прав на льготное обслуживание зачастую прибегают к платным альтернативам, мотивируя это стремлением к гарантированному результату. В силу этого представляется, что в обществе сформировался специфический тип правосознания, ключевой характеристикой которого является априорное восприятие бесплатных услуг как услуг пониженного качества, что является прямым следствием практики последних лет, что косвенно свидетельствует о нарушении одного из базовых прав человека — права на качественную медицинскую помощь.

Главной причиной кадрового дефицита в РФ является нежелание многих молодых специалистов работать по специальности. Особое значение эта проблема приобретает применительно к первичному звену: участковые терапевты и педиатры работают за пределами всех установленных нормативов. К причинам данного дефицита можно отнести: отток молодых специалистов в частный сектор (многих выпускников привлекают более высокие зарплаты в коммерческих клиниках, нежели перегрузки, низкие зарплаты в государственных учреждениях) и неравномерное распределение по регионам (начинающие врачи стремятся остаться в крупных городах или уехать за рубеж).

[1] Фирсов Д. И. Конституционное право граждан на охрану здоровья на современном этапе // Фундаментальные основы правового государства и актуальные вопросы реформирования современного законодательства : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 5 января 2018 г. Пенза, 2018. С. 74–78.

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Фадеева О. В. Проблемы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3, № 1. С. 97–103.

[4] Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006 : Постановление Правительства Российской Федерации от 11.05.2023 г. № 736 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

В целях решения данной проблемы внесены определенные изменения в законодательство. Так, Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] вводится наставничество для выпускников-медиков и устанавливаются новые правила для целевого обучения будущих фарм- и медработников. Студенты, поступившие на бюджетные места медицинских направлений, должны будут заключить договор о целевом обучении, а затем отработать в государственных медучреждениях под руководством наставника. К ведению Министерства здравоохранения России относится установление конкретных сроков наставничества и перечня специальностей, после завершения обучения по которым выпускники будут работать в муниципальных и государственных медучреждениях. При отказе от отработки выпускникам ординатуры придется возмещать затраты на обучение не менее чем за год. Но такие изменения, вероятно, выполнят свою задачу не в полной мере. На фоне принятия данных положений многие будущие специалисты в области здравоохранения задумываются о своем будущем в этой сфере уже сейчас, и в сети «Интернет» можно встретить массу негативных реакций на принятые нововведения, сопровождающиеся выражением намерений начинающих врачей переехать за рубеж или сменить направление профессиональной деятельности.

Следующей проблемой, не позволяющей населению эффективно реализовывать свое право на охрану здоровья и медицинскую помощь, является острая нехватка современного медицинского оборудования. В нашей стране, по данным опубликованных в российской газете «Известия», доля медоборудования, которое используют в больницах и поликлиниках, со сроком эксплуатации более 10 лет по итогам 2024 г. составила 24,8 %. Таким образом, почти каждый четвертый медицинский аппарат в государственных медицинских учреждениях можно считать устаревшим[2]. Решить данную проблему еще в 2021 г. был призван федеральный проект «Модернизация первичного звена здравоохранения», но темпы замены оказались слишком медленными. Основной причиной столь медленных темпов называют отсутствие на рынке достаточного количества российских аналогов для замены и малое финансирование данной области. К сожалению, нормативные правовые акты, прицельно регламентирующие данный вопрос и решающие эту проблему, на сегодняшний день отсутствуют, поэтому осветить ее с точки зрения правового регулирования не представляется возможным.

По итогам проведенного анализа можно заключить, что право на охрану здоровья представляет собой комплексное право личности, включающее, во-первых, безусловный доступ к качественной медицинской помощи (в установленных случаях — безвозмездной) и, во-вторых, гарантию благоприятной среды обитания, не наносящей ущерба физическому, психическому и социальному здоровью человека. При этом здоровье граждан, официально ставшее одним из государственных приоритетов, на практике остается областью, где конституционные права реализуются в крайне ограниченном объеме. Разрыв между декларацией и реальным уровнем доступности медицинской помощи по-прежнему велик. Перечисленные трудности напрямую обусловлены ограниченным объемом средств, выделяемых на сферу здравоохранения, и нуждаются в целенаправленных действиях со стороны государства и его органов.

Сведения об авторе

Коробчук Александр Игоревич — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO HEALTHCARE AND MEDICAL CARE: ESSENTIAL FEATURES AND COMPLEXITIES OF PRACTICAL IMPLEMENTATION

A. I. KOROBCHUK

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. This article examines the nature and challenges of implementing the constitutional right to health protection and medical care. It distinguishes between the categories of “health protection” and “medical care”, and analyzes constitutional and legislative guarantees. The author identifies the key challenges impeding the effective implementation of these rights: the commercialization of healthcare, which fosters mistrust of free medicine, a shortage of personnel in primary care, and a high proportion of outdated medical equipment. It concludes that a gap persists between constitutional guarantees and the actual quality and accessibility of medical care.

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17.11.2025 № 424-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 47. Ст. 7052.

[2] Прохорчук С., Тимофеева Ю., Крылов С. Лечению свет: в России изношена четверть медоборудования // Известия: официальный сайт. URL: https://iz.ru/1984535/sofiia-prokhorchuk/lecheniyu-svet-v-rossii-iznoshena-chetvert-medoborudovaniia (дата обращения: 29.04.2026).

Keywords: *constitutional right to health protection, medical care, realization of human and civil rights and freedoms, guarantees of human and civil rights and freedoms.*

О некоторых проблемах регулирования цифровых технологий и криптовалюты

С. Е. Красносельская, М. Е. Изместьева[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Криптовалюты и цифровые технологии стали значимым элементом экономики, однако их развитие сдерживается отсутствием четких правовых рамок и рисками безопасности. Исследование охватывает неопределенность юридического статуса активов, противоречия в законодательстве (ФЗ № 259) и специфику российской судебной практики.

Ключевые слова: *цифровые технологии, криптовалюта, правовое регулирование, цифровые финансовые активы, биткоин, цифровой рубль.*

Цифровые технологии прочно вошли в современную экономику и повседневную жизнь. Одним из наиболее значимых направлений развития этой сферы являются криптовалюты. Этот термин впервые появился с запуском платежной системы «Биткоин» в 2009 г.[2] Глобализация и прогресс в области информационных технологий сделали возможным возникновение нового вида денег, который быстро распространился по всему миру. Анализ развития криптовалют и их будущих перспектив требует не только экономического, но и правового подхода. Законодательные системы и общество не успевают за быстрым развитием информационных технологий. Несмотря на растущую популярность криптовалют, остаются значительные проблемы, связанные с их регулированием и правовой поддержкой, включая вопросы законодательства, налогообложения, безопасности и международного взаимодействия. Рассмотрим основные аспекты, касающиеся правового статуса криптовалют и возможности их эффективного регулирования.

Одной из главных проблем в регулировании криптовалют является отсутствие четко определенных правовых рамок. Рынок криптоплатежей развивается стремительными темпами и является одной из самых динамичных отраслей. Быстрое появление новых видов цифровых активов и технологий усложняет разработку универсальных регуляторных основ. Определения криптовалют и связанная с ними терминология встречаются чаще всего в информационных документах национальных и международных финансовых организаций. Большинство стран сталкиваются с трудностями в формировании единого подхода к определению сущности криптовалют. Одни рассматривают их исключительно как средство платежа, другие признают инструментом инвестирования, третьи видят лишь спекулятивный актив. Регулирование основано на технологической нейтральности объекта регулирования. Вместо слова «криптовалюта» используется определение «виртуальная валюта», являющееся более широким и объемным. Вместе с тем большинство финансовых институтов стремится к исключению ограничительных формулировок при определении виртуальных валют, обращаясь к набору свойственных им отличительных признаков[3]. Такая неопределенность создает риски для участников рынка: как для пользователей, так и для инвесторов.

Возьмем, к примеру, криптовалюту «Биткоин». Первоначально она была разработана как децентрализованная система для проведения платежей. Однако с увеличением капитализации рынка ее функциональность значительно расширилась. В различных решениях российских судов общей юрисдикции и арбитражных судов «Биткоин» рассматривается следующим образом:

— в качестве виртуального платежного средства и средства накопления. Это текстовая последовательность, состоящая из цифр и латинских

[1] Научный руководитель — Дрибинская Анна Витальевна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета.

[2] «Биткоин в законе»: как в России отрегулируют криптовалюты и ICO // РБК. URL: https://www.rbk.ru/money/24/10/2017/59ef5def9a794713956b0b5d (дата обращения: 12.05.2026).

[3] Виртуальные валюты и не только: предварительные соображения // Заметки для обсуждения персонала МВФ. 2016. № 3. С. 42. URL: https://www.imf.org/en/publications/staff-discussion-notes/issues/2016/12/31/virtual-currencies-and-beyond-initial-considerations-43618 (дата обращения: 12.05.2026).

букв (решение Анапского городского суда по делу № 2-869/2016, принятое 25.02.2016 г.);

— в качестве виртуальных денег (приговор № 22-500/2017, вынесенный Забайкальским краевым судом 21.02.2017 г.);

— в качестве денежного суррогата (решение Приморского районного суда по делу № 2-7811/2017 от 07.06.2017 г.);

— в качестве пиринговой платежной системы, использующей одноименную расчетную единицу (решение Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-368/2016 от 07.09.2016 г.);

— в качестве международной системы расчетов и средства для ведения расчетных счетов в сети (определения АС города Москвы по делам № А41-94274/15 от 07.09.2017 и № А40-138925/16-95-126 от 14.09.2017 г.).[1]

Но, несмотря на широкое распространение, многие государства продолжают избегать принятия однозначных решений относительно юридического статуса «Биткоина» и других криптовалют.

В России с 2009 по 2020 г. рынок криптовалют законодательно не регулировался. Предлагались прямо противоположные инициативы от легализации криптовалюты до полного ее запрета с введением уголовной ответственности за использование. В целях развития цифровой экономики Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Позже, в 2021 г. вступили в силу федеральные законы «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». В них появились определения понятий цифровой валюты, цифровых финансовых активов (далее — ЦФА), установлены правила их обращения, особенности работы оператора информационной системы, в которой выпускаются ЦФА. Однако законодательство не предоставляет однозначных и универсальных определений криптовалюты и блокчейн-технологий, что создает правовые противоречия. Например, закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» внутри страны запрещает использование криптовалюты для оплаты, но за ее пределами позволяет это делать без ограничений[2].

Еще одной важной проблемой являются вопросы безопасности. Высокая степень анонимности транзакций с использованием криптовалют, их необратимость — эти особенности привлекают преступников, использующих цифровые активы для отмывания денег, финансирования терроризма и иных противоправных действий. Отсутствует единый международный механизм борьбы с подобными угрозами, что затрудняет эффективное противодействие таким явлениям.

Кроме того, сложность идентификации владельцев кошельков создает дополнительные трудности для правоохранительных органов. Например, хакеры нередко используют криптовалюту для вывода украденных средств, поскольку следы платежей трудно проследить традиционными методами. Для решения этой проблемы на международном уровне внедряется «Travel Rule» (правило пересылки данных) от Financial Action Task Force (далее — FATF, ФАТФ), обязывающее провайдеров услуг виртуальных активов обмениваться данными о пользователях при транзакциях свыше определенного порога. В России же активно внедряются инструменты «Прозрачный блокчейн» (разработка Росфинмониторинга), которые позволяют деанонимизировать подозрительные транзакции, связывая адреса кошельков с реальными профилями пользователей на биржах.

Значительная волатильность цен на криптовалюты представляет угрозу стабильности финансовой системы. Высокая динамика курсов вызывает опасения относительно возможного резкого падения стоимости активов, что негативно сказывается на доверии инвесторов. Государствам приходится искать баланс между защитой экономических интересов граждан и стимулированием инноваций в сфере цифровых финансов.

Также важным аспектом является проблема признания виртуальных валют законным средством платежа. Многие страны отказываются признать криптовалюты полноценным платежным средством, опасаясь возможных рисков для национальной валюты и денежно-кредитной политики. Например, в Китае полностью запрещена торговля криптовалютами и майнинг, однако страна активно развивает свою национальную цифровую валюту — цифровой юань (digital yuan), что свидетельствует о разных подходах к регулированию. В России сохраняется прямой законодательный запрет на прием цифровой валюты в качестве оплаты за товары и услуги (ст. 14 ФЗ № 259). В качестве альтернативы государство предлагает цифровой рубль (третья форма денег, введенная в 2023 г. изменениями в ГК РФ), который эмитируется ЦБ, полностью регулируем и безопасен, в отличие от частных криптовалют.

Эффективное регулирование криптовалют требует наличия соответствующей правовой базы

[1] Шайдуллина В. К. Криптовалюта как новое экономико-правовое явление // Вестник университета. 2018. № 2. С. 142.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056 (дата обращения: 12.05.2026)

и инструментов мониторинга. Однако в большинстве случаев такая инфраструктура отсутствует или находится в зачаточном состоянии. Недостаточная прозрачность операций с криптовалютами усложняет контроль со стороны государственных органов, создавая условия для злоупотреблений и нарушений закона.

К примеру, биржи криптовалют функционируют вне строгого финансового надзора, что увеличивает риск манипулирования рынком и неправомерных сделок. Такие ситуации создают значительные препятствия для привлечения инвестиций в цифровую экономику и повышения доверия общественности к новым финансовым инструментам.

Проблемы регулирования криптовалют носят глобальный характер, поэтому решить их можно только посредством активного взаимодействия между странами.

Международное сотрудничество (например, в рамках FATF) позволит выработать единые стандарты и механизмы регулирования, обеспечивающие защиту потребителей и стабильность финансовых рынков. Практика внедрения международных механизмов согласования регуляций также поможет обеспечить более эффективное налогообложение и борьбу с отмыванием денег.

Создание согласованной международной стратегии и совместных криптовалютно-юридических информационных обменов могло бы значительно повысить эффективность борьбы с преступностью в области цифровых активов, способствовать формированию стабильного правового поля для участников крипторынка и повысить уровень доверия к новым финансовым инструментам.

Таким образом, для успешного развития и интеграции цифровых технологий необходимо внимательно изучить текущие правовые нормы и создать новые методы регулирования криптовалют. Создание законодательной базы при возникновении новых финансовых технологий в России должно служить целям защиты прав бизнеса и населения, использующих криптовалюту. В этом контексте важно выделить ключевые аспекты регулирования:

1. Определить понятие криптовалюты на законодательном уровне с учетом экономической сущности данного явления.

2. Создать правовую базу для регулирования криптовалют, уделив особое внимание процессу обмена криптовалют на российские рубли и иностранные денежные единицы.

Для эффективного решения возникающих проблем необходим всесторонний подход, который включает в себя повышение осведомленности населения, улучшение законодательных норм и активное сотрудничество между странами. Эти меры помогут снизить риски, связанные с развитием новых технологий, и создать благоприятные условия для стабильного роста цифровой экономики.

Сведения об авторах

Красносельская София Евгеньевна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Изместьева Мария Евгеньевна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ON SOME PROBLEMS OF REGULATING DIGITAL TECHNOLOGIES AND CRYPTOCURRENCY

S. E. KRASNOSELSKAYA, M. E. IZMESTEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Cryptocurrencies and digital technologies have become a significant economic element, yet their development is hindered by a lack of clear legal frameworks and security risks. This research covers the uncertainty of asset legal status, legislative contradictions in Federal Law No. 259, and the specifics of Russian judicial practice.

Keywords: *digital technologies, cryptocurrency, legal regulation, digital financial assets, bitcoin, digital ruble.*

Защита прав и интересов участников государственных закупок в судебных инстанциях

А. А. Кужахметова, Е. М. Рузаева[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Государственные закупки являются инструментом реализации государственных функций государства, но процесс осуществления закупок часто сопровождается нарушениями прав участников торгов. Для защиты своих прав участники обращаются в судебные инстанции, где восстанавливают нарушенные права. Настоящая статья посвящена исследованию правовых аспектов судебной защиты участников государственных закупок и анализу практики рассмотрения споров судами.

Ключевые слова: *государственные закупки, судебная защита, участники закупок, контрактная система, обжалование решений заказчика.*

Участие в процедурах государственных закупок регулируется Федеральным законом № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г.[2], определяющим порядок размещения заказов государственными органами и учреждениями, а также Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ[3], регулирующим закупки, которые проводят определенные организации, имеющие связь с государством. Данные законы устанавливают обязательные требования к участникам, определяет процедуру подачи заявок, оценки предложений и заключения контрактов.

Согласно ст. 105 Федерального закона № 44-ФЗ участник закупки имеет право обжаловать в судебном порядке действия (бездействие) субъекта контроля. Обжалование может осуществляться в административном или судебном порядке.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие категории нарушений:

• неправомерный отказ в допуске к участию в конкурсе;

• нарушение порядка оценки конкурсных предложений;

• заключение договора с участником, предложившим худшие условия поставки товара или оказания услуги;

• уклонение заказчика от подписания контракта.

Анализ также помогает выявить разнообразие подходов судов к рассмотрению подобных дел. Особое значение имеют доказательства, представленные сторонами процесса: документация о закупке, протоколы заседаний комиссии, переписка сторон и иные материалы. Также значительное внимание уделяется вопросам квалификации действий организатора торгов как злоупотребления правом, поскольку формальное соблюдение процедуры само по себе не гарантирует соблюдения принципов добросовестности и справедливости.

Важно отметить, что судебная защита возможна не только при оспаривании решений комиссий, но также и при предъявлении претензий относительно качества выполненных работ или поставленных товаров. Если заказчик нарушает договорные обязательства, подрядчик имеет право требовать компенсации убытков и возмещения расходов.

Несмотря на существование правового механизма защиты прав участников государственных закупок, судебная практика сталкивается с рядом проблем, затрудняющих эффективную защиту прав субъектов.

Во-первых, сложность процедур обжалования связана с необходимостью представления большого объема доказательств, подтверждающих наличие нарушения.

Участник закупки обязан доказать факт нарушения своих прав, а также причинно-следственную связь между действиями (бездействием) заказчика и наступившими неблагоприятными последствиями, что следует из положений ст. 65 АПК РФ[4]. Это требует глубокого анализа закупочной документации и иных материалов. На практике сбор и надлежащее оформление

[1] Научный руководитель — Дрибинская Анна Витальевна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета.

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 11.01.2026).

[3] Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.04.2026).

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.01.2026).

доказательственной базы вызывает существенные трудности.

В научной литературе обращается внимание на значительную техническую и организационную сложность процедур, сопровождающих реализацию контрактной системы. Так, Н. В. Грицай отмечает, что «основная сложность планирования закупок в Единой информационной системе (далее ЕИС) заключается в необходимости ручного ввода данных, что усложняет работу специалистов и занимает много времени»[1]. Указанные обстоятельства имеют значение при обжаловании действий заказчика, поскольку участник закупки вынужден анализировать и представлять в суд значительный объем документов, формируемых в рамках ЕИС, что объективно осложняет реализацию права на судебную защиту.

Во-вторых, суды нередко принимают противоречивые решения по аналогичным делам, что вызывает трудности у участников процесса.

Указанная проблема обусловлена тем, что нормы законодательства о контрактной системе, в частности Федерального закона № 44-ФЗ, носят во многом оценочный характер и допускают различное толкование. Именно закупочная комиссия зачастую становится заложником несовершенства законодательства при принятии решений о признании заявок участников соответствующими либо об отклонении таковых[2]. Как, например, в ситуации, когда антимонопольный орган и судебные инстанции признали законными действия комиссии по отстранению от участия в определении победителя закупки в форме открытого конкурса в электронной форме на право заключения контракта на выполнение проектно-изыскательских работ по объекту «Строительство ВОС г. Евпатория». На момент подведения итогов открытого конкурса участником предложена цена контракта в размере 97 451 100 руб., при этом податель жалобы имел второй уровень ответственности члена саморегулируемой организации (стоимость работ по одному договору не превышает 50 000 000 руб.). Закупочной комиссии необходимо проверять соответствие уровня ответственности цене контракта, формируемой по результатам торгов[3].

Для дальнейшего рассмотрения мер эффективной судебной защиты необходимо упомянуть актуальные проблемы в сфере регулирования Федерального закона № 223-Ф:

Во-первых, отсутствие ограничения допуска к участию в закупке путем установления неизмеряемых требований способствует возникновению большего количества пробелов, используемых для осуществления нарушений в данной области.

Во-вторых, данный закон задает лишь общие правила, а подробности расписываются в положении о закупках. Участие в тендере по 223-ФЗ обязывает изучить Положение о закупках компании-заказчика. Это порождает непонимание и несоблюдение прописанных требований.

В-третьих, при рассмотрении положения документации, установление двух значений начальной (максимальной) цены договора с НДС и без НДС противоречит принципу равенства участников закупки. Арбитражный суд г. Москвы рассматривал жалобу ООО «Гарпикс» на действия заказчика ПАО «Россети». Заказчик указал в документации две начальные цены (179 100 325 руб. без НДС и 214 920 390 руб. с НДС). При этом для целей оценки заявок применяются ценовые предложения участников закупки без НДС. Суд подтвердил решение ФАС о том, что такая практика нарушает п. 5 и 7 ч. 10 ст. 4 Закона № 223-ФЗ, согласно которым заказчик обязан устанавливать только одно значение НМЦД для всех участников[4].

В-четвертых, положения документации, позволяющие заказчику направлять уточняющие запросы заявок, являются фактором неправомерного предоставления преимущественных условий отдельным участникам закупки.

Для повышения эффективности судебной защиты предлагается ряд мер:

• совершенствование законодательной базы путем введения единых критериев оценки жалоб.

В частности, представляется целесообразным более четкое закрепление критериев оценки заявок участников закупок в Федеральных законах № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Это позволит снизить уровень субъективности при принятии решений комиссиями по осуществлению закупок и облегчит судебный контроль над законностью таких решений;

• формирование единообразной судебной практики.

Введение на уровне закона либо официальных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации единых подходов к оценке таких нарушений способствовало бы формированию более устойчивой и предсказуемой судебной практики, а также снижению количества спорных ситуаций;

• участие специального эксперта, специализирующегося в конкретной области закупочных процедур;

[1] Грицай Н. В. Государственные и муниципальные закупки в РФ: проблемы реформирования законодательства и правоприменительной практики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2017. № 1-2 (19). С. 5.

[2] Рахимов Э. Х. Анализ судебной практики по вопросам функционирования контрактной системы в контексте работы комиссии по осуществлению закупок // Вестник УЮИ. 2022. № 4 (98). С. 2.

[3] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 310-ЭС21-9350 по делу № А83-8542/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.02.2025 по делу № А40-205653/24-84-1545 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

Привлечение специализированных лиц позволит повысить качество рассмотрения подобных дел посредством узкой направленности и глубокого анализа конкретной ситуации;

• упрощение процессуальных норм, регулирующих подачу и рассмотрение исковых заявлений.

Расширение электронного документооборота, сокращение избыточных формальных требований и установление специальных процессуальных правил для закупочных споров могли бы существенно повысить доступность судебной защиты и снизить временные и финансовые издержки участников процесса.

Реализация указанных мер позволит повысить уровень правовой защищенности участников закупок и способствовать формированию прозрачной системы взаимодействия всех сторон процесса.

Таким образом, государственная система закупок требует постоянного внимания и улучшения механизмов защиты прав участников. Несмотря на имеющиеся проблемы, законодательство создает возможности для эффективной защиты прав заинтересованных лиц посредством обращения в судебную систему. Улучшение существующей практики приведет к повышению прозрачности и эффективности процесса государственных закупок, способствуя развитию конкуренции и улучшению условий хозяйственной деятельности предприятий и организаций.

Сведения об авторах

Кужахметова Алина Артуровна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Рузаева Елена Максимовна — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF PUBLIC PROCUREMENT PARTICIPANTS IN COURTS

A. A. KUZHAKHMETOVA, E. M. RUZAEVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Public procurement is a tool for implementing state functions, but the procurement process is often accompanied by violations of the rights of bidders. To protect their rights, bidders turn to the courts to restore their violated rights. This article examines the legal aspects of judicial protection for public procurement participants and analyzes the practice of judicial dispute resolution.

Keywords: *public procurement, judicial protection, bidders, contract system, appealing customer decisions.*

Правовые последствия нарушения права на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни при компрометации информации в ГАС «Правосудие»

Е. Е. Кунгурова[1]
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск

Аннотация. Анализируются конституционно-правовые последствия компрометации ГАС «Правосудие» в результате хакерских атак. На основе анализа экспертных оценок исследуются нарушения конституционных прав граждан на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни. Выявляются проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: *ГАС «Правосудие», конституционные права, тайна переписки, неприкосновенность частной жизни, хакерские атаки.*

[1] Научный руководитель — Пашнина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева.

Цифровая трансформация общественных отношений не обошла стороной и сферу судопроизводства. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в деятельность судов общей юрисдикции направлено на повышение доступности правосудия, сокращение процессуальных сроков и оптимизацию документооборота. Государственная автоматизированная система «Правосудие» стала технологической основой для формирования единого информационного пространства судебной системы. Однако наряду с очевидными преимуществами цифровизации, всё более отчетливо проявляются риски, связанные с кибербезопасностью данных, защитой тайны переписки, неприкосновенностью частной жизни участников судопроизводства, а также недостаточной правовой регламентацией электронных форм процессуальной деятельности.

Актуальность исследования приобретает особое значение в свете реальных событий. Как справедливо отмечает Н. О. Никурадзе, «современные средства сбора, хранения, обработки и накопления информации, применяемые в области уголовного судопроизводства, с одной стороны, облегчают деятельность, но с другой — требуют постоянно совершенствующихся механизмов информационной защиты»[1]. Такой же позиции придерживается З. С. Лебедев, указывая, что «законодатель вынужден подстраиваться к новой реальности, а России следует принять нормативные стандарты цифровизации информации, чтобы не отставать от общего мирового процесса»[2]. В 2024 г. система ГАС «Правосудие» подверглась глобальной кибератаке, в результате которой хакеры уничтожили треть архива судебных дел и аудиопротоколов судебных заседаний[3].

Данный инцидент продемонстрировал, что существующая система кибербезопасности судебной системы требует безотлагательного пересмотра как на техническом, так и на правовом уровне, поскольку злоумышленники получили доступ к персональным данным пользователей системы[4], но согласно отчету Счетной палаты РФ по состоянию на 2026 г. цифровая трансформация судебной системы страны сталкивается с проблемами. Материально-техническая база находится в состоянии критического износа. Так, проверкой установлено, что 78,6 % серверов федеральных судов общей юрисдикции эксплуатируются уже более 10 лет. Особую обеспокоенность вызывает состояние ГАС «Правосудие», ее система базируется на устаревших зарубежных программных продуктах, включающих более девяти иностранных языков программирования и различные системы управления базами данных. Основные информационные решения не имеют аттестатов соответствия требованиям информационной безопасности, что ограничивает их модернизацию, создает уязвимости для внешних кибератак и затрудняет интеграцию с новыми технологиями. Как следствие, ГАС «Правосудие», по оценке аудиторов, последовательно регрессирует[5].

ГАС «Правосудие» аккумулирует информацию, которая непосредственно подпадает под конституционно-правовую охрану в силу ст. 23 Конституции РФ. К такой информации относятся, во-первых, все формы частной переписки между судами и участниками процессов, подаваемые в электронном виде через личные кабинеты системы процессуальные документы, ходатайства, жалобы и объяснения. В широком смысле «иные сообщения» в значении ч. 2 ст. 23 Конституции РФ охватывают любые передаваемые через систему сведения, включая электронные письма работников аппарата судов, внутреннюю служебную переписку, а также проекты судебных актов на стадии их подготовки, которые не подлежат разглашению до момента оглашения. Во-вторых, система содержит огромный массив персональных данных участников судопроизводства: фамилии, имена, отчества, адреса места жительства, номера телефонов, паспортные данные, сведения о доходах, имуществе, состоянии здоровья, а также данные о мерах государственной защиты в отношении свидетелей, потерпевших, судей и присяжных заседателей.

Компрометация системы в результате хакерской атаки означает, что злоумышленники получили или могли получить несанкционированный доступ ко всей этой информации. При этом правовые последствия такого доступа носят не только фактический, но и конституционно значимый характер.

Во-первых, происходит нарушение права на тайну переписки, поскольку содержание электронной переписки перестает быть конфиденци-

[1] Никурадзе Н. О. К вопросу об обеспечении кибербезопасности данных при применении электронных средств обработки и хранения информации в сфере уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11 (203). С. 134.

[2] Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 110.

[3] Хакеры уничтожили треть архива судебных дел ГАС «Правосудие». URL: https://lenizdat.ru/articles/1165881/ (дата обращения: 16.04.2026).

[4] Во взломанной ГАС «Правосудие» могли использоваться продукты «Лаборатории Касперского» // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/08/24101431.shtml (дата обращения: 16.04.2026)

[5] Информационные технологии в судах России // Tadviser.ru. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 28.04.2026).

альным. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что гарантии тайны сообщений распространяются на любые формы коммуникации, включая электронную, и ограничение этого права допустимо только на основании судебного решения. Хакерский доступ, очевидно, таким решением не санкционирован.

Во-вторых, нарушается право на неприкосновенность частной жизни, поскольку разглашение персональных данных, особенно категории чувствительных (о состоянии здоровья, частной жизни, мерах безопасности), создает угрозу не только репутационным и моральным интересам, но в ряде случаев — физической безопасности граждан.

Анализ действующего законодательства, материалов инцидента 2024 г. и отчетов Счетной палаты РФ за 2025 г. позволяет выделить следующие системные правовые проблемы, обостряющиеся в результате компрометации ГАС «Правосудие».

Первой выявленной проблемой является отсутствие в законодательстве специального правового режима для процессуальной информации, обрабатываемой в судебных информационных системах. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает лишь общие требования, но не выделяет данные ГАС «Правосудие» в отдельную категорию с повышенными требованиями к защите. Как следствие, требования о географически распределенном резервном копировании, физической изоляции критических компонентов не закреплены на законодательном уровне для судебной системы.

Второй проблемой является неполнота уголовно-правовой охраны информации, содержащейся в ГАС «Правосудие». Так, ч. 4 ст. 272 УК РФ связывает ответственность с причинением «крупного ущерба» или наступлением «тяжких последствий». Уничтожение трети судебного архива, хотя и не наносит прямого имущественного вреда, приводит к серьезным последствиям: парализует работу правосудия, подрывает законную силу судебных решений, а также создает угрозу жизни и здоровью участников процессов из-за возможной утечки данных о мерах безопасности. Эти последствия невозможно точно оценить в денежном эквиваленте. При этом ст. 273 УК РФ не предусматривает отдельного квалифицирующего признака за создание вредоносных программ, специально нацеленных на вывод из строя судебных информационных систем.

Третьей проблемой является коллизия между принципом открытости правосудия, закрепленным в Федеральном законе от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», и необходимостью защиты персональных данных и тайны частной жизни. Размещение судебных актов в открытом доступе в сети Интернет само по себе является благом для прозрачности правосудия, однако в условиях, когда система недостаточно защищена, злоумышленники могут использовать открытые базы для сбора информации в комплексе с данными, полученными при взломе закрытых контуров, что многократно усиливает степень вторжения в частную жизнь.

Основываясь на выводах З. С. Лебедева о необходимости «принятия нормативных стандартов цифровизации», а также предложениях Н. О. Никурадзе о внедрении аналитики на основе искусственного интеллекта, а также учитывая уроки кибератаки на ГАС «Правосудие», мы предлагаем ряд конкретных мер для решения выявленных проблем.

Первым направлением является внесение изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ специальной статьей, устанавливающей правовой режим информации, обрабатываемой в государственных автоматизированных системах судебной системы. Такой режим должен включать: обязательное географически распределенное резервное копирование информации с обязательным хранением офлайн копии, которую необходимо обновлять раз в сутки, а также необходимо физическое разделение контуров обработки информации — закрытый контур для текущих производств и данных, содержащих тайну частной жизни, должен быть изолирован от сети Интернет.

Вторым направлением является совершенствование уголовного законодательства. Предлагается дополнить ст. 272 УК РФ квалифицирующим признаком: «неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащей сведения о ходе судебного производства, судебные акты, аудиопротоколы судебных заседаний, переписку участников процесса либо иные материалы дела, хранящиеся в ГАС «Правосудие».

Третье направление — создание компенсационного механизма для граждан, чьи права на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни были нарушены в результате компрометации ГАС «Правосудие». Целесообразно разработать порядок возмещения морального вреда в упрощенном порядке при установлении факта утечки данных после хакерских атак на информационные платформы судебной системы. Такой порядок может предусматривать фиксированную сумму компенсации в зависимости от категории скомпрометированных сведений, а также предоставление пострадавшим бесплатных услуг по мониторингу кредитной истории и страховой защите на случай использования утекших данных в мошеннических целях.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Компрометация ГАС «Правосудие» при хакерских атаках создает прямую угрозу конституционным правам граждан, закрепленным в ст. 23 Конституции РФ, а существующая защита судебной системы от киберугроз признана недостаточной.

Выявлены системные правовые проблемы: отсутствие специального правового режима для процессуальной информации, неполнота уголовно-правовой охраны, правовая неопределенность статуса утраченной вследствие кибератаки информации.

Предложенные пути решения носят комплексный характер — от внесения изменений в УК РФ, Федеральные законы № 149-ФЗ, № 262-ФЗ до компенсационного механизма для пострадавших граждан. Реализация этих предложений позволит не только снизить риски повторения подобных киберинцидентов, но и, что более важно, восстановить доверие граждан к цифровому правосудию как институту, способному обеспечивать защиту, а не создавать новые угрозы их конституционным правам.

Сведения об авторе

Кунгурова Елизавета Евгеньевна — студент 2-го курса Уральского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE COMPROMISE OF THE GAS “JUSTICE” SYSTEM DURING HACKER ATTACKS: VIOLATION OF THE RIGHT TO CONFIDENTIALITY OF CORRESPONDENCE AND PRIVACY

E. E. KUNGUROVA

Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk

Abstract. The article analyzes the constitutional and legal consequences of the compromise of the GAS “Justice” system as a result of hacker attacks. Based on the analysis of expert assessments, violations of citizens’ constitutional rights to confidentiality of correspondence and privacy are examined. Problems and ways to solve them are identified.

Keywords: *GAS “Justice”, constitutional rights, confidentiality of correspondence, privacy, hacker attacks.*

Современная монархия: сохранение или кризис

А. Д. Лазукова[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. В настоящее время монархическая форма правления утрачивает свою значимость, существуют факторы как ее сохранения, так и ее кризиса. За всё время существования монархии происходило ее эволюционирование от абсолютной монархии до конституционной модели, особое внимание уделялось падению общественной поддержки королевских домов в Европе. На примере Великобритании, Испании, Нидерландов и Дании можно раскрыть ключевые вызовы современным монархиям.

Ключевые слова: *монархия, форма правления, кризис, современность.*

В мировой государственно-политической практике время существования монархии насчитывает не одно тысячелетие. На сегодняшний день существует около 195 суверенных государств и только около 40 являются монархиями.

Следовательно, в современном мире перешли на республиканскую форму правления. При детальном рассмотрении можно узнать, что эти страны, в большинстве своем, принадлежали третьему миру и образовались в результате распада коло-

[1] Научный руководитель — Новикова Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства, доцент института права Челябинского государственного университета.

ний. Так или иначе, через монархическую форму правления проходило большинство современных государств. В их историческом развитии монархия оставила свой след, в частности, это проявлялось в определенной степени усиления политического статуса и государственности в целом.

К началу XX в. дуалистическая монархия утратила свою значимость, в юридически чистом виде длительное время данная форма правления существовала в Австро-Венгрии в 1867–1918 гг. Дуалистическая монархия в современном мире претерпела значительные изменения по сравнению с историческим периодом ее возникновения.

Абсолютная монархия также претерпела изменения, и в классическом ее проявлении абсолютной монархии практически не существует. Причиной этому служит наличие своих конституций в каждой стране. Стоит учитывать, что эти конституции признают и закрепляют верховную власть за монархом, и если в структуре государства предусмотрен парламент, то его роль сводится к конструктивно-совещательной: он может выражать мнение, но не принимать юридически значимых решений. В науке государства такие монархии называют полуабсолютными. К таким можно отнести Саудовскую Аравию, Ватикан, Оман, Эсватини и Бахрейн.

Сегодня монархия представляет чрезвычайно гибкую и многоликую систему в диапазоне от родоплеменной формы, успешно действующей в арабских государствах Ближнего Востока, до монархического варианта демократического во многих европейских странах[1].

Формы правления современных государств складывались на протяжении многих столетий, на что большое влияние оказывали политические и исторические традиции, условия образования государств, а также их внутриполитическое развитие, международное положение и иные факторы. В зависимости от того, осуществляется ли власть одним лицом или же принадлежит коллективному органу, традиционно выделяют монархическую и республиканскую формы правления, с их внутренним делением на абсолютную, дуалистическую, парламентскую монархию, президентскую и парламентскую республику.

Факторы сохранения монархии в современном мире носят многоаспектный характер. Прежде всего стоит отметить конституционную адаптацию и символическую функцию монархических институтов. Современные монархии выжили благодаря отказу от абсолютной модели в пользу конституционного ограничения власти. Монарх становится гарантом стабильности в периоды политических кризисов, а также носителем исторической памяти, связующим звеном между прошлым и будущим страны. Современная эпоха является для монархического института временем глубоких противоречий, когда вековая традиция, обеспечивавшая стабильность, сталкивается с беспрецедентными вызовами, способными подорвать основы наследственной власти. С одной стороны, можно наблюдать удивительную стойкость и способность монархии к адаптации, а с другой — системный кризис легитимности, охвативший практически все королевские дома Европы, от Лондона до Мадрида и Амстердама.

Наиболее наглядно этот кризис проявляется в падении общественной поддержки. В Великобритании, где институт монархии долгое время считался незыблемым, доля граждан, считающих важным его сохранение, сократилась до 51 %, в то время как в 1983 г. этот показатель превышал 86 %. Ситуация в Испании выглядит еще более тревожной, где на сегодняшний день около 39 % поддерживают монархию, что знаменует собой резкое радение авторитета института и подтверждает о глубоком разломе поколений[2].

Природа данного кризиса многогранна, но можно выделить два ключевых фактора, которые подрывают легитимность королевской власти в XXI в.

Во-первых, экономический фактор и усиливающееся социальное неравенство выступают катализаторами снижения общественной поддержи монархий, делая содержание королевских дворов всё менее популярным. Суть проблемы заключается не столько в абсолютной экономической неэффективности монархического института или в факторе получения монархами значительных доходов. Корень противоречий лежит в плоскости общественного восприятия и сравнительной справедливости. В условиях, когда широкие слои населения сталкиваются с ухудшением качества жизни, вызванным ростом цен на базовые потребительские расходы, королевские дома демонстрируют значительные траты на личные нужды или пышные церемонии. Например, после смерти Елизаветы II для коронации Карла III и для соблюдения традиций британская корона сил и денег действительно не пожалела. Как сообщило лондонское отделение, коронация Карла III благодаря размаху должна была принести местной индустрии гостеприимства 1 млрд фунтов стерлингов при затратах в 50–100 млн фунтов стерлингов[3]. Хотя коронация прошла успешно и были соблюдены все традиции, но это вызвало раздражение

[1] Мурзыванова Д. А. Монархия в современном мире // Молодой учёный: электронный журнал. 2026. № 4.

[2] Бржевская А. Поддержка британской монархии достигла исторического минимума // Московский комсомолец. 2025. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/09/11/podderzhka-britanskoy-monarkhii-dostigla-istoricheskogo-minimuma.html

[3] Коронованный Карл : под редакцией / Е. Корякина, А. Никитинский, Е. Черненко // Коммерсантъ. 2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5977168

даже у традиционных сторонников короны. Голландский король Виллем-Александр и его семья также часто подвергаются критике в прессе за дорогостоящие отпуска на греческой вилле, в то время как граждане вынуждены беречь свои деньги на фоне роста стоимости услуг для жизни.

Во-вторых, изменяется сам характер публичного дискурса. Общество всё чаще начинает задаваться вопросом о практической пользе монархии, измеряя при этом ее необходимость не исторической значимостью, а конкретными категориями расходов в общественной поддержке. Например, в Англии из-за распространения республиканских идей, которые начали проникать ещё в XIX в. после революционных событий во Франции и Германии 1848–1849 гг., интерес к республиканской форме правления существенно повысился[1]. Еще одним примером служит Испания на фоне скандалов вокруг отца нынешнего правителя Филиппа VI. Перед новым правителем стояла задача — восстановить авторитет монархии. Юбилей дал повод некоторым испанцам собраться на митинги за установление республики[2]. Однако голосование, проведенное в Испании в 2020 г. по заказу испанского издания ABC[3], показало, что бóльшая часть испанского населения пока делает выбор в пользу монархии, потому что народ продолжает видеть в монархии гарантию спокойствия и стабильности, которая удерживает страну от опасной дестабилизации.

Будущее, вероятно, за моделью «народной монархии», где идеал государственного устройства представляет собой сочетание элементов самодержавия, самоуправления и бессословности. Примером этому может служить Дания. Король Фредерик X и королева Мэри свободно передвигаются по Копенгагену на велосипедах, их дети ходят в обычные государственные школы, рейтинг одобрения монарха в обществе составляет 84–87 %. На основании изложенного можно интерпретировать наблюдаемую в современных монархиях трансформацию не как признак институционального упадка, а как период адаптации к современным условиям, за которым последует переход монархии к менее популярной или эффектной, но от того не менее значимой для своего народа.

Следовательно, монархическая форма правления не утратила своей значимости, несмотря на доводы об утрате ею своей значимости к ушедшей исторической эпохе. За длительное время своего существования этот институт претерпел глубокую модернизацию, успешно интегрировался в современные политические реалии и доказал способность к любой адаптации. Существующие в настоящее время монархии существенно отличаются от своих исторических прототипов, обретя в ходе эволюции собственные специфические особенности. При этом базовая сущность монархического строя осталась практически неизменной: современные правители сознательно ориентируются на традиционные стандарты и требования, созданные их предшественниками. Данная историческая преемственность помогает обеспечить сохранение высокого статуса монархического института, укрепляя при этом авторитет правящей династии и, в конечном итоге, способствует устойчивости и целостности национальной государственности.

Сведения об авторе

Лазукова Анастасия Дмитриевна — студент 1-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

MODERN MONARCHY: PRESERVATION OR CRISIS

A. D. LAZUKOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Currently, the monarchical form of government is losing its significance, and there are factors both for its preservation and its crisis. Throughout the history of the monarchy, it has evolved from an absolute monarchy to a constitutional model, with a focus on the decline of public support for royal houses in Europe. Using the examples of the United Kingdom, Spain, the Netherlands, and Denmark, we can explore the key challenges faced by modern monarchies.

Keywords: *monarchy, form of government, crisis, modernity.*

[1] Остапенко Г. С., Архипова Л. В. Британская монархия: из прошлого в будущее? Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 3. С. 86–99. DOI: 10.15211/vestnikieran320248699.

[2] Акции за отмену монархии возобновились в Испании, пишет El Pais // РИА Новости. 2014. URL: https://ria.ru/20140608/1011175941.html

[3] Больше половины граждан Испании поддерживают режим монархии // ИА Красная Весна. 2022. 13 янв. URL: https://rossaprimavera.ru/news/e0e0df27

Компенсация морального вреда в условиях цифровизации: новые основания и критерии

А. А. Погосян, В. В. Лапко[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Эпоха трансформации общественных отношений порождает новые личные неимущественные права, нуждающиеся в надежной защите. Такие нематериальные ценности, как честь, достоинство, деловая репутация, изображение гражданина и приватность в сети «Интернет», становятся особенно уязвимыми, в связи с чем существующее законодательное регулирование о компенсации морального вреда не может гарантировать полноценную защиту, создавая при этом угрозу для личности.

Ключевые слова: *моральный вред, цифровизация, компенсация, персональные данные, цифровая репутация, судебная практика, нематериальные блага.*

Компенсация морального вреда является одним из способов восстановления нарушенного права. Но для постановления эффективной правовой позиции необходимо определить, что именно понимается под «моральным вредом». Официальное определение закреплено в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), которая устанавливает: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда»[2].

Анализ научной литературы и судебной практики позволяет выделить несколько объектов, которые в современное время интерпретируются по-новому и обретают особую значимость. В эту группу объектов относится цифровая репутация, представляющая собой сведения о лице, размещенные в сети «Интернет» и формирующие общественное сознание о личности человека, его профессиональных и моральных качествах. Также сюда относится изображение гражданина, которое нередко используется и нарушается в интернет-среде без соответствующего разрешения. Отдельным объектом, заслуживающим внимания, является приватность цифровых коммуникаций, под которой понимается тайна переписки в мессенджерах, защита личных сообщений от публичного вмешательства. Особым элементом частной жизни является утечка личной информации или неправомерное ее использование, которое причиняет вред эмоциональной стабильности человека и приносит ему нравственные страдания. Все эти перечисленные объекты часто сталкиваются с новыми формами противоправных действий. В первую очередь, к этим формам относятся клевета и оскорбления в различных социальных сетях, на форумах и видеоплатформах. Другой формой противоправных вмешательств является нарушение норм авторского и смежных прав, например использование чужих работ или идей без корректных ссылок на цитируемую работу. Как полагает И. Ю. Карташова, «отсутствие государственной поддержки может привести к стагнации, утечке ярких и гениальных идей, которые могли бы быть использованы в развитии культуры, творческого прогресса, а также в целом оказали бы положительное влияние на экономику страны»[3].

Очевидно, что перед судами ставится сложная задача: каким образом суд должен рассчитывать сумму компенсации за подобные нарушения, если традиционные подходы к ее исчислению не учитывают специфику интернет-среды?

Традиционные методы исчисления размера компенсации морального вреда остались: принимаются во внимание характер и степень нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего, степень вины нарушителя, также применяются требования разумности и справедливости. Однако в цифровом пространстве эти устоявшиеся критерии наполняются новым содержанием. К числу новых обстоятельств относится масштаб распространения информации (количество просмотров, репостов и комментари-

[1] Научный руководитель — Сотникова Лилия Владимировна, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Карташова И. Ю. Компенсация как способ защиты прав авторов и правообладателей. Правовая позиция судебной доктрины // Авторское право и смежные права. 2022. № 10. С. 12–22.

ев); охват аудитории — от регионального до глобального. Важно учитывать также репутацию и влияние источника распространения, то есть кем причинен вред — обычным пользователем или блогером с многомиллионной аудиторией. Необходимо предусмотреть и длящийся характер нарушения, так как информация в сети не временна, может оставаться доступной годами, негативно влияя на психическое состояние человека и причиняя ему нравственные страдания постоянно.

Для справедливого расчета компенсации морального вреда необходимо систематизировать информационные источники по охвату аудитории и силе воздействия. Источники ограниченного действия влияют на аудиторию и распространяются не более чем в 50 % субъектов Российской Федерации. Источники широкого действия оказывают существенное влияние и охватывают аудиторию в большинстве регионов России либо на всей территории страны, то есть более 50 %. Источники глобального действия имеют общемировое распространение и охват аудитории через международные каналы (международные издательства, новостные службы и сайты). В случаях глобального распространения информации в научной литературе предлагались варианты введения повышающих коэффициентов, вплоть до двойной базовой компенсации. Однако для внедрения таких коэффициентов необходимо решить проблему процесса доказывания факта распространения информации и его последствий в цифровой среде. Консервативные методы фиксации доказательств в интернет-пространстве в большинстве случаев оказываются малоэффективными. Одним из наиболее надежных и действенных способов является нотариальный протокол осмотра интернет-страницы, который фиксирует состояние веб-страницы на определенную дату и время, даже если на момент осмотра информация была утрачена или изменена.

Более того, как отмечают А. В. Эльмурзаев и И. В. Соболева, «особенно перспективным представляется развитие концепции «умных доказательств» (smart evidence) — цифровых объектов, которые содержат в себе не только информацию, но и алгоритмы ее проверки. Например, электронный документ может включать цифровую подпись, метаданные о времени создания и изменения, а также скрипты для автоматической проверки его подлинности»[1].

Даже если при надлежащем установлении доказательств возникают сложности с идентификацией ответчика, истец должен убедительно показать, что его нравственные страдания вызваны именно действиями ответчика, а не иными причинами.

Психоэмоциональное состояние потерпевшего может быть подтверждено не только копиями записей из медицинских карт пациента и показаниями свидетелей, но и электронными доказательствами: временное ограничение доступа к учетной записи, история посещения веб-страниц, данные поисковых запросов. В связи с тем, что законодатель не унифицировал применение норм о компенсации морального вреда в цифровом пространстве и судебная практика по данному вопросу не является единообразной, затруднительным считается процесс определения лиц, виновных в причинении вреда личным неимущественным благам.

Существуют различные законные способы сбора и оценки доказательств, одним из них является лингвистическая экспертиза, проведение которой может быть инициировано как истцом, так и судом соответственно. Данная экспертиза помогает определить наличие или отсутствие в тексте информации, которая непосредственно наносит моральный вред, носит порочащий характер.

Для проведения экспертизы необходимо предоставить доказательства. Ими могут быть скриншоты переписок в мессенджерах, в которых, по мнению истца, содержатся компрометирующие сведения, посты в социальных сетях, аудио- и видеозаписи, приносящие нравственные страдания и являющиеся часто пересылаемыми, и иные материалы. При этом важным условием представления таких доказательств в суде является их оформленное надлежащим образом — в частности — нотариальное удостоверение, что увеличивает шансы на признание судом такого доказательства допустимым.

Началом урегулирования данной проблемы стало вступление в силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», которое обеспечило единство применения судами соответствующих норм и внесло комплекс существенных изменений.

Во-первых, был расширен перечень ситуаций, при наступлении которых возникает право на компенсацию нравственных страданий, несмотря на то, что они не содержатся в законе.

Во-вторых, суд, проводя следствие, должен учитывать требования разумности и справедливости, не допуская при этом взыскания с причинителя вреда чрезвычайно малую денежную сумму в качестве компенсации морального вреда, за исключением случаев, когда такое требование было выдвинуто истцом.

В-третьих, конкретизировано, что суждения, посягающие на честь и достоинство, рассматри-

[1] Эльмурзаев А. В., Соболева И. В. Трансформация института доказательств в гражданском процессе в условиях цифровизация правосудия // Human Progress. 2025. Т. 11, № 9. С. 1–11.

ваются в качестве полноценного основания для компенсации[1].

Приведенные положения расширяют способы защиты личных неимущественных прав, потому как этого требуют постоянно меняющиеся правоотношения.

Таким образом, переход общественных отношений в эпоху цифровых технологий создает новые основания для совершенствования механизма защиты нематериальных благ, следовательно, необходимо принятие ряда мер: установить презумпцию причинения вреда при распространении порочащих сведений в сети Интернет, разработать способы фиксации цифрового следа, что позволит вычислить количество репостов такой информации, охват аудитории, просматривающей ее.

Сведения об авторах

Погосян Анушик Арамовна — студентка 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

Лапко Виктория Витальевна — студентка 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION: NEW FOUNDATIONS AND CRITERIA

A. A. POGOSYAN, V. V. LAPKO

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The era of transformation of social relations gives rise to new non-property rights that need reliable protection. Such intangible values as honor, dignity, business reputation, the image of a citizen, and privacy on the Internet become particularly vulnerable, which means that the existing legal regulation on compensation for moral harm cannot guarantee full protection, while posing a threat to the individual.

Keywords: *moral damage, digitalization, compensation, personal data, digital reputation, judicial practice, intangible benefits.*

Актуальные направления развития теории объектов правоотношений в современной юридической науке

А. П. Литвинов[2]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируются актуальные проблемы понимания объекта правоотношения, обосновывается необходимость переосмысления устоявшихся подходов к их классификации и формулируются основные направления развития теории объектов правоотношений.

Ключевые слова: *объект правоотношения, теория правоотношений, цифровизация, виды объектов правоотношения, плюралистический подход в теории объектов правоотношений, направления развития теории объектов правоотношений.*

Категория объекта правоотношения традиционно относится к числу фундаментальных в теории права и отраслевых юридических науках. Именно объект во многом определяет специфику возникающих правовых связей, характер прав и обязанностей субъектов, а также применимый режим правового регулирования. Как справедливо отмечают исследователи, наличие объекта порождает возникновение и формирование правоотношений; отсутствие объекта права лишает смысла существование последних.

В отечественной теории права исторически

[1] О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Научный руководитель — Киреева Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

сложились два основных подхода к пониманию объекта правоотношения: монистический и плюралистический. Сторонники монистической концепции (Я. М. Магазинер, Д. М. Генкин, Б. С. Никифоров, О. С. Иоффе) полагали, что главным объектом правоотношений выступает предмет, выраженный действием субъектов. Иными словами, объектом правоотношения является поведение обязанного лица, поскольку именно на него направлено правовое воздействие.

Плюралистическая концепция, разделяемая многими учеными (М. М. Агарков, С. С. Алексеев, Л. А. Лунц, М. Н. Марченко, Н. И. Матузов), исходит из наличия множества объектов правоотношений, столь же многообразных, сколько и сами правоотношения. В рамках данного подхода объектами признаются различные материальные и нематериальные блага, на которые направлены права и обязанности субъектов категории[1]. Как отмечается в современной литературе, в доктрине объект гражданских прав определяется через благо (Г. Ф. Шершеневич, О. А. Красавчиков, С. С. Алексеев), через поведение (О. С. Иоффе, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев) и через иные категории[2]. При этом законодатель в ст. 128 Гражданского кодекса РФ воспринял преимущественно плюралистический подход, закрепив перечень объектов гражданских прав, который, однако, не является исчерпывающим.

Современный этап развития юридической науки характеризуется переосмыслением устоявшихся правовых конструкций, в том числе правоотношение, под влиянием процессов цифровизации, появления принципиально новых социальных практик и технологических возможностей. Развитие информационно-коммуникационных технологий предопределяет усиливающееся взаимопроникновение реального и виртуального мира, что трансформирует сущность правоотношений, реализуемых в процессе цифрового взаимодействия, расширяет и усложняет их внешнее проявление и дифференциацию.

Анализ научных источников и юридической практики позволяет выявить несколько ключевых тенденций развития теории объектов правоотношений.

Первая тенденция — расширение круга объектов, признаваемых правоотношениями. Это связано как с появлением новых объектов (цифровые активы), так и с переосмыслением правовой природы традиционных благ. Легальные перечни перестают быть исчерпывающими. Принцип «разрешено всё, что не запрещено» предполагает наличие безграничного множества вариантов правоотношений. Задача юридической науки — выявлять новые общественные отношения, требующие регулирования, и анализировать их объектный аспект.

Вторая тенденция — дифференциация правовых режимов объектов. Если ранее объекты делились преимущественно на вещи, иное имущество и нематериальные блага, то теперь возникает множество смежных категорий. Для цифровых объектов характерно сочетание признаков разных типов: они одновременно являются имуществом (по экономической природе), результатами интеллектуальной деятельности (по способу создания) и обязательственными правами (по юридической конструкции). Это требует выработки особых правовых режимов, учитывающих специфику каждого вида.

Третья тенденция — сближение объекта и субъекта в некоторых сферах. Цифровизация приводит к моментам их сближения. Речь идет не только об искусственном интеллекте как возможном квазисубъекте, но и о проблеме «виртуальной личности», двойников в цифровом пространстве, объектов, неотделимых от личности субъекта[3]. Это ставит перед теорией права сложные вопросы о границах между субъектом и объектом.

Четвертая тенденция — усиление междисциплинарности. Исследование правоотношений в цифровой действительности неизбежно связано с информатикой, кибернетикой, экономикой, социологией. Цифровое право приобретает междисциплинарный статус как новый вид нормативности, регулирующий отношения с нетипичными субъектами и объектами технологической сферы[4]. Это требует освоения новых методологических подходов, позволяющих адекватно отражать сложную природу современных объектов.

Изучение обозначенных трансформаций в сфере развития правоотношений имеет прямое прикладное значение. Во-первых, выявленные тенденции позволяют сформулировать рекомендации для законодателя по легальному закреплению цифровых активов, виртуального имущества и результатов деятельности ИИ в качестве самостоятельных объектов с особым правовым режимом. Во-вторых, понимание смешанной природы новых объектов помогает правоприменителю квалифицировать

[1] Краснов А. В., Алемпеев Г. С. Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации // ВЭПС. 2025. № 1. С 185.

[2] Горлов Е. М. Эволюционные направления развития категории объекта правоотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 97.

[3] Головина А. А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития В XXI В. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4 (104). С. 155.

[4] Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 185.

споры о криптовалютах, токенах, виртуальных предметах[1]. В-третьих, результаты научных исследований применимы в образовательном процессе по дисциплинам «Теория государства и права», «Гражданское право», «Цифровое право».

Дальнейшее развитие теории объектов правоотношений требует разработки четких критериев отграничения множественных объектов; изучения их взаимосвязи и влияния друг на друга; учета динамики общественных отношений и появления новых видов благ и интересов; дальнейшего уточнения методологических основ исследования; интеграции достижений отраслевых наук; учета междисциплинарных подходов (философии, социологии, экономики); разработки концепций для регулирования новых видов объектов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: теория объектов правоотношений в современной российской юридической науке находится в состоянии активной трансформации. Классические концепции (монистическая и плюралистическая) переосмысливаются с учетом цифровизации, появления новых видов объектов и усложнения социальных практик. Основными направлениями развития выступают:

теоретико-методологическое — уточнение понятийного аппарата, соотношения объекта правоотношения и объекта гражданских прав, объекта и блага;

отраслевое — анализ правовых режимов новых видов объектов (цифровых прав, виртуального имущества, результатов деятельности ИИ) в гражданском, информационном и иных отраслях права;

интегративное — выработка междисциплинарных подходов, учитывающих технологическую, экономическую и социальную природу современных объектов правоотношений.

Не менее перспективными направлениями дальнейших исследований представляются разработка критериев отнесения новых явлений к объектам правоотношений, анализ коллизий и пробелов в правовом регулировании, сравнительно-правовые исследования подходов к регулированию цифровых объектов в различных правовых системах.

Теория объектов правоотношений сохраняет свое фундаментальное значение для юридической науки, выступая методологической основой для отраслевых исследований и законодательных решений. Адекватное понимание природы объекта позволяет выстраивать эффективное правовое регулирование, обеспечивающее баланс интересов участников оборота и стимулирующее развитие общественных отношений.

Сведения об авторе

Литвинов Александр Павлович — студент 1-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF OBJECTS OF LEGAL RELATIONS IN MODERN LEGAL SCIENCE

A. P. LITVINOV

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article analyzes the current problem of the lack of a unified approach to understanding the object of a legal relationship, reveals the main issues of theories of legal relationship objects in modern legal science, studies the opinions of various authors, and identifies the directions for developing the theory of legal relationship objects.

Keywords: *object of legal relations, theory of law, digitalization, digital assets, legal regulation, pluralistic approach, transformation.*

[1] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–112.

Влияние цифровой трансформации на принцип независимости прокурора

И. С. Малахов[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Анализируется влияние цифровизации прокуратуры РФ на независимость прокурора. Выявлена двойственность технологических реформ: централизация ИТ-систем укрепляет автономию, но порождает риски алгоритмического контроля. Обоснована необходимость совершенствования правового регулирования для сохранения статуса прокурора как самостоятельного субъекта, принимающего решения на основе закона, а не программного кода.

Ключевые слова: *независимость прокурора, цифровая трансформация, информационные системы, прокурорский надзор, искусственный интеллект.*

Принцип независимости прокурора представляет собой фундаментальную основу организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», «органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами»[2].

Данное законодательное положение закрепляет статус прокурора не просто как должностного лица ведомственной системы, но как самостоятельного правоприменителя, чья деятельность не должна подвергаться внешнему или внутреннему давлению, не предусмотренному федеральными законами. Однако стремительное внедрение цифровых технологий в правоохранительную сферу, регламентированное Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 г. (далее Концепция), формирует новую правовую реальность, требующую переосмысления гарантий принципа независимости, например один из пунктов раздела 2 Концепции гласит: «обеспечение возможности использования цифровых инструментов для оперативной реализации надзорных функций, в том числе с применением технологии искусственного интеллекта для выявления признаков нарушений на основе анализа агрегированных данных объектов надзора»[3].

Цифровизация не является нейтральным техническим процессом, она обладает возможностью, способной как усилить автономию прокурора через технологическую защиту данных, так и создать новые механизмы скрытого влияния на его волеизъявление.

Законодательный принцип независимости обладает высшей юридической силой в рамках ведомственного регулирования, что требует приведения внутренних регламентов в соответствие с его положениями, а также обусловливает недопустимость внедрения технических средств, ограничивающих его реализацию. В традиционном понимании независимость прокурора подразделяется на внешнюю (от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и иных лиц) и внутреннюю (от вышестоящих прокуроров, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом). Внедрение единых информационных комплексов, таких как «Надзор-WEB» и Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС), изначально направлено на укрепление именно внешней независимости. Доступ к верифицированным федеральным базам данных позволяет сотрудникам районных прокуратур опираться на объективную информацию, неподконтрольную региональным администрациям, что снижает риски локального давления и сокрытия сведений. В данном контексте цифровая платформа выступает технологическим гарантом информационной автономии, соответствующим духу ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Однако чрезмерная централизация прав доступа в едином информационном пространстве несет в себе риски формирования технологической за-

[1] Научный руководитель — Глухова Евгения Викторовна, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

[3] Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года : утв. приказом Ген. прокурора РФ от 01.09.2025 № 621.

висимости, прямо затрагивающей внутреннюю независимость. Согласно ст. 2 и 13 Федерального закона № 149-ФЗ, «оператор информационной системы — это гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в её базах данных»[1]. В случаях, установленных законодательством Российской Федерации, оператор информационной системы обязан обеспечить предотвращение несанкционированного доступа к информации, своевременное обнаружение фактов такого доступа, возможность восстановления информации, а также постоянный контроль за обеспечением уровня ее защищенности. Если архитектура системы предполагает жесткую процессуальную привязку, при которой нижестоящий прокурор технически не может инициировать определенные действия без цифрового согласования, это трансформируется в форму скрытой процессуальной несамостоятельности. Таким образом, независимость прокурора может быть ограничена не прямым указанием руководителя, а алгоритмической структурой программного обеспечения, что вступает в противоречие с законодательным требованием осуществления полномочий в строгом соответствии с законом и независимо от ведомственного давления.

Э. В. Талапина, отмечает: «Присутствует риск «цифрового патернализма», когда технологическая среда предопределяет решения пользователя»[2]. В контексте прокурорской деятельности это означает, что информационная система, не предлагающая альтернативных сценариев или блокирующая виды процессуальных документов без явных правовых оснований, вынуждает прокурора действовать в рамках, заданных разработчиком, а не законодателем. Особую угрозу закрепленному закону принципу представляет внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Использование алгоритмов для прогнозирования правонарушений, анализа документов и поддержки принятия решений сопряжено с риском алгоритмической предвзятости, возникающей вследствие некорректной выборки обучающих данных. Как отмечает М. А. Макоев, «Алгоритм, обученный на исторических данных полицейских отчетов и судебных решений, неизбежно усваивает искажения, присущие этим данным, — например, статистический перекос в сторону более частого задержания лиц определенной национальности в определенных районах. В результате он начинает не отражать реальность, а воспроизводить и легитимизировать системные ошибки прошлого, выдавая их за объективный прогноз. Следователь, получая такую “объективированную” рекомендацию, оказывается под влиянием авторитета машины, что делает такую предвзятость особенно опасной и трудно обнаруживаемой. Этот риск усугубляется феноменом “черного ящика”, который создает непреодолимый барьер для реализации права на защиту»[3]. Система, обученная на исторической статистике, может воспроизводить существующие перекосы в правоприменении, направляя прокурорское внимание преимущественно на определенные социальные группы или территории. Если прокурор формально сохраняет право самостоятельного решения, но фактически обусловлен дефектом алгоритма, возникает проблема «ответственности за чужой интеллект», размывающая законодательную природу независимости как личной ответственности правоприменителя.

Последствия алгоритмической предвзятости для принципа, закрепленного в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», проявляются в трех главных аспектах:

Во-первых, скрытое влияние — прокурор может не осознавать, что его правовая оценка продиктована особенностями программного кода, что подрывает внутреннюю независимость сознания правоприменителя.

Во-вторых, сложность обжалования — если процессуальное решение принято на основе анализа больших данных, защищенных коммерческой или иной тайной, проверка его законности судом затрудняется, что нарушает принципы состязательности и независимости судебной власти.

В-третьих, техническая зависимость — отсутствие альтернативных инструментов анализа вынуждает прокурора доверять системе даже при наличии правовых сомнений, поскольку отказ от использования утвержденного ПО может быть расценен как нарушение должностных инструкций, фактически подменяющих закон.

Для минимизации описанных рисков и сохранения законодательного статуса прокурора необходимо комплексное совершенствование нормативно-правовой базы:

Во-первых, требуется законодательно закрепить статус алгоритмических рекомендаций исключительно как справочных материалов, не обладающих обязательной юридической силой. Прокурор должен иметь право и обязанность мотивировать свое решение ссылками на нормы права, даже если оно противоречит выводам информационной системы, что соответствует принципу персональ-

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[2] Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 13.

[3] Макоев М. А., Вестов Ф. А., Шуршалова Е. С. Этические аспекты использования искусственного интеллекта следователем // Базис: научно-практический журнал. 2025. № 2 (18). С. 33.

ной ответственности, закрепленному в подразделе 5.1.10 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальной стратегии, утвержденной этим Указом: «ответственность: не допускается делегирование системам искусственного интеллекта ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. Ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации»[1].

Во-вторых, необходимо обеспечить прозрачность алгоритмов, используемых в прокурорской деятельности. Использование систем типа «черный ящик», т. е. систем, внутренняя структура и механизмы работы которой неизвестны, недопустимо в правоприменении, поскольку прокурор должен понимать логику формирования рекомендаций для сохранения способности к критической оценке и независимому правовому выводу.

В-третьих, критически важно развитие цифровых компетенций прокурорских работников, ориентированных не только на навыки работы с ПО, но и на понимание правовых рисков цифровизации, что позволит распознавать системные ошибки и манипуляции данными.

В-четвертых, требуется усиление защиты информации и обеспечение технологического суверенитета. Независимость прокурора невозможна без конфиденциальности надзорных мероприятий. Использование только сертифицированных отечественных средств защиты и оборудования исключает риски внешнего вмешательства и утечек, которые могут быть использованы для компрометации деятельности органов прокуратуры.

Цифровая трансформация органов прокуратуры представляет собой сложный процесс, оказывающий неоднозначное влияние на принцип независимости прокурора. Централизованные платформы и технологии больших данных предоставляют мощные инструменты для автономного сбора информации, снижая зависимость от внешних источников. Вместе с тем существует риск подмены правовой оценки технической целесообразностью, возникновения алгоритмической предвзятости и усиления внутреннего контроля до уровня, ограничивающего процессуальную самостоятельность. Необходимо четко осознавать, что цифровизация является инструментом, а не целью деятельности прокуратуры.

Принцип независимости, закрепленный в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», должен оставаться неизменным стандартом, вокруг которого выстраиваются цифровые сервисы. Технологии должны адаптироваться под требования закона и этики правоприменения, а не право должно подстраиваться под ограничения программного кода. Для сохранения баланса требуется дальнейшее развитие законодательства, регулирующего применение ИИ в правоохранительной деятельности, внедрение этических стандартов использования алгоритмов и обеспечение технологического суверенитета. Только при условии сохранения за прокурором роли окончательного субъекта принятия решений, обладающего правом критической оценки данных цифровой системы, можно говорить о полной совместимости цифровизации и законодательного принципа независимости прокурора.

Сведения об авторе

Малахов Илья Сергеевич — студент 5-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

THE INFLUENCE OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE PRINCIPLE OF PROSECUTOR'S INDEPENDENCE

I. S. MALAKHOV
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. This article analyzes the impact of digitalization within the Prosecutor's Office of the Russian Federation on the independence of the prosecutor (Article 4 of Federal Law No. 2202–1 dated 17 January 1992, "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"). The dual nature of technological reforms is identified: the centralization of information technology systems strengthens institutional autonomy, yet generates risks of algorithmic control. The necessity of enhancing legal regulation to preserve the prosecutor's status as an independent authority, whose decisions are grounded in statutory law rather than software code, is substantiated.

Keywords: *prosecutor's independence, digital transformation, information systems, prosecutorial supervision, artificial intelligence.*

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5647.

Воспитательная функция государства в современном российском обществе

М. А. Медведева[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. В современном российском обществе особую значимость приобретает воспитательная функция государства. В статье рассматриваются различные аспекты развития и изменения воспитательной функции государства в условиях трансформации общественных отношений.

Ключевые слова: *воспитательная функция государства, современное российское общество, цифровизация, образование, воспитание, программа, политика.*

Как известно, государство решает стоящие перед ним задачи посредством осуществления разнообразных функций. Важнейшим инструментом государства является его воспитательная функция. Это традиционное направление деятельности современного государства. Содержание воспитательной функции может проявляться в следующем: создание программы воспитания граждан от детей до пенсионеров, внесение соответствующих изменений в законодательство, формирование их правового сознания и правовой культуры. Направленность и содержание воспитательной функции государства может меняться в зависимости от изменений в экономической, политической, духовной, социальной сферы жизни общества, от международной обстановки и т. д.

Особенно ярко и наглядно этот процесс представлен в современном российском обществе. Первая тенденция — изменение социальной роли воспитательной функции. В современном российском обществе воспитательная функция государства приобретает особую значимость, так как именно она тесно связана с формированием ценностных ориентиров общества. Это вызвано ослаблением традиционных ценностей в обществе (падение института семьи как агента социализации), кризисом системы образования в учебных заведениях и вне, деформацией представления о ценностях (разрыв связи поколений, цифровизация общества), организационными проблемами государства (недостаточное взаимодействие между ведомствами, отсутствие единой стратегии проведения воспитательной политики). Существует еще одна немаловажная проблема в осуществлении воспитательной функции государства — формы и методы ее реализации. Они могут быть жесткими и консервативными, а могут носить добровольный характер.

Изменение характера воспитательной функции иллюстрирует ее трансформация в период военного времени. К примеру, во время Великой Отечественной войны государство активно работало над патриотическим и военным воспитанием населения страны. В учебный план школьного образования 1942/43 учебного года был введен предмет «Военное дело», который включал строевую, лыжную, огневую, противохимическую подготовку, изучение стрелкового оружия, техники рукопашного боя и военно-санитарное дело. Также в старших классах постановлением Государственного комитета обороны «Об обязательном военном обучении граждан СССР» были введены занятия по военно-физической подготовке.

В современных условиях проведения специальной военной операции (СВО) государство меняет свою политику воспитания в сторону формирования патриотизма, гражданственности и военной подготовки. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» направлен на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В рамках проекта ведется работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, по проведению мероприятий патриотической направленности. За счет мероприятий проекта к концу 2024 г. достигнуты следующие основные результаты и показатели: 38,65 % граждан Российской Федерации вовлечены в систему патриотического воспитания[2]. В том числе государством был введен цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном» 5 сентября 2022 г. Проект был инициирован Минпросвещения РФ, а анонсирован в июне 2022 г. Занятия стали обязательной частью учебной недели, проходя каждый понедельник как классный час, посвященный патриотическому и гражданскому воспитанию.

Также в рамках осуществления военно-патриотического воспитания граждан школьный предмет

[1] Научный руководитель — Киреева Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

[2] Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» / Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 27.04.2026 г.).

«Основы безопасности жизнедеятельности» был изменен на «Основы безопасности жизнедеятельности и защиты Родины». Введение курса регламентировано Федеральным законом от 19.12.2023 № 618-ФЗ. Целью такого нововведения являются усиление патриотического воспитания, начальной военной подготовки, изучение правил безопасности и защиты в чрезвычайных ситуациях[1].

Программа включает модули по военной подготовке, основам здорового образа жизни, гражданской обороне. Также важно отметить, что данный новый образовательный курс предполагает обучение граждан безопасности в цифровой среде. Таким образом, государство стремится осуществлять свою воспитательную функцию, ориентируясь на тенденции развития общества, культуры и международных отношений.

Президент РФ Владимир Путин неоднократно подчеркивал в интервью, что «Лучшее воспитание — личный пример». Поэтому в России реализуется следующая программа воспитания: Всероссийский проект «Классные встречи». Существование комфортных отношений между детьми и взрослым обеспечивает гармоничное развитие личности, формируется социальная зрелость, развиваются коммуникативные навыки и многое другое.

Еще один яркий показательный пример необходимости изменения и развития содержания и направленности воспитательной функции государства — это сфера информационных технологий. Повышение внимания к вопросам цифровизации позволяет констатировать ведущую роль государства как регулятора и инициатора процессов цифровой трансформации в современной России[2].

Цифровые технологии, способные одновременно в чем-то обогащать, а в чем-то дестабилизировать развитие общественных отношений, уже стали неотъемлемой частью жизни современного российского общества. Но так было не всегда, поэтому государству необходимо корректировать воспитательную политику в этом направлении, чтобы избежать деградации общества и использовать ИИ-программы и технологии во благо человеку, а не наоборот.

К примеру, в сфере образования были внесены изменения: с 1 января 2024 г. всем обучающимся запрещается пользоваться телефонами и другими средствами мобильной связи во время учебных занятий при освоении программ начального, основного и среднего общего образования. Статья 43 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дополнена п. 4.1 следующего содержания: не использовать средства подвижной радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий при освоении образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, за исключением случаев возникновения угрозы жизни или здоровью обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, иных экстренных случаев. За нарушение данной обязанности к обучающимся могут быть применены меры дисциплинарного взыскания — замечание, выговор, отчисление из организации, осуществляющей образовательную деятельность[3]. Очевидно, что такое изменение в законодательстве связано с необходимостью обеспечить качество освоения программ обучения и защитить от возможного негативного влияния на учебный процесс использования неконтролируемого интернет-контента.

Вместе с ИИ-технологиями в Россию также пришли ИИ-преступления. Участились случаи мошенничества с помощью таких технологий. Как следствие, можно наблюдать новое направление в воспитательной и разъяснительной деятельности государства — организация для различных групп населения профилактических встреч с представителями новых подразделений и органов по борьбе с киберпреступлениями. В структуре таких органов появилось Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России). Создано оно 30 сентября 2022 г. на основании Указа Президента РФ № 688. УБК имеет территориальные подразделения в субъектах РФ. В январе 2026 г. по инициативе вице-премьера Дмитрия Григоренко создан оперативный штаб по противодействию интернет-мошенничеству. В его состав вошли представители федеральных ведомств, Центробанка, банков, операторов связи и цифровых платформ.

В связи с этим можно сделать вывод, что цифровизация российского современного общества стала не только помощником человека, но и проблемой для него, решение которой требует от государства дополнительных усилий по информационному просвещению и воспитанию населения.

Таким образом, очевидно, что воспитательная функция государства в современном российском обществе становится важнейшим инструментом, позволяющим государству мягко и эффективно адаптировать общество под изменения окружаю-

[1] Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федераци. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026?index=7 (дата обращения: 28.04.2026 г.).

[2] Авцинова Г. И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // PolitBook. 2019. № 4. С. 6–20.

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://36.rospotrebnadzor.ru/news/26858 (дата обращения: 30.04.2026 г.).

щей действительности. При этом основными направлениями развития воспитательной политики государства можно обозначить своевременную адаптацию к совершенно новым и иногда непредвиденным внешним и внутренним социальным условиям, оперативное законотворчество государства и использование подрастающего поколения в качестве основного ресурса и объекта реализации воспитательной функции.

Сведения об авторе

Медведева Милена Андреевна — студент 1-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

THE EDUCATIONAL FUNCTION OF THE STATE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

M. A. MEDVEDEVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Currently, the educational function of the state is one of the most important, especially in modern Russian society. The article examines various aspects of the educational function of the state in different conditions of society's development: wartime and digitalization.

Keywords: *educational function of the state, modern Russian society, digitalization, education, upbringing, program, policy.*

О проблеме обеспечения конституционной легитимности и сохранения тайны волеизъявления при дистанционном электронном голосовании в Российской Федерации

И. В. Панарина[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. В настоящее время система дистанционного электронного голосования становится одним из ключевых элементов в избирательном процессе Российской Федерации. В данной статье рассматривается проблема обеспечения конституционной легитимности дистанционного электронного голосования с сохранением тайны волеизъявления граждан. Выявляются правовые и технические противоречия между необходимостью идентификации избирателя и требованием анонимности его выбора.

Ключевые слова: *дистанционное электронное голосование, конституционная легитимность, тайна голосования, избирательный процесс, избиратель.*

Внедрение института дистанционного электронного голосования началось в 2019 г. в качестве эксперимента в Москве, а на сегодняшний день он является неотъемлемой частью избирательного процесса. В 2024 г. впервые дистанционное электронное голосование применялось на федеральном уровне в ходе президентских выборов, а в 2026 г. планируется его применение на выборах депутатов Государственной Думы. Данный институт обеспечивает возможность гражданам реализовать свое волеизъявление без посещения избирательного участка, через электронные устройства, что создает удобство и доступность для населения. Однако избиратели проявляют недоверие к данной системе, что выражается в страхе нарушения тайны голосования, а также в страхе фальсификации результатов без возможности независимой проверки.

Переходя к рассмотрению нормативной правовой основы дистанционного электронного

[1] Научный руководитель — Каягин Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета.

голосования, следует отметить, что анализ законодательства в настоящее время делает акцент на усовершенствовании избирательной системы, вводя новые способы голосования. Статья 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепляет, что при проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума может проводиться дистанционное электронное голосование[1].

Для участия в голосованиях при использовании дистанционного электронного голосования избиратель проходит процедуру аутентификации и идентификации на специальном портале, после волеизъявления изменение выбора не допускается, а также гарантируется невозможность установления связи между персональными данными и результатом голосования.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, в конституционном праве ключевая коллизия дистанционного электронного голосования заключается в конфликте публичных интересов. С одной стороны, государство обязано обеспечить достоверность волеизъявления, что требует строгой идентификации избирателя и исключения повторного голосования. С другой стороны, государство гарантирует тайну голосования, чтобы было невозможно установить связь между гражданином и его выбором.

Конституционная легитимность избирательной системы проявляется через нормы Конституции Российской Федерации, одна из таких закреплена в ч. 1 ст. 3, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»[2], а ч. 1 ст. 32 подтверждает эту норму и раскрывает механизм ее реализации, указывая, что «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»[2]. В конституционном праве одним из ключевых требований к системе дистанционного электронного голосования является невозможность установления связи между избирателем и его волеизъявлением. Именно это требование вступает в противоречие с технической структурой дистанционного голосования.

Конституционная легитимность выборов требует точного установления личности избирателя и факта его участия только один раз. Также необходимо следить, чтобы в голосовании не участвовали недееспособные, несовершеннолетние и умершие граждане.

Обращаясь к практической реализации указанных требований, необходимо рассмотреть процедуру идентификации. В Российской Федерации дистанционное электронное голосование проходит систему идентификации, которая построена на аутентификации через Единую систему идентификации и аутентификации (далее — ЕСИА). Избиратель входит через подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги», в которых привязаны паспортные данные, СНИЛС и номер телефона граждан. Для участия в выборах гражданин подает заявление, после чего подтверждает личность кодом из СМС, направленным на номер телефона, указанного на Госуслугах. При успешной проверке участник получает доступ к электронному бюллетеню, при этом участник исключается из списков избирателей на традиционном участке для предотвращения двойного голосования. После волеизъявления изменения выбора не допускается и гарантируется невозможность установления связи между персональными данными и результатом голосования.

В традиционной системе голосования используются бумажные бюллетени, что позволяет следить за их выдачей и заполнением, а также за подсчетом голосов. В дистанционном электронном голосовании процесс происходит в цифровой среде, что исключает возможность непосредственного контроля за проведением выборов и обработкой голосов.

Необходимая идентификация и аутентификация избирателя для исключения повторного голосования технологически создает возможность фиксации связи между гражданином и его действиями в системе. При этом отсутствуют убедительные доказательства защищенности данных избирателей от перехвата или несанкционированного изменения. Шифрование голосов как способ анонимизации построено на том, что ключи расшифровки находятся у организаторов выборов. Данное обстоятельство создает риск восстановления связи между избирателем и его голосом при наступлении определенных обстоятельств, что ставит под сомнение надежность данного способа голосования. Также в условиях данного способа голосования невозможно доказать, что голос был отдан добровольно и без принуждения.

По мнению С. В. Петровой, «электронное голосование, будучи объектом правового регулирования, должно оцениваться не только с позиции удобства и эффективности, но и сквозь призму

[1] Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

обеспечения устойчивости демократических институтов[1]».

Конституционная легитимность дистанционного электронного голосования не может основываться только на соблюдении законов. Важнейшим элементом выступает доверие граждан к внедрению цифровых технологий. Такое доверие возможно только при прозрачной и понятной процедуре для избирателя. Гражданину необходимо разобраться в том, как выстроен весь процесс проведения голосования такого типа, а именно понять, как происходит подсчет голосов, поскольку отсутствие такого понимания порождает недоверие избирателя и ставит под сомнение легитимность выборов.

В. А. Гриднев, В. Г. Жаров, У. С. Самодурова считали, что, учитывая достижения технического прогресса и появление всё новых средств и методов дистанционного голосования, законодательство должно быть достаточно гибким и способным адаптироваться к изменениям[2]. Однако в результате проведенного анализа можно сказать, что проблема обеспечения тайны волеизъявления не может быть решена исключительно гибкостью правового регулирования, также важную роль играют и технические ограничения.

В результате проведенного анализа можно предложить следующие изменения в правовое регулирование дистанционного электронного голосования:

Во-первых, важно дополнить избирательное законодательство положением о привлечении независимых экспертов в области криптографии и информационной безопасности к наблюдению за работой системы дистанционного электронного голосования на всех этапах — от генерации ключей шифрования до подсчета голосов. Наблюдатели-криптографы должны иметь право знакомиться с техническими записями системы и давать мотивированные заключения о нарушении тайны волеизъявления.

Во-вторых, необходимо установить обязательную процедуру поствыборной верификации: после завершения голосования под наблюдением Общественной палаты РФ публикуются зашифрованные бюллетени, протоколы анонимизации и криптографические ключи расшифровки. Это позволит любому гражданину или эксперту независимо пересчитать голоса и убедиться в отсутствии фальсификаций.

В результате проведенного исследования можно сказать, что дистанционное электронное голосование порождает неустранимое на сегодняшний день противоречие между идентификацией избирателя и тайной его волеизъявления. Правовых гарантий анонимности недостаточно, поскольку технические риски восстановления связи избирателя с его голосом сохраняются, а независимый контроль невозможен. Без преодоления указанного противоречия доверие граждан к дистанционному электронному голосованию может остаться низким, а это ставит под угрозу конституционную легитимность выборов.

Сведения об авторе

Панарина Ирина Васильевна — студентка 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

ON THE PROBLEM OF ENSURING CONSTITUTIONAL LEGITIMACY AND PRESERVING THE SECRECY OF VOTING IN REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. V. PANARINA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Currently, the system of remote electronic voting is becoming one of the key elements in the electoral process of the Russian Federation. This article discusses the problem of ensuring the constitutional legitimacy of remote electronic voting while preserving the secrecy of citizens' voting. Legal and technical contradictions between the need to identify a voter and the requirement of anonymity of his choice are revealed.

Keywords: *remote electronic voting, constitutional legitimacy, secrecy of voting, electoral process, voter.*

[1] Петрова С. В. Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 62.

[2] Гриднев В. А., Жаров В. Г., Самодурова У. С. Обеспечение безопасности систем дистанционного электронного голосования // Правовая информатика. 2023. № 4. С. 48.

Конституционно-правовые аспекты ограничения прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций

А. Р. Пархоменко[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правовых аспектов ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) в Российской Федерации. В работе рассматриваются правовые основы введения чрезвычайного положения, закрепленные в Конституции РФ и ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Ключевые слова: *ограничения прав и свобод человека, Конституция РФ, ФКЗ «О чрезвычайном положении», чрезвычайное положение, безопасность граждан.*

В условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС), таких как эпидемии, природные катастрофы, террористические угрозы или военные действия, государство сталкивается с необходимостью обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя. В таких обстоятельствах возникает вопрос о допустимости и пределах ограничения прав и свобод человека. Российская Федерация, как правовое государство, предусматривает возможность введения особых административно-правовых режимов, однако эти меры должны строго соответствовать принципам законности, необходимости и пропорциональности.

Конституция РФ 1993 г. предназначена для регулирования общественных отношений как в условиях обычного (ординарного, нормального) правопорядка, так и в период действия чрезвычайных режимов (ст. 56, 87, 88). Чрезвычайный режим вводится на всей или на части территории государства в случае внутренней (к примеру, массовые беспорядки) или внешней (агрессия) угрозы конституционному строю, жизни граждан, институтам власти, с которой обычными мерами (правоохранительными, полицейскими) справиться невозможно. Основной закон РФ предусматривает два вида чрезвычайного режима: чрезвычайное положение (ст. 56, 88, 102, 109) и военное положение (ст. 87, 102, 109)[2].

Конституция не содержит ни определения, ни оснований или целей введения чрезвычайного положения. Согласно ст. 56 и 88 Основного закона, режим чрезвычайного положения должен регулироваться Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» 2001 г.

Основаниями введения чрезвычайного положения являются обстоятельства, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер (ст. 3 Закона «О чрезвычайном положении»). Закон указывает на две группы оснований (обстоятельств) — чрезвычайные ситуации социального характера и чрезвычайные ситуации природного, техногенного и экологического характера:

а) попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

б) чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в т. ч. эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Порядок введения чрезвычайного положения определяется Конституцией РФ, федеральными

[1] Научный руководитель — Каягин Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических и публично-правовых наук Челябинского государственного университета.

[2] Подмарев А. А. Конституционное регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайных режимов в национальных правовых системах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 116.

законами, Регламентом Совета Федерации. Чрезвычайное положение вводится Президентом РФ с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ст. 88). Утверждение или неутверждение указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения относится к ведению Совета Федерации (ст. 102). Решение об утверждении указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения принимается большинством голосов от общего числа членов Совета Федерации и оформляется постановлением Совета Федерации (ст. 157 Регламента Совета Федерации). Срок действия чрезвычайного положения, вводимого на всей территории РФ, не может превышать 30 суток, а вводимого в ее отдельных местностях, — 60 суток (ст. 9 Закона «О чрезвычайном положении»)[1].

Необходимым компонентом режима чрезвычайного положения являются значительные ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые можно рассматривать как одно из средств, позволяющих восстановить конституционный правопорядок. Конституция РФ не содержит перечня этих ограничений, но закрепляет цели и принципы их установления (основы). Ст. 56 Конституции гласит:

1. В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

2. Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом.

3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20 (право на жизнь), 21 (достоинство личности), 23 (ч. 1) (право на неприкосновенность), 24 (право на частную жизнь), 28 (свобода совести и вероисповедания), 34 (ч. 1) (распоряжение имуществом для предпринимательской деятельности), 40 (ч. 1) (право на жилище), 46 (право на судебную защиту), 47 (право на рассмотрение дел в суде), 48 (право на квалифицированную юридическую помощь), 49 (право на невиновность до момента доказательства вины), 50 (повторное осуждение), 51 (право не свидетельствовать против себя), 52 (охрана государством прав потерпевших), 53 (право на возмещение вреда из-за незаконных действий), 54 (несение ответственности за прошлые деяния до выхода действующего НПА) Конституции Российской Федерации[2].

Данные конституционные нормы означают, что при чрезвычайном положении ограничения прав личности:

1) необходимы;

2) должны иметь пределы;

3) должны действовать определенный срок;

4) не должны затрагивать некоторые права и свободы;

5) должны быть сформулированы в федеральном конституционном законе;

6) позволяют обеспечить безопасность граждан и защитить конституционный строй.

В условиях чрезвычайного положения ограничения прав и свобод личности, предусматриваемые различными федеральными законами, сохраняют свое действие, а «отдельные ограничения» (ч. 1 ст. 56) являются дополнительными, не применяемыми при нормальном правопорядке, а вводимыми в действие одновременно с введением чрезвычайного положения. В соответствии с Конституцией РФ (ст. 56, 88) дальнейшее регулирование ограничений прав и свобод личности в условиях чрезвычайного положения осуществляется федеральным конституционным законом.

В законе содержатся следующие общие «чрезвычайные» ограничения: особый режим въезда на территорию, на которой введено чрезвычайное положение, и выезда с нее; ограничения на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств; особый порядок продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; ограничение движения транспортных средств; досмотр транспортных средств; приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества; запрет проведения выборов и референдумов.

Если чрезвычайное положение введено по причине социальных конфликтов, то в дополнение к общим ограничениям прав и свобод личности могут вводиться следующие ограничения: комендантский час (запрет в установленное время суток находиться на улицах и в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность граждан);

[1] Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77).С. 51–52.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.04.26).

задержание граждан за нарушение правил комендантского часа (до окончания комендантского часа, а в некоторых случаях — до трех суток по решению начальника органа внутренних дел или его заместителя); административный арест на срок до 30 суток за нарушение требований режима чрезвычайного положения; ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры; временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники; установление особого порядка аккредитации журналистов; приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения; приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения; проверка документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств; ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств, ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, сильнодействующие вещества, этилового спирта, спиртных напитков, спиртосодержащей продукции; временное изъятие у граждан оружия и боеприпасов, ядовитых веществ; выдворение лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, за ее пределы; продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения (но не более чем на 3 месяца)[1].

В случае введения чрезвычайного положения из-за чрезвычайных ситуаций природного, техногенного или экологического характера, общие ограничения прав личности дополняются такими специальными ограничениями, как временное отселение жителей в безопасные районы; введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; изменение режима работы организаций; отстранение от работы руководителей государственных и негосударственных организаций; мобилизация трудоспособного населения; привлечение транспортных средств граждан для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ. Конкретный перечень дополнительных ограничений прав и свобод личности должен определяться указом Президента РФ о введении чрезвычайного положения.

Исходя из требований Конституции РФ и Закона «О чрезвычайном положении», можно констатировать, что вводимые на период действия чрезвычайного положения ограничения прав и свобод человека и гражданина характеризуются следующими признаками:

1) они предусмотрены специальным правовым актом — Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении»;

2) они являются дополнительными по отношению к уже действующим ограничениям, установленным федеральными законами в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ;

3) они начинают действовать одновременно с введением чрезвычайного положения указом Президента РФ;

4) они вводятся для достижения определенных целей — обеспечение безопасности граждан, защита конституционного строя, устранение обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения;

5) по своему назначению они в основном направлены на предотвращение или прекращение политической, экономической и иной активности граждан;

6) они фактически отменяют некоторые права и свободы на определенное время, то есть являются ограничениями-запретами;

7) они носят временный характер (срок их действия совпадает со сроком действия чрезвычайного положения);

8) они действуют исключительно на той территории, на которой введено чрезвычайное положение[2].

Также при введении чрезвычайного положения нормативно-правовая база руководствуется международными нормами. Международные нормы (например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) допускают ограничение прав и свобод человека в условиях ЧП при соблюдении ряда условий: угроза жизни нации, официальное объявление чрезвычайного режима, временный характер ограничений, отсутствие дискриминационного характера мер.

Анализ конституционно-правовых аспектов ограничения прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций показывает, что российское за-

[1] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 06.04.2026).

[2] Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека… С. 53.

конодательство выстраивает сбалансированный механизм, сочетающий необходимость обеспечения безопасности государства и защиты конституционного строя с гарантией основных прав и свобод граждан. Таким образом, правовая модель ограничения прав в условиях ЧП в России построена на принципах законности, соразмерности и временности. Она позволяет оперативно реагировать на кризисы, минимизируя риски для прав человека за счет жестких процедурных рамок, парламентского контроля и перечня неприкосновенных прав. Это обеспечивает необходимый баланс между общественной безопасностью и конституционными гарантиями свобод.

Сведения об авторе

Пархоменко Александр Романович — студент 2-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS IN EMERGENCY SITUATIONS

A. R. PARHOMENKO

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article is devoted to the analysis of constructional and legal aspects of the restriction of human rights and freedoms in emergency situations in the Russian Federation. The paper examines the legal basis for the introduction of a state of emergency, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law “On the State of Emergency”.

Keywords: *restrictions on human rights and freedoms, Constitution of Russian Federation, Federal Law “On the State of Emergency, state of emergency”, security of citizens.*

Право и справедливость

К. А. Пермякова[1]

Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Современное российское общество сталкивается с важной задачей реформирования основ жизни своих граждан. Эффективное решение этой задачи невозможно без глубокого анализа права и справедливости, что необходимо для формирования нового представления о том, как должны выглядеть современные формы общественной жизни.

Ключевые слова: *право, справедливость, правовой дуализм, законодательство, дифференциация доходов, система правосудия.*

Актуальность изучения права и справедливости заключается в том, что постоянные изменения в обществе и его ценностях требуют переосмысления правовых норм и институтов. Исследование помогает адаптировать право к новым условиям. Помимо этого, во многих регионах мира, как и в Российской Федерации, продолжаются нарушения прав человека. Исследование в этой области способствует разработке эффективных механизмов защиты.

Право — системная совокупность исходящих от государства социальных норм, имеющих юридическое значение и принудительно обязательный характер в определении правил общественной деятельности и поведения людей и их организаций[2].

Заметим, что уже в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 4) было зафиксировано: свобода состоит в возможности делать всё, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено исключительно теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование данными же правами[3].

Право — это система норм, которая:

[1] Научный руководитель — Каягин Андрей Борисович, заведующий кафедрой теоретических и публично-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук.

[2] Правоведение : учебник / под общ. ред. В. А. Козбаненко. 3-е изд. М. : Дашков и К°, 2006. С. 147.

[3] Декларация прав человека и гражданина : принята Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г.

1) выражает волю государства, которая соответствуют некоторым экономическим и социальным условиям;

2) устанавливается или санкционируется государством;

3) поддерживается в случаях несоблюдения принудительной силой государства.

Справедливость — важнейшая категория социальной и политической философии и этики.

Классическое определение справедливости принадлежит Аристотелю: «…справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так оно и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных»[1].

Особенности справедливости в современное время:

1. Оценочный характер справедливости.

Данная категория обладает выраженной субъективностью, поскольку представления о справедливости варьируются в зависимости от социальных, культурных и индивидуальных факторов. То, что воспринимается как справедливое в одной группе или сообществе, может рассматриваться как несправедливое в другой, что обусловлено различиями в ценностных ориентациях и интересах.

2. Многоаспектность справедливости.

Справедливость выполняет регулятивную функцию в социальных взаимодействиях, определяя принципы заключения договоренностей, распределения материальных и нематериальных благ, а также применения санкций за отклонение от установленных норм. Ее проявления охватывают экономическую, правовую, политическую и этическую сферы.

3. Этический аспект справедливости.

В философско-этическом понимании справедливость предполагает равное право всех индивидов на достойное существование, включая доступ к ресурсам, необходимым для достижения благополучия. Этот принцип лежит в основе концепции социальной справедливости, направленной на минимизацию неравенства.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как право и справедливость соотносятся в правоприменительной практике. Для большинства граждан справедливость воспринимается не как абстрактная категория, а как реальный результат правового регулирования: соответствует ли принятое решение их ожиданиям, учтены ли фактические обстоятельства дела, восстановлено ли нарушенное право. Именно в этой плоскости наиболее часто возникают коллизии между формальным законом и представлениями людей о должном.

Так, судебный акт, вынесенный строго в соответствии с процессуальными и материальными нормами, может не получить общественного одобрения, если он не учитывает индивидуальные особенности конкретной ситуации. Обратная ситуация также возможна: решение, основанное на моральных оценках, может не находить опоры в действующем законодательстве, что делает его юридически несостоятельным. Особую остроту данное противоречие приобретает при рассмотрении дел, затрагивающих имущественные и социальные интересы различных групп населения. В таких случаях формальный подход к толкованию норм нередко вступает в противоречие с принципами разумности и добросовестности.

Для разрешения указанных противоречий в правовой системе предусмотрены специальные инструменты, позволяющие индивидуализировать применение норм. К их числу относятся судейское усмотрение, участие присяжных заседателей, а также институты апелляционного и кассационного обжалования. Названные механизмы направлены на смягчение формализма позитивного права и создание условий для учета обстоятельств, имеющих правовое значение, но не получивших прямой регламентации в законе. Вместе с тем чрезмерная дискреция правоприменителя несет риск утраты единообразия судебной практики, что ставит под угрозу принцип правовой определенности. Следовательно, необходим взвешенный подход, сочетающий нормативную строгость с оценочной гибкостью.

Достижение такого равновесия требует постоянного мониторинга правоприменения и своевременной корректировки законодательных положений с учетом динамики общественных отношений. Именно поэтому проблема соотношения права и справедливости остается предметом юридической доктрины и законотворческой деятельности. Чем выше степень общественного контроля за правотворчеством, чем доступнее механизмы судебной защиты для социально незащищенных слоев и чем единообразнее практика высших судебных инстанций, тем меньше разрыв между нормативными предписаниями и восприятием их как справедливых.

В научной дискуссии о взаимосвязи справедливости и права выделяются две конкурирующие позиции:

Первая позиция интерпретирует справедливость как внеправовую категорию, детерминированную морально-этическими нормами и исторически изменчивыми представлениями. В данном контексте право и справедливость рассматриваются как автономные, хотя и взаимодействующие системы регуляции.

// Национальное собрание Франции.

[1] Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 359.

Вторая позиция утверждает, что право должно стремиться к максимальному воплощению принципов справедливости, устраняя существующие социальные дисбалансы. Однако, учитывая формализованный характер правовых норм, полное тождество между правом и справедливостью недостижимо, поскольку последняя неизбежно содержит субъективные оценочные суждения. Справедливость не является качеством морали или религии, а представляет собой важный критерий права[1].

Как и любая социально-нормативная система, сфера права и справедливости сталкивается с рядом противоречий и дисфункций, требующих теоретического осмысления и практического регулирования. Среди ключевых проблем можно выделить следующие:

— Одной из наиболее острых проблем является правовой дуализм, выражающийся в противостоянии между формально-рациональными нормами позитивного права и устоявшимися традиционными представлениями о справедливости, сохраняющимися в общественном сознании. Данный конфликт приводит к снижению легитимности правовых институтов и росту социальной напряженности.

Необходима разработка новой концепции справедливости, интегрирующей рациональные правовые принципы с социокультурными традициями. Это позволит минимизировать разрыв между законодательными нормами и коллективными правовыми ожиданиями.

— Еще одной значимой проблемой выступает расхождение между провозглашенными в законодательстве принципами верховенства права и защиты прав человека и их реальным воплощением в правоприменительной деятельности. Данный дисбаланс подрывает доверие к правовой системе и снижает ее эффективность.

Требуется системное реформирование законодательства, направленное на устранение пробелов и коллизий, а также на повышение качества правоприменения. Особое внимание следует уделить совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального права, поскольку именно эти отрасли наиболее тесно связаны с защитой общественных интересов и поддержанием социальной стабильности.

— Дифференциация доходов — тоже недоработка сферы права и справедливости, поскольку она способствует формированию в стране большого количества бедных и нищих[2].

Необходимо провести совершенствование учета статистических данных. Мы предлагаем, законодательно закрепить, что началом расследования должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление о преступлении[3].

— Еще одной значимой проблемой в сфере взаимодействия права и справедливости выступает несовершенство системы правосудия, проявляющееся в отсутствии единообразной практики толкования и применения правовых норм. Данная ситуация приводит к правовой неопределенности, произвольности судебных решений и, как следствие, снижению доверия к судебной системе.

Для повышения эффективности и легитимности судебной власти необходима комплексная реформа судебной системы, направленная на унификацию правоприменительной практики и обеспечение прозрачности судопроизводства. Одним из ключевых направлений такой реформы может стать введение механизма выборности судей гражданами, что позволит установить непосредственную обратную связь между судебной властью и обществом.

Проведя исследование права и справедливости, можно сделать следующие выводы:

Справедливость служит основой для права, однако это действует только в одностороннем порядке. Право, безусловно, предназначено для справедливого регулирования общественных отношений, но эти два понятия не идентичны, а лишь частично пересекаются.

В юридической сфере справедливость выступает как критерий оценки правовых норм и должна служить ориентиром для права. Для достижения справедливых результатов правовая система должна учитывать требования справедливости наряду с соблюдением законности.

Таким образом, право и справедливость всегда будут идти рядом, но никогда не совпадут полностью. Право дает четкие правила, а справедливость — это то, как эти правила воспринимаются людьми. Идеальной гармонии между ними достичь нельзя, но к ней стоит стремиться. Для этого важно не просто принимать законы, а регулярно проверять, насколько они отвечают реальным нуждам людей, и при необходимости корректировать их. В конечном счете, чем больше право учитывает человеческие чувства и жизненные обстоятельства, тем справедливее оно становится в глазах общества.

[1] Теория права и государства : учебник для вузов / под ред. проф. Г. Н. Манова. М. : Бек, 1996. С. 114.

[2] Василенко А. В. Сущность и принципы правоприменительной деятельности (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1987. С. 18.

[3] Малеин Н. С. О справедливости, праве и ответственности // Теория права: новые идеи. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1992. Вып. 2. С. 78.

Сведения об авторе

Пермякова Кристина Алексеевна — студент 3-го курса института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

LAW AND JUSTICE

K. A. PERMYAKOVA
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. Modern Russian society is facing the important task of reforming the foundations of its citizens' lives. An effective solution to this task is impossible without a thorough analysis of law and justice, which is necessary to form a new understanding of what modern forms of social life should look like.

Keywords: *law, justice, legal dualism, legislation, income differentiation, justice system.*

Сравнительный анализ Конституции РФ 1993 года и Основного закона ФРГ 1949 года

А. Д. Пискунова[1]
Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу Конституции Российской Федерации 1993 г. и Основного закона Федеративной Республики Германия 1949 г. Выявляются общие черты и существенные различия данных нормативных правовых актов в части исторического контекста принятия, характеристик государства, структуры документа и правового статуса личности. Обосновывается вывод о том, что структура Конституции РФ отличается более логичной последовательностью изложения, а формулировка основных характеристик государства в отечественной Конституции является более удачной для восприятия. Результаты исследования могут быть использованы в государственном строительстве и государственном управлении России.

Ключевые слова: *Конституция РФ, Основной закон ФРГ, сравнительный анализ, конституционный строй, права и свободы личности, федеративное устройство.*

Конституция представляет собой основной закон государства, обладающий высшей юридической силой и «выражающий волю и интересы народа в целом либо отдельных социальных слоев (групп) общества и закрепляющий в их интересах важнейшие начала общественного строя и государственной организации соответствующей страны». Особенности главного политического документа, устанавливающего правовые основы функционирования общества и государства, определяются социально-экономическими, политическими, культурными, историческими и иными факторами, присущими конкретной стране. На сегодняшний день Российская Федерация (далее — РФ) и Федеративная Республика Германия (далее — ФРГ) являются активно развивающимися, прогрессивными государствами, при этом имеющими ряд схожих конституционных характеристик, к которым относятся, например, демократический характер государства, закрепление правового статуса личности, федеративное устройство и т. д. Сравнительный анализ Основного закона ФРГ и Конституции РФ позволит выявить как их общие черты, так и существенные различия этих нормативных правовых актов и сделать вывод о том, в чем заключаются достоинства и недостатки каждого из них, что особенно актуально в условиях перманентного конституционно-правового развития, поскольку может помочь использовать в государственном строительстве и государственном управлении России удачные модели конституционно-правового решения отдельных вопросов.

Материалами исследования выступили тексты нормативных правовых актов: Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., и Основной закон Фе-

[1] Научный руководитель — Суханова Александра Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин института права Челябинского государственного университета.

деративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. В качестве доктринальных источников привлечены труды отечественных и зарубежных ученых-конституционалистов: С. А. Авакьяна, Н. Г. Геймбуха, А. В. Нечкина, А. В. Поповой, А. Н. Шемберовой.

Методологическая основа исследования представлена комплексом общенаучных и специальных методов юридического познания. В работе использованы: диалектический метод, позволивший рассмотреть конституции в их развитии и исторической обусловленности; метод анализа и синтеза для изучения отдельных структурных элементов и формирования целостного представления о документах; сравнительно-правовой метод, являющийся ключевым для выявления сходств и различий между двумя конституциями; формально-юридический метод, примененный для толкования конкретных правовых норм и юридических конструкций.

Переходя к анализу Основного закона ФРГ 1949 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г., необходимо рассмотреть исторический и социально-политический аспект принятия данных нормативных правовых актов, а также присущие каждому из них специфические свойства.

Основной закон Федеративной Республики Германия был принят 23 мая 1949 г. Действующая Конституция (Основной закон) ФРГ 1949 г. является писаной и скорее консолидированной, нежели кодифицированной, потому как несколько статей Германской (Веймарской) Конституции 1919 г. признаются ее составными частями. Конституция 1949 г. относится к числу жестких, поскольку закон, вносящий в нее изменение, в отличие от обычного закона, требует одобрения большинством (2/3) голосов членов Бундестага (нижней палаты Парламента) и 2/3 голосов Бундесрата (верхней палаты Парламента)[1]. Как отмечает Н. Г. Геймбух, «понятие Основного закона было призвано обозначить не часть, а общее устройство государственной жизни; не постоянный и долговечный, а временный порядок в западной части Германии. Этот признак обусловливает одновременно и различия с понятием конституции»[2]. Авторы учебной литературы по конституционному праву зарубежных стран А. В. Попова, М. Г. Абрамова и Е. В. Болдырева замечают, что «40-летний опыт конституционного строительства доказал, что Основной закон был одним из самых удачных конституционных документов в истории Германии, поэтому после прошедшего в 1990 г. объединения ГДР и ФРГ не была принята новая Конституция»[3]. Положение о временном характере было удалено из преамбулы. Таким образом, Основной закон ФРГ имел изначально временный, а затем приобрел постоянный характер.

Конституция РФ была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Она является писаной и консолидированной, жесткой, поскольку может видоизменяться через особые механизмы «пересмотра» и «внесения поправок». Российская Конституция принималась в условиях политического и конституционного кризиса, вызванного противостоянием между высшими органами власти[4]. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на схожесть в некоторых аспектах, исторический контекст и политические условия, в которых были приняты эти документы, существенно отличаются.

Далее сравним, как Конституция РФ 1993 г. и Основной закон ФРГ 1949 г. характеризуют соответствующие государства. Согласно ст. 20 Основного закона ФРГ, Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Также ст. 28 Основного закона ФРГ закрепляет, что конституционный строй земель должен соответствовать основным принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе настоящего Основного закона[5]. Статья 1 Конституции РФ закрепляет, что «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Представляется, что отечественная Конституция более удачно формулирует основные характеристики государства, поскольку все они содержатся в одной статье и находятся в самом начале акта, что делает их более удобными для восприятия.

Также существенное значение имеет структура рассматриваемых документов. Основной закон ФРГ состоит из преамбулы и 14 разделов. Н. Г. Геймбух отмечает, что «в качестве главной цели Основного закона ФРГ преамбула указывает на необходимость охранять национальное и государственное единство немецкого народа»[6]. Примечательно, что раздел, посвященный правам человека, в структуре Основного закона является

[1] Нечкин А. В. Конституционное право зарубежных стран : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 178 с. (Высшее образование). // Образовательная платформа Юрайт. (дата обращения: 30.11.2024).

[2] Геймбух Н. Г. Конституционно-правовые дискуссии при принятии Основного закона ФРГ 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 30.

[3] Попова А. В., Абрамова М. Г., Болдырева Е. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 413 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа (дата обращения: 30.11.2024).

[4] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : Сашко, 2000. С. 25.

[5] Нечкин А. В. Указ. соч.

[6] Геймбух Н. Г. Указ. соч. С. 33.

первым среди всех разделов. Можно предположить, что таким образом акцентируется внимание на приоритетности прав личности. А. Н. Шемберова полагает, что «такое внимание правам и свободам было связано с тем, что Основной закон был составлен после периода господства в Германии национал-социализма и Второй мировой войны, приведших к массовому нарушению прав человека»[1]. Второй раздел Основного закона определяет взаимоотношения между Федерацией и землями, а также основы политического устройства страны. Остальные разделы подробно описывают правовой статус высших органов государственной власти, законодательную систему Федерации и исполнение федеральных законов, а также общие задачи Федерации и ее субъектов[2].

Конституция РФ состоит из преамбулы, двух разделов, 9 глав и 137 статей. Первый раздел состоит из 9 глав и включает 137 статей, которые устанавливают основы политической, общественной, правовой, экономической и социальной систем в Российской Федерации, а также основные права и свободы личности, федеративное устройство, статус органов публичной власти и порядок пересмотра Конституции с внесением поправок. Первая глава Конституции РФ посвящена основам конституционного строя. Второй раздел содержит заключительные и переходные положения, обеспечивая преемственность и стабильность конституционно-правового порядка. Говоря о преамбуле Конституции РФ, С. А. Авакьян подчеркивает, что в ней «последовательно отражена идея сохранения государственного единства России, возрождения ее суверенной государственности в сочетании с равноправием и самоопределением народов»[3].

Таким образом, можно выделить сходства и отличия в структуре сравниваемых нормативных правовых актов. Во-первых, преамбулы обоих документов лаконичны и содержательны, в них содержится идея сохранения государственного и национального единства. Во-вторых, прослеживаются различия в строении структурных элементов: в Основном законе ФРГ отсутствуют главы, но при этом количество разделов значительно больше, чем в Конституции РФ, которая содержит 9 глав, объединенные в два раздела. В-третьих, как в российской Конституции присутствуют главы, устанавливающие правовые основы функционирования органов государственной власти, так и в Основном законе ФРГ присутствуют аналогичные разделы. Можно сделать вывод, что структура Конституции РФ отличается более логичной и стройной последовательностью изложения, большей лаконичностью и в целом более понятной структурой.

В рамках формата научной статьи не представляется возможным провести полноценный, многоаспектный анализ Основного закона ФРГ и Конституции РФ 1993 г. Однако в рамках проведенного сравнительного анализа удалось выявить ключевые сходства и различия в вышеуказанных документах. Исторический контекст и политические условия принятия Конституции РФ и Основного закона ФРГ существенно отличаются, что повлияло на их содержание и структуру. Тем не менее оба документа содержат преамбулы с идеей сохранения государственного и национального единства, закрепляют демократический и федеративный характер государства, а также уделяют значительное внимание правам и свободам личности. Структура Конституции РФ отличается большей логичностью и лаконичностью, а формулировка основных характеристик государства в одной статье представляется более удачной. Полученные результаты могут быть учтены в дальнейшем конституционно-правовом развитии России.

Сведения об авторе

Пискунова Анастасия Дмитриевна — студент 2-го курса, Челябинский государственный университет, Челябинск.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 1993 AND THE BASIC LAW OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY OF 1949

A. D. PISKUNOVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the Constitution of the Russian Federation of 1993 and the Basic Law of the Federal Republic of Germany of 1949. Common features and significant differences between these normative legal acts are identified in terms of the historical context of their adoption, characteristics of the state, structure of the document, and the legal status of the individual. The conclusion is substantiated that the structure of the Constitution of the Russian Federation is distinguished by a more logical sequence of presentation, and the

[1] Шемберова А. Н. Структурно-содержательные особенности текстов конституций Германии (в диахронии) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 223.

[2] Нечкин А. В. Указ. соч.

[3] Авакьян С. А. Указ. соч. С. 28–30.

formulation of the main characteristics of the state in the domestic Constitution is more convenient for perception. The results of the study can be used in state-building and public administration in Russia.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, Basic Law of the FRG, comparative analysis, constitutional system, rights and freedoms of the individual, federal structure.*

Проблемы доказывания в экологических спорах: процессуальные вызовы административного судопроизводства

В. Э. Пичугина, А. Е. Савинкова[1]

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. Анализируются экологические споры в рамках административного судопроизводства. Раскрывается понятие административного экологического правонарушения, его отличия от общих административных правонарушений. Анализируется судебная практика Верховного Суда Российской Федерации. Подчеркивается необходимость установления не только факта нарушения, но и достаточности мер органа власти.

Ключевые слова: *административное экологическое правонарушение, экологические споры, административная ответственность, значительный ущерб, предмет доказывания.*

В современном мире, где антропогенная нагрузка на окружающую среду достигает критических значений, экологические споры приобретают особую актуальность как механизм правового регулирования отношений между хозяйствующими субъектами, государственными органами и обществом в целом. В Российской Федерации такие споры, возникающие в плоскости административного судопроизводства, отражают не только острые противоречия между экономическим развитием и сохранением природных ресурсов, но и эволюцию отечественного экологического права под влиянием международных стандартов.

В теории административно-деликтного права административное правонарушение определяется как противоправное и виновное действие либо бездействие физического или юридического лица, за совершение которого предусмотрена административная ответственность Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях[2] или законами субъектов Российской Федерации[3].

В свою очередь, административное экологическое правонарушение рассматривается как общественно вредное, противоправное и виновное действие или бездействие физического либо юридического лица, посягающее на общественные отношения в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Такое деяние причиняет экологический вред либо создает угрозу его причинения и влечет административную ответственность, установленную КоАП РФ или региональными законами[4].

Экологические споры в административном судопроизводстве представляют собой публично-правовые споры, связанные с оспариванием решений, действий или бездействия органов публичной власти в сфере охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности.

Правовую основу таких споров составляют глава 8 КоАП РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды»[5] и процессуальные кодексы

[1] Научный руководитель — Туманова Дарья Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии.

[2] Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодателства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2026. № 18. Ст. 2289.

[3] Сборник схем и таблиц по административному праву : учебное пособие / В. Н. Вересов и др. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. 100 с.

[4] Яковлева Е. А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Тюмень, 2010. 27 с

[5] Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2025. № 31. Ст. 4658.

(КАС РФ[1], ГПК РФ[2], АПК РФ[3]). Административная ответственность, как правило, наступает за загрязнение, истощение водных ресурсов, несоблюдение установленных законодательством специальных режимов. В экологическом законодательстве закреплен принцип полного возмещения вреда окружающей среде. Однако это не освобождает истца от необходимости доказать факт причинения вреда, его размер, причинно-следственную связь и лицо, ответственное за причинение вреда, если иное не следует из закона и судебной практики.

Основное разграничение юрисдикции экологических споров коренится в двойственной природе экологических правоотношений: публично-правовой (с участием государства как носителя властных полномочий) и частно-правовой (равноправные субъекты) характер правоотношений. В порядке КАС РФ рассматриваются публично-правовые споры, связанные, например, с оспариванием нормативных и ненормативных актов, решений, действий или бездействия органов публичной власти. Оспаривание постановлений по делам об административных правонарушениях осуществляется по правилам КоАП РФ. Так, согласно Обзору судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды от 24.06.2022 г.[4], существенная часть решений отменяется по причине процессуальных нарушений.

Сбор доказательств по делам об экологическом правонарушении сопряжен с рядом специфических сложностей, существенно затрудняющих установление обстоятельств дела и доказывание вины нарушителя. Прежде всего это связано с динамичностью и лабильностью объектов: следы загрязнения могут быстро рассеиваться или изменяться под воздействием окружающих факторов.

Доказывание в экологических спорах осложнено комплексным характером окружающей среды как объекта охраны: ущерб проявляется латентно, без четких временно-пространственных границ, затрагивая несколько компонентов одновременно. Общие правила распределения бремени доказывания, закрепленные в ст. 62 КАС РФ, не учитывают в полной мере специфику экологических споров, связанных с латентным вредом, множественностью источников загрязнения и сложностью установления причинной связи. По мнению Е. Г. Бондаренко, комплексный характер экологического ущерба приводит к фрагментации доказательной базы, где суды вынуждены полагаться на экспертные оценки, не всегда объективные из-за методологических пробелов[5].

Категория «значительный ущерб» является ключевым квалифицирующим признаком административных правонарушений, обозначающим границу между незначительными нарушениями и составами, влекущими повышенную ответственность. Однако четкое законодательное закрепление отсутствует: диспозиции используют оценочный характер без количественных порогов, отсылая к обстоятельствам дела. Это противоречит принципу правовой определенности и создает условия для субъективизма правоприменителя. В. Н. Захарова подчеркивает, что отсутствие критериев «значительного ущерба» в КоАП РФ порождает правовую неопределенность, делая доказывание вины зависимым от дискреционных оценок суда[6].

Особую сложность представляет доказывание причинно-следственной связи между действиями (бездействием) субъекта и причиненным ущербом. Это осложняется множественностью источников загрязнения: в промышленных регионах бывает крайне трудно установить конкретный источник негативного воздействия. Временные задержки между моментом возникновения правонарушения и моментом его обнаружения также негативно сказываются на сборе доказательств — за этот период различные факторы могут существенно повлиять на первоначальную картину. Особенно, когда речь идет о долгосрочном воздействии на экосистемы, существующие методики оценки ущерба не позволяют в полной мере оценить реальный масштаб вреда.

Так, прокурор обратился в суд с иском к региональному министерству природных ресурсов о признании незаконным бездействия, выразившегося в непринятии мер по организации ликвидации подпочвенного скопления нефтепродуктов, которые могли попасть в реку Селенгу — приток озера Байкал. Прокурор требовал обязать министерство организовать соответствующие мероприятия. Суд первой инстанции и апелляционный суд

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2026. № 15. Ст. 1846.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2026. № 15. Ст. 1846.

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2025. № 51. Ст. 8004.

[4] Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/31275/?ysclid=mp4h4ol2fd920088430 (дата обращения: 03.05.2026).

[5] Бондаренко Е. Г. Доказывание в экологических спорах: процессуальные аспекты // Экологическое право. 2021. № 3. С. 22–28.

[6] Захарова В. Н. Административная ответственность за экологические правонарушения : монография. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2019. С. 134.

удовлетворили требования прокурора. Однако суд кассационной инстанции отменил эти решения, указав, что министерство заключило государственные контракты на выполнение мероприятий по ликвидации скопления нефтепродуктов, что, по его мнению, исключало бездействие. Верховный Суд РФ не согласился с выводом кассационного суда. Он указал, что заключение государственных контрактов само по себе не освобождает уполномоченный орган от принятия всех необходимых и исчерпывающих мер для достижения ожидаемого результата. Суд установил, что министерство ненадлежащим образом разработало задание при размещении заказа: исследования, направленные на установление объема скопления нефтепродуктов, общей площади и иных параметров, были проведены не в полном объеме. Таким образом, министерство не приняло достаточных мер по организации ликвидации подпочвенного скопления нефтепродуктов, что являлось бездействием. Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение[1].

Таким образом, данный пример иллюстрирует, как в административном судопроизводстве суды оценивают действия (бездействие) органов власти с точки зрения их достаточности для предотвращения экологического ущерба, учитывая сложности доказывания в условиях множественности факторов и временных задержек.

Экологические публично-правовые споры в административном судопроизводстве характеризуются сложным предметом доказывания. В таких делах суду необходимо установить не только факт нарушения экологического законодательства, но и наличие публичной обязанности органа власти, характер его действий или бездействия, достаточность принятых мер, реальность угрозы причинения вреда окружающей среде, а также связь между бездействием публичного субъекта и возможными неблагоприятными последствиями.

Сведения об авторах

Пичугина Валерия Эдуардовна — студентка 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

Савинкова Анастасия Евгеньевна — студентка 4-го курса института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов.

PROBLEMS OF EVIDENCE IN ENVIRONMENTAL DISPUTES: PROCEDURAL CHALLENGES OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

V. E. PICHUGINA, A.E. SAVINKOVA

Saratov State Law Academy, Saratov

Abstract. The article analyzes environmental disputes within the framework of administrative proceedings. The concept of an administrative environmental offense is revealed, and its differences from general administrative offenses are analyzed. The judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation is analyzed. The article emphasizes the need to establish not only the fact of the violation, but also the sufficiency of the measures taken by the authority.

Keywords: *administrative environmental offense, environmental disputes, administrative liability, significant damage, subject of proof.*

[1] Кассационное определение ВС РФ от 25.12.2020 № 73-КАДПР20–2-К8// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=652803#gM2BXJVo6NuRq3cD1 (дата обращения: 07.05.2026).

Информационное пространство и его значение в условиях геополитической борьбы

Я. П. Черных, О. В. Попова[1]
Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва

Аннотация. Рассматривается значение информационного пространства как ключевого фактора современной геополитической борьбы. Анализируются механизмы западной и украинской информационно-пропагандистской деятельности, в том числе стратегические информационные операции и распространение фейков. Особое внимание уделяется приемам формирования русофобского общественного мнения и демонизации противника. Авторы приводят примеры противодействия информационным угрозам в Российской Федерации.

Ключевые слова: *информационное пространство, геополитическая борьба, информационная война, пропаганда, фейковые новости.*

В контексте стремительно изменяющегося современного мира информационное пространство, обусловленное динамичным развитием технических средств связи, принимает практически безграничные масштабы. Обмен информацией является основополагающим элементом инфосферы, представляющей собой динамичную среду конкурентной борьбы за стратегические информационные ресурсы.

Нельзя не отметить, что современная международная обстановка характеризуется нарастающей турбулентностью и хаотизацией системы международных отношений, являясь определяющей особенностью текущей эволюции геополитической реальности. С момента начала специальной военной операции украинская сторона, при участии американских экспертов, развернула подготовленную информационно-пропагандистскую кампанию через центры ИПсО, управляемые спецслужбами США (ЦРУ, РУМО) и Великобритании (МИ-6), кадровый состав которых прошел соответствующее обучение[2]. Вышеназванные центры, входящие в разведывательную структуру США и существующие в статусе региональных командований, выполняют установки американских разведывательных структур и имеют хотя и ограниченный, но прямой доступ к данным, полученным АНБ, ЦРУ, РУМО, а также к другими специализированными ведомствами США[3].

Информационное воздействие, в форме агитации и пропаганды, является основным инструментом информационной войны. В качестве примера достаточно привести активную блокировку российских СМИ в европейских странах, среди которых оказались канал RT и медиагруппа «Россия сегодня». Целью представляется активное ограничение доступа к альтернативным источникам.

Враждебность западной пропагандистской политики направлена на формирование русофобского общественного мнения, создание нестабильной атмосферы, в том числе и преподношение руководства инакомыслящих стран в невыгодном для себя, дискредитирующем виде. Отсюда можно сделать вывод, что такую специализированную пропаганду вполне логично подразделить на два вида, а именно внешнюю и внутреннюю. Это позволит определить направления информационного воздействия, а также даст возможность установить цели пропаганды[4].

Говоря о внешней украинской пропаганде, необходимо уточнить, что она направлена на европейскую и российскую аудиторию. Своей целью она преследует разжигание международной ненависти к России, к русской культуре, вызывая и распаляя протестные настроения, подрывая доверие населения к государственным органам, сталкивая граждан внутри страны. Кроме того, она ориентирована на формирование у населения ощущения безнадежности и отчаяния, что, в свою очередь, приводит к противозаконным действиям,

[1] Научный руководитель — Иванченко Светлана Валерьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.

[2] Манойло А. В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине // Международная жизнь. 2022. № 12.

[3] Атаманенко И. Разведкоролевство Соединенных Штатов Америки // Звезда. URL: https://zvezdaweekly.ru/news/20221191553-b6xi1.html.

[4] Егорченков Д. А. Какие инструменты использует украинская пропаганда и почему они эффективны? // Обзор НЦПТИ. 2023. № 1 (32).

деструктивным поступкам, в том числе связанным с организацией протестов и эмиграцией[1]. Несмотря на то, что подобные действия зачастую вызывают определенное беспокойство среди российского общества, они быстро подвергаются опровержению компетентными органами и официальными источниками.

Внутренняя спецпропаганда направлена на формирование и поддержание национального мифа, основанного на русофобии, с целью демонизации противника, провоцирования социальной ненависти, обострения межгрупповых противоречий и стимуляции политической активности граждан. Эти действия призваны манипулировать общественным мнением и формировать устойчивые предрассудки для легитимации агрессивных актов на международной арене. Украинские СМИ систематически используют уничижительные наименования для обозначения россиян («орки», «русня», «москали», «стадо») и пренебрежительно пишут «россия» с маленькой буквы. Отрицательное восприятие, основанное на дезинформации и стереотипах, подкрепляется преувеличенными нарративами о предполагаемых «зверствах», формируя у украинцев предвзятое и враждебное отношение к России, представляемой как нецивилизованное государство.

Помимо этого, внутренняя пропаганда использует «мифические истории» для формирования политических и общественных взглядов, примером чего служит нарратив о «Призраке Киева». Данный образ, несмотря на несоответствие реальному применению ВС РФ типов самолетов, активно героизировался через комиксы и статьи в соцсетях, создавая мифологизированные нарративы для манипуляции общественным мнением, популяризации национальных идеалов и мобилизации на борьбу с ВС РФ[2].

Конечно, нельзя не заметить, что украинская пропаганда происходит посредством распространения фейковых новостей о различных событиях. И. Мудрая приводит следующую дефиницию: «фейк — это специально созданная новость, событие или журналистский материал, содержащий ложную или искаженную информацию, которая дискриминирует определенного человека или группу лиц в глазах аудитории»[3].

С начала специальной военной операции украинская сторона, под кураторством Запада, активно использует фейки, основанные на фальсифицированных и искаженных данных, а также методы «переписывания истории». Архивные материалы (например, пожар в Бакалее 2017 г., разрушение техники в Донбассе 2014 г. с добавлением символа «Z») представляются как актуальные события, формируя негативный образ российской армии и демотивируя противника. Кроме того, для иллюстрации успехов ВСУ используются материалы из компьютерных игр (например, «ARMA 3» и кадры с устаревшей техникой), что свидетельствует о целенаправленной дезинформации с целью манипуляции общественным мнением и поддержания морального духа[4]. Несмотря на очевидную неправдоподобность представленной информации, данные действия оказали определенное влияние на формирование общественного мнения как в самой Украине, так и в западных странах.

Наибольшее влияние на общественность производят так называемые стратегические информационные операции, которые направлены не только на дискредитацию действий российской армии, но и на глобальное осуждение со стороны других стран. Цель подобных операций — обвинение руководства в военных преступлениях, включая терроризм, геноцид и применение оружия массового поражения, для создания правовой основы привлечения к международной уголовной ответственности.

В ходе данной информационной войны украинская сторона предприняла стратегическую информационную операцию — в частности, распространив утверждение о «российском ударе» по родильному дому в Мариуполе. Несмотря на то, что Украина и ООН совместно выдвинули обвинения в адрес России, Следственный комитет РФ установил иное: здание действительно функционировало как роддом, однако оно было захвачено боевиками подразделения «Азов» и использовано ими в качестве живого щита. В связи с этим было возбуждено уголовное дело по п. «а», «в», «г», «д», «е», «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ (захват двух или более заложников, совершенный группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, опасного для жизни или здоровья)[5], что, безусловно, не только ставит под сомнение первоначальные обвинения в адрес России, но и свидетельствует о военных преступлениях со стороны Украины.

Еще одним подобным примером является стратегическая информационная операция в г. Буче, которая превратилась в откровенную провокационную пропагандистскую кампанию против ВС РФ. Ее целью было продвижение нарратива

[1] Рустамов Р. Р., Тураева С. Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Вестник науки. 2020. № 11. С. 58–62.

[2] Шторм А. Призрак Киев: раскрыта история мифа и гибели лётчика // Pravda.ru. 03.03.2022. URL: https://military.pravda.ru/1687458-kievghost/

[3] Дорофеева В. В. Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 774–786.

[4] Победители из интернета // Вести.RU. URL: https://www.vesti.ru/article/2698967.

[5] Фейк о бомбежке роддома в Мариуполе разоблачила сама «героиня» съемки // Комсомольская правда. URL: https://kp-ru.turbopages.org/kp.ru/s/daily/27374.5/4567215/

о «массовых убийствах мирных граждан». Как заявил руководитель департамента информации и массовых коммуникаций МО РФ И. Е. Конашенков, все обвинения строились исключительно на одном видеоролике, опубликованном украинской стороной конфликта. При распространении этого сюжета игнорировались многочисленные аномалии (отсутствие на телах трупного окоченения и трупных пятен, несвернувшаяся кровь), а также, по сути, полное отсутствие какой-либо доказательственной базы[1]. Кроме того, глава МИД РФ С. В. Лавров подчеркнул, что подобные провокационные действия представляют собой «прямую угрозу международному миру и безопасности». В связи с этим заявлением Россия инициировала запрос на экстренный созыв заседания Совета Безопасности ООН. Однако реакция многих членов Совета оказалась неоднозначной: она варьировалась от осуждения действий России до занятия нейтральной позиции[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что реакция западных государств в ходе данного конфликта проявляется в занятии проукраинской позиции вместо того, чтобы инициировать объективное, всестороннее и полное расследование событий. Подобный односторонний подход, на наш взгляд, способствует распространению неполной информации, ослабляет международное право в части обязанностей по обеспечению справедливости и создает почву для легитимизации неправомерных действий сторон конфликта.

Отсюда следует необходимость детального изучения общей стратегии информационной войны, а также конкретных методов и тактик ее ведения. Такое исследование позволит выработать систему активного противодействия и предотвращения подобных явлений.

Так, некоторые меры противодействия уже активно применяются и в Российской Федерации. В качестве первой меры следует назвать официальные выступления президента РФ В. В. Путина, которые опровергают выдвинутые в адрес действий армии России обвинения, а также донесение до населения официальной позиции государства. Сюда же можно добавить и своевременно принятые законодательные меры, которые установили уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации, а также дискредитацию армии России и призывы к антироссийским действиям. В рамках этих мер Следственный комитет Российской Федерации возбуждает уголовные дела по ст. 207.3 УК РФ за публичное распространение ложной информации о деятельности ВС РФ. По данным судебной статистики за 2024 г. по ч. 1 ст. 207.3 осуждены 15 человек, а по ч. 2 ст. 207.3 осуждены 67 лиц, 62 из которых были приговорены к лишению свободы[3].

Следующей мерой противодействия можно назвать проведение активной пропаганды. С помощью нее формируется положительное общественное мнение, повышаются чувства патриотизма и гордости за свою страну. Данная мера, естественно, в большей степени направлена на молодежь, т. к. именно они чаще всего в группе риска подвергающихся деструктивному воздействию извне. В качестве примера можно назвать проводимые в образовательных учреждениях уроки мужества, «Разговоры о важном» и др. Такие мероприятия не только развивают патриотические убеждения юной части населения, формируют благоприятный образ государства и положительный имидж страны, но и являются профилактическими мерами экстремизма.

В современном мире роль информационного пространства сложно переоценить. Вышеуказанные примеры отчетливо демонстрируют значимость информации в противоборстве государств.

Столкновение геополитических интересов и даже гибридные войны становятся частью современной международной политики. Это явление не новое, но именно сейчас оно достигло колоссальных масштабов. На фоне огромного, постоянно меняющегося потока информации обществу гораздо сложнее ее фильтровать. В этом ключе геополитическая борьба будет и дальше динамично использовать цифровое пространство в качестве средства влияния на общественное мнение и социальные процессы. Охват информационного поля и распространение через него своего влияния представляет собой инструмент для достижения международного влияния на современной политической арене.

Сведения об авторах

Черных Ярослава Павловна — курсант 4-го курса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва.

Попова Оксана Васильевна — курсант 4-го курса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва.

[1] Провокация в Буче: какие несостыковки обнаружили в версии Украины // Рен.тв. 04 апреля 2022. URL: https://ren.tv/news/v-mire/959332-provokazia-v-buche?ysclid.

[2] Заседание без суда // Известия. URL: https://iz.ru/1316093/ekaterina-postnikova/

[3] Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17

INFORMATION SPACE AND ITS MEANING IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL STRUGGLE

Y. P. CHERNYKH, O. V. POPOVA

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee

Abstract. The article examines the importance of the information space as a key factor in the modern geopolitical struggle. The mechanisms of Western and Ukrainian information and propaganda activities, including strategic information operations and the spread of fakes, are analyzed. Special attention is paid to the methods of forming Russophobic public opinion and demonizing the enemy. The authors give examples of countering information threats in the Russian Federation.

Keywords: *information space, geopolitical struggle, information war, propaganda, fake news.*

Научное издание

ПРАВО В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Сборник научных статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 35-летию института права
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

18–22 мая 2026 года
Челябинск

В двух частях
Часть 1

Корректура и верстка *М. В. Трифоновой*
Дизайн обложки *Е. М. Пушкарского*

Подписано в печать 16.11.26. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 27,0.
Тираж 200 экз. Заказ 577

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

Наш сайт - заходите и оставайтесь

Остаёмся на связи остаёмся ВКонтакте!

Для тех, кто хочет войти в наше сообщество: выбираем профессию по душе - поступаем без стресса

Увидеть больше, почувствовать атмосферу нашего института и стать студентом на одну минутку!

Вдохновляйтесь эмоциями наших выпускников

ISBN 978-5-7271-2164-1
9 785727 121641

ISBN 978-5-7271-2165-8
9 785727 121658